ЛИЗА
БЕЛОУСОВА
Лисы и Волки
У богов свои игры
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Лисы и Волки» — мощное городское фэнтези в мрачных декорациях провинциального российского городка.

Притягательная, мистическая атмосфера, необычная школа, яркие архетипичные герои, каждому из которых придется сделать нелегкий выбор и сражаться насмерть за своего бога.

Секрет могущества богов заключается в их последователях: чем больше людей верит — тем они сильнее. Так они умирают, рождаются и сменяют друг друга.

Однако есть другие боги, на которых эти законы не распространяются. И лучше не лезть в их игры, даже если исполняешь роль судьи — над неуправляемыми стихиями суд не имеет власти.

Лиза Белоусова — начинающий перспективный автор, культуролог, в творчестве Лизы можно встретить огромное количество отсылок к мифологиям разных народов.

ВНИМАНИЕ: издательство определило возрастное ограничение, так, что просьба воздержаться от прочтения книги, пока вам не исполнится **18+**

Обложку на этот раз делал не я. Она принадлежит издательству.

- Лиза Белоусова
  - Хель-I
  - Арлекин-I
  - Хель-II
  - Арлекин-II
  - Хель-III
  - Арлекин-III
  - Солейль-I
  - Хель-IV
  - Арлекин-IV
  - Хель-V

- ○ Солейль-II
- ○ Хель-VI
- ○ Финал

Лиза Белоусова
Лисы и Волки

Эта история была создана очень давно. С тех пор многое изменилось, но она по-прежнему посвящена Севе — за ее доброту, терпение и школьные годы, пройденные вместе.

Особая благодарность моим родителям, желающим видеть эту книгу опубликованной. И Даше — за веру даже в самые ранние и неловкие мои тексты.

Эта история написана подростком для подростков. Мне уже давно не пятнадцать, как когда я работала над ней, и потому она — драгоценное воспоминание. Это не работа мастера, но она искренна. И, надеюсь, ностальгична, ведь обращается ко времени, когда не все еще пользовались онлайн-картами.

Хель-I

Новость о переезде не стала для меня неожиданностью — я подозревала, что именно так все и обернется, с того момента, как брат матери переступил порог нашей квартиры и потоптался на измятом коврике, тщательно вытирая подошвы лакированных туфель. Он произвел на родителей положительное впечатление — мама, не общавшаяся с ним лет пятнадцать, если не дольше, простила ему старые обиды и крепко обняла, а *отец* отказался от предубеждения, что родственникам жены доверять нельзя, и они пожали друг другу руки. На представительный вид дядюшки я не купилась. Серый костюм, галстук, запонки, прилизанные волосы и широкая обаятельная улыбка никак не доказывают, что человек имеет благие намерения. Скорее, наоборот. В его крысиной сущности сомнений не возникало, хотя маску он носил умело — дело опыта, а может, и врожденный талант.

Из багажа он располагал одним маленьким сереньким чемоданчиком под цвет костюма. Судя по всему, он был призван вызывать жалость — человек-то, видите ли, обездоленный, без имущества.

Как только мама вышла в коридор, он упал перед ней на колени, обвил ее ноги руками, напоминающими осьминожьи щупальца, и принялся молить о прощении. Сцена для театра, не для жизни, и сначала меня разобрал смех — неужели в такое можно поверить? Что после долгих лет холодной войны он искренне раскаялся? Может, даже мучился все это время, и в конце концов не выдержал и пришел сюда? Глупость. Но он все-таки смог меня удивить. Поразил своим красноречием. Поставил слова так, что театральность исчезла.

Маски бывают разные. Как бы то ни было, сквозь них всегда проглядывает истинный лик владельца, ведь не существует масок, способных скрыть все. Дядюшка был превосходным лжецом, и единственной лазейкой для меня стали его глаза.

Хватило одного взгляда, чтобы понять, какая тварь скрывается за созданной им иллюзией. Его глаза были мертвыми — холодными, равнодушными, жесткими, с изредка проскальзывающей злостью или раздражением. Посмотри родители в них хоть раз, они тут же обо всем догадались бы.

Дядюшка притворялся с чувством, получая удовольствие от происходящего — играл роль идеального постояльца, помогал матери по хозяйству, вел светские беседы с отцом, гонял машинки с моим младшим братом, так что вскоре родители начали ставить его мне в пример. Я усмехалась и удалялась в

комнату, игнорируя несущиеся в спину претензии, суть которых отражало одно слово — «неблагодарная».

Незваный гость, а точнее, новый жилец, не поладил только со мной. До него быстро дошло, что я вижу его насквозь. Как-то раз, когда я хотела высказать родителям все, что думаю, и убедить их выгнать его взашей, он приложил палец к губам, покачав головой. И я промолчала.

Спустя два месяца после его приезда скончался дедушка, их с матерью отец. Согласно завещанию, квартира, где мы жили с самого моего рождения, полностью отходила его сыну, то есть дядюшке. Счастью того не было предела, и тут-то он и продемонстрировал свою истинную суть: на следующий же день приказал нашей семье выметаться из *его* квартиры, указав пальцем на дверь. Отец был в шоке, мама в ужасе, младший брат ничего толком не понимал.

Разумеется, родители боролись, говорили, что он поступает не по совести, но для него это не имело значения. История закончилась тем, что в один прекрасный день мы обнаружили свои вещи на площадке возле лифтов. К счастью, мы смогли найти пристанище, где провели еще около месяца, прежде чем отец купил новые апартаменты в маленьком городке.

Особой радости от переезда я не испытывала — не хотела покидать столицу. В ней невозможно почувствовать себя одиноким, даже сидя в четырех стенах. Где бы ты ни находился, ты — часть системы, гигантского муравейника. Ты — одна из игл на спине ежа, один из палых листьев на земле поздней осенью. Чувствуешь, что рядом с тобой никого нет? Просто открой окна, и множество голосов докажет обратное. Столица кипит, ее жизнь непрерывна, она бессмертна, как птица феникс — порой сгорает, но снова восстает. Есть период упадка, период подъема, но, что бы ни происходило, она всегда раскинет над тобой крылья.

Однако родители и братец были рады. Мама постоянно твердила что-то про отдых от шума и чистый воздух, отец молча кивал и бурчал про долгожданный шанс отделаться от придирчивого начальства, а брат вслух мечтал о том, как будет прыгать в озеро, цепляясь за привязанную к дереву веревку.

Переезд показался дорогой, сотканной из лунного света, прокладывающей путь из одной Вселенной в другую. Вспомнились чертежи с доски на уроке физики — твердая поверхность и расположенные на ней два физических тела, шарик размером с кулак и другой, побольше, где-то с три человеческие головы. Мы ехали шесть часов, и все это время я в деталях представляла, как большой шар выплевывает нас, а маленький открывает пасть и дрожит в предвкушении, когда же нас можно

будет поглотить и присвоить себе.

С одной стороны, я давно хотела изменить что-то в своей жизни, с другой — мне было боязно расставаться со всем привычным — гулом исполинского города, родной комнатой с обклеенными рисунками стенами и ящиками, которые были забиты исписанными черной гелевой ручкой листами. Не хотелось расставаться даже с подначками одноклассников, ведь всегда знаешь, чего от них можно ожидать, а тут впереди лишь неизвестность, которая может оказаться еще более мерзкой, чем то, что осталось позади.

Новая квартира уступала старой по всем параметрам — была раза в два меньше, дизайн поднимал к горлу горьковатую волну отвращения, а неприлично тонкие стены пропускали каждый звук, так что уединиться без наушников не представлялось возможным. Моя комната разнилась со старой довольно ощутимо, но я бы соврала, заявив, что это плохо. В той спальне маленькое окно напоминало дыру в средневековой тюрьме. Эта, хоть и проигрывала по размерам, окна имела огромные и находилась с темной стороны здания, так что солнце не беспокоило ни утром, ни днем, ни вечером. Также имелся шкаф во всю стену — с зеркальными дверьми, так что собственное отражение можно увидеть отовсюду. Жутковато для того, кто боится монстров из Зазеркалья, но я подобным недугом никогда не страдала, даже в самом раннем детстве — как говорится, я повелитель своих монстров, и они меня стерегут.

В первую ночь мне никак не удавалось заснуть: мешала тишина за окном и роящиеся мысли о том, какой будет новая жизнь. То, что она будет другой, было ясно и так — больше нет столицы, есть только маленький городишко с населением тридцать тысяч человек. Но какой именно будет новая жизнь? Приятнее прежней или тяжелее, такой, что взвоешь?

Нет, я не трусила. Беспокоилась, строила версии и предположения — это да. В основном насчет школы — с прошлой у меня не сложилось, с первого класса меня записали в изгои, и с каждым годом колкости становились все более изощренными. Из-за этого я ее и недолюбливала, хотя от учебы получала удовольствие. Оставалось надеяться, что здесь удастся держаться особняком, и меня никто не станет трогать.

Сообщили, что приходить мне следует после новогодних каникул, а не через два дня, как планировалось изначально, в самый последний момент, и отец долго ворчал по этому поводу — до переезда он занимал весомую должность в компании и привык ко вниманию, восхищению, уважению, а здесь его никто не знал. Отца приняли на руководящую позицию в местной сети

супермаркетов, однако это и рядом не стояло с его прежним занятием.

Несмотря на неожиданность, весть о переносе первого учебного дня не могла не радовать — шутка ли, час мучений откладывается чуть ли не на две недели! Видимо, кто-то свыше сжалился. Однако момент истины надолго не оттянешь. Зимние каникулы пролетели быстро и бессмысленно.

С утра в понедельник я не чувствовала ничего, кроме легкой досады. В воображении возникали картины того, что меня ждет — представление одноклассникам, когда на тебя смотрят тридцать пар глаз, сначала с любопытством, а затем и с насмешливым презрением, поддеванием и оскорблением, в первую пору не такими уж обидными, но постепенно набирающими обороты. От мысли, что мне снова придется сидеть в душном классе с людьми, вызывающими отвращение, и слушать гул их голосов, начинало подташнивать.

Радости оттого, что через двадцать минут нужно выходить, не прибавляло также то, что форма в новой школе обязательна — как-никак, гимназия, куда отец пристроил меня связями и кошельком, и за что, разумеется, я должна была биться челом в благодарности. Ходить я привыкла в черной одежде; футболки, джинсы, блузки, кофты — все одного цвета. Здесь же родители выдали комплект, удовлетворяющий всем требованиям учебного заведения, куда входила повседневная темно-синяя форма, «выходная» для мероприятий и спортивная. Протесты на корню пресекла мама: «Если бы не папа, прожигала бы ты свои таланты в среднеобразовательной шараге, а тут — частная гимназия! Учись».

Блузка, застегнутая на все пуговицы, давила на горло, ткань приходилось оттягивать пальцем, чтобы глотнуть воздуха; брюки оказались длиннее, чем требовалось, пиджак — широковат в плечах.

— Ия, ты готова? — окликнула мать, и я, окончательно решив, что в пятницу отдам вещи в ателье, вышла из комнаты, прихватив портфель. Да уж, радушное приветствие точно окажут… хорошо, если тухлыми яйцами не закидают.

На кухне братец-монстр, наполовину одетый, орал что-то, размахивая испачканной в каше ложкой. Мама, как всегда с самого утра облаченная в строгое платье, старое и потертое, а потому использовавшееся только в качестве домашней одежды, с уложенными золотыми локонами и красной помадой на губах, кричала что-то ему в ответ. Отец молчал, величественно восседая на стуле со спинкой, как всегда погруженный в газету.

— Доброе утро, — буркнула я.

Мама кивнула, папа не отреагировал, брат замолчал, гордо вздернув веснушчатый нос и отвернувшись к тарелке. Я залила хлопья молоком — завтракали мы молча.

— Кто нас отвезет? — уточнила я.

— Ты поедешь с папой, — ответила мама.

— В таком случае, следует поторопиться, если не хотим опоздать.

* * *

Как и ожидалось, мы едва поспели — отцу приспичило взять плеер, которым он не пользовался больше двух месяцев. Тот, поцарапанный и разряженный, обнаружился в коробке со старыми проводами. К счастью, имелась возможность зарядить его в машине. В противном случае отец отправил бы меня идти пешком, а сам караулил, когда же в верхнем правом углу гаджета появятся «100 %».

Он притормозил у самых ворот:

— Выбирайся скорее, а то за нами десяток машин. Не трать чужое время.

— Сама любовь и забота, — прошипела я, вываливаясь из салона.

Машина резко стартанула, и меня окатило грязью из-под колес. Дыхание перехватило от неожиданности — брюки прилипли к ногам, от холода по спине пробежал табун мурашек. От возмущения я едва не задохнулась и еле отошла на тротуар.

Превосходное начало, не так ли? Теперь издевок или, по меньшей мере, косых взглядов и усмешек в кулак не избежать.

Ну да не привыкать. До выпуска два года осталось, не так уж много.

Я деловито оглядела испачканные брюки. Оттирать бесполезно, спасет только стирка. Но где найдешь стиральную машинку в школе? Придется делать вид, что все в порядке, это задумка дизайнера, и надеяться, что ткань высохнет в ближайшее время — отвратительно скукожившись, зато не клейко приставая к коже.

Голубая табличка, прикрепленная к высоким воротам с железными прутьями, гласила, что открываются они в половину восьмого утра по будням и в восемь по выходным. Сама гимназия выглядела обычно: белое трехэтажное здание, по периметру кусты со снежными шапками, скрывающими сухие ветви. Все до боли напоминало прежнюю школу, и надежды на перемены растворились в воздухе, как сигаретный дым. Раз внешнее

сходство такое очевидное, значит, и с психологическим будет так же.

Первый этаж пришелся по душе — стены приятного светло-зеленого цвета, белый пол, огромная гардеробная напротив входа, возле которой столпились ученики, справа — доска с объявлениями, слева — пустующий пост охранника. Свет казался абсурдно-устрашающим, как в низкобюджетном фильме ужасов — должно быть, из-за кромешной тьмы за окном, делающей его жестким и искусственным.

Нужно было зайти к секретарю — я понятия не имела даже, в какой класс зачислена, не говоря о расписании. Где находится нужный кабинет, я тоже не подозревала, и решила сначала сдать тяжелую верхнюю одежду, а потом спросить у какого-нибудь учителя, наверняка дежурившего по этажу.

Я практически дошла до гардероба, прежде чем поняла, что меня окружает гробовая тишина. А ведь буквально двадцать секунд назад в воздухе гудели десятки, если не сотни, тембров. Меня передернуло — слишком много народу. Тридцать пар глаз нового класса ничто по сравнению с этим. Чувство, что стоишь на сцене в концертном зале в свете софитов. Я не любила находиться в центре внимания, и меня едва не стошнило на месте — склизкие взгляды оценивали, любопытные.

Я уже начала думать, что хуже быть не может, но ошиблась — ситуация усугубилась, когда какая-то девушка прощебетала:

— Это ты та самая новенькая в десятый?

Еще ни разу в жизни я не попадала в подобную ситуацию, а адаптироваться и импровизировать не умела, поэтому растерялась. В голову ничего не шло; чтобы не стоять, как рыба, выброшенная на берег, выпалила:

— Да, именно.

Какой-то парень закинул руку мне на плечо:

— Наконец-то, мы уж заждались! Хоть какое-то разнообразие! Я думал, до самого конца буду в одном классе с одними и теми же придурками. Ты же к нам, верно?

— Эм… я еще точно не…

Рядом возникла невысокая девушка с копной рыжих волос в конском хвосте и беспардонно схватила меня за запястье, просверлив парня злым взглядом:

— Заткнись, Гери! Она будет с лисами!

— С чего бы, Арлекин? — оскалился парень. — Эй, новенькая, ты же не думаешь пойти к хитромордым?

Я вообще не понимала, о чем толкуют эти странные люди, и чувствовала себя неуютно: во-первых, стоило мне зайти в школу, все повели себя так, будто восьмое чудо света узрели. Во-вторых,

почему эти двое говорят так, будто я должна сама выбрать, с кем учиться, при чем тут лисы и почему у них такие странные имена?

— Иди к волкам! — посоветовал кто-то. Я вопросительно вздернула бровь — куда?

— К лисам! — воспротивились с другой стороны коридора.

— К волкам!

— Лисы!

— Волки!

— Лисы!

— Волки!

Толпа словно разбилась на части: все кричали невпопад. Порыв самой гаркнуть так, чтобы все вокруг замолкли, нарастал. К счастью, кто-то сделал это за меня:

— Хватит надрываться, чайки недобитые!

Удивительно, но школьники тут же захлопнули рты. Я даже подумала, что сюда направляется учитель, но ошиблась — сквозь толпу пробивался парень в ученической форме.

— Она же не в курсе!

Народ стушевался, и парень вывалился на свободный участок пространства, тяжело дыша. Лицо его походило на лисью мордочку — черты такие же заостренные, но мягкие, а глаза миндалевидные, с хитрым блеском.

— Нарываешься, — прорычал Гери.

— Я? — театрально изумился парень. — Как ты вообще мог так подумать. За кого ты меня принимаешь?

Гери заскрипел зубами — будто дикий зверь готов в любую секунду рвануть вперед и перегрызть глотку.

— Раз ты такой тихий, дуй в туман.

Незнакомец усмехнулся:

— Сперва отпусти девушку. Запугал бедняжку до смерти.

Мы с Гери случайно переглянулись.

— Ты так в этом уверен? — вскинул бровь он. — Я вот что-то не замечаю.

— Я вижу то, что вижу, а значит, оно действительно есть. Эй, девонька, этот серый тебя напугал?

Гери развернувшееся действо окончательно доконало:

— Прикуси язык, лис, и, возможно, я не сломаю тебе челюсть.

«Лис» сделал несколько шагов вперед, улыбнувшись немного напряженно:

— На меня не действуют настоящие угрозы. А твои и вовсе пустые, — и скинул чужую руку с моего плеча.

Я кожей почувствовала вспыхнувшую ярость Гери и отошла в сторону, встав рядом с рыжей девушкой. Как оказалось, не зря.

Лицо Гери налилось краской, кулаки опасно сжались, он

шагнул в сторону парня с фенечками и замахнулся. Тот сразу же отшатнулся:

— Воу-воу-воу, мрачный волк, полегче, давай без рукоприкладства! Не думаю, что твоя кровь на полу и стенах так эстетична, что…

Школьники застыли в ожидании драки. Они практически не дышали, подавшись вперед. Жаждой зрелищ они напоминали римлян в Колизее. Казалось, вот-вот растянут губы в животных оскалах, обнажат клыки и призывно взвоют, требуя схватки.

Кулак Гери полетел вперед. Школьники возбужденно охнули, в воздухе зависло ликование. Однако его противник ловко уклонился и грациозно отскочил — оттанцевал — прочь. И хлопнул в ладоши:

— Промазал!

Атмосфера раскалилась до предела. Общий мандраж захватил и меня — стало интересно, чем же все закончится.

Гери высокий и очень сильный. Рядом с ним парень с фенечками кажется щуплым слабым воробьем подле сокола. А Гери распалился не на шутку — он двинулся на соперника. Тот хитро прищурился и принял неустойчивую позу, чтобы быстро метнуться в сторону в подходящий момент.

Совесть умоляла встать между ними и остановить беспредел. Однако драке свершиться было не суждено и без моего участия — рыжая девушка молнией юркнула на «поле боя»:

— А ну-ка хватит, мы не на ринге! Если так хочется набить друг другу физиономии, сделаете это после занятий где-нибудь подальше отсюда!

Школьники выдохнули, на сей раз разочарованно. Огненный дух жажды крови испарился, словно его не существовало. Истинные звериные сущности вновь скрылись за человеческими ипостасями, приличными, выражающими полную готовность прийти на помощь. Парень с фенечками, похоже, ничуть не жалел о повороте событий в мирное русло. Он даже не шевельнулся, так и стоял с легкой улыбкой, будто ничего не произошло, а вот его противник кипел не хуже извергающегося вулкана. Он молча развернулся и, гаркнув на какого-то очкарика, нырнул в толпу школьников. Однако его черная макушка возвышалась над всеми, и его нетрудно было отследить.

Рыжая, подождав, пока он скроется за углом и поднимется по лестнице на второй этаж, подбодрила:

— Чего стоите? Спектакль отменяется!

Школьники, недовольно шепча что-то себе под нос, медленно разбрелись по этажу. Некоторые сбивались в группки, чтобы обсудить то, чему стали свидетелями, другие шли по своим

делам. Все это время я, девушка и парень с фенечками наблюдали за распадом толпы на самостоятельные организмы.

— Это было грубо, — авторитетно заявила рыжая, когда мы остались одни у самого входа. Точнее, почти одни — временами мимо пробегали «поздние» ученики, задувающие в помещение уличный холод.

— А как по-другому? — пожал плечами «лис».

— Можно было бы и не провоцировать его. Если бы не я, вы бы точно друг друга покалечили.

Он вдруг потрепал ее по голове:

— Ну, ты же нас остановила. Умница!

Она нервно хихикнула, повернувшись ко мне:

— Вот что я получаю за его спасение — даже не «спасибо». Никакой благодарности.

— Она у меня специфическая.

Меня так и подмывало последовать примеру Гери — развернуться и уйти. Найти, наконец, кабинет секретаря и спокойно отправиться на урок. Хотя вряд ли «спокойно» — меня, косвенную причину чуть не начавшейся драки, едва ли забудут так просто. Наверняка назовут «яблоком раздора»…

Не успела я опомниться и вынырнуть из пучины безрадостных мыслей, как девушка хлопнула меня по плечу:

— Эй, а ты чего такая хмурая? Все же хорошо закончилось.

«Еще ничего не закончилось», — подумала я.

— Ни капли я не хмурая.

— Хмурая, хмурая, — протянула она. — Я Арлекин из лисов, это, — она указала на парня, приветливо помахавшего мне рукой, — Пак, он тоже лис.

Арлекин — как комедия дель арте? Пак — как дух из английского фольклора?

— Ия, — представилась я. Впервые в жизни собственное имя показалось тусклым.

— Нет, — хихикнул Пак. — У нас нет имен. Мы здесь носим прозвища. У тебя есть прозвище?

Да, народ в этой школе с приветом. То какие-то лисы, то волки, а теперь еще и отсутствие имен.

— Нет.

Арлекин щелкнула пальцами:

— Тогда надо его придумать! Сейчас я что-нибудь сгенерирую.

Она напряглась. Урок начинался через семь минут, а я по-прежнему понятия не имела, куда податься — подумала броситься наутек, но меня остановил Пак:

— Она мастер на прозвища. Ей одного взгляда хватит, чтобы

определить, какое самое подходящее.

— Эврика! — щелкнула пальцами Арлекин. — Ты знакома со скандинавской мифологией?

— Примерно.

В детстве увлекалась с подачи бабушки, контакт с которой утратился много лет назад. Кажется, она поскандалила с родителями, и те запретили ей общаться со мной и братом. Не знаю, что с ней сейчас — ей бы уже исполнилось восемьдесят семь.

Арлекин расцвела:

— Ты будешь Хель! Помнишь, кто такая Хель?

— Дочь Локи, владычица мира мертвых.

— Мрачная Хель? — хмыкнул Пак. — Красноречиво.

Арлекин фыркнула:

— Решено! Тебе же нравится?

Мне, честно говоря, было не до выбора — прозвище никуда не убежит, а вот учителя ждать не любят. Зарекомендовать себя как безответственную ученицу, опаздывающую в первый же день, я не хотела, мне хватило и засветиться перед школьниками. Поэтому я, лишь бы отделаться, кивнула:

— Вполне.

Она задохнулась от возмущения:

— И это все?!

Пак, едва сдерживая смех, выдавил:

— Ей просто нужен часок-другой, чтобы оценить твой шедевр в полной мере.

Внезапно раздалась громкая трель — судя по всему, звонок на занятия. Пак чертыхнулся:

— Сейчас же физика! Я побежал, всем пока! Очень приятно познакомиться, еще встретимся! — и, пожав мне руку на прощание, сорвался с места.

Арлекин, чуть ли не прыгнув на меня, сказала:

— Перестань корчить из себя смотрителя кладбища. Ты в десятый класс, да? Я тоже в десятом! Ты определилась, к кому пойдешь? Ну, к нам или к серым?

Я стушевалась. Она несколько секунд смотрела на меня, а потом разочарованно вздохнула:

— А, так ты еще не знакома с нашими порядками… — однако жизнерадостность тут же к ней вернулась. — Пойдем со мной на физкультуру, буду тебя просвещать. Форму у учительницы возьмешь, у нас там целый шкаф запасной одежды, так что можешь умыкнуть что-нибудь на день. Шумахер какой-нибудь окатил?

Ага, местного розлива.

* * *

Гимназию я представляла как тюрьму: снаружи чистая, в лучшем свете, а внутри — выкрашенные в отвратительный болотно-зеленый цвет стены, вызывающие ассоциации с психиатрической лечебницей, узкие коридоры и облупившаяся штукатурка. Пространство у входа должно было бы переубедить, но оно не показатель. Однако пока Арлекин вела меня к спортзалу, школа приятно поразила крупными окнами, белыми жалюзи, пропускающими солнечный свет, приглушенный серыми зимними тучами, ровным слоем краски на перилах. Образцово-показательно.

Пока я восхищалась ремонтом, Арлекин поясняла местные правила. При этом она одной рукой держала меня за запястье, что несколько раздражало, а другой бурно жестикулировала:

— В общем, у нас тут такая ситуация — все ученики разбиты на два… эм… ну, назовем это лагерями. На два лагеря — «лисы» и «волки». Учимся мы раздельно, но пересекаемся на переменах и спортивных мероприятиях. Изредка — на физкультуре, когда занятия совмещенные, но параллели не тренируются вместе: допустима только пара старший-младший. Если выбираешь лисов, становишься заклятым врагом волков, и наоборот. Лично я надеюсь, что ты пойдешь к нам, потому что волки — те еще скотины. Помнишь Гери? Вот они все такие — качки без чувства такта, и девушки у них им под стать. Так как ты у нас не с пятого класса, когда распределяет специальная комиссия, а с десятого, тебе предоставляется выбор. По этой схеме ты сразу должна погрузиться в школьную среду и решить, к кому пойдешь. Так как я первая твоя знакомая, будешь пока у нас, лисов, но ты имеешь право посещать и занятия волков. Лишь до того момента, как определишься! Кроме того, у нас нет имен — в стенах школы мы зовем друг друга по прозвищам. Так, что еще… ах да, сегодня у нас только физкультура и классный час.

Тараторила она с такой скоростью, что информация воспринималась с трудом, но основное я уловила и в очередной раз поразилась тому, как необычно тут все устроено. Хотя, может, это и к лучшему — кое-какое разнообразие. Миниатюрное приключение.

Мы поднялись на второй этаж, и на меня тут же уставилось не меньше десятка глаз. Стало неуютно, и я опустила голову. Арлекин не обращала внимания на сгустившуюся толпу и упрямо шла вперед, не отпуская мое запястье. Тут и там тихо перешептывались. К моему удивлению, она минула большую дверь и подошла к маленькой, находящейся рядом. Постучала

несколько раз и просунула голову внутрь:

— Здравствуйте, можно?

— Конечно, — раздался в ответ молодой голос.

Арлекин поманила меня, и я покорно шагнула следом в небольшую, но уютную приемную. За длинным столом, заваленным бумагами и канцелярскими принадлежностями, женщина лет тридцати пяти в спортивной форме заполняла бланки.

— Извините за беспокойство, Марина. У нас новая ученица, — бойко отрапортовала Арлекин.

Учительница одарила меня теплой улыбкой:

— Поздравляю! Такая редкость, чтобы кто-то приходил в старшие классы. Тебе уже выбрали прозвище?

Я замялась, но быстро сориентировалась:

— Да. Хель.

— Красиво. Я Марина. У тебя есть форма, Хель?

Говорить с ней было легче, чем с учителями, с которыми я пересекалась прежде. Марина производила впечатление доброго человека, которому можно доверять. Про себя я тут же занесла ее в список тех, с кем можно поладить, сразу после Арлекин.

— Не знала, что сегодня тренировка. Прошу прощения.

В два шага преодолев разделяющее нас расстояние, она похлопала меня по плечу, отчего стало немного тошно:

— Не извиняйся, в первый день в этом нет ничего страшного, но в будущем постарайся не забывать. Пока я дам тебе комплект, позанимаешься в нем.

Я бы предпочла, чтобы Марина отпустила меня, а не стискивала словно в попытке не позволить мне сбежать. Я украдкой обернулась к Арлекин. Та подбодрила меня кивком.

Марина открыла дверь в углу кабинета, подтолкнув меня вперед. Внутри оказалось темно, пахло пылью и старыми вещами. Щелкнул выключатель, и в помещение выплеснулся искусственный свет одной-единственной лампочки. Пространства здесь было мало, едва поместятся двое, вдоль стен стояли стеллажи со всякой всячиной — мячами, скакалками, шашками, шахматами, воланчиками, ракетками для бадминтона и настольного тенниса, лентами для художественной гимнастики и прочими спортивными принадлежностями. Отдельную полку занимали аккуратные стопочки одежды.

— Какой у тебя размер? — деловито осведомилась учительница.

Я ответила. Она подцепила одну из стопок и вручила мне. От нее резко отдавало спортивной магнезией.

— Арлекин проводит тебя до раздевалки. Как прозвенит

второй звонок, спускайтесь вниз.

Я уже практически кивнула, как услышала Арлекин:

— Совсем забыла. Хель на улице грязью окатили, не могли бы вы одолжить ей что-нибудь на день?

— Оставь себе спортивные штаны, — разрешила учительница. — Когда будешь на классном часе, поясни ситуацию руководителю, но не думаю, что возникнут проблемы. В крайнем случае, — она задорно подмигнула, — соврешь, что вообще не знала про форму.

— Да, конечно. Спасибо огромное, — чуть ли не поклонилась я.

— Спасибо, — и Арлекин снова беспардонно потащила меня куда-то. Возмущаться, судя по всему, не имело смысла.

Раздевалка находилась этажом выше. Пришлось подниматься по крутым ступенькам. Не будь перил — ходила бы с разбитым подбородком, так легко на них было споткнуться. Оранжевые стены исписали и изрисовали всем, чем можно — от простой ручки до масляных красок, на приземистых лавочках лежали разбросанные вещи, пол чуть вздымался, а законопаченные окна выглядывали на восток.

В нос ударил запах концентрированного пота с примесью дезодорантов, духов и блесков для губ. Арлекин скривилась, поспешно выудила из бокового кармана сумки какую-то колбочку, и по помещению развеялся приятный клубничный вкус.

— Вонь — единственная причина, по которой не люблю здесь зависать, — поведала девушка, без всякого стеснения скидывая футболку. — А так тут прикольно.

Я промычала нечто утвердительное.

В прошлой школе в женской раздевалке я переодевалась в туалете, запираясь на щеколду. Одноклассницы не оставляли попыток довести меня до белого каления. Позже, когда они поняли, что выуживать меня из уборной без грубой силы бесполезно, начали биться в двери. Выходила я только после того, как они отправлялись на занятия, поэтому частенько опаздывала.

Здесь вместо туалета была закрытая дверь, поэтому спрятаться оказалось негде. К счастью, Арлекин болтала о чем-то, отвернувшись к окну, и явно не нуждалась в слушателе, поэтому у меня появилась возможность забиться в угол и там переодеться. К счастью, форма пришлась впору.

— Тебе нужны кроссовки. Какой размер? — спросила вдруг Арлекин, на цыпочках подтягиваясь к прибитой почти под потолком полке, на которой в ряд стояла обувь.

Я автоматически сказала.

— О, вижу, тут как раз есть! Лови!

Она подцепила за шнурки пару серых кроссовок, и те дугой прилетели аккурат мне под ноги.

Каким-то невообразимым образом мы успели зайти в спортзал еще до звонка.

В нашем старом зале совмещалось несколько классов — узкое пространство, в котором опасно даже выполнять норматив с «козлом», мало ли, подпрыгнешь слишком высоко и ударишься головой о потолок. В зале гимназии же поместилось бы три таких помещения из прежней школы. Пол расчерчен для спортивных игр, с определенным интервалом по периметру расставлены баскетбольные корзины. По правой стороне — скамейки, где ученики громко разговаривают друг с другом, пока не начался урок.

Как только мы с Арлекин приблизились к ним, они все как один посмотрели на меня. Заметив мою заминку, Арлекин дернула меня к себе, так что я приземлилась на скамейку рядом, и прикрикнула:

— Чего уставились?

Все тут же смущенно отвернулись и принялись переговариваться, но уже ощутимо тише и, очевидно, на тему незнамо откуда объявившейся новенькой.

— Не волнуйся. Они быстро привыкнут, если дашь им шанс и не уйдешь к волкам.

Я промолчала. Трудно выбирать, зная о школе только ее базовое устройство, да еще и когда находишься в незнакомой среде один день. Раз здесь такая странная организация обучения и существования, должно быть множество мелких нюансов, которые необходимо учитывать при принятии решения. Арлекин пояснила основы, но их недостаточно для того, чтобы судить объективно, кто лучше — лисы или волки. Да и отличаются ли одни от других? Есть ли смысл в разделении?

Пожалуй, стоит узнать, по какому принципу пятиклассников распределяют по «лагерям», проанализировать собственные способности и сравнить их с существующими требованиями. Я уже хотела задать вопрос Арлекин, но раздался громкий свисток, и в зал вошла учительница.

— Ста-а-ановись! — скомандовала она, и школьники тут же гурьбой засеменили к прочерченной на полу белой линии и принялись выстраиваться в линейку, пихая друг друга и подшучивая. Арлекин даром времени не теряла — расчистила местечко для нас обеих, взглядом приструнив двух возникших было красавиц.

— Здравствуйте, — приветливо произнесла Марина.

— Здра-а-асте! — хором выкрикнули ученики. Под потолком

прокатилось эхо.

— Вы, наверное, уже знаете, что у нас появилась новенькая. — Она с улыбкой посмотрела на меня. Я рефлекторно выпрямила спину и расправила плечи. — Ее зовут Хель. — Как непривычно, но интересно звучит. — Этот урок она проведет с вами и, быть может, вы переманите ее на свою сторону, лисята. Не задирайте девочку. Сегодня мы проведем разминку, сделаем стандартные упражнения, а потом поиграем в вышибалы.

Одноклассники восторженно взвыли. Похоже, вышибалы здесь — любимая игра. В старой школе болели баскетболом.

— А сейчас — на-а-направо, шагом марш!

Все дружно исполнили приказ. Я не успела среагировать, и меня повернула Арлекин, крепко сжав плечи, и она же подтолкнула вперед.

Шеренга прошла вдоль стены примерно ползала, прежде чем Марина дала задание:

— Бегом, пятнадцать кругов!

Красные пятна перед глазами поплыли от одной лишь команды. Никогда не отличалась развитой физической формой; могла похвастать только растяжкой, оставшейся с эпохи занятий танцами, и умением обращаться со скакалкой. Бегать ненавидела всеми фибрами души, даже больше, чем отжиматься — кислорода не хватало, начинало колоть в боку, ноги ныли, и на следующее утро я не в состоянии была встать с постели, а затем бегать туда-сюда по ступенькам в школе, вверх и вниз, вниз и вверх, и так до бесконечности.

Я бы допустила пятнадцать кругов в старом зале, хотя тогда мне и десять по нему казались испытанием. Но здесь…

Арлекин, заметившая мой ужас, попыталась утешить:

— Не бойся, беги медленно. Марина следит, чтобы дистанцию пробежали те, кто в передней части ряда, до остальных ей дела нет. Они закончат — закончат и остальные. Но лучше не останавливаться, а то получишь штрафной, и тут она с тебя глаз не спустит.

Завершив свою маленькую предупреждающую речь, она кинулась вперед. Меня никто не ждал, и я вяло поплелась в конце, честно стараясь переставлять ноги. На танцах учили правильно дышать, но я давно забыла, как это делается, и отстала круга на полтора: тело потяжелело, в глубине легких зародился огонь. Пока еще жалкий уголек, норовящий разрастись до пожара — и это невзирая на то, что я практически шла пешком.

Вокруг хихикали и перешептывались — разумеется, я принимала это на свой счет. К щекам прилил жар. Это, впрочем, еще ничего. Могло быть и хуже. Марина могла бы ждать, пока

норматив выполнят все. Я бы до финиша доползла только к концу урока. Когда она крикнула «Стоп! Шагом!», я, взмокшая, с языком на плече, наматывала седьмой круг. Еще чуть-чуть, и пол принял бы меня в свои плоские жесткие объятия. К счастью, прискакавшая Арлекин — раскрасневшаяся, с растрепавшимися локонами — поддержала меня.

— Как себя чувствуешь? — весело поинтересовалась она.

— Будто слоны растоптали, — прохрипела я.

— Сколько кругов?

— Семь.

— Все пятнадцать, — подмигнула она. — Хотя, дай мне фору, получилось бы и больше. А ты молодец, ничего так, живая вроде.

Это было не пустое бахвальство, у нее бы действительно получилось. Бежала она быстро и легко, словно летела, дышала ровно и смотрела только вперед — ей это нравилось. Поэтому я поинтересовалась:

— Ты занимаешься спортом?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет, к сожалению, но выхожу на пробежку по утрам, до школы.

Какой нормальный человек променяет лишний час сна на необязательную тренировку?

Марина хлопнула в ладоши:

— Умницы! Встаем в круг, начинаем разминку. Стокер, вперед.

Я облегченно вздохнула. Значит, Марина не из тех, кто проверяет способности новеньких по полной программе на первом же занятии. Какая удача!

В центр круга вышел невысокий парнишка, настолько худой, что, казалось, вот-вот растворится в эфире, и флегматично сообщил:

— Начнем с шеи.

Под мерное «раз, два, три, четыре» прошло минут пять. Разминку парнишка проводил с толком, с чувством, с расстановкой и предложил столько вариантов упражнений, что даже я взяла парочку на заметку, чтобы расслабить плечевые суставы после рисования. За эти пять минут удалось немного передохнуть. Правда, после этого я ощутила, что больше не заставлю себя и пальцем шевельнуть. Однако не особо расстроилась — вышибалы мне никогда не нравились. Гораздо больше удовольствия получишь, наблюдая за ходом игры со стороны.

— Разбиваемся на команды! Чтобы было поровну, кто-то один должен сесть.

Я с готовностью вскинула руку.

— Уверена? — усомнилась учительница. — А то показала бы, на что способна.

— Мне не очень хочется, правда.

Одноклассники зашелестели уважительным: «Да она нормальная, нет?» Вот, считай, убила двух зайцев разом — и перенапряжение не заработаю, и коллектив к себе расположу.

Весьма кстати зал на две половины разбивала белая линия; одну заняла первая команда, другую — вторая. Марина подкинула мяч.

Не знаю, существуют ли соревнования по вышибалам, но если да — эти ребята одержали бы на них победу. За мячом было не уследить: он молниеносно летал из одного угла зала в другой, и вскоре я потеряла нить происходящего — кто-то «уходил в плен», кто-то возвращался, кого-то сбивали. На мгновение показалось, что класс не такой уж и плохой — вроде бы дружные, а то, что меня не принимают — не проблема. Совершенно неудивительно: люди не любят, когда устоявшийся порядок неожиданно нарушает что-то незваное, и стараются подавить нарушителя спокойствия, дабы вернуть все в прежнее русло.

Иногда Арлекин, отвлекаясь, махала мне рукой.

Марина стояла возле окна и периодически дула в свисток. Звук изводил визгливостью, поэтому я сразу заметила, когда он прекратился. Игроки не обратили на это внимания, а я автоматически принялась искать учительницу. Она обнаружилась у больших дверей, беседующей с каким-то парнем. Он явно еще учился в школе, скорее всего, в одиннадцатом и, судя по довольному выражению лица Марины, претендовал на статус ее фаворита. Высокий, сильный, так и представлялся в баскетбольной форме.

Я засмотрелась, однако вопли «лисов» услышала. Резко обернулась и поняла, что мяч устремился в сторону Марины — если достигнет цели, попадет ей прямо в голову.

Признаться, я сама не очень поняла, что собралась делать. Кто-то будто пихнул меня в спину, и я неожиданно для себя самой рыбкой кинулась вперед. Как раз в тот момент, когда снаряд летел мимо. Руки схватили его в воздухе, я упала и по инерции прокатилась по полу. Ладони закололо и, похоже, я отбила правое бедро, на которое неудачно приземлилась. Но сильнее всего болело плечо.

Одноклассники засуетились.

— Все нормально, — механически простонала я, с трудом поднимаясь. Боль постепенно отступала, и это позволяло предположить, что обошлось без травм.

— Вот это перехват! — воскликнул какой-то парень. — Новенькая, ну ты даешь! Пасани!

Я огляделась. Перевела взгляд на Арлекин.

— Это был очень хороший перехват, — похвалила Марина.

Я не была в этом столь уверена, и все же зашла в зону команды, на половине зала которой оказалась, и кинула мяч.

* * *

Из здания школы я буквально вывалилась. Точнее, меня вынес наружу поток счастливых школьников, радующихся тому, что учеба, наконец, закончилась. Они громко переговаривались, строили планы на следующие три месяца и искали, где бы отпраздновать долгожданную встречу с одноклассниками. То, что они действительно скучали друг по другу во время каникул, меня по-настоящему поразило. В старой школе никто ни о ком не тосковал — были, разумеется, те, кто общался между собой, но особых всплесков эмоций мне наблюдать не доводилось.

Разумеется, на меня всеобщее дружелюбие пока не распространялось. «Пока» — потому что не составляло труда понять, что при сложившихся обстоятельствах меня примут, дабы не порождать лишние конфликты, и будут относиться если не тепло, то нейтрально. Одноклассники не будут воротить носы, демонстрируя, что я — пустое место и совсем им не нужна. Скорее, они попросят о помощи, если та понадобится, а в остальное время будут либо не замечать, либо ограничиваться приветствиями. Если повезет, удастся установить с кем-то контакт. Хотя я бы и без него чувствовала себя вполне комфортно: когда ты просто существуешь и тебя никто не трогает — не это ли счастье?

Также не могло не вдохновлять и то, что, кажется, мне удалось расположить к себе новый класс, пусть и довольно нестандартным способом. Я-то думала, если и нравиться кому-то, пусть и на уровне «ох, а это может пригодиться», то благодаря уму и эрудиции, а оказалось, есть и другой путь.

Вставая на позицию в принявшей меня команде, я нервничала — во-первых, мои умения в игре ограничивались исключительно уклонами от летящего снаряда; во-вторых, я быстро выдыхалась; в-третьих, чувствовала себя неуютно среди незнакомых людей. Казалось, в самый ответственный момент ноги подкосятся, и игра закончится. Из-за меня.

К счастью, раньше мне уже доводилось играть в вышибалы; нужные движения и правила вспомнились мгновенно, я быстро

втянулась и даже получила пару одобрительных хлопков по плечу.

После физкультуры Арлекин показала дорогу к классу на третьем этаже. Удивительно, но и здесь все было на высшем уровне — персиковые стены, коричневый пол, тщательно вымытый и еще немного влажный. В конце коридора стояли мягкие диванчики — перед ними играли в «ножки» пятиклашки.

Сам класс, куда меня привела Арлекин, был до неприличия крупным — в каждом из трех рядов по десять парт, рассчитанных на двоих. Напротив учительского стола, заваленного бумагами, можно было увидеть ряд прозрачных шкафов, за чьими стеклами — глиняные фигуры, бюсты, энциклопедии по животному и подводному миру, пучки сухих листьев. Биологический кабинет: бюсты принадлежали неандертальцам, а фигурки изображали кроманьонцев. Подоконники и полки заставляли цветы, и к горшку каждого прикреплялась бумажка с названием на латыни и кратким описанием.

Я уже пошла к последней парте, заметив, что основная масса народа рвется к передней части — абсурдно после извечной войны за задние места в прошлой школе, — но Арлекин развернула меня за плечи и посадила рядом с собой.

Руководительница оказалась весьма милой женщиной лет шестидесяти. Поздоровалась с подопечными, осведомилась, как те провели каникулы, неторопливо зачитала правила техники безопасности и только под конец представила всем меня. Кто-то приветливо помахал рукой, другие легко улыбнулись и кивнули, и только несколько человек пренебрежительно уставились в пустоту — не потому, что затаили злобу или неприязнь, но потому, что их в целом ничего не интриговало.

Необходимые учебники лежали на краю парты — старые, потрепанные, у некоторых отрывалась обложка; зато от них шел умопомрачительный запах бумаги, краски, ниток и знаний. Портфель с ними уподобился пузырю. Книги в него еле удалось запихнуть, да и так корешок учебника по химии торчал сбоку. За него я волновалась больше всего — вдруг пойдет снег и намочит его?

Двор заполняли школьники, поэтому я оперативно сбежала по ступенькам вниз. Слава богам, мне хватило ума оставить карту города в кармане куртки, так что никуда лезть не пришлось.

Итак, я в пятом районе, нужно попасть в седьмой. Идти направо, через главные ворота…

Не успела я сделать и пару шагов, как услышала чей-то оклик:

— Эй! Подожди!

Казалось, окликают меня, но я здесь никого не знала, кроме Арлекин и того странного парня-лиса из одиннадцатого, а голос не принадлежал никому из них. Поэтому я с чистой совестью продолжила изучать карту, двигаясь к воротам и надеясь, что не собью никого и никто не собьет меня.

— Да стой же!

На плечо опустилась тяжелая рука. От неожиданности я вздрогнула и отшатнулась. Портфель перевесил, и я опасно накренилась, однако столкновения не случилось: меня подхватили, как котенка — за лямку сумки.

— Прости, что напугал. Ты, видимо, не поняла, что я тебя звал.

Глаза поднимать было жутко стыдно, но я преодолела себя. Рядом стоял гипотетический любимый ученик Марины.

Смотрел он страшно. Прямо и хищно, так что плечи сами собой передернулись, и пришлось замаскировать это под зябкое поеживание от порыва ветра. Стой мы не посреди школьного двора, а в подворотне, я была бы уверена, что он намерен меня убить. Не хватало только ножа.

— Тебя как зовут? — грубовато спросил он.

— И… то есть Хель.

Он протянул мне руку:

— Изенгрин, одиннадцатый класс, волк. Именно так у нас принято представляться, в таком порядке. На будущее.

Я не рискнула игнорировать рукопожатие:

— Приму к сведению. Хель, десятый класс… э-э-э… не определено?

— Ты сегодня занималась с лисами?

И чем я обязана такому вниманию?

— Понравилось?

Что на это отвечать? Скажу «хорошо», он обидится, а о последствиях думать не хочется; если «плохо» — меня начнут разрывать между двумя «лагерями», а это перспектива не лестная.

— М-м-м… нормально.

— Ты могла бы попробовать позаниматься с волками. Немного другая политика ведения уроков, полезно бы было сравнить, не думаешь?

— Да, наверное, так.

Молчание длилось несколько секунд. Кажется, парень со странным прозвищем сам не знал, что ему делать:

— Я видел, как ты играешь. Весьма неплохо. Волкам из десятого не помешал бы такой участник. Так что, если мы тебе больше лисов приглянемся, место в команде тебе обеспечено.

— Спасибо, учту.

Как продолжать это подобие разговора? Я созерцала снег, с трудом сдерживая желание начертить на нем что-то мыском сапога, и лелеяла надежду скорее вернуться домой. Почему-то не оставляло ощущение, будто шею стягивает кожаный ошейник с шипами внутрь. Однако, несмотря на затянувшуюся тишину, отпускать меня не хотели:

— У тебя карта. Ты же из другого города? Не знаешь, как дойти до дома? Хочешь, провожу? Только корпус скажи.

Предложение, как ни крути, неожиданное. Обманщиком он не выглядел, зато смутный горько-сладкий запах опасности витал в воздухе, и именно он не позволял ему довериться. Пришлось включать логику — сейчас день; пасмурный, но яркий, маньяки в такое время не работают. Если отказаться от помощи, велик риск плутания по городу, а это удовольствие сомнительное — можно окончательно замерзнуть за час-полтора. Так что…

— Буду благодарна, спасибо. Корпус семьсот третий.

От Изенгрина, если я правильно запомнила его прозвище, можно было ожидать что угодно. Но он не взял меня под локоть, не закинул руку мне на плечо, обойдясь без физического взаимодействия. Это располагало.

Мы уже дошли до книжного магазина метрах в ста от школы, когда он предложил:

— Давай свой портфель.

— Зачем? У тебя у самого сумка тяжелая.

— Тут идти недолго.

— Хозяин — барин…

Я стряхнула сумку, едва удержав — Изенгрин принял ее за секунду до того, как она встретилась со слякотью на асфальте. При этом сложилось впечатление, будто двойной вес его ничуть не тревожил. Я, в свою очередь, словно встала на место Атланта, сбросившего с хребта небесный свод, чтобы добыть яблоки Гесперид.

Изенгрин изредка бросал «влево» или «прямо», а я старалась запоминать дорогу — повторно меня вряд ли кто домой поведет. К концу прогулки он уже не казался столь страшным. Вел по людным улицам, даже не смотрел в мою сторону — держись он чуть поодаль, производил бы впечатление телохранителя.

Углубившись в собственные мысли, я вспомнила, что даже не подозреваю, по какому принципу учащихся распределяют по «лагерям». Арлекин в подробности не углублялась, а любопытство грызло изнутри.

— М-м-м… прости… Можно уточнить кое-что?

Волк словно вынырнул из собственного внутреннего мира:

— Да, конечно.

— Как детей распределяют по группам? Имею в виду, чтобы попасть, например, к лисам, они должны обладать одними особыми качествами или талантами, а чтобы к волкам — другими?..

— Да, — подтвердил он. — Разница не то чтобы разительная, но есть. Если придумывать какое-нибудь поэтичное сравнение, волки — практики, лисы — теоретики, или волки — солдаты, лисы — стратеги и тактики. Среди нас, учеников, распространено такое толкование: волки — прямолинейные вояки, лисы — хитроумные лжецы. Не слишком лестно, но суть отражает. Не знаю, зачем эту систему с двумя группами создали, но это мотивирует — желаешь победить оппонента, совершенствуешься. У нас фокус на физкультуру, физику, математику и биологию, а у лисов — на литературу, языки, химию, историю. Можно утрировать, мы технари, а они гуманитарии, но это не совсем верно. Как ни грустно это признавать, в спортивных состязаниях побеждают чаще лисы — используют уловки, вроде бы нарушающие правила, но в то же время им и соответствующие. Обнаруживают лазейки. Когда зачисляют ребят в пятый класс, комиссия судит не только по оценкам, но и по чертам характера — например, к нам чаще попадают рассудительные ребята со склонностью к точным наукам и искренней верой в то, что, если идти напролом, все получится. А вот у лисов дети любят искать подтексты в литературных произведениях и проводить психологические эксперименты.

— Психологические эксперименты?

— Прочитают про обманщика и тут же начинают испытывать его трюки на ком-нибудь. Кстати, у них фокусников много, на конкурсе талантов всегда что-нибудь показывают.

У них еще и конкурсы проводятся! В старой школе ставили спектакли только в честь Нового года, Дня Победы, Восьмого марта и последнего звонка, и сделано все было из рук вон плохо, смотреть тошно — ведь из-под палки.

— А у вас кого много? — полюбопытствовала я.

— Если именно в конкурсе талантов — танцевальных команд и акробатов. Кстати, скоро будет еще один — посмотришь, кто на что способен. Придешь?

— Обязательно.

До конца пути мы не обмолвились ни словом. У подъезда Изенгрин вручил мне портфель, наказал обращаться к нему, если захочу побывать на уроке у волков, дежурно произнес «рад был познакомиться» и ушел. У меня словно гора с плеч свалилась — его присутствие истощало. Будто тебя норовят морально подавить.

На площадке перед входной дверью как назло вырубило свет. В квартире звенела тишина — мама наверняка отправилась испытывать местный салон красоты, брат на первом занятии по плаванию, отец на работе, а я… А я собиралась заняться личными делами. Для обеда было еще рано, поэтому я отправилась в комнату. Заперлась на щеколду, скинула тяжелую одежду, сменив ее на домашнее платье, взяла лист бумаги с ручкой и закрыла глаза. Под веками заплясали вспышки; сознание померкло.

Через неопределенный промежуток времени я словно вынырнула на поверхность из-под ледяной воды. Часы остановились на пяти вечера. За дверью шуршал телевизор, пел брат, болтала по телефону мать. Пальцы затекли, несколько листов были исписаны вдоль и поперек, на ладонях красовались следы черной пасты.

Рассказ, выданный подсознанием, я решила прочитать потом. Сейчас неплохо бы было сесть за уроки, чтобы лечь спать не слишком поздно. Мало ли какая история ждет ночью.

* * *

К моему ликованию, после стирки на брюках не осталось ни пятна грязи. Для полного счастья оставалось только подшить пиджак и избавиться от отвратительных лент на блузке. Пришили их мастерски: отрежешь или оторвешь — испортишь вещь целиком. Случайное наблюдение за ученицами продемонстрировало, что они делают из ужасных лент банты — этот вариант по душе мне не пришелся. Однако до конца недели необходимо было срочно что-то придумать. Обладай я способностями к рукоделию, создала бы цветок на манер розы в петлице, но природа меня сим талантом обделила. В итоге за десять минут я выучилась из пары лент завязывать лишь сносный галстук.

Теперь я почти не волновалась. И дня в гимназии, даже меньше, хватило с лихвой, чтобы понять — здесь издевок не предвидится. Если бы хотели, уже бы засмеяли. Самое ужасное позади.

Осталось не ударить в грязь лицом в будущем. Ближайшие три месяца предстоит создавать себе репутацию, и желательно положительную.

Кое-как завязав волосы в хвост, я принялась собирать портфель. Распечатанное расписание уроков висело над кроватью между плакатами двух моих любимых групп, и это существенно облегчало жизнь. С кухни доносились вопли младшего брата и

звон посуды. Я была уже полностью собрана и располагала примерно пятью минутами, прежде чем мама позовет завтракать. Выходить раньше не хотелось — больно надо наблюдать за очередной истерикой, суетой и ничего не выражающим лицом отца, уткнувшегося в очередную газету.

Вчера прочитать рассказ не довелось: было много срочных дел — и брюки постирать вручную (не было охоты сталкиваться с родственниками у стиральной машины), разобрать коробку с вещами, протереть пыль, погладить форму…

Мой почерк, когда я пишу по собственной воле, отличается от того, когда я падаю в пропасть небытия. Первый — округлый, широкий, с приземистыми буквами; второй похож на лес из копий с насаженными на них головами — резкий, острый, словно ощетинившийся, поэтому при разборе накопившихся бумаг легко определить, школьный ли это конспект или плод моей фантазии, даже не вчитываясь в строки.

Я откинулась спиной на подушку.

> Многие считают, будто боги создали мир, даровали жизнь людям и взяли их под свое крыло, за защиту и благополучие требуя жертвы, уважение и почет. На деле же они появились одновременно с миром из пустоты, в миг, когда раздался Великий Гром, знаменующий рождение реальности — переливающейся цветами, поющей несчетным количеством звуков и голосов, из недр извергающей свет и тьму. В ней нашло место все — от священной любви до жгучей ненависти, от прозрачных льдов до раскаленной лавы, от жизни до смерти. Боги обрели сознание, когда твердь стонала, претерпевая метаморфозы, жуткие и прекрасные, формировала взмывающие в небеса горы и принимала глубоко в себя тяжелые моря и океаны. Они не могли ни двигаться, ни говорить, но наблюдали за тем, как созидается их новый дом, и тысячелетиями ждали поры спуститься туда, проникаясь к нему все большей любовью и грезя тем, как коснутся прорастающей зеленой травы, поймают ветер. Они учились думать и ценить то, что им даровано, еще до того, как это получат.
>
> И однажды боги обрели плоть. Они и сами не поняли, как это произошло — никогда доселе не терявшие связь с реальностью, словно заснули, исчезли из бытия, а затем поняли, что снова видят, но уже не зеленые просторы, а голубую высь и облака. Под ними

прорастали луга, шевелились насекомые, где-то далеко внизу рыли свои норы кроты, но, что самое удивительное — они ощущали это.

Каждый из них имел индивидуальный облик. Кто-то обнаружил сходство с грозным медведем, кто-то — с волком, со змеей, лосем или лисой. Однако они отличали собратьев-богов от простых животных — по силе, исходящей от них.

Они никогда не встречали того, кто подарил им дом и жизнь, но чувствовали Его частицу в глубине себя, и благодаря ей понимали, что нужно делать: быть хранителями этого мира, сохранять его красоту. В их жилах текла могущественная кровь, позволяющая дотла сжечь лес или поднять в небеса океан, и ее необходимо было контролировать, — и потому они избегали ссор.

Обитали на свете и люди. Боги интересовались ими — в отличие от животных, они постигали Вселенную, мастерили одежду, оружие, костер и множество других вещей. И лишь они боялись и уважали богов, задабривали их подношениями и жертвами, просили о дожде и плодоносном лете. Иногда боги исполняли молитвы, а взамен получали бурную благодарность. Это их изумляло и тешило — животные играли с ними, как с равными, и они услаждались чужими благоговением и ужасом.

Искра неведомого Создателя, скрывающегося за пологом бытия, провозглашала, что предназначение богов неразрывно связано с людьми, и они верили той беззаветно. Стали не только стражами, но и путеводными нитями человечества. Чтобы не терять контакт с подопечными, научились принимать их облик и освоили их речь. Люди знали, что они часто захаживают к ним в дома: гостеприимных хозяев озарят удачей, а на скверных обрушат несчастья. Поэтому всякого гостя встречали хлебом-солью, давали попариться в бане, сытно кормили и укладывали спать.

Однако не вечно было править зверям-богам. Твердь менялась, и рождались новые боги — о человеческой ипостаси. Сначала они вершили лишь незатейливые чудеса, которые ни в какое сравнение не шли с мощью изначальных богов, но вера людей в них все росла, а вместе с ней — и их сила. Вскоре изначальные были позабыты, и их место заняли боги-люди…

— Ия! Завтракать!

Я с некоторым удивлением отложила листы в сторону. Да это не рассказ даже. Ни сюжета, ни персонажей как таковых. Скорее, какая-то легенда или предание. Раньше мое подсознание такого ни разу не выдавало. Может, дальше пойдет как обычно? Хотя непохоже, всего-то страница осталась…

Тем не менее мне это показалось цепляющим, и я пообещала обязательно закончить чтение после школы. Сегодня предстояли совершенно обычные шесть уроков.

Я кинула портфель в коридоре и зашла на кухню, где опять истошно вопил брат. Так и хотелось рявкнуть: «Да заткнись ты!», — но тогда получила бы нагоняй от матери, радевшей за наши дружественные отношения. Для меня дружественные отношения с братом равнялись взаимному игнорированию. Нарываться на очередную лекцию или, чего хуже, скандал не хотелось, тем более с утра пораньше, поэтому я вяло взяла ложку и впихнула в себя кашу.

Брат играл с вилкой, измазанной в овсянке. Я сидела рядом и несколько беспокоилась, как бы жидкая масса не прилетела мне на одежду.

— Пап, ты меня довезешь? — спросила я, вытирая рот висящим на спинке стула полотенцем.

— Сегодня нужно быть раньше на работе, — спустя секунду ответил отец. — Пока заброшу тебя в школу, опоздаю.

— А я опоздаю, если пойду пешком. Да ладно тебе, чуть поднажмешь, проскочишь кое-где на красный, и все будет чики-дрики.

— Ия! — укоризненно надула губы мать. — Что за выражения! Ты культурная девушка, говори как подобает, а не как оборванка из неблагополучной семьи!

— Как пожелаете, маменька.

— Убери из обихода саркастичность, — отчеканил отец, отложив газету в сторону. — Приличные люди не говорят с родителями в таком тоне.

Я с улыбкой развела руки в стороны:

— Посмотри на меня. Сарказм и язвительность — все, что мне остается использовать.

— Мы на тебя не нападаем, и с нами ты можешь от этого избавиться. Проявляй элементарное уважение.

И он с очевидным подтекстом вновь раскрыл свою газету.

— Так отвезешь или нет? — уточнила я.

Мама всплеснула руками, папа шумно втянул воздух. Брат захохотал, предчувствуя веселье:

— Ийке щас влетит!

И почему ему разрешено говорить, как «оборванец из неблагополучной семьи» с этими его «щас», а от меня требуют высокопарных фраз и выдержки королевы Британии?

— Пойдешь сама, — процедил отец. — Прогуляться тебе не помешает. И, думаю, стоит отобрать у тебя компьютер. Верно, дорогая?

Мама покорно поддакнула и засеменила ко мне в комнату.

Все равно он без дела пылится.

— Ладно, — пожала плечами я, отправляя грязную посуду в мойку. — Когда принесу приглашение от учителя в школу за опоздание во второй учебный день, даже не думайте на меня кричать. Вина в этом будет исключительно ваша. Вы в курсе, как я ненавижу приходить не вовремя.

Перед тем, как выйти из кухни, я успела заметить, как побагровел отец. Пожалуй, вечером стоит запереться на замок и не выходить из комнаты, пока родители с братом не уснут.

Мама, как раз уносящая мой компьютер в свою спальню, недоуменно посмотрела на отца, судорожно сжимающего газету. Он явно готов был кинуть ее мне в спину, но лишь впечатал в поверхность стола. Младший брат притих. Выходила я, сопровождаемая тишиной, но едва за мной хлопнула дверь, в коридоре раздались отзвуки бури, происходящей в квартире.

«Не говори как оборванка из неблагополучной семьи»… ага, как же.

Лифт я решила не ждать. В новом доме они были не только грязные, изрисованные граффити, исцарапанные простыми надписями-ножницами вроде «тут был Петя», «а я Вася», пропахшие мочой, химией и чем-то тухлым, но и до неприличия медлительные. Лестницы тут, впрочем, немногим отличались. Освещение не работало, так что после наступления темноты приходилось двигаться на ощупь. Тем не менее это лучше, чем стоять в тесной кабинке, зажимая нос и невольно зачитывая похабные каракули на стенах.

Погода стояла воистину зимняя: солнце сияло, снег мерцал, так что не поднять веки. Пришлось натянуть шапку до самых ресниц, но и это не особо помогло. Не успела я оправиться от светового удара, как почувствовала самый что ни на есть настоящий в спину. Только руками взмахнула в попытке ухватиться за что-то, прежде чем со всей дури приложилась бы об асфальт. Дыхание выбило из легких, руки обожгли болезненные искры как от сотни впившихся в кожу иголок.

— Эй, ты в порядке? — спохватились знакомым тоном.

Я поднялась, отряхнув колени, к которым, к счастью, лишь слегка прилипли мелкие снежинки — спасибо дворнику, дочиста

очистившему дорожку. Ладоням не так повезло — их испещрили кровоточащие царапины, неприятно покалывающие.

— Кто ж так вылетает-то, — раздосадованно выплюнула я — и застыла. Передо мной стоял всклокоченный Пак, чуть наклонившийся ко мне, видимо, чтобы поймать, если упаду еще раз.

— Хель?! — опередил меня он в своем изумлении. — Ты что тут делаешь?

— Живу. А ты?

— Тоже. Ты когда сюда переехала, что я тебя не видел ни разу?

— За пару дней до каникул.

— Я как раз в эти дни к бабушке в другой город уезжал. А мог бы вас встретить как следует, экскурсию провести…

Да какую экскурсию здесь можно проводить? Город маленький, достопримечательностей не имеет, кроме разве что главной площади с фонтаном, на котором, по словам Арлекин, летом веселятся все, кому не лень, ведь в нем позволительно плавать. Какую новую информацию Пак мог предложить? Сколько детей в год в среднем качается на качелях во дворе и сколько — на карусели?

— Ничего страшного, — отмахнулась я. — Разобрались и так.

— Я рад. Если возникнут вопросы, обращайся сразу же, я тут с рождения живу, знаю все и обо всех. — Он заговорщически подмигнул. — В ближайших корпусах ваш слуга известен как первый информатор. Даже местные криминальные авторитеты чуть что ко мне бегут.

Так и подмывало съехидничать: «А криминальные авторитеты тут от скуки не погасли?», — но вместо этого я театрально поразилась:

— Неужели?

Он гордо положил ладонь на сердце:

— Именно так. Ни слова лжи.

— Обычно, когда люди уверяют, что не лгут, и делают так, — я повторила его жест, — они говорят неправду.

Пак расплылся в широкой улыбке и беспардонно закинул руку мне на плечо:

— Так и знал, что у нас будет, о чем поболтать. Ты мне нравишься, у тебя явно хорошее чутье. И вкус. Хотя, — он хохотнул, — по одежке этого не скажешь…

Я вспыхнула, раздраженно отпихнув его:

— И без тебя ясно, что не так с моей одеждой! Не тебе мой вкус оценивать!

Пак слегка ошарашенно капитулировал:

— Не взрывайся так, я же просто невинно тебя поддел. Обидел? Извини, правда не хотел. Ты как до школы добираться будешь? На автобусе?

Я насупилась. Разговаривать с ним не особо хотелось, поэтому пошла прочь, бросив:

— Пешком.

Он присвистнул:

— Так это же уйма времени.

— А сам-то ты как едешь?

— У-у-у, не сверкай так глазами, страшно. Не зря тебе Арлекин прозвище Хель дала, у нее, говорят, тоже взгляд был, до самых костей пробирающий. А я на машине.

Он одним движением достал из кармана ключи.

— Это как?

— Мне есть восемнадцать — и права. Подвезти? Не думаю, что ты хочешь опаздывать.

— С чего бы ты это взял?

— Да все в тебе буквально кричит, насколько ты любишь следовать правилам. Хвостик этот аккуратный, каменное выражение лица, строгий взгляд. Ты ответственная и пунктуальная — другие люди безалаберные. Вот я, например. Я люблю опаздывать. Что может быть лучше трепки от учителя с утра пораньше? Так что если сейчас пойдешь прочь, я буду кататься по городу. Если согласишься составить мне компанию, я не буду перечить твоим принципам и подкину тебя до школы, да и сам, поддавшись влиянию твоей ауры «девочки-я-люблю-правила-и-систему», обрадую биологичку своим присутствием. Ну — обоих подвести или обоих вытащить?

Шантажист, надо же.

— Ладно. Поехали.

— Как будто одолжение делаешь, а благодарить должна!

— Сам предложил.

Его машиной оказалась старая «Волга» с кое-где облупившейся краской, показавшаяся мне вдруг абсолютно родной. Когда-то давно дед возил меня на такой же — воспоминания об этом почти стерлись, но приятный сладкий осадок ушедшего детства остался. Сейчас таких автомобилей не найдешь. Но здесь это совершенно естественно — город явно давно не знал обновлений.

В салоне пахло цветами, и он довольно быстро прогрелся для старой машины, так что я расслабилась в чуть жестком тепле. Пак отпустил пару шуточек по этому поводу, я вяло отбилась — устраивать словесные поединки сейчас было бы кощунственно.

Пока мы ехали, я едва не уснула — еще не отошла от

привычки в каникулы вставать на пару часов позже, и Паку пришлось меня растормошить. Сделал он это неэтичным способом — невесомым, но неожиданным подзатыльником, из-за которого я, уже по инерции открывшая дверь машины, едва не вывалилась в снег и взвыла:

— Обалдел?!

— Принцесса недовольна? — сочувственно посмотрел на меня лис.

— Когда-нибудь я тебя убью, — мрачно пообещала я.

— Не убьешь. Нет, убить-то ты, конечно, можешь, по глазам вижу, совести у тебя нет, но скрываться от закона дело муторное, а ты наверняка ленивая. Так что нет.

Кулак мой остался сжатым, но цели не достиг — я угодила аккурат в снежную кучу. То ли дворник так неудачно ее замел, то ли Пак специально возле нее припарковался. Лично я склонялась ко второму варианту.

— Ты дверью-то не хлопай! — донесся вслед каприз Пака.

— Не развалится!

Надеюсь, он вдобавок не на моем этаже живет…

* * *

По сравнению со вчерашним днем температура ощутимо снизилась, и за короткую пробежку от парковки я познала всю мощь зимы. Думала, до крыльца не доберусь, так сильно меня била дрожь. А ведь одежда была теплее некуда — куртка с капюшоном, шапка с глупыми косичками, огромные зимние ботинки. Отсутствовали только перчатки, и я чуть ли не впервые в жизни об этом пожалела — пальцы онемели и не желали двигаться. Однако это была не единственная проблема во всем арсенале — кроме этого лицо словно превратилось в маску, к которой больно было прикасаться.

Ногами я старалась передвигать уже не только для того, чтобы улизнуть от Пака, шаги которого хрустели где-то в отдалении, но и для того, чтобы наконец-то войти в здание и кое-как согреться. Наверное, со стороны я, ковыляющая по дорожке, вжавшая голову в плечи, чтобы спрятать лицо от ветра за шарфом, выглядела смехотворно. Как индюшка или курица.

На крыльце я чувствовала себя, будто поднялась к вратам рая. Но идиллию разрушил громкий хлопок двери за спиной. Я рванула к гардеробной, смешиваясь с толпой. Судя по всему, трюк удался — по крайней мере, оглядываясь, макушки лиса я не заметила. Разумеется, велика вероятность, что он тоже

направился сюда, чтобы переодеться, так что оставалось только лелеять надежду, что мы, разделенные школьниками, оказались в разных концах.

Близость человеческих тел быстро повысила мою собственную температуру. Однако дрожать я не перестала — наоборот, конечности тряслись, как в судорогах. Пальцы по-прежнему не гнулись, что усложняло задачу расстегнуть куртку. Я прислонилась к стене в углу и принялась предпринимать всяческие попытки избавиться от верхней одежды. Ни одна не увенчалась успехом.

К счастью, явилось спасение в облике Арлекин, вприпрыжку несущейся ко мне, попутно расталкивая всех, кто вставал на пути. На нее шикали, но она не обращала внимания. Я помахала ей одеревеневшей рукой.

— Привет! — повесилась она мне на шею. — Как спалось? Красивые снились сны? Надеюсь, красивые, потому что на новом месте сны не должны быть мрачными. Кстати, нам нужно как-нибудь собраться у меня, я имею в виду, нам троим — Паку, тебе и мне… — Неожиданно она сжала мои ладони в своих. — Я так рада! Мы теперь подруги, правда? Ты помахала мне рукой, это ведь значит, что мы теперь подруги?

И почему это ее так волнует? Она симпатичная, активная, у таких всегда полно друзей. Таких любят — они понятны, в них нет загадок, они не скрывают свою сущность, но в то же время умеют не говорить то, что окружающие не хотят слышать. С какой стороны ни посмотри, они пользуются наибольшей популярностью, и если не находятся на пике славы, то крутятся в определенном кругу, где ими дорожат.

Впрочем, вчера я не заметила, чтобы Арлекин так уж любили. Скорее, принимали. Да и блеск в ее глазах буквально кричал о том, что она готова на коленях умолять быть ее подругой, столько в нем бурлящей надежды, смешанной с волнением. Я не хотела с кем-либо сближаться: много мороки, да и Арлекин наверняка отвлекала бы, таская гулять или часами тараторя по телефону. Однако ее взгляду невозможно было сопротивляться.

— Да, конечно.

— Так и знала! Знала, что тебе понравлюсь. А руки-то у тебя какие холодные! Давай, помогу тебе раздеться. Не будешь же ты в классе в куртке сидеть. Нет, ты могла бы, но первым уроком у нас обществознание, поэтому рисковать не стоит — Проповедница за такое и на костер отправит.

— На костер? — удивилась я. Воображение нарисовало образ грозного инквизитора с факелом в руке, облаченного в черный плащ.

— Да. Проповедница у нас яро радеет за дисциплину и правила. За малейшую оплошность к директору тащит. Тот не наказывает, так что бояться нечего, но кто хочет выслушивать истерики.

Она ловко справилась с молнией, и мы совместными усилиями стряхнули с меня куртку.

— Тебе пару перчаток одолжить? — любезно предложила Арлекин. — У меня есть лишние.

— Нет, спасибо, — растерла плечи я. — Думаю, днем потеплеет. Карманы спасут.

Она хмыкнула:

— Как хочешь, мое дело предложить.

— А где будет проходить урок? В том же кабинете, где вчера?

— Тут для каждого предмета свой кабинет. Я тебе составлю список, чтобы ты не путалась. Не волнуйся, освоишься быстро.

— Не сомневаюсь. Так где обществознание?

— На третьем этаже, кабинет триста пять. Поднимаешься по лестнице и налево до самого конца. А разве ты не пойдешь со мной искать Пака?

— Пака? — застыла я. — Зачем?

Арлекин, судя по округлившимся глазам, удивилась не меньше моего:

— Как это «зачем»? Это же Пак.

Мне это немногое объяснило, но я не стала выспрашивать:

— Ищи, если хочешь, а я в класс пойду.

— Ладно. Тогда до встречи!

И, резко развернувшись, она бросилась в гущу толпы:

— Пак! Пак! Ты где?!

Дверь нужного кабинета была открыта — я аккуратно просунула голову внутрь и вошла, лишь убедившись, что не одна: за последней партой тройка ребят рубилась во что-то на айпаде. Они мимолетно глянули на меня, тут же вернувшись к своему занятию.

Я выбрала парту, где мы с Арлекин сидели вчера. Тело почти оттаяло, и дискомфорт доставляло лишь болезненно-красное лицо. Когда класс заполнили временные одноклассники, стало немного неуютно, и я скукожилась, вжавшись в спинку стула. К счастью, они мирно прошли мимо — лишь пара девчонок да один парень приветливо мне кивнули.

Арлекин влетела синхронно со звонком, чуть ли не от входа метнув на парту сумку, поспешно вытряхнула учебники и простонала:

— Успела!

— Где была?

Ее щеки окрасил странный румянец:

— С Паком болтали. Ничего особенного.

Я уже приготовилась анализировать факты и делать выводы, но набравшие обороты размышления прервала учительница, хлопнувшая классным журналом по столу:

— Закрыли рты, дети! Доброе утро!

Все тут же вытянулись в струнку:

— Доброе утро, Проповедница!

Учительница не выглядела, как инквизитор, родившийся в моем воображении после слов Арлекин. Простая женщина лет сорока пяти с пучком на затылке, облаченная в деловой костюм. Разве что каблуки слишком высокие. И как на таких можно не шататься?

— Садимся, — произнесла она, и все одновременно заняли свои места. Лишь я чуть задержалась, поудобнее пристраивая стул — и привлекая ее внимание.

— Ты новенькая?

— Да, Проповедница.

— Выбрала лисов?

— Решение еще не окончательное.

Она хмыкнула:

— Как бы там ни было, пока будешь учиться по нашей программе. Как у тебя с обществознанием?

— В прошлой школе было «пять».

Она вдруг рассмеялась. Неужели я сказала что-то не то?

— Я совсем не об этом, — пояснила Проповедница. — Тебе нравится сам предмет?

Я замялась. Никогда не испытывала особых эмоций в отношении обществознания — предмет как предмет, не хуже и не лучше прочих. Я вообще выделяла только литературу и историю, остальное же сливалось в сплошной серый пласт. Поэтому выкрутилась:

— Нормально.

— Что ж, это тоже хорошо. А зовут тебя как?

— Хель.

На этот раз вышло без запинки. Повод для гордости.

— Какое мелодичное прозвище, — восхитилась Проповедница. — Надеюсь, ты останешься с нами. Присаживайся, не стой столбом.

Я облегченно плюхнулась на стул, и в то же мгновение Арлекин чуть сжала мои пальцы под партой.

— Так, дети, у меня есть, что сказать. Очень важно, директор попросил вас предупредить, — нервно начала учительница, — в лесу в третьем районе совершено убийство. Если кто-то живет

поблизости, будьте осторожнее. Но даже если вы живете не рядом, будьте начеку — кто знает, вдруг маньяк бродит по всему городу… в общем, держите ухо востро.

Арлекин вздрогнула, и теперь уже я сжала ее ладонь. Я понимала, что это глупо, но почему-то казалось, будто мы в абсолютной безопасности, и даже если случайно встретимся с убийцей лицом к лицу, он нас не тронет. Новость ужасала, однако и пробуждала извращенный эмоциональный подъем. Выходит, не все так просто, и от скуки здесь не зачахнешь.

— Советую носить с собой средство самозащиты, — добавила Проповедница. — Перцовый баллончик, к примеру.

— Лучше ножик! Но с ножиком через турникет не пройдешь, — заверил парень с задней парты. — Лично проверял.

— И зачем же ты в спокойное время тащил с собой нож в школу? — нахмурилась учительница. — Боюсь, нам с директором придется это обсудить. Но не будем о грустном. Мир праху несчастного, а у нас обществознание. Открываем учебники на сто тридцать шестой странице. Таро, читай введение — внятно, не бубни.

Какой-то мальчик начал говорить, но его прервал стук в дверь — из коридора показалась Марина.

— Здравствуйте, — поздоровалась она. — Извините, Проповедница, можно украсть у вас Хель на пару секунд?

Я приосанилась.

Проповедница недовольно поправила круглые очки:

— Хель, будь добра.

Я вытащила руку из ладони Арлекин и юркнула в коридор.

— Доброе утро.

— Привет, — ответила улыбкой Марина. — Как ты себя чувствуешь?

Вопрос слегка ошарашил:

— В порядке. Осваиваюсь.

— Я рада. Чего я хотела-то… — она забавно почесала затылок. — Ты вчера себя показала как хороший игрок. Нужно подправить технику броска, да и выдыхаешься ты быстро, но это мелочи, которые легко исправить. Я хотела бы провести еще одну тренировочную игру и посмотреть на тебя внимательнее. Не возражаешь?

Признаться, я немного удивилась. Уж не думала, что могу кому-то понравиться *в вышибалах*.

— Почему бы и нет?

Учительница расцвела:

— Отлично! Тогда завтра после уроков приходи в спортзал. И не забудь размяться, договорились?

Арлекин-I

В детстве, когда мы еще жили на самом краю города, я считала, будто залог счастья — детская площадка, до которой не нужно долго идти, в кровь стирая стопы об острые камни. Дети из огромных многоэтажных домов, представлявшихся мне злыми великанами, норовящими раздавить нашу ветхую избу, приравнивались мною к богам — подумать только, наверное, у них несметное количество сокровищ, раз они могут позволить себе самую настоящую квартиру, из которой выскочишь — и сразу на площадку, да не по острой как кинжалы гальке, а по гладкому асфальту.

Мама строго-настрого запрещала контактировать с людьми, обитающими в домах-великанах. Говорила, они жестоки и кровожадны и непременно сотворят со мной что-нибудь дурное. Я не перечила ей, с утра до ночи читая книги, смотря в окно и занимаясь рукоделием, и лишь изредка помогая ей по хозяйству. Она не допускала меня к домашним делам из-за моей неуклюжести: со смехом трепала по голове и бросала: «Криворукая ты моя», — и возвращалась к своим обязанностям. Доверить мне она могла лишь протереть пыль да вымыть полы. Кухня была запретным царством — посуда вылетала из рук, подчиняясь потусторонней силе, а нож глубоко вонзался под кожу.

Однажды он чуть не вскрыл мне вены. Взмыл вверх и вонзился в деревянный стол в миллиметре от моего запястья. После мама даже масло приказывала резать пластмассовым ножом, опасаясь, что нечто подобное может повториться.

Вечно продолжаться такая жизнь в четырех стенах не могла. Мне нравились книги, вышивание, все то, чем я занималась, но любопытная детская душа требовала разнообразия. Я жаждала узнать, что скрывается за горизонтом, потрогать солнечные лучи. Казалось, будто внутри комнаты они другие, холодные, а там, снаружи — горячие, трепещущие.

Нутро устремлялось к свободе. Едва мне стукнуло десять, я решила, что стала достаточно взрослой, чтобы успешно выскользнуть из искренних, но душащих объятий матери. Пока незаметно, а потом, когда стану старше, переступлю порог этого дома навсегда и пойду вперед, погружаясь в ореол восходящего Солнца.

Я уходила из дома ночью, спустя несколько часов после того, как мама закрывалась на замок. Она запирала все двери, но меня это не останавливало — кутаясь в пухлые теплые вещи, я

вылезала через окно. К счастью, оно было невысоким, и мне удавалось спрыгивать на землю достаточно бесшумно.

Наша избушка находилась в отдалении от города, поэтому, чтобы добраться до детской площадки, приходилось идти по каменным и песочным насыпям, рядом с которыми ржавели экскаваторы. Из обуви я располагала лишь дырявыми зимними сапогами с подошвами, больше похожими на мочалки. У мамы же имелись высокие блестящие сапоги из кожи. Я могла бы воспользоваться ими, но она сразу заметила бы нарушение наших негласных законов, и я терпела, даже когда осколки вонзались слишком глубоко. А на следующий день прятала следы похождений в теплых носках и сама мыла ноги, чтобы мама не видела.

Помню свой восторг, когда дом-великан оказался вблизи. Помню, как недоверчиво щупала его, прикладывала ладонь к нагретому дневным палящим солнцем бетону, гадала, не поднимет ли он из-под земли исполинскую лапу, чтобы раздавить меня. Как случайно повернула голову, услышав тихий шорох, и увидела площадку — и свой восторг от скорости, когда впервые раскрутила карусель, и высоты, когда взмыла на качелях.

С тех пор я сбегала, не обращая внимания на многочисленные новые и постоянно открывающиеся старые царапины. Меня огорчало, что я не могла пообщаться с ровесниками, но душу тешило то, что я хотя бы узнала, каково это — касаться ночного неба. Из раза в раз оно представало в новой ипостаси — бездонная бездна, безмятежное море с плещущимися волнами, широкая атласная лента, на ощупь мягче кошачьей шерсти…

Со временем я изобрела забаву — раскачивалась так сильно, что качели норовили перевернуться, и с самой высокой точки обозревала окружающий мир. Сначала глаз цеплялся за небо, сверкающий купол. Потом за великанов, спящих со своими жителями, но в любой момент готовых пожрать деревья, машины, дороги, все, что встанет у них на пути. Следом — за автомобили, замершие причудливыми тенями. Я угадывала в них магических существ: утонченных эльфов, единорогов, русалок… Но больше всего я любила кусты, шуршащие под порывами ветра — мне нравилось чувство смутного страха, словно меня могут похитить или просто съесть. При этом я часто размышляла о том, что бы в такой ситуации чувствовала мама, как бы реагировала, искала бы меня или забыла, что у нее когда-то была дочь, ругалась бы или тосковала…

Свое пребывание в школе я сравнивала именно с этой забавой. Одновременно и болезненное, и захватывающее. Нельзя сказать, что люблю учиться, но мне нравится находиться в

школьных стенах — из-за людей.

После освобождения от матери меня влекло к ним неодолимо. Они виделись звездной россыпью. Каждый со своими предпочтениями, мыслями, рассуждениями, надеждами, тревогами. Один не похож на другого, и у них редко есть что-то по-настоящему общее. А если и есть, им очень сложно встретиться и стать близкими друг другу. Словно океан разбрасывает их в разные стороны, учиняя препятствия, которые они чудом преодолевают, завоевывая собственное счастье. Хватит, чтобы взорвать воображение. Будь я писателем, из них всех можно бы было слепить множество чарующих персонажей.

Но, сколько бы ни всматривалась в идущих навстречу, не могла найти чего-то действительно неповторимого. Звезд было много, но своим светом они затмевали Луну. Будто прятали ее. Но я искала.

У меня есть Солнце. Горячее, яркое. И небо со звездами. Гипнотизирующее, необъятное. Только Луны для Солнца нигде нет.

Так я думала до того, как хлопнули входные двери и в коридор вошла новенькая. Я направлялась в столовую, купить булочку — живот крутило от голода, — и абсолютно случайно застала своеобразное приветствие.

В ее внешности не было ничего особенного. Черты едва ли не скучные, так что, столкнувшись с ней в толпе или пообщавшись ни о чем, ни за что ее не запомнишь. Темные волосы и болтающийся за спиной рюкзак, за какими обычно охотятся в супермаркетах пятиклассники. И тем не менее она приковывала к себе взгляд. Сначала я не поняла, чем именно, но затем, подобравшись ближе, осознала — ее глаза. Карие, упрямые, пугающие омертвелой глубиной. Не оставляло чувство, словно, если спросить ее о чем угодно, она ответит, как если бы у нее поинтересовались о неоспоримой истине.

Она излучала странный свет. Впервые мне встретился человек, превосходящий звезды — но не так, как мое Солнце; нежнее.

Глядя на нее, невольно вспоминалась владычица царства мертвых, какой я представляла ее в детстве. Потому я и дала ей это имя, и не зря — даже на ощупь эта девушка была холодной. Однако к ней хотелось прикасаться, и я не могла отказать себе в удовольствии — подхватывала ее под локоть, клала голову ей на плечо.

Сегодня был лишь второй день нашего знакомства. Она ничего не знала обо мне, я не имела ни малейшего понятия о ее жизни, но могла утверждать, что достигну цели — стать ее

подругой. И вот, Хель сама сжала мою руку под партой. Наверное, подумала, что мне страшно. Если бы мы дружили дольше, я бы даже обиделась — неужели меня испугает какой-то убийца? Уж у кого, а у меня найдутся силы защититься. И у Господина Солнца тоже.

Новости о несчастном мальчике никого не тронули. Скорее, никто не поверил — преступления в городе совершаются редко и банально. Нарушители закона никогда не выставляют себя напоказ.

В целом урок прошел спокойно: Проповедница монотонно объясняла тему, убаюкивая учеников, пытавшихся бодриться, засовывая руки в рукава, читать что-то в учебнике или с экранов телефонов. Наверное, только мы с Хель чувствовали себя приподнято — мне не давала смыкать глаз радость оттого, что мы теперь подруги, а она сосредоточенно конспектировала слова Проповедницы.

Идиллию омрачила Марина. Решила подстроить пакость, не иначе. Например, отговорить ее присоединяться к нам. Она всегда тяготела к волкам, поддерживала их, делала все возможное, чтобы они одерживали верх везде и всегда.

Впрочем, вернулась Хель посвежевшей — уголки ее тонких губ чуть приподнялись. Я угомонилась — значит, Марина не приплела ничего, связанного с выбором «лагеря». Любопытство одолело уже через секунду и, только Хель заняла свое место, я тут же зашептала:

— Чего она хотела? Не тяни, интересно же!

— Да ничего особенного, — ответила она. — Пригласила в спортзал завтра после уроков, чтобы проанализировать мою игру и как положено оценить мои способности.

— Ты согласилась?

— Да. Это займет от силы час, а мне некуда спешить.

Возможно, она бы добавила еще что-то, но нас прервал стук линейкой по столу:

— Девочки, будьте добры, перестать чесать языками на моем уроке! У вас неограниченное для болтовни время за пределами школы, а мы располагаем сорока пятью минутами! Если уж не хотите учиться, хотя бы уважительнее относитесь к тем, кто хочет! Вы мешаете не только мне, но и своим друзьям!

После этого мы сидели молча. Я крутилась туда-сюда, рассматривая одноклассников. Они еще не проснулись и вели себя тихо, так что мне быстро наскучило, и тогда я принялась рисовать за красными полями тетради.

Звонок не хуже будильника смел дрему с ребят, а меня заставил испуганно подскочить. Хель его словно не услышала —

педантично дописала строчку, положила ручку в пенал с парой значков и сложила все вещи в одну аккуратную стопку. Когда Проповедница отпустила нас на перемену, запихнула их в портфель, закрыла его на молнию и уточнила:

— У нас сейчас литература, верно?

— Ага, — откликнулась я. — Любишь ее?

— Больше остальных предметов.

— По тебе и видно, что ты не технарь, так что не удивлена. А мне вот не очень нравится. По мне, так это муторно — разбирать, кто, что и зачем сделал. Да и рассказывается там не о живых людях, а плодах воображения. Бессмыслица.

Хель передернула плечами будто уязвленно:

— На вкус и цвет…

Мы сделали несколько шагов к двери. Ни слова.

— Ты обиделась, да? — погрустнела я. — Прости, я же не специально.

— Нет, — равнодушно ответила Хель.

— Да вижу же, что да. Эй! Ну я правда не хотела!

— Знаю и не обижаюсь. Перестань видеть то, чего нет.

Я открыла рот, чтобы вновь затянуть свою волынку, как услышала грубое:

— Эй, рыжая!

— Чего тебе, куцый хвост?

Хель напряглась. Видимо, вспомнила его выходку, которую он учудил в ее первый школьный день.

Увидев ее, Гери тут же приосанился:

— Доброе утро, Хель.

— Откуда ты знаешь ее прозвище?! — взвилась я. Неужто в этих стенах слухи распространяются настолько быстро? И кто за это ответственен?!

— Взаимно, — буркнула Хель, доброжелательности в тоне ни на грош.

— И зачем ты к нам наведался, — уперла руки в боки я. — Не для того же, чтобы с моей подругой лясы точить? Чего тебе? Давай быстрее, нам на другой этаж, не хочу тратить время на тебя.

— А ты как всегда многословна, аж уши вянут.

— Не издевайся. Говори.

Он поднял руки в защитном жесте:

— Ладно, ладно, уговорила. В общем, Он, — волк сделал ударение, — приказал подойти к нему в радиорубку. Срочно.

До меня не сразу дошел смысл слов. *Он* попросил *Гери* передать мне, чтобы я подошла в радиорубку? *Он* попросил *Гери*? Серьезно?

Они слишком не ладили для подобного. Впрочем, Он успел настроить против себя всех волков и большую часть лисов, так что трудно было бы найти человека, относившегося к нему с искренним участием. В большинстве случаев его принимали за шута или клоуна, о чьих проделках слагали легенды.

Я улыбнулась Хель как можно непринужденнее:

— Я тебя ненадолго покину, но к уроку вернусь. Дойдешь сама?

— Школа — не лабиринт Минотавра. Не сгину.

* * *

Радиорубка находилась над спортивным залом рядом с женской раздевалкой и представляла собой два совмещенных помещения — собственно рубку с приборами, откуда открывался великолепный обзор на актовый зал, и комнату для занятий музыкой. В центре стоял синтезатор, по углам — балалайки, гитары и скрипки, на полках шкафа — флейты, свирели и дудки. Мне там доводилось бывать лишь несколько раз: когда проводила радиопередачу и когда ждала занимающуюся игрой на синтезаторе одноклассницу. Ей было страшно ехать домой в одиночестве.

До указанного места я добралась за три минуты, перебежав из одного конца здания в другой, расталкивая младшеклассников, абсолютно не смотрящих вокруг.

Из раздевалки доносились крики, вопли и отголоски каких-то обсуждений, то и дело сновали туда-сюда девчонки. Я подгадала момент, когда рядом никого не оказалось — нашей беседе не нужны свидетели. Нерешительно дернула ручку и проскользнула в образовавшуюся щель, поспешно захлопывая дверь за собой.

Господин, мое Солнце, вертелся в кресле, глядя в потолок и беззвучно шепча что-то. Я застыла, спиной прижавшись к холодной металлической поверхности.

Увидев меня, Он улыбнулся:

— Привет, Арлекин. С Хель все в порядке?

— Да, Господин, — склонила голову я. Казалось, если посмотрю ему в лицо, ослепну.

— Она уже освоилась?

— Да, Господин.

Он сменил позу, облокотившись спиной о подлокотник и закинув ноги в кедах на свободный стол.

— Я слышал, эта стерва Марина хочет заполучить ее к себе в команду.

— Да. Ей понравилось, как она играет.

— Марина — приверженец волков, и, если Хель согласится играть, непременно переведет ее к ним. Если это случится, она непременно выберет волков и присоединится к ним. Мы не можем допустить столь удручающего финала.

— Как же быть?

Господин Солнце нахмурился:

— У нас много нерешенных неприятностей, но на данный момент ситуация с вышибалами должна волновать нас сильнее прочего, поэтому стоит для начала разобраться с ней. Пока не будем переходить к активным действиям, чтобы не привлекать внимание Волка. Ограничимся контролем действий Хель.

У меня перехватило дух. Неужели впервые за долгое время настоящее задание?!

— Что прикажете, Господин? — с придыханием спросила я, предвкушая ответ.

Он перевел на меня хитрый взгляд:

— Не напрягайся так, Арлекин. От тебя требуется сущий пустяк — ни на шаг не отходить от нее в школе. В прямом смысле ни на шаг. Поняла?

— Да! Для меня это совсем не сложно, мне нравится находиться рядом с ней!

Не успела я и моргнуть, как почувствовала удар об стену, выбивший воздух из легких, и пальцы, обвившие горло. Господин вздернул меня в воздух, смотря с бешеной яростью. Острый коготь скользнул по щеке. Кажется, на воротник упала капля крови.

— Не перебарщивай, — угрожающе прошипел он. — Она наша. Не твоя.

Я не в состоянии была говорить в таком положении, но попыталась прохрипеть: «Я и не думала!»

Он резко разжал свою железную хватку, и я упала, судорожно хватая ртом воздух.

Он развернулся, бросив мне шарф, и уже на пороге произнес:

— Замотаешься, чтобы не было видно синяков. И не забывай о задании. Сама знаешь, мои приказы должны исполняться беспрекословно. Если не хочешь умереть, разумеется.

Хель-II

Никогда не любила большие здания с ответвлениями коридоров и помещений. Поворот не туда, и уже не знаешь, какой ориентир искать и куда направляться, чтобы выбраться из петли. Эта школа относилась к разряду лабиринтов — не такая уж крупная, но испещренная тупиками, словно шрамами, предназначение которых оставалось тайной за семью печатями. Столичная школа была проще — лестница слева, лестница справа, напротив главного входа — столовая и спортзал. Ничего сложного. Но здесь… не учебное заведение, а муравейник. Мимолетное наблюдение: и ученики порой путаются — приходят к кабинету, видят чужой класс и несутся прочь, как ошпаренные, ведь звонок должен прозвучать через минуту. Сначала я думала, что они, возможно, тоже недавно сюда перевелись и потому немного дезориентированы, но вспомнила слова Арлекин о том, что я первая новенькая за несколько лет. Резонно лишь признать, что школа запутанная, вот и ошибаются даже те, для кого она успела стать вторым домом.

Перед Арлекин я храбрилась, заявляя, что разберусь без проблем. В действительности же ситуация обстояла не столь оптимистично — после того, как она убежала на встречу с загадочным потенциальным поклонником, я добрых двадцать минут блуждала по зданию в поисках кабинета литературы. Положение ухудшало также то, что номера далеко не всех помещений соответствовали этажу — двести двадцатый мог быть на первом, триста двадцать второй — на втором. Если задуматься, план здания был не таким уж мудреным, смущала скорее беспорядочность номеров. Однако я и с ней справилась, мотаясь туда-сюда, — ворвалась в класс как ураган и плюхнулась на место аккурат, когда трель заглушила разговоры школьников.

На уроке Арлекин не появилась. С ее стороны парты шел странный холод — вроде и плод воображения, но ощутимый. Разнервничавшись, я едва дотерпела до конца занятий — вдруг с ней что-то произошло? Однако беспокоилась зря — она обнаружилась в туалете, расчесывающей волосы гребешком, похожим на те, чьи изображения мелькают в энциклопедиях по славянскому фольклору. То и дело она поправляла красивый шарф под цвет формы. Раньше его не было, но я не стала спрашивать, откуда она его взяла — и так ясно, тот самый парень подарил. Уж слишком лихорадочно блестели ее глаза.

После казусов не происходило. Арлекин вилась за мной как приклеенная. Это не особенно напрягало, но вызывало

недоумение — она и раньше не соблюдала дистанцию, однако теперь переступала все границы. После уроков она даже вызвалась проводить меня до дома. Я пыталась отказаться, уверяя, что знаю дорогу и не хожу по проезжей части, но она не желала слушать, демонстративно зажимая уши. Нельзя сказать, что я расстроилась по этому поводу — Арлекин развлекала мастерски, шутя и строя такие рожи, что поневоле рассмеялся бы даже самый безразличный и жестокосердный человек.

В итоге расстались мы только у подъезда. Прежде чем уйти, она крепко обняла меня и порывисто поцеловала в щеку. По мне — пошлая «традиция», но в ее исполнении это выглядело искренне. К тому же от нее приятно веяло цитрусами.

Поднималась я по лестнице, игнорируя существование лифта, медленно, рассматривая каждую ступеньку, вытирая ноги о каждый расстеленный коврик и пиная оставленные местными «весельчаками» пустые бутылки в темные углы. Отец наверняка не вернулся с работы, а вот мама совершенно точно дома с братом — сегодня у него нет дополнительных занятий, оставить его одного она не может, поэтому по своим делам не отлучится.

Пересекаться ни с кем не хотелось. Братец со стопроцентной вероятностью припомнит утреннее происшествие, а мама не воздержится от поучительной лекции о том, что мне нужно изменить свое поведение. Но выхода не было — раз они дома, дверь закрыта; чтобы попасть в квартиру, нужно звонить в звонок. Кто-нибудь откроет, и я окажусь с ними лицом к лицу.

На минуту я вполне серьезно озадачилась: а не скоротать ли ночь в местной гостинице, выключив телефон? Немного денег лежало в потайном кармане рюкзака, наверняка хватило бы и, быть может, даже на завтрак. Однако, как ни тяни время, час расплаты грянет. Перед входной дверью я стояла как на эшафоте, нажимая на неприметную белую кнопочку. Отзвучали установленная бодрая мелодия, радостный вскрик брата «это папа?!» и короткие шлепающие шаги матери. Замок щелкнул, изнутри дыхнуло плотным ароматом томящегося на плите ужина.

— Привет, — подбоченилась я.

— Привет, — нейтрально произнесла мама, пропуская меня внутрь.

Я старалась не смотреть на нее, заслонив лицо распущенными волосами и старательно снимая обувь.

— Чем заниматься будешь? — облокотилась о стену она.

— Да так… Уроки сделаю, погреюсь в ванной и спать. Хочу лечь пораньше.

— Поужинаешь?

— Нет, спасибо. Плотно пообедала в школе, — соврала я.

На самом деле, на обед я не пошла из-за того, что Арлекин в упор отказалась спускаться в столовую, утверждая, что еда там отвратительная. Я склонялась ей верить, но о том, как буду обходиться без еды до завтра, как-то не спохватилась.

— Оставлю тебе отдельную порцию в холодильнике на случай, если все-таки захочешь поесть. Накрою зеленой крышкой.

Считай, проблема решена — главное, подгадать момент, когда поблизости никого нет.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Не за что.

И мама скрылась на кухне. Я зашла в ванную, чтобы помедитировать над раковиной, отогревая пальцы, а затем закрылась в комнате, достала дневник с пеналом и поудобнее уселась за письменным столом. С уроками не оттягивала — лучше сразу отмучиться, а вечером отдыхать.

Два часа я исправно занималась. Сделала задания на день вперед, чтобы после завтрашней тренировки ничего не делать, и решила, что на сегодня довольно. Тело ломило, голова раскалывалась. Горячая ванна была лучшим вариантом, поэтому я взяла так и не дочитанный рассказ, пижаму и полотенце и незаметно выскользнула из комнаты.

Кипяток с рокотом наполнил ванну. Листы с рассказом я положила на корзину с грязным бельем, чтобы не намочить, повесила полотенце на бортик, скинула одежду и с удовольствием забралась под кран, чтобы не замерзнуть. Перебравшись на противоположный край ванны, вытянула ноги и едва сдержала порыв нырнуть и свернуться в калачик на самом дне. Было тепло и невыразимо хорошо, так что веки тут же потяжелели. Однако я все же вытерла руки о висящее на бортике полотенце и взяла листы. На их поверхности все равно выступили еле заметные мокрые пятна, но в этом не было ничего страшного, и я с чистой совестью принялась за чтение.

> Люди быстро забыли об изначальных богах, и те покидали насиженные места, расселяясь все дальше по сторонам света, оставляя после себя лишь смутные свидетельства своего существования. Человеческие жилища и святилища разрушались, уходя под землю. Смертные утратили трепет и отныне не провожали души убитых на охоте животных песнями. Они не помнили о том, что в любой момент перед ними может встать божество в облике зверя, чтобы покарать за грубое обращение с собратьями.
>
> Связь между Изначальными и людьми разрушалась.

Однако в то же время крепли иные узы — между людьми и богами в человеческом обличье.

Эти странные существа с телами и лицами смертных, но с божественными дарами, явились неожиданно. Изначальные посчитали их чужаками, затем — новыми созданиями неведомого Творца, и лишь позже осознали Истину. Новые боги являлись плодом человеческого воображения — люди, не встречавшие зверей-покровителей, сочиняли сказки о могущественных богах, подобных себе, и сами же в них верили. Те родились из этой веры.

От десятилетия к десятилетию, от жертвы к жертве их могущество возрастало, и вскоре они могли посоперничать с Изначальными за власть. Когда-то они странствовали, свершая лишь простые чудеса, а отныне имели власть сжигать поля, насылать саранчу, морить скот, разрушать, но и исцелять — коровы давали много молока, урожай не умещался в амбары, дожди поливали плодотворную почву.

Изначальные отступили, слились с природой, перестали воевать за веру смертных, научились жить без почестей. Не в меру гордого и самовлюбленного Лиса это возмущало, рассудительного Волка же ничуть не беспокоило. Они по-прежнему были способны своей силой превратить мир в горстку пепла или озарить его солнцем, но использовали свои возможности, лишь чтобы убежать от охотников, не способных отличать простых животных от божественных, или принять человеческий облик. К счастью, своего гостеприимства смертные не растеряли, и гость был для них неприкосновенен.

Изначальные свыклись со своим положением, а некоторые даже сочли, что теперь, когда не нужно ни о ком заботиться, живется лучше — не нужно откликаться на призывы волхвов и шаманов, можно сколько угодно летать, бегать, плавать, дышать.

Века утекали как вода. Люди воевали, женились, молились своим богам и проливали кровь. Те боги наблюдали за ними, упиваясь своей силой, порой спускаясь к подопечным, но вновь возвышаясь в райские кущи, откуда так удобно раскладывать партию в шахматы, используя смертных как фигурки.

Изначальные не зависели ни от кого. Люди их не помнили, незваная замена перестала обращать на них

внимание, ведь они не претендовали на любовь их пешек. Однако люди всегда идут вперед, оставляя истину позади — такой жестокий, но яркий мир не мог существовать вечно. Идолы были свержены, и на место богов с человечьим ликом пришел новый Бог — Единый.

Первоначальные предполагали, что их некровные потомки, некогда занявшие их трон, присоединятся к ним и будут созерцать изменения мира, не вмешиваясь в него. Они ошиблись. Боги-люди не вынесли разрыва со смертными, утратили силу, зачахли и рассыпались в прах — оставив после себя лишь легенды.

Боги-звери недоумевали. По какой причине, почему их младшие братья и сестры исчезли, а они выжили?

Искра Создателя внутри шептала: «Потому, что вы Истина». Истина, от которой люди отказались, отдав собственную судьбу одной великой иллюзии.

Строчки прервались. Я еще долго держала листы — в груди словно птица билась и кричала, что когда-то я это уже слышала. Не здесь, не недавно, возможно, вовсе не в этой жизни, но кто-то рассказывал мне нечто подобное. История казалась смутно знакомой, словно сон.

Из пучины этого странного состояния меня выдернула громкая трель дверного звонка. Я поспешно вытащила затычку, выскочила из ванны, схватила лишние вещи и на цыпочках выбежала в коридор. Как назло, отец стоял спиной ко мне. Любой шорох — и обернется. Я отчаянно огляделась. До комнаты ринуться не успею; хотя отца кое-как отвлекает разговорами мама, он выловит меня еще до того, как запрусь на замок. Залезть в шкаф? Он не закрывается; чтобы выудить меня оттуда, понадобится лишь отодвинуть заслонку.

Взгляд зацепился за кладовку, разведывать которую мне еще не доводилось. Я не имела ни малейшего представления, что там лежит и чем она пахнет. Однако единственное, что могло меня волновать в данный момент — открыта ли она. Как балерина, чуть ли не по воздуху, маленькими шажочками я направилась к ней. Мать по-прежнему разговаривала с отцом, он что-то сухо ей отвечал.

Наконец, я сжала ручку и плавно повернула ее вниз. Дверь покорно отворилась с еле слышным скрипом, и я змеей скользнула внутрь.

Пахло тут как в моей столичной комнате — пылью. Сразу разобрало желание покопаться в здешней «свалке». Обычно именно в таких местах находится что-нибудь по-настоящему

интересное. Я уже настроилась на приключения и прекрасное времяпрепровождение, но воодушевление тут же сошло на нет. В тот самый момент, когда взгляд сфокусировался, я увидела сидящего на полу человека.

Посреди помещения, заставленного всякой всячиной, был расстелен ковер, на котором валялись диски, книги, журналы, упаковки из-под орехов и сока, напротив — шелестящий телевизор. И, окруженный всем этим, откинувшись на прислоненную к горе ненужных вещей толстую подушку, полулежал… Пак.

Кажется, он вовсе меня не заметил — ел орешки и мурлыкал что-то себе под нос, завороженно следя за происходящим на экране.

— Ты что тут делаешь? — удалось, наконец, прошипеть мне.

Он невозмутимо дожевал лакомство:

— Отдыхаю. Это и моя кладовка тоже.

— Как это — «и моя тоже»? Это моя квартира, забраться сюда получится только из нее! Как ты к нам пробрался?

Мама же дома была! Или он прокрался, когда она отходила?

Пак закатил глаза, всем видом говоря: «Твоя тупость поражает».

— Хелюшка, будь добра, включи мозги. Наши квартиры совмещены, точка состыковки — кладовка. Сюда вход из двух квартир. — Он мизинцем руки, в которой держал пакетик со снеками, указал на дверь напротив той, через которую прошла я. — Видишь? Это мой вход, а твой напротив. Так что я без проблем могу заглянуть к вам, а ты — ко мне. Хотя, право, я удивлен, что ты сюда попала. Мне казалось, бывшие соседи все заколотили.

Он что, часто к ним ходил? Иначе зачем бывшим жильцам заколачивать кладовку?

Кто вообще так строит дома? Почему в этом городе все не как у людей?

— Да не кипятись ты, — беззаботно рассмеялся лис. — Не буду я вас навещать, у тебя брат — мелкое буйное недоразумение, терпеть не могу таких детей. Хорошо хоть, ты не такая. Хотя, чего греха таить, есть у тебя это псевдоаристократическое самомнение и чувство собственного величия. Снежная королева.

— Не тебе судить.

— Это да, но согласись, истину глаголю. О, кстати, ты что тут забыла? Нарушила мое личное пространство и еще претензии предъявляет. А-та-та, нехорошо!

От приторно-сладкого голоса сводило скулы, но я все же вяло

огрызнулась:

— Не твоего ума дело.

— Предки доконали, — понимающе кивнул Пак. — Ну, они тебя отсюда не услышат, если, конечно, не стоят вплотную к стене, так что можешь приходить и вымещать злость на неодушевленных предметах. Как король сего места великодушно позволяю.

Я фыркнула:

— Король сего места? С чего бы это?

— Я же первый тут обустроился, значит, ты под моим командованием.

— Размечтался!

Лис, хохоча, похлопал по ковру:

— Ладно, ладно. Расслабляйся, вместе фильм посмотрим. Тебе нравятся боевики?

— Нравятся.

— Вот и чудно! Предлагаю соседское перемирие. Орешков?

Тяжело вздохнув, я загребла целую горсть, тут же получив пинок локтем в бок от Пака, возмутившегося тем, что я беру так много. Отмахнувшись, что он сам предложил, я присела на край ковра и уставилась в экран. Фильм только начинался.

* * *

Вечер, как бы ни хотелось признавать, прошел на ура. Мы досмотрели фильм и даже немного поболтали. Из беседы я узнала, что он живет с бабушкой и дедушкой, а его родители работают в другом городе и приезжают редко, что он неплохо учится, но учителя его не любят, и что он занимается танцами в школьном кружке. Никогда бы не догадалась, что такой человек, как он, увлекается бальными танцами.

Разумеется, были в незапланированной встрече и минусы. Точнее, один — отец и мать шастали по квартире, и их шаги эхом отдавались в кладовке. Я дергалась и ловила на себе недовольные взгляды Пака. И все же это отвлекло от тревог о назначенной игре в вышибалы. На волнения не было времени — приходилось то слушать разглагольствования Пака, то огрызаться на его нападки, то прислушиваться к шагам, то погружаться в фильм и не замечать ничего вокруг. Ближе к ночи, когда настала пора расходиться, глаза слипались, голова гудела, и думала я только о кровати со взбитыми подушками. В итоге едва на экране телевизора поплыли титры, мы дали друг другу пять и попрощались. Родители уже заперлись в спальне, из-под двери

которой на пол падала широкая полоска света. Я удачный шанс не упустила — юркнула в комнату.

С утра же волнение навалилось в полной мере. Сжималось сердце, тряслись руки. Собиралась я, как в мареве, рисуя картинки предстоящей игры. Она не была серьезной, никаких поводов для мандража, но осознание того, что она устроена специально, чтобы проверить мои способности, камнем давило на плечи. Я не могла позволить себе опозориться, иначе… А иначе?

И кто меня за язык тянул? Надо было поддаться лени!

Первым делом я собрала спортивную сумку и лишь затем подготовила учебники. Быстро оделась и, закинув поклажу за спину, отправилась в гимназию.

Так похолодало, что, оказавшись вне подъезда, без особых раздумий я направилась к остановке. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что неплохо было бы, если бы Пак меня подвез. Да, находиться с ним не особо приятно, зато на машине ехать удобно. Та стояла возле тротуара, припорошенная снегом. Интересно, он скоро выйдет?

Я резко мотнула головой. Нет, нельзя об этом. Если попрошу, он до конца жизни будет припоминать этот случай. Одна поездка в автобусе никого не убивала. Наверное.

В итоге до школы я добралась на маршрутке. Свободное место выпало у самого входа, что не могло не радовать, и до нужной остановки я доехала в относительном тепле, а потом бежала до крыльца, чтобы не превратиться в ледяную статую.

У гардеробной меня перехватила Арлекин, как всегда энергичная. Обычно я легко ограждалась от людей и пропускала мимо ушей их болтовню, однако с ней невозможно было сосредоточиться. Мысли норовили вернуться к вышибалам, но она успешно отвлекала, поэтому все шесть уроков я думала о чем угодно, но не об игре. Беспокойство почти улетучилось… До тех пор, пока не прозвенел последний звонок этого дня.

Арлекин заметила мою дрожь и погладила по плечу:

— Не парься, все будет хорошо. В конце концов, я с тобой в команде.

Переодевшись, мы спустились в спортзал. Возле него собралась целая толпа. Все переговаривались, не скрывая ожидания.

— Это что? — спросила я, невольно сжав рукав кофты Арлекин. — Почему они все здесь?

— Мы же со старшими лисами играем, а такие матчи, пусть и пустяковые, пользуются популярностью, — пояснила она. — Обычно игра идет напряженная, потому что и у нас, и у одиннадцатого есть свои сильные стороны.

— Со старшими лисами?! Разве участвует не только твой класс?..

— Не «мой» класс, а «наш».

В голове словно взорвался улей, и теперь миллионы пчел жужжали над ушами. Пришлось мотнуть головой, чтобы привести мысли в порядок.

— Неважно, не об этом сейчас! Марина говорила, это просто тренировка. Значит, только в пределах десятого…

— Не-а! — хихикнула Арлекин. — У Марины правило: если она проверяет силы игрока, она никогда не ограничивается классом, в котором он учится. Чтобы заставить показать потенциал полностью, она встряхивает его при помощи более продвинутой команды.

Сказано это было таким тоном, словно в этом нет ничего особенного. А ведь я практически до конца угомонилась!

Все будут смотреть на меня. Сидеть на низких скамейках, внимательно следить за моими действиями и свистеть в знак разочарования…

Унижающий звук раздался, как наяву.

Из пучины отчаяния вывел подозрительно знакомый топот.

По лестнице поднималась Марина. Она буквально сияла, и ничего хорошего это не сулило.

А ведь эта женщина производила впечатление весьма милой персоны.

«Впрочем, — слабо колыхнулся оптимизм, — все могло бы быть гораздо хуже. Например, если бы сюда пришла вся школа; поэтому ликуй, что спортзал недостаточно большой, чтобы всех вместить».

Марина подмигнула, проходя мимо, и повернула ключ:

— Открываемся! Прошу всех внутрь!

Толпа взбудораженным густым потоком влилась в помещение. Меньше чем через минуту, все скамейки были заняты, кому-то даже пришлось садиться на колени к друзьям. Игроков вычислить было легко — по спортивной форме. К тому же они стояли у линии, разделяющей зал пополам. Некоторые были мне знакомы, других я видела впервые.

— По-ойдем, — прощебетала Арлекин.

Заметили нас с ней еще до того, как мы присоединились к собравшимся. Какой-то парень с шелковыми солнечно-золотыми волосами выглянул из-за спины своего огромного товарища:

— О, Хель?! Приятно познакомиться! Наслышаны о тебе!

— Да я уже поняла…

— Простите ее неприветливость, — вклинилась Арлекин. — Она нервничает, вот и такая недружелюбная. Обычно она рада

новым знакомствам.

Блондин рассмеялся:

— Не нервничай, Хель! Мы не такие страшные. Но в игре пощады не ждите, мы сюда не сопли вам утирать пришли.

Было по-прежнему жутко, но, посчитав, что демонстрировать слабость позорно, я сложила руки на груди:

— Вы тоже не расслабляйтесь, — и было смутилась из-за того, что произнесла традиционную фразу капитана команды, но довольный шепот одноклассников меня успокоил.

Блондин улыбнулся еще шире:

— Продолжай в том же духе.

Я хотела в грубой форме попросить его не смотреть на меня свысока, но сделать этого не позволил свисток и последовавший за ним вопрос Марины:

— Все?

— Да, — откликнулся блондин. — Моя команда готова принять бой.

«Моя команда»? Неужели этот парень — капитан? А выглядит таким… Хрупким.

— Мы покажем, где раки зимуют, — самоуверенно заявил капитан моего класса, ухмыльнувшись, и резко повернулся ко мне. — Хель, сделай так, чтобы мы их наконец победили!

— Я же не великий герой-спаситель…

— Но можешь стать им, — возразила Арлекин. — Играй сначала так, чтобы попасть к нам, а дальше раскачаешься так, что при нашей помощи втопчешь их в пол. — Она сжала кулак. — Мы в тебя верим.

О, лучше бы вы заранее были во мне разочарованы…

— Становимся! — приказал капитан. — Киар, сегодня ты впереди. Хель, назад, Арлекин, прикрывай ее! Давайте, покажем, кто тут хозяин! Ловим мяч во что бы то ни стало, бьем со всей силы!

— Милый, пафосные речи не помогут, — рассмеялся блондин. — Просто смирись.

— Заткнись! — рявкнул стоящий рядом парень.

— У, какой агрессивный. Не рычи на старших, маленький.

— Солейль, ты…

Перепалка зашла бы дальше, если бы не оклик Марины, расположившейся в середине зала:

— Парни, брейк! Пора. Чем раньше начнете, тем раньше разойдетесь. Играем до двадцати! Поехали!

Блондин с прозвищем Солейль занял позицию, словив напоследок убийственный взгляд от всех членов нашей команды.

Сердце четким ударом отдалось в висках.

Мышцы напряглись, зрение и слух обострились. Ноги сами согнулись в коленях, корпус подался вперед. Я словно ощущала стоящих рядом людей, могла предсказать, что они сделают в следующий момент. От них пахло адреналином и полной готовностью прорваться через стену силы соперника, чтобы одержать над ним верх.

В своем желании они возлагали надежды на меня — я не понимала почему, но намеревалась их оправдать.

Мяч просвистел будто над самым плечом, но запустили его в добрых трех метрах от меня — его бросила забавная девчонка с двумя косичками из нашей команды. Если память мне не изменила, носила она кличку Стрелок, и оно ей соответствовало во всем — каждое редко оброненное слово в цель, снаряд — аккурат в противника.

Так случилось и в этот раз. Мяч подлетел практически под самым потолком и резко сменил траекторию, нырнув вниз. Одиннадцатиклассники зашевелились, кто-то вскрикнул. Один из них отбежал на несколько шагов назад, чтобы не дать нашим «пленным» поймать его. Судя по шепотку моих товарищей, они были уверены, что у него ничего не выйдет, однако…

Ловкости парня можно было позавидовать. Причудливо крутанувшись на месте, он легко схватил мяч, устремившийся прямиком к линии, буквально в нескольких миллиметрах от нее. Одно неверное движение — и мы заработали бы очко.

Он ухмыльнулся и, широко замахнувшись, бросил его. Казалось, тот просто слился с воздухом, и через несколько секунд на нашей стороне зала послышался болезненный вздох. Один из парней упал как подкошенный, схватившись за ногу.

Вражеская команда восторженно взвыла. Наша сквозь стиснутые зубы процедила ругательства. Стрелок помогла подняться выбитому — тот прихрамывал и морщился от боли.

— Эй, Хейвен, все в порядке? — осведомилась Марина, дунув в свисток, чтобы все замолчали.

Он кивнул и поднял вверх большой палец, заковыляв к «пленным». Учительница дала сигнал к новой «партии»:

— Один ноль в пользу одиннадцатого!

— Догоняйте, маленькие! — поддел Солейль. — Мы вас ждем!

Один из моих товарищей со всей силы пульнул в него мяч, но капитан старших лисов без труда его поймал. Одной рукой. Да еще ехидно восхитился:

— Классный бросок!

К горлу поднялось раздражение. Не так я представляла начало игры. Нечестно!

— Готовимся! — приказал капитан.

Сейчас нужно выбить одного из них. Если разрыв станет больше двух, боевой дух команды подорвется, а это самое опасное.

Ненавижу проигрывать.

Свисток.

Подающий, подпрыгнув на задней линии, бросил мяч. Как и прошлый, он взмыл под потолок и, едва не касаясь его, нырнул вниз, будто по поверхности детской горки. Наша команда затрепетала и засуетилась, пытаясь вычислить, на кого он упадет. Мне не стоило беспокоиться — я стояла слишком далеко; протянув руку, коснулась бы рук вражеских «пленных», стоящих в футбольных воротах на нашей стороне зала. Здесь мне практически ничего не угрожало — нетрудно догадаться, что меня берегут. Непонятно только для чего. Вышибалы — не та игра, в которой возможны резкие повороты «сюжета», так что нет нужды хранить козыри.

Особенно если у этих козырей от них только название.

Определить, кого же отправит к «пленным» снаряд, так и не получилось — народ просто бросился врассыпную, и он с глухим стуком ударился о пол.

Что ж, не так плохо.

— Я подам, — мрачно объявил парень в черной футболке, подняв мяч и медленно направившись к задней линии. Стрелок покорно спорхнула с нее.

Одиннадцатиклассники заулюлюкали.

Взгляд сам собой зацепился за Солейля. Он стоял в передних рядах, пристально подмечая каждое движение нашего подающего, словно пытался просканировать его и предсказать, как именно тот произведет подачу. Неприятно, но ему это явно удалось — не зря его губы растянулись в легкой улыбке, а в глазах заискрилось превосходство.

Набрав в легкие как можно больше воздуха, парень в черной футболке с ревом запустил мяч. Он полетел по прямой, аккурат в Солейля — и это была огромная ошибка.

Блондин грациозно отпорхнул в сторону. Оказалось, прямо за ним стояла маленькая хрупкая девушка. Посмотришь — ей не хватит сил на перехват с такой силой брошенного снаряда. Но она, вопреки всем ожиданиям, поймала его. Скривилась, пошатнулась, но удержала.

— Я знал, что у тебя получится! Молодец! — похвалил ее Солейль. Девушка вымученно улыбнулась.

— Супер! — поднял большой палец вверх другой парень. — Давай сюда!

Она легко кинула ему мяч, и он, едва коснувшись мяча ладонями, послал его в нашу сторону.

Скорость у него была низкая. Ничтожно. Не стоило никакого труда перехватить, но тем не менее он все равно попал в цель — в девчонку из моего класса. В попытке схватить его она прыгнула вперед, но безуспешно — тот коснулся ее запястий и отскочил в сторону. Таким образом она оказалась в «пленных».

Капитан чертыхнулся и оглядел зал затравленным взглядом. Ему явно не нравилась сложившаяся ситуация. Начало игры, а два очка уже потеряны. Смех и веселье соперников лишь подогревали обиду — и его, и команды, и мою.

— Два ноль в пользу одиннадцатого, — объявила Марина.

Свисток.

Мяч взмыл вверх настолько высоко, что, кажется, задел потолок, но свистка не последовало, и сам собой напросился вывод, что этого все-таки не произошло. Он сделал широкую дугу и направился прямиком к… нашим задним рядам!

Глаза поймали снаряд и мгновенно высчитали вероятность того, куда он попадет. Вышло, что он либо угодит прямиком в руки вражеских «пленных», либо ударится об пол, если они не успеют среагировать — а они успеют, — либо кому-то из наших удастся его поймать, и тогда мы получим лишнюю возможность сократить счет на очко.

Два шага назад — и я пересеку линию. Даже если схвачу мяч, это не будет считаться — меня дисквалифицируют, а одиннадцатый получит дополнительный балл. Арлекин стоит чуть спереди и не понимает, что делать — просто смотрит на мяч. Значит, надежда на меня.

Терпеть не могу брать на себя ответственность. Не переношу, когда на меня делают ставки. Но проигрывать ненавижу еще больше.

Вся сила сосредоточилась в ногах. Полтора шага назад, прыжок со всех сил — и шершавая поверхность касается ладони.

— Да! — взревел капитан. — Сокращай отрыв, Хель!

Три шага на разбег — и бросок. Резкий, такой, что плечевой сустав издает опасный хруст на грани вывиха.

Разумеется, сила моя не так огромна. Зато контролирую траекторию я куда лучше.

Мяч просвистел над линией и свалил с ног одного из противников. Он просто не сумел вовремя осознать, куда придется удар.

— Два — один в пользу одиннадцатого! Счет сократился на очко!

— Черт возьми, да!

Восклицание капитана было совершенно немудреным, однако боевой дух команды подняло на раз-два. Зато настроение соперников омрачилось — потемневшие глаза и сосредоточенный вид Солейля убеждали в этом как ничто иное.

Два — один. Пустяковый счет. Все еще впереди. Но одиннадцатиклассников наш маленький успех, ничтожная победа, изрядно задел — они наверняка надеялись выиграть всухую. Впору бы злорадствовать, да вот только нужно дойти до двадцати — за это время нас могут втоптать в грязь так, что не оправишься. Поэтому непозволительно расслабляться.

Солейль, может, и выглядит, как ангел, а должность капитана получил наверняка не за красивые глаза. Или, по меньшей мере, не только за них. Неизвестно, что он может сделать ради того, чтобы мы познали вкус поражения…

* * *

Еще одно очко — и счет сравняется. Дальше проще — воодушевленные, мы начнем двигаться вперед семимильными шагами, не обращая внимания на возникающие препятствия. Это не домыслы, а факт. Люди склонны отчаиваться, но они также могут и воспрянуть, убедиться в своем триумфе, разрушить любую стену.

Одиннадцатиклассники, с какой стороны ни посмотри, были стеной, широкой, прочной. Их расстановка, физическая форма, манера игры — все говорило о том, что так просто их не сломить. Они, привыкшие побеждать, совершенно не умели проигрывать, и наш успех мог вызвать их ярость, а ярость, как известно, лучший в мире двигатель. Однако мы тоже не так предсказуемы.

Солейль смотрел с любопытством и снисходительностью. Это подняло во мне волну обиды — да кто любит, когда кто-то считает себя настолько выше остальных, что принимает их за умилительных щенков, крутящихся под ногами. Готова голову отдать на отсечение, именно так он нас и воспринимал: как зверят, показавших зубки, еще не способных принести какой-либо вред, лишь так, слегка поцарапать, всего-то до пары капель крови, и был уверен, что сумеет одним пинком разогнать нас и заставить поджать хвосты.

— Хель, займи место Герды, — распорядился капитан.

Я перебежала в средний ряд. Арлекин проводила меня ободряющим взглядом. Оттуда она меня, конечно, не прикроет, но не думаю, что это на самом деле так необходимо — словила один раз, словлю и второй. Даже если кинут так, что переломают

кости.

— Похоже, они решили укрепить оборону, — послышалось со скамеек.

— Да-да, Хель же вроде сильная, значит, решили применить ее способности…

— Так быстро? Эй, я ожидал, нас подольше подержат в напряжении!

— Согласна-согласна! Два один всего лишь только! Не дошли даже до десяти, а уже задействуют Хель!

Я кожей ощущала множество взглядов, направленных на меня — возбужденный от Марины, которой не терпелось увидеть, на что я способна, оценивающий от Солейля, нетерпеливый от простых зрителей и еще один, ни на что не похожий. Уже несколько раз перед свистком я поворачивалась, пытаясь разобрать, кому же он принадлежит, такой и теплый, и холодный одновременно, но безуспешно — не хватало времени.

Свисток.

Мяч был наш, и держала его Стрелок. Как и ожидалось, честь открыть нам дыхание оказали ей как лучшему подающему. Она стояла на задней линии, глубоко вдыхая. Спустя несколько секунд она сделала шаг назад и выполнила бросок.

Мяч сделал ровную дугу. Задние ряды одиннадцатого класса заметались, но не смогли ничего сделать — он попал к нашим «пленным».

За членами команды было не разглядеть их действий, но восторженный вой и последовавший за ним свисток показали, что они справились и выбили, судя по всему, кого-то стоящего рядом с ними.

— Два — два! — объявила Марина.

На этот раз реакция моих товарищей была не такой бурной, как при первом заработанном очке, но воздух нагрелся от радости. Само собой я покосилась на Солейля. Он пожал плечами и начал что-то говорить своим ребятам — наверное, новая тактика. Вслушиваться не было ни возможности — слишком громкий гул голосов на фоне, — ни желания. Хотя, пожалуй, следовало бы — вдруг узнала бы что интересное?

Свисток.

Наш мяч. На задней линии та же Стрелок — ее последняя подача, нельзя больше двух зараз. Не решающая, но все же если с ее помощью удастся выиграть очко, будет неплохо.

Она сделала глубокий вдох, и снаряд взмыл вверх.

— Грей, лови! — ахнули на той стороне зала.

Парень в синей футболке подпрыгнул вверх, как на батуте. Сердце сделало сильный удар — нет, невозможно так высоко!

Приземлился он с таким грохотом, что, казалось, школа начнет обваливаться в этот же момент, и мы окажемся погребены под балками. Ухмыляясь, он держал наш шанс в руках.

Я выругалась тихо, но содержательно.

Хмыкнув, он принялся демонстративно разминать плечевые суставы, словно говоря: «Сейчас от вас мокрого места не останется». На первый взгляд могло показаться, что это всего лишь демонстрация повышенного чувства собственного величия, но на самом деле довольно удачный ход — заставить противников ждать, нервничать, накручивать на себя и в итоге проиграть.

Живот скрутило от отвращения. Впрочем, на то они и лисы, чтобы использовать грязные трюки, при этом не нарушая правил. Волки наверняка постоянно проигрывают не из-за отсутствия сил или умений, а своей бесхитростности, по которой лисы и бьют.

Одиннадцатиклассник встряхнулся и с громким свистом пульнул мяч в другой конец зала.

Наши не успевали понять, как его поймать и, боясь быть выбитыми, отступали в стороны. Я утешалась мыслями, что это не так уж ужасно — зато у нас не отберут одно очко за выбывшего члена команды.

Однако было бы куда лучше…

— Два — два, мяч десятого.

— Дайте мне, — потребовал парень в черной футболке. — Я кого-нибудь да вышибу!

Звучало это с такой угрожающей уверенностью, что ему доверили бросок. И не зря.

Он подпрыгнул вверх, и снаряд полетел с такой силой, что воздух зазвенел, словно разрезаемый стрелой. Попал он прямо в ту девушку, которая схватила его в прошлый раз, когда он кидал, после того, как Солейль отошел в сторону. Она болезненно вскрикнула, по инерции отойдя на несколько шагов назад.

— Три — два в пользу десятого!

Солейль похлопал ее по плечу, и она вяло поплелась занимать позицию среди «пленных». По его губам удалось прочитать: «Мы еще отыграемся».

Я мрачно подумала: «Да кто же вам позволит».

— Молодец! — похвалил капитан парня в черной футболке. — Еще раз!

— Да с радостью!

— Приготовились, пошли!

Свисток.

Он снова бросает. Мяч набирает скорость, но… Его перехватывает Солейль — играючи, словно нечто незначительное,

пустяковое, — подкидывает вверх и склоняет голову к плечу:

— Далековато вы забрались, не находите?

Слова вырвались из горла неожиданно даже для меня:

— А ты так давно забрался на трон, что уже забыл, как быть хорошим королем?

Зрители на скамейках, не вслушиваясь в наши диалоги, продолжали чесать языками, но все, кто участвовал в игре, замерли. На лицах одиннадцатиклассников отразился обескураженный испуг, словно я оскорбила бога.

Пожалуй, будь я в более адекватном состоянии, не столь расшатанном и раздраженном, промолчала бы. Проглотила эмоции и выместила их на снаряде, возможно, отвоевав еще пару очков, но предпочла выплеснуть их в воздух, о чем впору было пожалеть. Однако разум затягивала пелена насмешливого презрения, и я не могла прикусить язык.

С каждым словом взгляд Солейля становился жестче.

— Заговариваешься, — без выражения произнес он, особенно сильно ударив мячом по полу. Это следовало рассматривать как угрозу.

— Слишком много о себе думаешь, — не осталась в долгу я.

— Я мог бы тебя простить, в конце концов, ты у нас всего лишь несколько дней и еще не знаешь, что к чему, но ты чрезмерно груба, поэтому тебя придется проучить…

— Ты ничтожество, раз опускаешься до патетических речей.

В голубых глазах вспыхнула ярость. И меньше чем через секунду мяч полетел прямиком в меня. Закрученный, едва ли не искрящийся. Мне даже померещилось, что он рычит, готовясь раскрыть гигантскую пасть и поглотить меня целиком и полностью. Словно этот наглец послал вместе с ним весь свой гнев.

Только он не учел того, что гнев я испытываю хоть и не постоянно, но часто. Поэтому мне, пусть и не без усилий, удалось схватить снаряд — обхватить его руками, чтобы не выпускать во что бы то ни стало, стерпеть боль от удара в живот и сбившееся дыхание, проигнорировать горящие ладони и с оскалом поднять голову, язвительно протянув:

— Говорила же, все не так просто, белобрысый.

* * *

— Восемнадцать — двенадцать в пользу одиннадцатого!

Я едва устояла на ногах, так и норовящих подкоситься. Легкие разрывало на лоскутки, пот тек по лицу и застывал на

ресницах. Впрочем, даже если бы ничто не застилало глаза, ход игры вряд ли бы развернулся в нашу пользу, как ни больно это признавать, — одиннадцатый вошел в раж и представлял собой уже не просто стену, а сметающий все на своем пути ураган, в глубине которого метал молнии Солейль.

Мысли выжигала бешеная злость. Я не сопротивлялась тому, что раздирало меня изнутри, напротив — принимала и давала управлять собой. Ярость позволяла двигаться резче и быстрее, приглушала боль от ударов и не позволяла останавливаться. В игре остались лишь я и Арлекин — остальные кучковались в зоне «пленных». Я выполняла функции атакующего, со всей силы кидая мяч, и успела оставить на нем пару заметных следов, а Арлекин ловко уклонялась от снаряда, обеспечивая нам подачу. Реакцией она обладала завидной. Капитан выкрикивал дельные советы и указания с противоположного конца зала.

Рыжая с треском вырвала нам несколько очков, но особой роли это не сыграло — отрыв стремительно увеличивался. Мы могли только сопротивляться и стараться не упасть в грязь лицом, хотя, по моему мнению, мы уже это сделали.

Я окончательно выдохлась и корила себя — неужто нельзя было во все предыдущие годы жизни повысить выносливость?! Побегала сорок минут по залу и уже не в силах нормально вдохнуть!

Усугубляло ситуацию также и то, что Солейль непрерывно смотрел на меня, унизительно возгордившийся. Порой он подкидывал мяч вверх, будто издеваясь: «Давай же, поймай». Чувствовала я себя при этом как мелкий котенок, валяющийся в ногах старушки и силящийся зацепить шерстяной клубок кончиком когтя.

Самое обидное — он будто лишь чуть запыхался. Утешало лишь то, что и среди них некоторые ребята были явно готовы упасть и уснуть на месте.

Шансы выиграть сводились к нулю. Только мы проводили удачную атаку, одиннадцатый отбрасывал нас в сторону. Я закипала — кто-то говорил, что матчи жаркие, ибо и мы, и они довольно сильны, а я видела только их силу, но никак не нашу!

— Ну, что делать будешь, котенок? Может, сдадитесь? И нам, и себе время сэкономите.

От этого приторного «котенок» захотелось в срочном порядке всунуть в глотку два пальца и хорошенько прочиститься. От Солейля подобное звучало вдвойне отвратительно.

— И не мечтай, — фыркнула я. — Дальше!

— Как пожелаешь, — отвесил он насмешливый поклон и с легкостью передал мяч своему товарищу.

Тот, ухмыльнувшись, отошел на заднюю линию и, свистнув, пульнул его в воздух. На секунду тот завис под самым потолком, а затем спикировал вниз.

Я стояла слишком далеко.

Дыхание сбилось окончательно, но я прохрипела:

— Арлекин!

Она рванула вперед, так что лишь копна огненных волос колыхнулась за спиной, и рыбкой прыгнула, пытаясь заполучить мяч, но он лишь отскочил от ее запястий и докатился до «пленных» одиннадцатого на нашей территории.

— Девятнадцать-двенадцать в пользу одиннадцатого!

Я выругалась.

Встала она, пошатываясь, так что мне пришлось подбежать к ней и поддержать, чтобы не дать ей упасть.

— Прости, — всхлипнула она. — Подвела.

— Ничего страшного. Иди отдохни. Я как-нибудь справлюсь.

Хотя кого я обманываю? При таком-то счете…

— Сдавайся, — пропел Солейль. — Тогда я даже прощу тебя.

— Да кому нужно твое прощение!

Его перекосило.

— Дай мне мяч! — крикнул он, резко разворачиваясь и ловя снаряд, даже не глядя на него. — Молись, котенок.

Я ничего не ответила, лишь приняла стойку и мельком подумала, что не так должна заканчиваться игра.

Солейль напрягся, глубоко вздохнул и совершил бросок. Даже среагируй я в ту же секунду, не успела бы уклониться — так или иначе он задел бы меня. Я честно сделала попытку перехватить его, но успехом та не увенчалась — он заехал мне прямиком в лоб. Кажется, я услышала колокольный звон, но это уже не имело значения — темнота с тихим бульканьем поглотила сознание.

* * *

Раньше я никогда не задумывалась о том, что есть хаос. Это слово встречалось в книгах, в фильмах, везде, даже в вечерних выпусках новостей, но его смысл всегда оставался расплывчатым, как нечто находящееся в зоне недосягаемости, что-то, что невозможно постичь. Причин я не искала. Меня устраивала неприкасаемость хаоса, его призрачность, нереальность.

Возможно, я не могла понять его потому, что жизнь моя текла в одном и том же русле. Семнадцать лет меня окружало одно и то же. Лишь раз сменились декорации,

но действия остались неизменными. Мое бытие — вакуум без кислорода и красок, шар, наполненный мутной водой, который не пробить ни голыми руками, ни холодной сталью. В нем не место беспорядку и непредсказуемости — здесь властвует неподвижность.

И почему меня назвали Хель, а не Статикой?

Однако сейчас, впервые на моей памяти, меня окружал хаос. Хотя прежде мы и не были знакомы лично, я сразу догадалась, что это он. Жужжащая темнота под ногами с рычащими в глубине неведомыми тварями, воронка гула над головой и раскинувшееся во все стороны необъятное пространство, где с воем бродит ветер. Рычащая тьма вокруг, распахивающая пасть все шире, затягивающая все глубже и так и норовящая сомкнуть свои кинжалы-клыки. Только что-то не давало ей этого сделать, из-за чего я ощущала себя мечом в пасти гигантского волка Фенрира.

Не знаю, сколько я стояла так, не двигаясь и боясь закрыть глаза. Однако продолжать так дальше было нельзя. Нужно идти куда-то. Только куда? Здесь не существовало материального, не действовала сила притяжения и не имела власти геометрия, поэтому направиться можно куда угодно. Даже внутрь себя.

Только погружаться в свою душу не хотелось — почему-то казалось, что там я утону и точно не вернусь, куда следует. Поэтому я по привычке повернула направо.

Стекло звенело под давлением прятавшихся чудовищ, и я дрожала от ужаса, ожидая, когда что-то схватит меня за щиколотку и утянет в небытие. Но опора держалась, и я шла, шла и шла, и смирившаяся с возможным исходом, и страшащаяся его.

Вдруг стекло звякнуло, пошатнулось, накренилось так, что пришлось судорожно взмахнуть руками, чтобы сохранить равновесие, но законы, которым подчинялись все в реальном мире, здесь ничего не значили. Я уже падала, но все еще держалась.

Темнота треснула. Белые светящиеся змейки, слепящие глаза, разбежались паутиной, словно в мою невидимую дорогу кто-то кинул камень, проломив ее. С трудом подчинив себе ноги, я отпрыгнула в сторону, но не успела — вместе с осколками полетела вниз. Их звон перекрыл ликующий вой монстров.

Не успела я закричать и позвать на помощь, как воздух выбило из легких лютым холодом. Тело пронзили

острые иглы, я попыталась вдохнуть, но вода хлынула в рот. Понимая, что отправлюсь на тот свет, я поспешно зажала губы руками и рванулась к поверхности.

Однако что-то не давало подняться. Я плыла, плыла, плыла, но глади достичь не могла, хотя, казалось, она мерцала совсем рядом. А кислород сгорал, пятна плясали перед глазами, чужие клыки царапали кожу.

Утопать было мучительно больно. Конечности деревенели, органы заливала соленая от собственной крови вода, но благодатное забытье все не приходило.

Будь у меня возможность, я бы умоляла о расправе.

Чернота окрасилась пронзительно-бордовым.

Я почти потеряла связь с реальностью, когда вода взбурлила. Подняв свинцовые веки, я увидела, как мощные волчьи челюсти смыкаются на вороте моей рубашки, и животное тащит меня вверх под еле слышимый лающий смех кого-то другого. Кого-то злобного, безумного. Одержимого.

С первым вздохом все исчезло.

Я открыла глаза. На этот раз по-настоящему.

* * *

Кожа слиплась от пота, горло словно сдавили раскаленной леской, так что пальцы непроизвольно потянулись к шее, чтобы проверить, все ли в порядке. Ожогов и ран не обнаружилось, равно как и промокшей одежды — сон, сон, просто сон. Кошмар, иллюзия, обман.

Кто-то невесомо прикоснулся к моей спине, заставив меня дернуться, рефлекторно отползти назад, прижаться к чему-то твердому — к стене или к изголовью.

— Тс-с-с, — успокаивающе протянул мягкий женский голос. Я честно попыталась успокоиться, сделала несколько медленных вдохов, чтобы окружающий мир перестал расплываться, и сфокусировала взгляд. Рядом сидела женщина — не очень высокая, в белом халате.

Школьная медсестра? Вполне вероятно — где еще я могла оказаться после того, как меня вырубило мячом?

— Опомнилась, — заботливо констатировала она. — Болит что-нибудь? Голова кружится?

Видимо, взгляд мой был весьма красноречив:

— Понимаю. У тебя ничего серьезного, но в больницу лучше сходить на всякий случай. Пусть тебя хороший врач осмотрит…

Ее прервал скрип приоткрывшейся двери. В помещении показалась черная макушка.

— Здравствуйте. Можно?

— Конечно, Изенгрин, проходи. Ты чего так надолго в школе задержался? Пять часов уже, занятия давно закончились.

Пять часов? Однако долго же я пролежала без сознания…

Волк переступил порог:

— Задержался на дополнительной истории. Нужно было помочь учителю распределить задания. Вы же знаете, он постоянно путается в бумагах.

— Да, Профессор у нас такой. Проходи, располагайся. Может, чаю?

Однако, какая она дружелюбная.

— Не откажусь.

Волк присел на кушетку в полуметре от меня. Я подтянула к себе колени и нахохлилась.

— Слышал, в тебя мяч попал. Голова сильно болит?

Несколько секунд я молчала, взвешивая, отвечать ли. Решив, что молчать невежливо, лениво признала:

— Болит не очень. Кто поделился сведениями?

— Арлекин. Она переживала, расплакалась. Просила извиниться за нее, ей очень нужно было бежать, — он слегка улыбнулся. — Думаю, тебе стоит подготовиться к бурной встрече утром. Если не пропишут постельный режим, конечно.

Я невольно улыбнулась, представив трогательно виноватое лицо Арлекин:

— Пожалуй, да.

Я бы и сама предпочла отправиться домой, но не рискнула, предположив, что медсестра сообщит что-то важное.

Вернулась она с тремя полными кружками, из которых к потолку вился пар со смутным ароматом трав.

— Держите, ребятки.

Я с благодарностью приняла большую синюю с нарисованным волком в галстуке и надписью: «Работа не волк, в лес не убежит». Она обожгла ладони, и я поспешила перехватить ее за ручку. Изенгрин поставил свою, зеленую в черную клетку, на колени и подул на жидкость. Я же хлебнула сразу, обожгла губы и язык.

— Так что тебе нужно? — напомнила медсестра, обратившись к волку.

— Юки-онна просила вам передать папку с данными ее учеников, которые вы просили неделю назад. Сказала извиниться за долгое ожидание, младшеклассники забывчивые.

— Что верно, то верно. Но ничего страшного, это было не настолько срочно.

Изенгрин переставил кружку на кушетку, чтобы та не перевернулась, и выудил из рюкзака коричневую картонную папку с торчащими белыми листами. Медсестра кинула ее на стол.

— А в тебя кто так попал? — поинтересовалась вдруг она.

Перед глазами встал образ женоподобного блондина с наглой ухмылкой; кулаки зачесались от желания пойти и врезать по его смазливой роже.

— Солейль, — прошипела я, утыкаясь в чай. Имя прозвучало, как синоним слову «ублюдок».

Изенгрин с утомленным вздохом покачал головой:

— Всегда он так.

— Вы знакомы? — удивилась я.

— С детства. Во дворе вместе бегали и ремнем от родителей за проделки получали, — он слегка улыбнулся. — Изначально даже думали, что, перейдя в гимназию, в один класс попадем, но нет, раскинуло по разные грани баррикад. Ты уж прости его. Вероятно, в этот раз его просто довели.

Я пожала плечами:

— Не за что прощать. Это я была невнимательной, могла бы и уклониться от мяча, так что его винить тут не в чем.

— Спасибо.

— Не стоит.

Я сделала большой глоток. Чай успел чуть остыть, и букет вкуса распустился во рту в полной мере. По горлу к животу прокатилась теплая жидкость, согревая внутренности. Захотелось даже прикорнуть, хотя, казалось бы, куда еще спать, столько часов и так провалялась без сознания.

За окном постепенно сгущались сумерки. До дома добираться всего лишь пятнадцать минут, но сомневаюсь, что в таком состоянии дойду быстро. Пока соберусь, ночь вступит в свои права, так что необходимо поторапливаться.

Я вежливо откашлялась и поставила кружку на ближайшую пустую полку:

— Спасибо за угощение, очень вкусно. С удовольствием еще бы тут с вами посидела, но мне пора, а то не успею затемно.

— Давай-ка вызову тебе такси, — спохватилась медсестра, уже потянувшись к телефону, но я воскликнула:

— Нет-нет! Не надо такси!

На меня уставились две пары удивленных глаз. Кровь прилила к щекам.

— Почему? — спросила женщина.

— Мне не нравится ездить с незнакомыми людьми, — замявшись, созналась я.

— Я ее провожу, — вызвался вдруг Изенгрин. — Мне несложно.

Женщина облегченно выдохнула:

— Ох, спасибо тебе большое. Обязательно напиши, когда она будет дома.

За меня все решили. Главное, чтобы родители не заметили, что я в сопровождении. На опоздание-то наплевать — наплету, что игра задержалась. Про удар по голове ничего не скажу. Но вот то, что я якобы общаюсь с молодым человеком, чрезвычайно взволнует маму. Кому это нужно? Разве что сумасшедшему, а я пока что в своем уме.

* * *

Темнота нагнетала обстановку, так что мурашки по спине бежали не столько от холода, сколько от ощущения смутного страха. Впрочем, с ним удавалось бороться — то ли я оказалась храброй, то ли присутствие Изенгрина сглаживало углы. Хотя он и сам внушал опасения, все же с ним рядом я чувствовала себя в безопасности. В противостоянии со злом бóльшим лучше довериться злу мáлому.

Так как лед толстыми наростами покрывал асфальт, я часто поскальзывалась, и Изенгрин ловил меня то за руку, то за шиворот.

Не то чтобы он мне нравился. От остальных он отличался разве что устрашающим взглядом и давящей аурой. Однако его молчаливость не могла не импонировать. Именно из-за нее и его спокойствия с ним было уютно, хоть и жутковато.

К дому мы подошли, когда уже зажгли фонари. Волк подал мне рюкзак:

— Еще не надумала сходить на занятия к нам?

— Честно говоря, вообще об этом не размышляла.

— Завтра у десятого хорошие уроки. Литература, два русских языка, биология, история и английский.

— Ты наизусть расписание не своего класса знаешь?

— Гери в десятом.

— И что с того?

— Он прогуливает часто, и я должен знать, к каким учителям тащить его извиняться или писать пропущенные работы.

Бедный младший братишка Гери.

— Не знаю… — вздохнула я. — Правда. Но обещаю подумать. Если решу идти, куда подходить?

— К кабинету литературы. Расписание с номерами аудиторий

висит на доске объявлений за раздевалкой, у ИЗО. Надеюсь, решишь попробовать. Вдруг тебе у нас понравится.

— Вряд ли. Я гуманитарий, а у вас напор на точные науки.

— Их легко понять. А если что, можешь всегда обращаться ко мне, я разъясню.

— Спасибо на добром слове. Ладно, я пойду, пожалуй…

— Конечно. Приятно было пообщаться. Отдохни как следует.

— Взаимно. Спасибо.

Мы пожали друг другу руки на прощание и разошлись: он зашагал дальше по дороге, а я нырнула в подъезд. Воображение уже рисовало тепло одеяла, скрип карандаша по бумаге и шершавую поверхность кисточки. Все внутри бурлило от желания как можно скорее нарисовать волка, явившегося в кошмаре. От воспоминаний о воде, тьме и монстрах хотелось кричать, но волк — восхищал. Мощные челюсти с острыми клыками, горящие серые глаза, темная лоснящаяся мокрая шерсть, сильные лапы…

Я нажала на кнопку и услышала, как внутри раздалась трель звонка. Топот ног оповестил, что открывать мчится брат. В лесу что-то померло, не иначе.

Щелкнул замок, в лицо ударил теплый воздух, пропитанный аппетитным ароматом ужина. Живот скрутился в узел — только сейчас я осознала, что не ела практически весь день.

— Ия вернулась! — заорал братец так, что у меня заложило уши.

Из кухни показалась мама:

— Привет. Как игра?

Я выдавила хилую улыбку:

— Отлично. Прости, мы немного задержались.

— Ничего. Ты голодна?

— Немного.

— Тогда положу тебе. Переодевайся и проходи к столу. Можешь взять еду в комнату, мы уже поели, компанию тебе не составим.

Какая щедрость. Обычно мама категорически запрещает есть вне кухни, дескать, неэстетично. Будьте добры, не портить диваны и письменные столы пятнами от кетчупа.

— Спасибо. Папа дома?

Мама отрицательно покачала головой:

— В командировке. Будет только ночью.

Как кстати! Значит, сегодня можно жить спокойно. И завтра, если незаметно ускользну с утра.

— Так нечестно, — надул губы брат. — Он обещал привезти мне новую игру сегодня!

Мама потрепала его по темным волосам:

— Привезет чуть позже. Папа когда-нибудь нарушал свои обещания?

— Нет, — нахмурился мальчишка.

Это в отношении тебя он ничего не нарушал, а стоило мне что-то попросить — и приходилось выпытывать, ведь просьба мгновенно выветривалась из его головы.

Я дотащила рюкзак до комнаты и примостилась на кровать. Тело ломило, голова гудела, ноги отнимались. Хотелось лечь и не вставать, погрузиться в вечный сон. Жаль, что завтра только четверг. Еще никогда я не уматывалась так меньше чем за неделю. Словно уже весь второй триместр проучилась.

Скрепя сердце, преодолевая напряжение в мышцах, стянула с себя форму и влезла в домашнюю одежду. Ела все-таки на кухне под шелест телевизора. В происходящее на экране так и не вникла, но шум помогал держаться за реальность.

Кстати, у волков, получается, занятия завтра те, что у лисов будут послезавтра. Если пойду к ним, не нужно будет напрягаться. Конечно, опять незнакомые люди, но лучше так. К тому же там Гери — он хоть и неприятный тип, зато знакомый и друг Изенгрина.

Решено. Завтра иду к волкам.

* * *

Проснувшись, я не чувствовала ни плеч, ни шеи: умудрилась заснуть в рабочем кресле, укутавшись в толстый плед и так и не выключив настольную лампу, с карандашом в онемевших пальцах. Тело превратилось в сплошной сгусток страданий, однако я все же откинулась на спинку кресла, с кряхтением опустила ноги на пол. Жутко чесалось лицо: к щекам прилипли частички грязного ластика и обломавшиеся стержни автоматического карандаша.

Настроение поднял лишь лежащий на столе рисунок.

Лист казался зеркалом, к которому с другой стороны вплотную подошел волк; его морда занимала практически всю площадь. Распахнутая пасть с клыками-кинжалами, острые уши, шерсть, переливающаяся от черного к серому, и глаза, огромные, голубые, печальные, будто на них вот-вот выступят человеческие слезы. Он не выглядел агрессивным, не рычал и не угрожал, а словно звал, пытался достучаться до кого-то, и я почти слышала скуление из далекого мира, где он находился.

Я провела по рисунку кончиками пальцев, и их коснулось едва уловимое звериное жаркое дыхание и нечто липкое, будто их

кто-то лизнул. Я отдернула руку.

Волк вышел слишком живым.

Я напрягла память, но вчерашний вечер из нее будто стерли. Удалось поднять на поверхность, лишь как я накинула на плечи плед и провела первую карандашную линию. Дальше — пустота.

Как бы то ни было, временем на размышления, куда делся вчерашний вечер, я не располагала. Стрелки часов тикали к двадцати минутам восьмого. Следовало спешить, чтобы не опоздать — сегодня я не могла позволить себе такой наглости, ведь иду не к более или менее привычным лисам, а к чужакам-волкам. Не хотелось бы вызывать недовольство их учителей.

Рисунок я аккуратно передвинула к пустому концу стола, чтобы его ничто не помяло. Тот вышел слишком красивым, чтобы оставлять его в папке с остальными или вешать в один ряд с набросками на стене. Нужно отдельное место, заметное.

Форма слегка помялась, но выглядела вполне приемлемо. Переодевшись, я провела расческой по волосам, закидала учебники в рюкзак, нырнула в ванную, ничуть не заботясь о том, что родители или брат могут заметить, умылась и полностью готовая пошла к шкафу, где висела куртка. Следовало как можно быстрее застегнуть молнию и бежать на занятия, чтобы прийти чуть-чуть пораньше и разобраться, что, где да как.

Хотя Изенгрин сказал, что все будет как обычно — наверное, придется подольше посидеть в школе. Скажем, на стульях в «вакууме» — площадке в конце коридора, где обычно веселятся младшие классы и списывают друг у друга старшие, руководствуясь принципом «на видном месте никто не заметит».

Я выудила ключи из кармана, набитого жвачкой и пятидесятирублевыми купюрами, и распахнула дверь.

На подходе к школе от спешки даже волосы под шапкой вспотели, и я стянула ее прежде, чем оказалась внутри.

Непослушные пряди упали на лицо и загородили обзор. Отмахиваясь от них, чтобы не щекотали нос, и параллельно расстегивая куртку, я почти добралась до гардеробной. До нее оставалось всего лишь несколько шагов, но сделать их мне было не суждено — кто-то резко вывернул из-за угла, и я, не успев среагировать, врезалась в него.

— Воу-воу-воу, полегче! — раздался хохот сверху. — Спешишь куда? Не будь я таким крепким, ты сломала бы мне ключицу.

Этот грубый насмешливый голос был неповторим, и я догадалась, с кем меня свела нелегкая, еще до того, как подняла взгляд.

— Доброе утро, Гери. Прости.

Волк с лающим смехом отмахнулся:

— Не парься, с кем не бывает. В следующий раз закалывай волосы чем-нибудь.

От Гери исходил концентрированный аромат одеколона, и я чихнула, уткнувшись в воротник собственной куртки.

— Будь здорова, — вежливо произнес он.

— Спасибо. А ты что тут делаешь? Изенгрина ждешь?

Он коварно усмехнулся:

— Ты его уже по имени зовешь?

Я передернула плечами:

— У нас же разница в возрасте не двадцать лет, в конце концов.

— Ясно все, — хмыкнул он. — Жду я тебя.

— Зачем? — удивилась я.

— Изенгрин был уверен, что сегодня ты идешь заниматься с нами и, само собой, попросил меня поддерживать тебя в этот день.

— Мне воспринимать это как комплимент?

— Да. Раньше ему вообще было без разницы, кто к кому идет, так что можешь по праву считать себя первой, кто заставил его следить за статистикой. Ты действительно сегодня с нами? Если нет, я пойду. Не понимаю, чего Изенгрин так нервничает по поводу твоей безопасности, мы в школе, а не на поле боя.

— Можешь идти, куда хочешь.

— Ну уж нет! Я у Изенгрина в должниках, так что его просьбу выполню. Ты вроде бы даже немного симпатичная.

Я скривилась — сомнительная похвала. Терпеть Гери или страдать из-за домашки? Сложный вопрос, требующий долгих размышлений. Я решила все считалочкой, пока мы шли к лестнице и Гери молол языком.

Терпеть Гери.

— Будут какие-нибудь инструкции по поведению? — лениво поинтересовалась я, когда мы уже приближались к дверям кабинета, возле которых в стаю сбилась часть второго состава моих потенциальных одноклассников.

Волк пожал плечами:

— У нас не так мудрено, как у хитромордых. Просто не демонстрируй благосклонность к рыжим. Наблюдай, анализируй, думай, кто лучше — мы или лисы. Не лезь в первые ряды, у нас не любят выскочек.

Примерно когда мы находились метрах в трех от волков, они замолкли. На секунду я замерла — десяток, не меньше, жестких взглядов ударил по сознанию, как молот по голове.

— С добрым утром, — протянул Гери.

— Привет, — кивнул какой-то парень с ежиком крашеных красных волос и большими квадратными очками на носу. — Это кто с тобой?

— Брейн, никогда в жизни не поверю, что ты не в курсе чего-то, происходящего в школе.

— Возможно, Хель?

Очнулась я, лишь получив толчок локтем от Гери. Поспешно протянула парню руку:

— Хель, очень приятно.

Он ответил на рукопожатие:

— Надеюсь, мы найдем общий язык.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но меня прервал дикий смех Гери:

— О, ребята, в вас я даже не сомневаюсь!

Он беспардонно закинул руку мне на плечо.

— Так ты решила с нами поучиться? — спросила высокая девушка с толстой черной косой. — Удивительно. Мы уж думали, ты полностью с лисами слилась и шансов нет. Почти обиделись.

— Не нужно обижаться. Рано или поздно я бы попросила вас показать мне вашу систему обучения, так или иначе.

— О? Почему же?

— Хочу, чтобы пребывание здесь было комфортным. Для этого нужно сделать правильный выбор, а как его сделать, если не испытала все на практике?

Девушка согласилась:

— Пожалуй, в этом есть логика.

И кривовато усмехнулась. Я улыбнулась в ответ.

* * *

Учительницу — пожилую даму, — звали Британией, и, глядя на нее, нельзя было не вспоминать величественные дворцы, королевские портреты в широких золотых рамах и развевающиеся перламутровые плащи. Она сама будто бы сошла с одной из картин восемнадцатого века — ровная осанка, гордо вздернутый подбородок, тугие седые кудри, родинка на подбородке. Говорила она вкрадчиво, но так, что слышали все; размеренно, но не нудно.

Слушать ее чуть ли не с затаенным дыханием не мешало даже то, что рядом сидел Гери, с чьей части парты постоянно раздавался раздражающий шорох. Он то стучал пальцами по парте, то постукивал ногой по полу, то царапал ручкой поверхность стула. Остальные волки вели себя тихо, но ощущалось, что литература их не манила. Впрочем, Изенгрин

упоминал, что им ближе точные науки. Серость атмосферы раздражала, но я успокаивала себя тем, что могло быть и хуже.

Некоторые из учеников не скрывали любопытства ко мне — поворачивались спиной к учительнице и разглядывали меня. Британия стучала указкой по столу, и казнь глазами прекращалась, только чтобы начаться заново.

Экзекуция прекратилась, когда что-то щелкнуло, и из радиодинамиков раздался голос учительницы информатики:

— Хель, Изенгрин и Солейль, пройдите в спортзал, срочно. Повторяю: Хель, Изенгрин и Солейль, пройдите в спортзал, срочно.

Я опешила — зачем идти в спортзал сейчас? — и тут же скрипнула зубами: Солейль тоже будет там. С гораздо большим смирением я наблюдала бы насмешливую ухмылку Пака. Однако делать нечего. По радио вызвали — со здешним менталитетом меня и без того кто-нибудь обязательно туда притащит.

— Какой следующий урок и в каком он кабинете? — уточнила я у Гери. — Смотаюсь быстро и приду.

— Русский язык, четыреста двадцать шесть, второй этаж.

В положенное место я практически побежала.

В этот раз удалось не заблудиться и даже не затормозить, используя ориентиры вроде цветов в углах и царапин на диванах. Площадка перед спортзалом пустовала, и я предположила, что все приглашенные уже внутри. Предварительно постучав в дверь, вошла.

Как и ожидалось, Изенгрин и Солейль сидели рядом на одной из скамеек и что-то увлеченно обсуждали. Изенгрин приветливо помахал рукой и сделал пригласительный жест, Солейль скривился. Меня перекосило больше от его выражения лица, нежели от самого его вида — будто принц, которому на ладони прыгнула жаба.

— Привет, Изенгрин, — нарочито буднично поздоровалась я, и Солейль закатил глаза.

— Привет, Хель. Как прошел урок? — тут же приветливо откликнулся волк.

— Мне понравилось.

— Ну так и вали к волкам, — фыркнул Солейль. — Не пятнай честь лисов.

— Ты бы молчал, — буркнула я, — королек.

Наверное, он дал бы мне пощечину, не останови его Изенгрин, рывком посадивший его обратно на скамейку:

— Не бесись.

— Меня один ее вид вымораживает!

— Поверь, это взаимно, — осклабилась я.

— Давай, давай отгавкивайся.

Мы бы испепелили друг друга, не прерви нас Марина:

— Ну все, ребята, хватит собачиться. Вы тут не для этого.

— Для чего же? — озвучил мучивший всех вопрос Изенгрин.

Учительница улыбнулась, однако улыбка эта не предвещала ничего хорошего и, судя по напряженному выражению лица Изенгрина и нервно поджатым губам Солейля, я была права.

— О, я просто хотела сообщить, что Хель не помешали бы хорошие тренировки. У нее большой потенциал, и, если его развить, она смогла бы стать нашим главным козырем для победы на городских соревнованиях. Давно пора одолеть сорок пятую школу. Увы, у меня нет времени, а вот вы, ребята, профессионалы; смогли бы слепить из нее прекрасную спортсменку. Поэтому я прошу вас стать ее тренерами. В этом году мы проиграть не имеем морального права.

В помещении установилась абсолютная тишина, нарушаемая лишь воем ветра снаружи.

Улыбка Марины стала шире.

Арлекин-II

Синяки на шее не сходили. Наверное, многим они показались бы уродливыми, но мне они напоминали бусы. Если бы люди осознавали, как драгоценны эти следы, я с удовольствием ходила бы, не пряча их под шарфом, однако пришлось удовлетвориться тем, что их будет скрывать подарок, пожалованный Солнечным Господином.

С утра я провела в ванной около получаса, грея руки под струей горячей воды и рассматривая синяки, принявшие причудливую форму цветочной вязи. Точь-в-точь татуировка одного моего одноклассника; они завораживали. Так я и не замечала утекающих минут, откидывая за спину надоедливые рыжие локоны, словно пытавшиеся скрыть орнамент, как нечто порочное.

Отвлек меня забеспокоившийся приемный отец — слишком долго я не подавала признаков жизни. Сначала я хотела отмахнуться, но затем он предостерег: «Уже восемь десять». Тогда я чуть ли не вылетела в прихожую, случайно толкнув отца, поспешно извинилась и споткнулась о торчащий паркет.

Паника глухо забилась в горле. Господин приказал пристально следить за Хель, и я собиралась воплотить его волю в жизнь — его приказы должны выполняться беспрекословно. Данные поручения всегда завершались на высшем уровне, это и грело душу, и усиливало расположение хозяина, так что порой он давал мелкие поблажки. Нарушать этот порядок у меня и мысли не возникало — все должно было идти своим чередом. Он распоряжается — я все силы бросаю на то, чтобы в итоге он был доволен.

Вчера вечером я заранее решила, что буду делать. Встану раньше, чем обычно, соберу с собой несколько коробок с едой для себя и Хель, приеду в школу на раннем автобусе и буду ждать Луну. Специально поставила будильник на двадцать пять минут раньше, но стремлениям не суждено было сбыться — синяки на шее словно сковали. Все, что было связано с Господином, пленяло.

В итоге в школу я влетела в самое неподходящее время, когда Хель уже наверняка сидела в классе. При одной мысли о том, что она оказалась наедине с моими одноклассниками, когда я шляюсь незнамо где, нутро дрогнуло. О чем беспокоиться — о том, что ребята нападут на Хель и задавят ее, старающуюся избегать конфликтов, или о том, что она морально их уничтожит за одно-единственное неверно сказанное слово?

На привычном месте возле гардеробной ее ожидаемо не оказалось. Я пристально вглядывалась в мелькающие лица школьников, снующих туда-сюда, но знакомой темной шевелюры и детского рюкзака так и не заметила. Вокруг не было никого знакомого — ни Пака, ни Гери, ни Изенгрина. Последних двух в обычной жизни я старалась избегать, так как Господин их ненавидел, но сейчас рада бы была столкнуться и с ними, лишь бы спросить, не встречали ли они сегодня Хель.

Логично предположить, что она уже давно нашла нужный кабинет и расположилась там за нашей партой, но что-то подсказывало, это не так. Интуиции я привыкла доверять, поэтому носилась по коридорам, лелея надежду, что вот-вот увижу немного обиженную и, как всегда, мрачную Хель.

Звонок громко прозвенел, созывая учеников на урок. Пришлось ринуться на занятия. Думать, что со мной за это сделает Солнце, не хотелось.

Возможно, стиснет своими длинными пальцами мое запястье, медленно и мучительно ломая кость.

Надежды разбились, как фарфоровая чаша. Класс заполняли знакомые звезды, но Луны среди них не было. Парта, которую мы с ней выбрали, отвратительно пустовала.

Кровь в жилах похолодела. Что говорить ему? Как объяснять, что упустила ту, за кем он приказал следить? Как простить себя за то, что дала ускользнуть?

— Арлекин, не стой на пороге, — проворчала учительница. — Не задерживайся, у нас самостоятельная по плану.

К своему месту я двинулась автоматически. В висках напряженно билось одно-единственное: «Хель».

Странно. Прежде, когда мне доводилось сидеть одной на уроках, меня это не особо напрягало, и я не понимала стремления одноклассниц найти себе соседа, если постоянный неожиданно заболевал. Да, тут же образовывалось слишком много пространства, и учебники распластывались, занимая его, будто пытаясь заполнить вакуум. Я ощущала пустоту. Дул сквозняк, заставляющий ежиться — с Хель было бы теплее. Она сама будто бы холодная, но если пододвинуться чуть ближе к ней, понимаешь, что на самом деле от нее исходит жар. Словно ее аура нагрета до предела.

Спустя двадцать минут урока, тянущихся целую вечность, я практически не думала о последствиях своего провала и готова была принять любое наказание, даже тридцать ударов плетью по спине. Господин такое уже проворачивал — на коже остались причудливые рисунки, напоминающие перешептывающихся змей. Я аккуратно обрабатывала их. Отец предлагал сделать

пластическую операцию, чтобы убрать шрамы, но я наотрез отказалась — Солнце карает заслуженно, и я должна носить их, чтобы впредь не допускать оплошностей. В данном же случае он наверняка изобретет нечто более изощренное.

Думы сосредоточились на Хель. Несколько раз чудилось, будто она сидит рядом, состоящая из мягкого света, щекочущего веки, как кисточка для пудры. Тогда я резко оборачивалась, но ловила лишь воздух, текущий из щели под дверью.

Самостоятельную я, можно сказать, пропустила. Начиркала что-то на листке бумаги в линеечку, который мне с подозрительным взглядом вручила преподавательница, и поспешно положила его на край ее стола, чтобы не задерживаться после занятия. Пожалуй, даже если бы меня пытали самые талантливые инквизиторы Средневековья, я не сказала бы, какие были вопросы и как я на них ответила.

Однако звонок все же раздался, и синхронно с ним я вскочила со своего места, даже не задвинув стул под парту.

С Господином я еще не сталкивалась, но была уверена, что по закону подлости он вынырнет прямо из-за угла, спросит, что происходит с Хель, и я не смогу соврать. Ему невозможно втолковать ложь — глаза его словно вырывают правду из глубины души. К счастью, эта перемена была длинной. Шансы исследовать всю школу были высоки, если бегать быстро — главное, попасть в правильное место в верное время, чтобы столкнуться с Хель.

Слава богам, я додумалась не надевать каблуки.

Мне удалось успешно пройти коридоры на третьем этаже и втором, заглянуть в каждый класс, туалет и даже учительскую. Хель там делать было нечего, но я решила проверить даже самые невероятные варианты. Однако затея не увенчалась успехом — я лишь запыхалась, не достигнув результата.

Я привалилась к ближайшей стене, похлопав себя по лицу, подбадривая, и приготовилась вновь пуститься на поиски, как услышала грубый оклик:

— Эй, рыжая!

Еще этого не хватало…

— Я бы с удовольствием поболтала с тобой, Гери, но занята. Прости. Как-нибудь в другой раз.

— Нет, — хмыкнул волк. — В этот. Уверен, горящих миссий у тебя нет.

Знал бы он, чем мне грозят такие выкрутасы, как разговор с ним без прямого повеления на передачу какой-либо информации. Однако поведать обо всем и заставить его понять я не могла, да и не хотела. Вздохнула:

— Ладно, только по-быстрому. Что у тебя?

Он пожал плечами:

— Хотел спросить, почему ты выглядишь так, будто всю Россию пробежала с отрядом зомби на хвосте.

Я скривилась:

— Ищу Хель, а ее нигде нет. Ты ее не видел?

На его лице расползлась насмешливо-довольная ухмылка:

— Видел. Даже сидел с ней за одной партой.

— Что?

Он фыркнул:

— Изенгрин предложил ей вчера позаниматься с нами, она согласилась. Как жаль, что тебе не сообщили.

Ком беспокойства в горле сменился обидой. Хель ведь у нас понравилось, почему она вдруг без предупреждения подалась к волкам? Я ей надоела? Или Изенгрин что-то сказал?

Как разрулить ситуацию? Что бы ни послужило причиной неожиданному переходу Хель, пусть и временному, Солнечному Господину это едва ли понравится…

— И… — прохрипела я, — как ей у вас?

Гери словно бы задумался:

— Слушала, записывала, вполне нашла общий язык с ребятами. Точнее, они друг друга не трогают. Но нашему Брейну она, похоже, по душе. Обычно он над теми, кто ему неприятен, интеллектуально довлеет, а с ней ведет себя как шелковый. Так что, думаю, если она выберет нас, найдет себе хороших друзей.

«Лучше тебя. Она найдет друзей лучше тебя».

— Что ж, не нам устраивать разборки по поводу того, кого выберет Хель. Это полностью ее решение, нечестно обсуждать это за ее спиной.

— Какая ты благородная, — состроил гримасу Гери.

— Как бы то ни было, раз ты был с ней весь первый урок, должен знать, куда она пошла.

— Ее в спортзал вызвали, должно быть, она еще там.

— Спортзал? Когда?

Волк скептически вскинул бровь:

— Серьезно? После звонка с урока объявление по радио давали. Ты в каких облаках витала?

— В лунных, — буркнула я, но тут же радостно просияла. — Спасибо, Гери!

— Эй, подожди, ты…

— Потом, все потом!

Прежде чем он крикнул еще что-то, я уже свернула за угол, перепрыгивая ступеньки.

Не услышать объявление! Досадная оплошность, которая, не встреть я Гери, обернулась бы ужасающими последствиями.

Теперь, если столкнусь с Господином, смогу хотя бы вполне вразумительно ответить, куда иду и почему без Хель.

Рядом с залом никого не было, лишь сверху из женской раздевалки доносился хохот. Я уже поднесла к двери руку, чтобы постучать, как внутри кто-то злобно зарычал. Я едва успела отскочить: мгновение — и дверь заехала бы мне по лбу. Не сумев удержать равновесие, я удачно опустилась на стоящую рядом скамейку. Вовремя: изнутри вырвалась Хель.

Выглядела она странно. Всклокоченная, взъяренная, с искривленными губами, будто ее вот-вот стошнит. Резко поправив соскальзывающий с плеча рюкзак, она едва не ломанулась к лестнице.

— Хель, подожди! — выскочила из зала Марина, засеменив вслед за ней.

— Я отказываюсь! — гаркнула Луна, даже не затормозив.

— Это для общего блага! — простонала учительница. — Иначе нельзя!

Я не в силах была пошевелиться. Хель бесновалась; в груди кольнуло: сейчас к ней лучше не приближаться. Было бы гораздо проще, знай я, что произошло.

Марина открыла рот, чтобы что-то ответить, но ее насмешливо прервал Солейль, за чьей спиной молчаливой горой стоял Изенгрин.

— Хватит строить из себя потерпевшую. Я недоволен так же, как и ты!

Выглядел старший лис едва не причудливее Хель: на щеке тонкие царапины, воротник белоснежной рубашки помят. Луна резко развернулась, едва ли не ослепшая от ярости. Не хотела бы я еще раз увидеть ее такой…

— Закрой рот, — прошипела она. — Не могу больше тебя слушать!

— Ой, какие мы нежные…

Она шагнула к одиннадцатикласснику, стеклянная от гнева; ее остановила Марина:

— Прекратите! Вам драки не хватило?!

Так полосы на лице Солейля — дело рук Хель, а ее встрепанные волосы — последствие его удара?

На лиса плевать с высокой колокольни, но то, что он посмел тронуть мою Луну, без внимания оставлять непозволительно. Несмотря на хрупкий вид, он был довольно силен; я бы с ним не справилась, поэтому решила пожаловаться Господину. Он-то доходчиво объяснит, чего делать не стоит.

— Драки? — вскинул бровь Солейль. — Я лишь дал ей подзатыльник, а она мне все лицо разодрала! Скажи, Изенгрин!

Волк лишь сокрушенно покачал головой, будто говоря: «Ну что за детский сад». Солейль цокнул языком:

— Я для тебя ничего не значу. Считай, я обиделся, — и, поправив сумку за плечом и презрительно сморщив нос, пошел прочь. Изенгрин со вздохом двинулся за ним, похлопав Хель по плечу, когда поравнялся с ней. Та его прикосновение проигнорировала.

Когда шаги старших лиса и волка стихли, учительница выпустила Луну, напряженно отчеканив:

— Вот, теперь ты их не догонишь. Стой смирно, поняла? О, Арлекин. Мы тебя не заметили.

Я слегка нервно хихикнула:

— Неудивительно, у вас тут такие разборки…

— Не ожидала, что эти трое так бурно друг на друга реагируют. Хорошо, Изенгрин помог их разнять и не вступил в перепалку, но эти двое… Ох, сдается мне, придется изрядно помучиться… Так, а сейчас у меня много важных дел и новый класс вот-вот должен прийти, поэтому откланиваюсь. Арлекин, будь добра, проводи Хель в класс и проследи, чтобы она не пересеклась с Солейлем, а то опять сцепятся.

— Есть, мэм, — кивнула я, неуверенно подбираясь к Хель. Почему-то не оставляло ощущение, что она может врезать ни за что и мне.

Учительница махнула рукой и скрылась в спортивном зале. Луна зарылась в собственные волосы, сделала несколько длинных выдохов и произнесла:

— Я спокойна.

— А… Что там случилось?

— Марина хочет, чтобы Изенгрин и… *этот* тренировали меня для соревнований. Дескать, мы должны в кои-то веки одолеть сорок пятую школу.

— И что в этом такого? — не поняла я.

— Ладно Изенгрин, но этот… Этот! — побелела от злости она. — Я его придушу в первый же день! Не могу на него смотреть даже. Это выше моих сил.

Потоком отрицательных эмоций меня чуть не сбило с ног. Не зная, как остановить их, я просто положила руку на плечо подруге, как это сделал Изенгрин.

— Ну-ну… Победа — это важно…

— Да знаю я. Все ради нее. Только я недостаточно стальная, чтобы терпеть самовлюбленных уродов. Мы перегрызем друг другу глотки.

— Может, вы подружитесь.

Луна смерила меня таким взглядом, что я поспешила отвлечь

ее, переведя разговор в другое русло:

— А голова твоя как? Болит? Тошнит? Сотрясение есть? Ради богов, прости, что я не дождалась, пока ты не очнешься, очень нужно было бежать! Ты же меня за это не возненавидишь, правда?

От столь резкой смены темы она чуть опешила, но ответила уже гораздо более сдержанно:

— Все в порядке… Не за что ненавидеть. Не глупи.

Я облегченно охнула:

— Может, ты и чувствуешь себя вполне нормально, но организм — сплошная тайна. Так что сегодня пойдем в больницу. Не спорь! Тут совсем недалеко, много времени это не займет, да и у нас есть Пак с машиной. Он нас подкинет. Кстати, ты выглядишь голодной. Не завтракала? У меня тут припасено кое-что для тебя, пойдем за круглый стол, успеешь перекусить. Сама готовила. Ты же не против, если я буду тебя кормить? Ну, чего застыла? Пойдем-пойдем, не стой столбом. Обижусь, если не попробуешь хотя бы кусочек.

* * *

Последний за день звонок давно прозвенел, и гимназия должна была бы вздохнуть свободно, избавившись от груза в лицах сотен учеников, но те все толпились в коридоре, сталкиваясь плечами. По утверждению Хель, это делало помещение похожим на метро в час пик. Сама я столицу ни разу не посещала и не представляла, каково заполненное метро, но Хель настаивала, не объясняя даже, по какой причине.

Мы сидели за круглым столом на первом этаже в компании шумных ребят из младших классов и пережидали бурю, творящуюся возле гардеробной. Школьники толкались, пинались, некоторые даже чуть ли не дрались из-за того, что задели друг друга толстыми портфелями. Никто не догадался, что можно поставить их на пол, дабы не мешались, и тогда и места стало бы больше, и ссор меньше. Но их можно было понять — когда вокруг сжимается кольцо людей, так что не продохнуть, не до размышлений об удобстве, тут лишь бы добраться до гардеробной и как-то выйти из нее.

Хель устала — откинулась на спинку стула, чуть прикрыв глаза и еле слышно постукивая пальцами по поверхности стола. И тем не менее смиренно ждала, когда люди разойдутся по домам. При мысли, что она делает это из-за того, что я сказала пойти в больницу, улыбка расплывалась до ушей: «Она считает меня настоящей подругой, раз слушается!»

Мне безумно хотелось поговорить с ней о чем-то, но она явно нуждалась в покое: побледнела, взгляд из-под нахмуренных бровей выражал крайнюю степень раздражения, поэтому я ерзала рядом, запихивая готовые вырваться фразы глубже в глотку, и старалась не выводить ее из себя. Страшно вообразить, какой силы ненависть кипит у нее в душе по отношению к Солейлю, раз он довел ее до такого всего лишь за одну перемену.

Он огорчил мою Луну. Солнце должно узнать об этом и наказать наглеца!

Наконец, коридор стих.

— Что ты так смотришь на меня? — лениво прищурилась Хель. — Я в чем-то испачкалась?

— Выглядишь очень уставшей, — не стала лукавить я. — Честно, ты похожа на только что восставшего зомби. И у тебя губы потрескавшиеся. Дать гигиеническую помаду?

Хель пожала плечами:

— Расхвалила. Давай.

Я порылась в сумке, достала искомое и протянула ей. Она медленно, даже несколько заторможенно, помазала губы и вернула мне.

— Оставь, — отмахнулась я. — У меня еще есть, а тебе пригодится.

В обычной ситуации она наверняка поспорила бы, но теперь не стала возражать. Убрала в карман пиджака и растеклась в кресле, закинув ноги на подлокотники. Меня так и подмывало спросить, все ли в порядке, но, во-первых, ответ очевиден, во-вторых, ее лучше не трогать.

Чертов Солейль. Он умел доводить людей не хуже Пака, но если Пак делал это не умышленно, то Солейль получал от этого удовольствие. При этом его считали едва ли не ангелоподобным, ведь маски он менял с поразительной легкостью, сохраняя веру людей в себя. Я бы восхитилась, не причиняй он боль моим близким.

Хель не шевелилась. Впору было забеспокоиться, проверить, заснула ли она, и я уже почти потянулась к ее лицу, чтобы легонько хлопнуть по щеке, как рядом затрещал отодвигаемый стул. Она поморщилась. Рядом с ней упал Пак. Из-за его рассеянного вида — словно олень, пойманный в свет фар, — я рассмеялась:

— Ты что, чудо увидел?

— Нет, — фыркнул он, забавно тряхнув волосами. — Меня сшибло звуковой волной, издаваемой нашей физичкой. Будто пылесосом мозг прочистили.

— Ради всего святого, заткнись, — прохрипела Хель,

принимая вертикальное положение. — Голова трещит.

Пак вопросительно изогнул бровь:

— Выглядишь как свеженький мертвец. Что я пропустил?

— Ничего особенного.

— Судя по твоему упыриному амплуа, если это было неважно, то по меньшей мере интересно. Колись.

Хель стиснула челюсти и отвернулась, поэтому я взяла на себя обязанность все разъяснить.

— Марина сообщила, что ради соревнований с сорок пятой школой она будет тренироваться с Изенгрином и Солейлем. Сам понимаешь, такое никого не обрадует.

— У-у-у, — сочувственно протянул Пак. — Не завидую. Могу только пожелать железной выдержки. С Солейлем натерпишься.

Хель усмехнулась:

— Ты просто создан для утешений.

Он развел руками:

— Талант от Бога, нужно применять. Кстати, мы тут долго рассиживаться планируем? Я думал, вам в больницу надо, великодушно согласился подвезти, а вы тут помираете. Хель, святой инквизиции на тебя нет, поднимись, еще чуть-чуть — и ты свалишься под стол, так что одним гипотетическим сотрясением мозга дело не ограничится. И да, я тоже устал и не прочь полежать где-нибудь, но кроватка или что-нибудь мягкое в пределах квартиры все же предпочтительней жестких школьных стульев, в первую очередь из-за того, что они школьные. Давайте почапаем, а?

— Не учи меня жить, — простонала Хель, спуская ноги на пол.

— И в мыслях не закрадывалось, — поклялся Пак.

Сам он со скрипом отодвинул стул, так что от резкого звука поморщилась даже я, и галантно помог подняться Хель.

— Ты не волнуйся, — попыталась подбодрить подругу я. — Совсем скоро будешь дома.

— Так, может, лучше разойтись, и не надо в поликлинику? У меня ничего не болит.

— Это тебе только кажется, — заверил Пак.

— Почему ты цитируешь Арлекин?

— Это еще кто кого цитирует.

— Думаю, ты.

— Считаешь меня настолько тугоумным? Чтобы ты знала, у меня творческое мышление. Ранишь меня в самое сердце своим неверием.

— Даже предположить не могла, что ты у нас изнеженная принцесса. Горошинку подарю, подложишь под поясницу.

— Ты слишком злая, когда усталая.

— Черта характера от Бога, нужно находить применение, — язвительно отзеркалила Хель.

Пак с театральной обидой дернул ее за хвост. Луна несильно ударила его в плечо, на что он хихикнул, предусмотрительно отойдя на несколько шагов, показал ей язык и широко улыбнулся:

— Это твое наказание за неподобающее поведение со старшими. Впредь будешь держать свой острый язычок за зубами. Ну, а если нет, я тебе все волосяшки повыдергиваю, хотя жалко, они у тебя густые. Кстати, каким шампунем ты пользуешься? Запах обалденный.

Скользя подошвами кед по полу, Пак попятился назад. И не зря — Хель неожиданно занесла над головой тяжелый портфель.

Реакция у Пака всегда была превосходной — не теряя времени, он с хохотом понесся по коридору, игнорируя возмущенное замечание охранника и рычание не отстающей от него Луны. Периодически, зная, что она его не догонит, он оборачивался и строил ей рожи. У нее не было шансов его схватить, и она наверняка это понимала, но не останавливалась. Со временем ее злое шипение и ругательства перетекли в тихий смех, а погоня — в своеобразные догонялки.

Колени стали ватными, и я едва не упала на пол от облегчения и радости. Еще чуть-чуть, и по щекам побежали бы соленые дорожки — Хель впервые за время нашего знакомства излучала не только приятный свет, но и тепло, из-за которого почему-то стало холодно.

* * *

Возле кабинета, который нам сообщила полная женщина за информационным столом, когда мы обрисовали сложившуюся ситуацию, не оказалось ни одного человека. Практически весь коридор пустовал, если не считать худого мужчины в противоположном конце, держащего на руках румяного ребенка в комбинезоне.

Едва оказавшись на нужном этаже, Пак уверенно подошел к нужной двери, вежливо постучался, спросил, можно ли войти и, получив ответ, подтолкнул Хель вперед. Та послушно исчезла на целых двадцать минут.

Все это время мы сидели на скамейке и ждали. Пак, слегка потрепанный — Хель сумела его догнать, хотя, скорее, он просто ей поддался, — болтал ногами в воздухе, чудом умудряясь не задевать ими пол, напевал что-то себе под нос и размышлял о

посторонних вещах. У меня же начинали стучать зубы — волнение за Луну накатывало волнами. В какой-то момент отпускало, в следующий — начинало трясти. Опять под ребра больно кольнула вина за то, что тогда, в день игры, не дождалась ее пробуждения, совершенно забыла об этом на следующее утро и вспомнила только возле спортзала, когда увидела Солейля. Кто знает, чем обернулась его подача на самом деле.

И неизвестно еще, скажет ли Хель, если обнаружится настоящая проблема. Вдруг решит скрыть? С нее станется.

Очнулась я, лишь когда Пак стиснул мои пальцы и ободряюще улыбнулся. Я честно старалась выпутаться из сети ожиданий, отвлекаясь на все, что угодно — снег за окном, черные разводы на полутрещинах на стенах, переплетения туч в небе. Судорожно хваталась за любую возможность перестать воображать ужасающие картины. В конце концов, спустя каких-то десять минут, меня словно выжали, и я не могла больше думать ни о чем.

Дверь тихо хлопнула. Я вскочила. Хель отшатнулась от неожиданности, смешно прижав к груди лист, на чьей обратной стороне проглядывалась печать.

— Ну, как? — вырвалось помимо воли.

— Нормально, — пожала плечами Луна. — Легкое сотрясение, неделя постельного режима.

— И это, по-твоему, нормально? — мрачно спросил Пак.

— Не так серьезно, как могло бы быть, учитывая, что мне со всего разлета вмазали мяч в лоб, так что да, нормально. К тому же это прекрасная возможность отдохнуть от учебы.

— Каникулы четыре дня назад только кончились.

— Лишней халявы не бывает.

Пак тяжело вздохнул:

— Как бы то ни было, сейчас моя прямая обязанность как джентльмена — развезти вас по домам.

Хель взяла свою верхнюю одежду и вручила мне лист с предписаниями, чтобы не мешался. Я покорно его приняла — от него пахло ее духами.

* * *

Зимой темнеет рано. Когда мы подъезжали к моему дому, тени покорили реальность — тянулись из углов, выныривали из-за деревьев, окутывали двадцатиэтажное здание плотным покровом, тушили свет из окон и делали его похожим на полуистлевшие угольки. Хель сидела на первом сиденье, я — на

заднем. Ее качало, так что периодически она соскальзывала вбок. В школе она не производила впечатление человека с плохим самочувствием, но сейчас…

Пак с тревогой косился на нее, порой даже протягивал руку, словно пытаясь удержать от падения, но так и не решился до нее дотронуться.

— Арлекин, — прошептал он, когда мы неслись по проспекту, — если не возражаешь, я приторможу у остановки. Тебе же недалеко до дома от нее? Боюсь, Хель нужно срочно домой, а петлять по твоим дворам — дело муторное и много времени займет.

Я и так понимала, что Луне плохо, и с готовностью ответила:

— Конечно! Сбрось меня вон там. И позвони потом.

— Обязательно.

Хель, кажется, наш короткий диалог пропустила мимо ушей. Сердце болезненно сжалось.

Он свернул вправо и, едва машина остановилась, я быстро выбралась из салона. Колючий ветер ударил по лицу, так что я невольно дернулась всем телом. Пак помахал мне рукой, я повторила его жест, и уже через две секунды фары скрылись за поворотом.

Путь от остановки до подъезда обычно занимал три минуты и лежал через небольшую рощу. Несколько лет назад мне нравилось в ней гулять, особенно весной — солнце проглядывало сквозь молодую листву, серебрило траву…

Я ходила через нее тысячи раз — не каждый из них меня подвозил Пак, чаще всего приходилось толкаться в автобусе. И всегда, без исключений, благополучно проходила тонкую полосу деревьев и добиралась до теплой квартиры.

В этот раз система нарушилась.

На перекрестке, возле которого росла причудливая береза с двумя стволами, я застыла от ужаса. К ней, между этими двумя стволами, был прибит человек. Точнее, то, что от него осталось — обуглившийся черный силуэт с белеющими в темноте зубами, оскаленными в предсмертном вопле.

Хель-III

Первой эмоцией, что я испытала, проснувшись, было не раздражение от головокружения и даже не непонимание того, как я оказалась в своей комнате после того, как уснула в машине Пака, а удивление — легкие защекотал приятный аромат лаванды. Дрему как рукой сняло. Я приподнялась на локтях и с недоумением уставилась на нежно-голубую наволочку. После нескольких секунд внимательного изучения кровати пришла к выводу, что мама, видимо, за время моего отсутствия, постелила свежее белье.

От резкого пробуждения я почувствовала, как вертится земля, и, чтобы избавиться от жуткой тошноты, вернулась в горизонтальное положение. Голову заполнял туман, сердце в грудной клетке в страхе билось. Смириться с этим было бы легче, если бы оно проявилось конкретно после удара мячом по голове, а не столько времени спустя. Хотя, скорее, это последствия самовнушения. Как услышала, что получила сотрясение, так все и началось. Невероятно, но факт.

К счастью, шторы были задернуты, и в комнате царил приятный полумрак. Часы мерно тикали, приближаясь к десяти часам утра, и с каждой минутой меня все сильнее выталкивало из кровати. Нужно было умыться, выпить таблетки, необходимые, по словам врача, и чем-нибудь заняться. Мне предписали трое суток полного покоя — иными словами, на семьдесят два часа стать живым трупом без интересов, желаний, стремлений и потребностей. Заниматься ничем было не в моем стиле. Да, я могла невероятно долго не шевелиться на кровати или в кресле, но при этом обязательно чем-нибудь отвлекалась. Безделье убивало, поэтому становилось редким гостем в доме — только когда подкашивала болезнь и я не могла шелохнуться от усталости и озноба.

Поднималась я, бережно держась за затылок и стараясь предчувствовать появление горького комка в горле или волны желчи в желудке. Собственное состояние поражало — весь прошедший день ходила нормально, а сейчас словно обухом по голове ударили. Воспоминания не давали ответа на вопрос, почему поплохело так неожиданно. Вечер всплывал вспышками: мне стало дурно в салоне; Пак бережно довел меня до самой двери, объяснил все ничего не понимающей матери и скрылся в своей квартире, передав меня ей с рук на руки.

Пока организм осознавал, что должен работать в обычном режиме, я оглядела комнату и поняла, что чего-то не хватает — со

стола испарилась банка с карандашами, кисточками и фломастерами, с тумбочки — стопка бумаги и упаковка пастели, в приоткрытом ящике не было красок. Чуть пошатываясь, я направилась к столу. Облокотилась о кресло и еще раз рассмотрела помещение. Рисунки на стенах, форма, на вешалке висящая на дверной ручке, портфель, валяющийся в углу, книги, аккуратно стоящие на полках. Кто-то очень осторожно, явно стараясь меня не потревожить, забрал мои сокровища.

На меня накатила обида. Без бумаги и остального я ничем не могла себя развлечь. Разумеется, оставались книги, но я не смогла бы читать весь день. Догадаться, кто так поступил, труда не составило. Мама видела справку и знала, что в ней написано — «полный покой».

Тяжело вздохнув и вознамерившись добиться, куда она все положила, я поплелась к ней.

Мама сновала туда-сюда, стуча каблуками по паркету. Судя по одежде, собиралась на какое-то мероприятие — строгое красное платье, яркие туфли, высокая прическа, белая шубка, перчатки до локтей, бросающийся в глаза макияж. Заметила она меня далеко не сразу, будучи увлеченной складыванием в сумку, привезенную отцом из Франции, всяких мелочей вроде духов, помады, жидкости для свежести дыхания. Специально шаркая тапочками, я приблизилась к ней, и только тогда она кинула на меня мимолетный взгляд:

— Ия, проснулась? Как себя чувствуешь?

Хотелось бы думать, что она на самом деле за меня волнуется, просто не может этого продемонстрировать из-за суеты. Хотя, если так, у нее вся жизнь — суета.

— Живая. У тебя планы?

— Да. Папин коллега устраивает прием, и его жена попросила меня помочь ей с организацией. Не жди нас вечером, ложись спать, мы будем очень поздно.

— Хорошо.

— Так, вроде все. Закрой дверь, пожалуйста, только не забудь перед сном запереть ее на ключ, мы откроем. И, будь добра, следуй словам врача и лежи спокойно.

— Где мои принадлежности для рисования?

— Кое-где, — неопределенно ответила мама. — Врач же говорил, тебе нельзя напрягать глаза. Ничего страшного, поживешь пару дней без рисования. Все, я побежала, а ты — марш в постель.

И, быстро поцеловав меня в щеку и потрепав по волосам, она выпорхнула из квартиры.

Я повернула замок и провела ладонью по щеке. На ней

остался красный след от помады, и я поспешно вытерла его о пижаму.

Обязательно было проявлять недозаинтересованность в моем здоровье именно сейчас? Я была бы рада, если бы она носила мне в комнату чай с медом и лимоном во время простуды, напоминала пить таблетки и заставляла дышать над картошкой, но отбирать чуть ли не единственное, что приносит радость, — это слишком.

Одно хорошо — дома никого не будет, только брат придет к ужину после дополнительных занятий, но и он затаится в собственной комнате. Поэтому есть прекрасная возможность перевернуть всю квартиру вверх дном и найти свои вещи.

Так как голова кружилась сильнее во время наклонов, приходилось порой оседать на пол и закрывать глаза. Из-за этого процесс замедлился, но я стояла на своем.

Однако миссия провалилась. Я исследовала каждый закуток, вытерла собой пыль во всех углах и чуть не застряла в шкафу в родительской спальне, опрометчиво сунув голову между стойками для обуви, но ничего так и не обнаружила. Мама тщательно спрятала вещи. Я даже сделала безумное предположение и заглянула в кладовку, в которой, к счастью, не оказалось Пака — что неудивительно, ведь сегодня учеба, — и, стараясь ничего не задеть, изучила полки с барахлом. Ничего.

Сдаваться не хотелось. Еще полчаса я вяло трепыхалась и слонялась по дому, но в конце концов от затеи пришлось отказаться, и, не сопротивляясь порывам души, я заползла под одеяло.

Где-то до половины первого я спала. Еще до без двадцати двух наслаждалась тишиной. А потом пришла всепоглощающая скука.

Я ворочалась, развлекалась построением замка из подушек, думала о школе — впрочем, вскоре это вызвало тошноту не хуже, чем от сотрясения, — тихо слушала музыку, вспоминала стихи, которые нас заставляла учить литераторша в столице, но хандру ничто не отгоняло.

И так три дня? Да я из окна выброшусь раньше.

Идеи не рождались. В итоге я пообедала супом из холодильника, ужаснулась ветру за окном и вернулась в комнату, застыв на пороге, как статуя, словно передо мной возникла стена. Выглядело все вокруг невероятно пустым и бессмысленным. Всего-то из-за того, что со стола исчезли привычные и любимые вещи. Взгляд зацепился за телефон, лежащий на полу возле постели. Судя по слою пыли на экране, он находился там весьма давно. Обычно я им не пользуюсь, так что даже не знаю полного

набора функций, но сейчас ладони так и зачесались от желания его взять.

Он был горячим из-за близости батареи и разряженным, поэтому пришлось лезть под стол, доставать корзину с проводами. В итоге зарядка была найдена, и телефон благодарно пикнул.

В процессе освоения Интернета обнаружилось, что видео не проигрывается, зато музыку можно слушать сколько влезет. Я даже умудрилась вспомнить пароль от соцсети, который забыла, как думалось, безвозвратно, и с удивлением обнаружила аккуратное «+2» в строке «Друзья».

Такого не бывало… Хм, да с самой регистрации три года назад.

С любопытством я перешла на новую страницу и облегченно вздохнула: на меня с электронных фотографий радостно смотрели Арлекин, показывающая «козу», и стоящий в позе императора Пак.

Не успела я принять запросы на «дружбу», как в правом углу рядом с конвертиком высветилось «+1». Я открыла диалоги.

Писал Пак.

«Что, мрачная королева, отдыхаем?»

Я фыркнула. Пальцы сами запорхали по клавиатуре.

«Раздражаешь».

«Я лишь невинно поинтересовался! В конце концов, ты моя драгоценная соседка, как я могу не осведомиться о твоем здоровье? Я тебе вчера, можно сказать, жизнь спас».

«Жизнь спас? — усмехнулась я. — *Просто подбросил меня до дома».*

«Я тебя практически на плечах до двери тащил, до сих пор шея ноет».

«Если ожидаешь увлекательный рассказ, тебя постигнет разочарование. Я просто лежу и постепенно умираю от скуки».

«А ведь еще первые сутки твоих «каникул» не закончились. Мне готовиться к похоронам?»

«Только если они будут за твой счет».

Беседа, по моим личным ощущениям, зашла в тупик, но прекращать ее я не горела желанием — Пак отвечал быстро, рассеивая тоску. Поэтому я начала соображать, как бы растянуть эту отдушину. К сожалению, умением поддерживать разговор я так и не овладела, поэтому вытолкнула из себя, наверное, наиглупейший вопрос в истории человечества.

«А ты сейчас дома?»

«Где мне еще быть в пятницу в четыре часа?»

«Может, на подготовке к экзаменам».

«Ой, да плевать на них. И так сдам».

«Самоуверенный».

«Не спорю и считаю это одним из главных своих достоинств. А ты ходишь на профили?»

«Нет, я еще не определилась, куда пойду. Возможно, начну со следующего года».

«Без обид, дорогая, но ты не выглядишь гением. Следовало бы лучше готовиться!»

Удивительная твердолобость.

Неожиданно разозлившись, я заблокировала телефон и запихнула его под подушку. Несколько минут он молчал, а потом вдруг заголосил так, что я подумала — снится.

«Ответь», «ответь», «ответь», «ответь» — не меньше десятка раз.

«Чего тебе?» — недовольно напечатала я.

«Ты говорила, тебе нужно что-то сделать с формой. Хочешь, отнесу в ателье?»

Такое великодушное предложение должно было насторожить — Пак не походил на человека, готового тратить свободное время ради блага других.

«Только без подвоха».

«Больно мне надо что-то с твоими шмотками делать. Ты одна дома?»

«Да».

«Сейчас приду. Подготовь одежду, ок?»

* * *

Родители вернулись ближе к утру, отец — злой и кристально трезвый, мать — весело смеющаяся и покачивающаяся. Он поддерживал ее, спотыкающуюся и постоянно идущую куда-то не туда, ругался себе под нос и тщетно пытался ее увещевать и заставить принять душ. Она его словно не слышала — напевала мелодии из классики. При всей своей пьяной неуклюжести ей чудом удавалось ускользать из рук папы, и это так вывело его из себя, что он сорвался на крик.

Так продолжалось довольно долго, и они наверняка разбудили брата, но ему хватило ума не высовываться. Возня и топот по всей квартире завершились хлопнувшей дверью ванной и сдавленными стонами матери. Порой это перемежалось с осторожными шагами отца, который, судя по всему, носил ей воду для прочистки желудка.

Когда они вдвоем едва ли не проползли в свою спальню, часы

показывали половину восьмого, и только тогда мне удалось провалиться в поверхностную дрему. Состояние между сном и бодрствованием держалось несколько часов, а потом завибрировал телефон.

Открывать глаза не хотелось страшно — в комнате царил приятный голубоватый мрак, в щель между шторами заглядывало запертое в тучи небо, одеяло окутывало тело коконом и не желало отпускать. Я бы с удовольствием зарылась в него носом и пролежала так до вечера — в тишине, спокойствии и расслабленности. Но по какой-то причине я понадобилась миру. Судя по настырности жужжания, позарез.

Пересилив себя, я все-таки вынула руку из тепла и потянулась вниз, нашарила на полу телефон и поспешно залезла вместе с ним под подушку.

Сообщение от Пака.

Что ему понадобилось в такую рань?

«Хэй, Хель, как спалось?»

Я едва не зарычала вслух, но вовремя прикусила язык, вспомнив, что родители только недавно успокоились и, если их разбудить, кое-кто, то бишь я, пожалеет, что появился на свет.

Спросонья печатать было тяжело — пальцы попадали не туда, соскальзывали с клавиш, поэтому небольшое послание в полторы строчки заняло неприлично много времени.

«Ты обалдел, писать мне в такое время? Не подумал, что я сплю?»

«Драгоценная моя, сейчас уже одиннадцать. И я пал жертвой убеждения, что ты жаворонок, поэтому скажи спасибо, что не написал на три часа раньше».

Одиннадцать?

Я посмотрела в правый верхний угол экрана.

«Не раздражай меня».

«От парочки невинных подколов хуже не станет. А ты что так поздно проснулась? Мы же недолго болтали. Или ты сжульничала и вместо сна рисовала?»

Я хмыкнула. Болтали с Паком мы действительно недолго, зато увлекательно. Он предоставил возможность выплеснуть эмоции от творчества — впервые я рассказала живому человеку о сути своих работ, объяснила, как их создаю и что при этом чувствую. Сначала думала отмолчаться, но бросила пару реплик и не смогла остановиться — к тому же Пак слушал внимательно и с явным любопытством. Это льстило. От беседы вживую даже заболел язык. Было невероятно приятно видеть, как он с восторгом проводит пальцами по бумаге, всматривается в проведенные моими кистями линии, словно пытаясь что-то

понять. Он наверняка не услышал бы. Потом он еще долго смирял меня ошарашенными взглядами, и я ощущала себя чуть ли не королевой художников. Однако долго это не продлилось — Пак спохватился, что ателье вечно не работает, и, аккуратно свернув мою одежду, покинул комнату.

Вечером от него пришло сообщение: *«Я видел все твои рисунки?»* Я ответила: *«Разумеется, нет»*, — и зародился новый разговор. Память Пака поражала — судя по всему, он запомнил каждый мой эскиз и расспрашивал об истории, стоящей за ними. В итоге диалог окончился только потому, что Пак заявил, что не поднимется завтра с утра, если ляжет позже. Пришлось его отпустить.

«Обижаешь. Я действительно пошла спать».

«Ла-а-а-адно, не хочешь — не говори».

И как дальше продолжать разговор?

«Что тебе нужно?»

«Осведомиться о твоем здоровье».

«Опять?»

Я практически услышала наигранное возмущение в голосе Пака, неожиданно прозвучавшем у меня в голове, будто он вдруг оказался рядом.

«Ты чем-то недовольна? Драгоценная, радоваться надо, когда кто-то о тебе беспокоится».

«Ты обо мне не беспокоишься».

По прихожей зашаркали шаги. Не слишком тяжелые, как у отца, но и не воздушные, как у брата, — мама. «Наверное, опять тошнит», — отметила про себя я, но телефон тут же заблокировала, пихнула под подушку и сделала вид, что лежу без дела.

И вовремя: внутрь протиснулась мама — бледная, чуть опухшая, с мешками под глазами.

— Привет, — хрипло произнесла она.

Я криво помахала ей рукой:

— Доброе утро.

Она на цыпочках, словно боясь разбудить отца и брата, прокралась в помещение. Потопталась, судорожно сжимая тонкими длинными пальцами ткань ночной рубашки, и направилась к моей кровати. Я привстала на локтях и отодвинулась, уступая ей место. Она присела на самый край вполоборота ко мне.

— Как спалось? — спросила она тихо.

— Неплохо.

— Слышала, как мы пришли?

Такое трудно пропустить мимо ушей.

— Мельком, — соврала я.

Она набрала в легкие воздух, резко выдохнула, нервно передернув плечами:

— Вот и хорошо.

И замолчала. Просто уставилась на свои босые ноги с ногтями, покрытыми красным лаком, и застыла, не собираясь издавать ни звука. Около минуты я ничего не предпринимала. Единственное, что обрадовало — пока она была в прострации, я успела выключить звук у телефона, чтобы вибрации от капающих сообщений нас не потревожили.

Легкие покашливания не пробудили ее, поэтому я довольно громко, но так, чтобы эхо не долетело до родительской спальни, спросила:

— Тебе нужно что-то еще?

Она вздрогнула, удивленно осмотрела комнату, будто забыла, как тут оказалась:

— Прости, отключилась. Да, кое-что еще… Как бы это сказать…

— Просто скажи и все.

— Да, действительно… Ты… Как себя чувствуешь?

Эту простую фразу она выдавила с таким трудом, будто только что подняла на вершину горы огромный валун. Из горла непроизвольно вырвался сарказм:

— Ты это хотела спросить?

Мама кивнула.

— Сотрясение не сильное. Можешь считать, что со мной все в порядке и меня нет в доме. Занимайся своими делами и не беспокойся. Ой, подожди… Ты же обычно так и делаешь. Тем проще для тебя.

Ее глаза округлились:

— Ия, как же я могу, когда у тебя травма…

— Помнится, тебе дела не было до моей травмы, когда я заработала открытый перелом. Кость торчала наружу, боль была адская. Я хотела, чтобы ты была рядом, но ты в это время ездила по магазинам, ведь моему обожаемому младшему братику срочно понадобились теплые вещи на зиму.

Злость и обида накрыли меня неожиданно. Мама обеспокоенно дотронулась до моего плеча, но я шарахнулась от нее, как от прокаженной, и она отстранилась, словно обожглась.

Воспоминания воскресли в ярких красках: велосипед, брошенный у дороги, пятно крови на асфальте, крики детей вокруг, мерзкий запах выхлопных газов и нагретого бетона… То лето было жаркое, я возвращалась домой на своем первом велосипеде. Ехала осторожно, озираясь по сторонам, чтобы

никого не задеть и не покалечить. До этого я ездила только на даче — училась у соседского мальчишки, тайком от отца и матери. Правда, наши похождения раскрылись, и нам запретили общаться, но умения остались. И пригодились.

Мне нравился ветер, бьющий в лицо, и даже слепящее солнце. Я попала в волшебный мир, тот, где небесное светило и пронзительная синева поют песни. Только счастье не длится вечно. Это было совершенно случайное столкновение — какой-то ребенок выскочил из кустов и бросился мне наперерез. Я бы резко свернула вправо, остановилась у края дороги, и все бы закончилось хорошо, но там шла пожилая женщина. Я могла задавить ее, поэтому пришлось вильнуть влево, аккурат на проезжую часть…

Мне должно было повезти, так как она была почти пустой, но из-за поворота вылетел автомобиль.

До больницы меня довез его водитель, впрочем, я мало что помню об этой поездке — только всепоглощающую боль.

Ко мне никто не пришел. Отцу необходимо было посетить важную встречу, а мать открестилась тем, что брату срочно нужна была одежда и она далеко. В итоге во время операции меня держали не близкие люди, а незнакомый водитель, едва не отправивший меня на тот свет, и чужая маленькая девочка в гипсе, решившая меня пожалеть.

— Ты до сих пор злишься на меня за это? — тихо спросила мама.

— Да, — отвернулась я.

— Ия, ты же знаешь, что я боюсь вида крови…

— А если бы я умерла, ты бы пришла на опознание?

Она открыла рот, будто выброшенная на берег рыба, пока наконец не проблеяла:

— Что ты такое говоришь…

— Я могла умереть тогда. Меня бы забрали в морг. Ты бы пришла туда?

Мама по цвету сравнялась с простыней:

— Что за глупости! Как ты вообще можешь о таком думать!

— Я хотела доказать, что тебе бесполезно осведомляться о моем здоровье.

Она вскочила, поджав губы:

— Что ж, раз ты так думаешь, пожалуйста. Мне больно оттого, что ты ставишь нас с папой чуть ли не в один ряд со зверьми, но, видимо, бороться с этим бесполезно. По-хорошему, стоило бы наказать тебя за такие слова, но, раз у тебя сотрясение, я не буду делиться… этим… с папой.

Изо рта чуть не пошла пена:

— Да говори ему что хочешь, плевать. Думаешь, мне есть дело до ваших наказаний? Забрали компьютер — и я должна перед вами на коленях ползать, умоляя его отдать? Да я им даже не пользуюсь!

— Что ж, это играет тебе на руку. Будь добра, поспи еще немного. Тебе нужно отдыхать.

Она выскользнула в коридор, с щелчком прикрыв дверь.

Я осталась в полностью изолированном от внешнего мира ринге, где в одном углу разум, а во втором — чувства. Первый объяснял, что в произошедшем нет ничего удивительного, все логично, так и должно было случиться. Второй вопил, что это слишком жестоко, и сердце поддерживало его глухими ударами, отдающимися ноющей болью во всем теле.

Слезы неприятно застлали обзор полупрозрачной пеленой, покатились по щекам. Я откинулась на подушку и судорожно сжала телефон. Не с первого раза разблокировала, пропустила сотню сообщений от Пака и набрала: *«Можно тебе позвонить?»*

Он прочитал мгновенно: *«Конечно».*

Следующей строчкой пришел его номер. Я, не раздумывая, нажала на него и поднесла трубку к уху. В ней тут же раздался его жизнерадостный голос:

— Даже неожиданно получить от тебя такое предложение.

Я задержала дыхание, чтобы не хныкать:

— Мне нужно, чтобы ты что-нибудь говорил.

— В смысле? — не понял парень.

— Неси какую-нибудь чушь, как ты это обычно делаешь.

— Ты плачешь?

— Неважно, просто чеши языком!

Чужая болтовня всегда успокаивает. Чужая речь вливается в уши и занимает разум, особенно если в нее вслушиваться.

— Я, конечно, не такая трещотка, как Арлекин, но, наверное, тоже что-нибудь смогу, — тут же набрал твердости его голос. — Например, давай я расскажу тебе о том, что ты пропустила в школе. Ты еще мало кого знаешь, поэтому возьму в фокус только тех, с кем ты знакома. Надеюсь, ты помнишь того брутального волка Гери.

— Его трудно забыть. Только он не брутальный. Вот кто брутальный, так это Изенгрин.

— Ты считаешь Изенгрина брутальным? — расхохотался Пак, похоже, тоже чуть успокоившийся оттого, что я влилась в диалог.

— Ну, как сказать… — протянула я. — Скорее, устрашающе-могущественным. Когда он идет навстречу, хочется ускакать на верхушку самого высокого дерева, как белка.

— Если бы я верил в Бога, я бы перекрестился, — загробным

тоном произнес Пак.

Я надрывно хихикнула:

— Я же не в любви ему призналась.

— Практически!

— Так что там про Гери?

— Переводишь тему! Но будь по-твоему. В общем, Гери сегодня разгромил полшколы. Он никогда не отличался умением держать себя в руках, но тут превзошел самого себя. Кажется, теперь он обязан выплатить штраф, что неудивительно — он вынес шесть дверей, из-за него треснул стол в столовой, а в спортивном зале теперь вмятина в полу. И это еще не все! Восемь разбитых горшков с цветами, приступ у химички вследствие полностью перевернутой лаборантской, упавшая люстра и разодранный диван. А еще он кричал, что мы виноваты и он убьет нас с тобой, как только найдет, и я склонен этого опасаться, так что очень рад, что завтра не нужно в школу. Авось за эти дни оправится и откажется от своей затеи. Не хочу умирать в столь юном возрасте…

Наверное, там все как в низкобюджетном фильме ужасов про пришедших в школу ради охоты на людей инопланетян…

— А по какому поводу разгул?

— Арлекин не пришла, — как нечто само собой разумеющееся пояснил Пак. Я же поперхнулась воздухом. — Он и взбесился. Все орал, что это она с нами пошла, вот и пропала. Я пытался его увещевать тем, что и тебя тоже нет, но плевать он на это хотел. Ему все Арлекин да Арлекин.

— С чего бы ему так нервничать из-за нее?

— Любовь — штука сложная.

— Любовь?

— Наш Гери безумно влюблен в Арлекин уже два года, но она его отвергает.

Вот это новости… Нет, Арлекин яркая девушка, заметная и веселая, и неудивительно, что она кому-то понравилась. Однако я могла ожидать кого угодно, только не Гери. Он же ее задавит или они друг друга убьют — оба эмоциональные и не умеют сдерживаться. Впрочем, еще не факт, что Арлекин ответит ему взаимностью. Может, разойдутся, как в море корабли.

Пак прощупал почву:

— Это ты от шока молчишь?

— Да, — подтвердила я. — У меня они как-то… не встают в одну линию.

— Они не могут по определению. О, кстати, пока не забыл — Изенгрин, — имя волка в устах лиса прозвучало внезапно зло и с отвращением, — просил передать тебе, что зайдет в понедельник

и принесет классные работы. Зная этого серого, можно предположить, что он притащит с собой Солейля. Будь готова.

Я скривилась: Солейля мне еще не хватало! А ведь мне с ним еще тренироваться. Может, удастся избежать столь ужасной участи? Разжалобить Марину, как вариант.

— Спасибо за предупреждение, — вздохнула я.

— И да, Хель. Завтра вечером показывают «Избави нас от лукавого» по телевизору. Сомневаюсь, что ты захочешь смотреть у себя дома, да еще и когда родители на месте, поэтому приглашаю тебя в кладовку на просмотр.

— У меня же сотрясение, — невольно улыбнулась я.

— Можно нарушить пару правил. Два часа кадров на экране не повредят.

Улыбка стала шире:

— Видишь, ты говоришь, что беспокоишься обо мне, а сам подбиваешь на причинение вреда собственному здоровью.

— Не путай меня, — хохотнул он. — Буду ждать тебя, ладно?

— Ладно. Спасибо за разговор.

— Не верю, слышу благодарность от Хель! Успокоилась?

— Полностью.

* * *

Этим утром голова болела во сто крат сильнее. Не хотелось даже открывать глаза — может, из-за неприятной рези в костях и общей усталости, вызванной бездельем, а может, и из-за царящей за окном погоды. Шторы были привычно задернуты, но сквозь щель между ними проглядывали тяжелые тучи и окно, усеянное полупрозрачными каплями. Они причудливо переливались, так что я потратила около часа на составление абсурдных узоров из блестящих точек. Целью было получить контуры лисицы и волка. Непростое занятие — из хаоса создать порядок, но у меня вышло. Правда, стоило только моргнуть — и невидимый рисунок рассеивался.

Мозг словно опутали паутиной. Казалось, я не смогу сложить два и два. Меня приплющило к постели, виски сжали чьи-то лапы. Впервые за долгое время я жаждала вскочить и сделать пробежку вокруг дома или по парку, проветрить легкие и вернуть ясность рассудку. Однако это было бы слишком серьезным нарушением предписаний, данных врачом, поэтому пришлось воздержаться, оставшись в комнате.

Заниматься было катастрофически нечем. Бумагу и рисовальные принадлежности мне так и не отдали, все книги

были прочитаны, а телефон возле подушки молчал, несмотря на то, что стрелка часов медленно, я бы сказала, мучительно медленно, приближалась к двум. Я то и дело снимала блокировку, чтобы убедиться, что он не разряжен, и вновь и вновь разочаровывалась — ни сообщений, ни пропущенных звонков.

Как бы ни хотелось признавать, а беседы с Паком, пусть даже виртуальные, избавляли от хандры. Отвечал он быстро, в своей привычной манере, так что создавалось впечатление, будто я играю в компьютерную игру. Никогда не знаешь, что придет в ответ на твое письмо — шутка, сарказм или философский почти-трактат.

Сегодня, чтобы не сойти с ума, я была вынуждена придираться ко всему. Кислород душной тиной тек в легкие, и я, получая удовольствие от движения, шла к окну, потягиваясь и хрустя застывшими костями, а затем стояла у подоконника, вдыхая колючий зимний воздух. В этом городе он был острее и резче, должно быть, из-за меньшего количества машин и заводов.

Болезненное покалывание в пальцах и натянутая красная кожа на лице показались приветом из далекого прошлого, и я, несмотря на то, что ощущения приятностью не отличались, не желала с ними расставаться. Отошла, только когда горло пересохло и кашель стиснул его шершавыми когтями. Простужаться вдобавок не улыбалось.

Порой удавалось ненадолго погрузиться в дрему, больше похожую на бред. Однако вечно спать я не могла. Приходилось хвататься за любую возможность либо как-то извернуться, либо встать с постели. В итоге я переставила горшок с фиалками в другой угол, чтобы он не загораживал вид на чистую стену и идеальные обои, и наконец-то расправила свернувшийся ковер.

Пожалуй, в столице я бы предположить не могла, что захочу побыстрее пойти в школу. Там я бы использовала каждый шанс остаться дома на как можно более долгий срок. Еще бы стерлись воспоминания о тренировках с Солейлем и Изенгрином…

Я долго убивалась, лежа лицом к стене и таращась на часы, отслеживая движение секундной стрелки и отбивая пальцами ритм о матрац.

Однако опять же ничто не длится вечно. Так и моя тянущаяся меланхолия прервалась самым неожиданным образом — воплем из гостиной и громким хлопаньем двери моей комнаты.

Внутрь, как ураган, ворвался брат, всклокоченный, покрасневший и аж раздувшийся от гнева. Вены на его шее набухли, одна рука нервно сжималась в увесистый (на собственном опыте проверено) кулак, другая стискивала книгу, зажатую под мышкой. Именно на нее переключилось мое

внимание после оценки облика мелкого — выглядела она до боли знакомой. В голове завертелось множество детских воспоминаний. Крылья бабочки, олицетворяющей охотничий дух, распустились где-то в животе, и я, полностью забыв о том, что уже не одна в помещении, принялась гоняться за воспоминаниями, отлавливая их поодиночке, за мгновения анализируя и перебирая мельчайшие детали. Ответ витал где-то рядом, но упрямо не ловился за хвост.

А потом запах сказки ударил в нос — корица, горькие духи, пыль от пледа, солнце, земля из цветочного горшка, дерево, клей, лето и шершавая поверхность газетных страниц на подушечках пальцев.

«Книга Джунглей» Киплинга.

Старая, сотню раз заклеенная скотчем, с дырами на обложке в нескольких местах, с тусклыми иллюстрациями и кое-где почти исчезнувшими буквами. Толстая, тяжелая и распространяющая вокруг себя аромат детства, давным-давно прошедших лет, когда люди вокруг улыбались. Бабушка смеялась, пока готовила завтрак, стоя в коридоре в нашем деревенском домике. Брат, еще не вышедший из младенческого возраста, забавно махал руками в огороде, увидев для себя нечто новое — жука или гусеницу. Продавщица в магазине, единственном на всю деревню, растягивала губы в улыбке, завидев нас троих, шагающих по пыльной дороге…

Всегда, в каждую секунду пребывания у нее в гостях я держала при себе эту книгу. Бабушка читала мне ее с утра, перед первой трапезой дня, на ночь, перед сном, после обеда. Когда она была занята на картофельном поле или уходила помогать соседям, я сдвигала брата куда-нибудь, залезала на большой диван, устраивала книгу у себя на коленях и погружалась в волшебный мир, где волки благородны и храбры, а шакал вьется под лапами у тигра.

— Ты чего таращишься? — грубо спросил брат.

Магия рассеялась.

— А ты чего права качаешь в моей комнате? — парировала я. — Что ты тут забыл вообще?

За все время, что мы тут жили, он даже порог моей своеобразной крепости не перешагнул.

На него вновь накатила злость, и он начал капризно рассказывать:

— Наша училка по литературе заявила, что мы необразованные и ничего в жизни не добьемся, ведь без книг в этом мире никуда. Спросила, какие у нас любимые произведения, а весь класс молчит. Она завозмущалась, стала наших родителей

обвинять, что они нас не воспитывают… Целый список накатала, что нужно прочитать, позвонила родителям и сказала, чтобы мы им вслух читали…

— Прекрасно, а я тут при чем?

Излияния младшеклассника по поводу несправедливости выслушивать не хотелось, к тому же смысл его тирады от меня ускользал. Впрочем, он всегда страдал проблемами со связью мыслей воедино.

— Ну как при чем?! — взвизгнул он, напомнив пресловутого шакала. — Я должен читать вслух, а маме фильм посмотреть позарез надо, и у отца что-то свое срочное! Сказали к тебе идти, тебе все равно заняться нечем, можешь и послушать. Послушаешь?

— Не имею желания. Катись к себе в комнату и читай сам.

— Почему?!

— Твой писк въедается мне в мозг, а у меня и без того голова болит, так что я бы предпочла остаться в компании тишины.

Я демонстративно отвернулась и уткнулась носом в простыню. Через секунду кровать подскочила, ножки царапнули пол.

— Ты что творишь, мелкий?! — схватила я брата, со всего размаху прыгнувшего на постель.

Он вцепился тонкими, но сильными пальцами мне в запястья:

— Это ты что!..

— Я внятно сказала, нет! Уходи!

— Ты моя старшая сестра, помогать по учебе — твоя обязанность! Ты еще и отличница к тому же! И читать любишь! Что тебе стоит?!

Я прошипела прямо ему в веснушчатое лицо:

— Во-первых, не отличница, а хорошистка. Во-вторых, я бы многое отдала, чтобы не быть твоей сестрой.

Он пораженно уставился на меня, открыв рот. Хватка ослабла, но это уже не имело значения — я сама оттолкнула его, состроив гримасу, и как ни в чем не бывало накрылась одеялом почти с головой.

Мне не было стыдно. С того самого дня, как брат появился на свет, в квартире пахло слюнями и резиновыми игрушками, катавшимися по полу; маленькое чудовище кричало не останавливаясь, чего-то требовало, заходило, куда не надо и когда не надо…

Брат не двигался, и я уже хотела возмутиться, как вдруг он начал читать: «В Сионийских горах наступил очень жаркий вечер…»

Я даже привстала, чтобы схватить его за воротник футболки и

выкинуть в коридор, но что-то надавило на плечи. Голова закружилась, тело обмякло, уши заполнила вата.

Пусть читает. Все равно чтение он долго не протянет.

Просто не буду слушать.

* * *

Ночью сон не шел по до боли простой причине — фильм, который мы смотрели с Паком в общей кладовке. Пак перед «сеансом» так расписал сюжет и актеров, исполняющих главные роли, что я ожидала чуть ли не чуда в пластмассовом ящике. Лучше бы молчал. Уже с ролика, прокрученного за минуту до начала картины, сердце чуть не остановилось. Я мужественно выдержала первый этап испытания — не закрыла глаза ладонями и не зажмурилась, просто стиснула колени и челюсти, чтобы не засмеяться.

Никогда не любила фильмы ужасов. В принципе, я не отличалась впечатлительностью и быстро все забывала. Однако сам процесс созерцания ужасающих кадров, смертельно-опасно-давящая атмосфера и нить страха, тянущаяся сквозь повествование, навевали дикую тоску.

Паку все было нипочем. Он развалился на пледе, головой ткнувшись в мой бок, и внимательно следил за действием, шумно попивая колу из стаканчика через соломинку. Кажется, кошмары, творящиеся там, его ничуть не волновали. Несколько раз мне даже померещилось, что он уснул, но он тут же опровергал это, ворочаясь. В темноте смотреть фильм ужасов, когда рядом знакомый шумно потягивает колу, слабонервным строго противопоказано.

В конце концов, сдерживать порывы закрыться от отвратительного зрелища оказалось невозможно. Я пряталась за ладонями, и Пака это смешило. Он специально тыкал мне в ребра пальцем в самые кульминационные моменты, шипел и комментировал происходящее.

Когда замелькали титры, я ощущала себя статуей. Представила себя вечно сидящей так, обнявшей собственные колени и таращащейся в одну точку. Спустя какое-то время сердце остановится. Потом начнется разложение, и либо кто-то почувствует вонь и вытащит труп из кладовки, либо он так тут и останется, с годами превратится в скелет и станет прекрасной иллюстрацией выражения «скелет в шкафу». Не совсем в шкафу, но все-таки…

Пак же живо потянулся, откупорил свой стакан, выпил

остатки колы и с радостно-тяжелым вздохом поднялся, беспардонно опершись на мое плечо. Испуганным или сколько-нибудь пораженным он не выглядел. Даже наоборот.

В итоге ночь я коротала, полностью закутавшись в одеяло и оставив лишь одну небольшую щелку для дыхания. Спустя полчаса я взмокла так, что волосы прилипли к шее. Организм требовал лечь нормально, но скрутившийся ящеркой под сердцем страх вторил, что так безопаснее и спокойнее, особенно если ничего из-под него не высовывать.

Как говорила наша учительница биологии в старой школе, доверяй своим инстинктам, целее будешь. Можно и помучиться, пока солнце не взойдет или часы не пробьют три утра.

Когда первый луч скромно скользнул по подоконнику, я вымоталась морально и физически. Только искра небесного светила загорелась вновь, уже сильнее, я скинула с себя кокон и вдохнула полной грудью. Воздух, ранее казавшийся таким мутным и горьким, отрезвляющей кислотой разлился во рту. Глаза слипались, но я понимала, что засыпать уже бесполезно. Во-первых, собью себе весь мало-мальски установившийся режим, во-вторых, пропущу визит Изенгрина и Солейля. Это было бы неплохо, если бы меня сморило, но потом я бы мучила себя угрызениями совести, изводясь мыслью: «Они же планировали визит, а я нарушила им все планы, как невежливо!»

Довольно быстро определившись с выбором между совестью и эгоизмом, я сползла с постели и направилась в душ. Благодаря холодной воде вернулась в свою обитель уже в более-менее адекватном состоянии.

Бороться с желанием вновь укутаться в одеяло, только уже более комфортно, стало легче, когда ожила остальная часть квартиры. Еле-еле до ушей донесся звон будильника в родительской спальне и тихие шаги матери, ее голос, приказывающий брату вставать, его капризные всхлипы «не хочу в школу, почему Ия дома, а мне идти?!» и недовольное ворчание отца. В коридоре зажегся свет, в ванной зажурчала вода, на кухне загудела микроволновка. Когда брат зевнул настолько громко, что услышала даже я, мама систематически стала звать отца: «Дорогой, просыпайся, тебе пора на работу!»

К счастью, сборы вскоре прекратились. Мама выключила свет в коридоре, так что квартира вновь погрузилась в полумрак.

Во время ожидания Изенгрина и Солейля на поверхности реальности держалась я исключительно благодаря книгам, благо срок «воздержания» завершился, и теперь я официально могла позволить себе маленькие прихоти. За художественными принадлежностями к матери идти я тем не менее пока не

рисковала.

Звонок в дверь раздался ровно в четыре. Мама засеменила к ней, послышался щелчок замка и зычный голос Изенгрина. Я отметила, что звучит он весьма скованно, будто репетировал незамысловатое предложение перед зеркалом. Однако стоило отдать ему должное — умело избежал упоминания моего прозвища, не прибегая к неизвестному ему имени.

Волки не хитры, говорите?

Мама что-то ответила, и шаги неумолимо застучали в сторону моей комнаты. Я поспешно подбила подушку, облокотилась на нее, поудобнее поставила книгу на коленях и сделала вид, что их визит для меня — полнейший сюрприз.

Мама сообщила:

— К тебе гости.

На лице ее отражалось изумление. Наверняка она даже предположить не осмеливалась, что кому-то не все равно, что со мной произошло.

— Кто? — равнодушно поинтересовалась я.

— Двое ребят, выглядят вполне прилично.

— Хорошо, если они тебе не мешают, пусть входят.

Она скрылась в коридоре, и ее место тут же заняла черная макушка Изенгрина. Он нерешительно заглянул в комнату:

— Здравствуй, Хель. Не возражаешь?

— Изенгрин? — «поразилась» я, захлопывая книгу. — Конечно, не стой на пороге.

Волк потупился, потоптался на месте и поманил пальцем оставшегося за дверью Солейля. Один раз. Второй. «Ангелочек» явно не желал показываться.

— Кто там с тобой такой стеснительный? — словно невзначай спросила я.

Подействовало безотказно. Солейль тут же бурей влетел внутрь:

— Кто тут стеснительный, так это ты!

Он едва успел договорить. Изенгрин замахнулся и от души отвесил другу подзатыльник.

— Стеснительность уже считается оскорблением? — как ни в чем не бывало склонила голову вбок я.

Изенгрин невозмутимо поправил рукава пиджака:

— Тебе следует быть вежливее. Хель болеет, ей нельзя нервничать. Мы пришли навестить ее и поддержать, а не навредить.

Солейль с кривоватой ухмылкой положил руку на плечо Изенгрину:

— Надеюсь, ты понимаешь, что вымещать все я буду на тебе.

Волк словно не услышал, только с тем же каменным выражением лица скинул руку друга и обратился ко мне:

— Прости его, он эмоционален.

— Самолюбив, нагл и горд, — с готовностью добавила я.

Лис сжал кулак. Изенгрин жестом остановил его. Тот прикусил губу, фыркнул и беспардонно опустился в кресло. Хорошо бы было согнать его, ибо не принято в порядочном обществе садиться без приглашения, но на новый скандал нарываться не хотелось. Это только увеличит срок их нахождения здесь, а я была бы не прочь, если бы они ушли как можно быстрее.

— Мы хотели пожелать тебе скорейшего выздоровления, — продолжил волк, — передать привет от ребят, и от лисов, и от волков, и вручить подарки.

Мысли стаей бабочек перелетели со скалы недовольства и неприязни на утес любопытства и ожидания.

— Подарки?

— Да, — слегка улыбнулся Изенгрин, видимо, заметив эмоцию, которую я не сразу взяла под контроль. — Пак, — имя прозвучало так, будто волк проглотил лимон целиком, — рассказал всем, что с тобой случилось, и ребята попросили принести тебе маленькие сувениры. Они хотят, чтобы ты видела их и помнила, что тебе всегда рады и ждут, когда ты вернешься.

Будто я на долгие месяцы исчезаю, ей-богу.

Он взял в руки свой рюкзак, до этого болтающийся у него за спиной, и выудил оттуда плотный синий пакет. Солейль закатил глаза, я показала ему средний палец, но этим все и ограничилось.

Пакет сразу же оказался у меня в руках.

Он оказался неожиданно тяжелым. Я развязала незамысловатый узел, развела края в стороны, и у меня перехватило дух.

Он полнился мелочами: записки на разноцветной бумаге, подвески, открытки, прозрачные шарики, искусственные перья. На самом дне что-то блеснуло, и я незамедлительно выудила вещицу на свет — зуб на тонкой медной проволоке, загнутый и острый. Я провела по нему пальцем; он впился в кожу.

— Так и знал, что тебе понравится, — кивнул Изенгрин.

— Сам сделал? — уже по-настоящему поразилась я. — Красиво, — даже врать не пришлось. — А чей зуб, если не секрет?

— Волчий.

— Настоящий?

— Самый что ни на есть.

Я испытала к украшению уважение. Всегда мечтала о чем-то подобном, да возможности купить не предоставлялось. Столица

— это столица, в ней есть все, нужно только уметь искать. Я не умела, вот и осталась ни с чем. Сколько ни бродила по улицам — бесполезно. А тут, в этой дыре, украшение, порой даже появлявшееся во снах, отныне принадлежит мне без всяких усилий, пустых ожиданий и пресловутого «хочу».

— Спасибо, — искренне поблагодарила я и надела зуб на шею. Идеальная длина проволоки — он лег ровно на грудь и блеснул лучом солнца.

— Тебе идет, — сказал Изенгрин.

— Еще раз спасибо.

— Столько сил потрачено, а он и радуется, — буркнул Солейль, демонстративно отворачиваясь к окну.

Его реплику пропустили мимо ушей. Я разглядывала зуб, поглаживая его, и думала о том, как мне все-таки повезло попасть в эту гимназию. Скажи мне месяца три назад, что я почувствую себя частью общества, и это самое общество будет посылать мне сувениры во время болезни, рассмеялась бы в лицо. А оно вот как — получила сотрясение, ликовать надо, оттягивать момент выписки, а хочется поскорее вырваться из плена холодных стен и погрузиться в суету, создаваемую Арлекин, Паком, сотнями учащихся. Там не чувствуешь себя брошенной. По крайней мере, не так сильно, как здесь.

Изенгрин внимательно наблюдал за мной, будто размышляя о чем-то.

— Пока мы не ушли, — вдруг вновь подал голос он, — скоро начнется конкурс талантов. Я рассказывал о нем недавно. Не хочешь сходить? Это может помочь тебе определиться с выбором.

Хорошее настроение как ветром сдуло. Да, выбор, который мне нужно принять уже… Через сколько? Две недели? Ничтожный срок.

— Если не появятся какие-то важные дела, обязательно схожу.

Волк кивнул и вдруг уставился в одну точку. Проследив за его взглядом, я вычислила, куда он смотрел — на изображение волка, которое Пак любезно приклеил к стене, когда заходил забирать мою одежду. Выглядел он при этом так, словно узрел самый будоражащий ужас во Вселенной.

Не успела я понять, что происходит, как он на деревянных ногах в два шага преодолел расстояние между собой и Солейлем, схватил лиса за шкирку и поднял его на ноги.

— Ты чего?! — возмутился блондин.

— Нам пора, — отчеканил Изенгрин. — Приятно было поговорить, Хель. Скорейшего выздоровления.

Они поспешно схватили свои рюкзаки и вылетели из

комнаты, будто волк с картинки кусал им пятки.

Сомнений не было — они сбежали от меня.

* * *

Сон почти ничем не отличался от реальности, и определить, что я сплю, удалось лишь благодаря расплывчатым пятнам в некоторых местах видения. Как будто подсознание стремилось что-то скрыть. От этих пятен, похожих на водяные разводы на только написанной акварелью картине, веяло чем-то холодно-вязким, неприятным. К ним не хотелось приближаться. Из их глубины словно кто-то внимательно наблюдал за происходящим, тянул руки, однако никак не мог прорваться сквозь тонкую, но плотную преграду. Вглядываясь, мне удалось различить смутное движение, и я поспешно отвернулась, чтобы не привлекать внимание неведомых чудовищ.

Я много читала о подсознании — если оно прячет что-то, лучше не пытаться выяснить, что именно.

Место выглядело смутно знакомым, будто я бывала здесь в глубоком детстве. Березовая роща, трава по колено, россыпь полевых цветов, чей аромат дурманил, побуждая прилечь и насладиться теплом солнца. Здесь царила весна, уже поздняя, но еще сохранившая флер прохлады. Легкий ветерок идеально дополнял кокетливые золотые лучи.

Когда-то я чувствовала это каждое лето — в детстве, приезжая в деревню к бабушке. Сейчас это стало чужим, но смутно знакомым ощущением. Возможно, именно в раннем возрасте она отводила меня сюда за ягодами.

Место окутывала сущая благодать. Тишина, только птицы поют да шуршат молодые листья, некоторые из них не выдерживают напора и взмывают в пронзительно-голубое небо. Избавиться бы от мерзких пятен, абсолютно лишних здесь…

Трава соблазнительно щекотала ладони, а запах пыльцы стал настолько тяжелым, что я поддалась его натиску и опустилась на пронизанную весенним возрождением землю. Будто с головой ушла под воду, опустилась на самую глубину и вдруг смогла дышать.

Я находилась на дне океана, поверхность которого — небо, куда мне никогда не добраться.

Время потеряло значение. Возможно, прошла всего минута, возможно, сутки, а то и целая вечность. Я понимала, что сплю, но реальность вдруг стала казаться такой ужасной, что я отдала бы все, лишь бы остаться тут навсегда. Лежать, упиваясь безмятежностью и свободой, никуда не спешить, ничего не решать…

Это был рай.

Я раскинула руки в стороны и представила, что провела в нем тысячу лет. Сменились десятки поколений, пали и воздвиглись города, появились и исчезли государства… Если бы я вернулась сейчас…

Мне не удалось закончить мысль — вдали послышался шорох. Внутри все дрогнуло — кто-то нарушил мой покой. Или я нарушила чей-то. Если второе, лучше бы оставаться невидимкой. Вдруг от меня потребуют расплаты?

Я затаила дыхание.

Слуха коснулся переливчатый женский смех — нежный, как перезвон рождественских колокольчиков. Почему-то он тут же убедил меня, что опасность не грозит, и я приподнялась на локтях, чтобы разглядеть разворачивающееся на поле действо.

Из рощи, задорно хохоча, бежала совсем юная девушка — не старше четырнадцати. Русые волосы, заплетенные в косу, узкое лицо с тонкими губами, смуглая кожа и осиная талия. Обычная внешность, встретишь такую на улице — не запомнишь. Однако внимание она все-таки привлекала: пышные юбки из грубой тяжелой ткани, широкий пояс, свободные рукава, расшитый воротник…

Мне снится Древняя Русь? Серьезно?

Едва я поразилась, из рощи выскочил огромный волк, раза в четыре больше обычного. Гибкий, сильный, точная копия того, что я нарисовала недавно. Острые длинные клыки, блестящие глаза, лоснящаяся шерсть.

Я рефлекторно отшатнулась, прижав руки ко рту, чтобы не закричать. Из живота к горлу подкатил первозданный ужас, трепет кролика перед крупным хищником. Я знала — от волка не спастись. Слишком умен, слишком быстр, слишком силен. Плевать, что сон. Раз пейзажи и прикосновения ветра такие живые, значит, и боль будет таковой, когда он вопьется в мою плоть.

Хотелось одновременно и удрать поскорее, пока зверь не учуял мой запах, и крикнуть девушке, чтобы

попыталась спастись. Она его не замечала, несмотря на то, что он рычал, взрывал землю когтями и подвывал — так и продолжала со смехом нестись вперед.

На меня накатила паника — бежать прочь или попытаться помочь? Инстинкт самосохранения вопил, что первое вернее всего, совесть настаивала на втором, но я не находила сил выполнить ни то ни другое — ноги словно приклеились к почве, руки ослабели.

Волк прыгнул.

Я зажмурилась.

Девушка рассмеялась еще громче.

Я ошарашенно вскинула голову. Они с волком задорно катались по земле, крепко друг друга обнимая. Зверь повизгивал от восторга, а девушка с удовольствием зарывалась носом в его шерсть.

От облегчения я снова упала. Боюсь, зрелища растерзанного человека я бы не выдержала. И не смерть внушала ужас — картины в моих кошмарах порой являлись намного более жуткие, — но именно в этом случае я была убеждена, что, если он убьет ее, случится нечто непоправимое.

Волк аккуратно обхватывал хрупкое тело подруги лапами, стараясь не ранить, шуточно дергал ее за волосы, а та пыталась его защекотать, так что ему приходилось делать вид, что у нее получается. Еще долго они лежали рядом. Девушка что-то лопотала, а зверь снисходительно слушал.

Девушка улыбнулась, и я вдруг отчетливо поняла, что она говорит, по движению ее губ:

— Подаришь мне свой зуб?

В реальность меня буквально вышвырнуло. Вселенная разрушилась с громким хлопком, оказавшимся моим собственным судорожным вдохом. Она осыпалась миллиардами осколков, словно созданными для вскрытия вен — острыми со всех сторон, заполненными сводящей с ума сильнее всей тяжести горя светлой печалью, и тающими как снег воспоминаниями.

Сердце колыхалось. Рука рефлекторно сжала воротник пижамы в порыве его остановить, но не смогла пройти сквозь плоть. Воздуха катастрофически не хватало, волосы слиплись от пота. Пришлось несколько минут сидеть, не шевелясь, восстанавливая ритм и рукавом стирая с кожи противные капли.

Часы мерно тикали, стучали по воспаленному сознанию. Сколько лет не ложилась днем, а тут накатило. Да как! Вырубило

на три часа — стрелки показывали девять.

Уже пора обратно в постель, а я только встала.

К счастью, есть плюс — застану блаженную тишину в квартире. Родители с братом уснут, а я буду бодрствовать и наслаждаться полным покоем. Были бы еще краски и бумага…

Как вариант, я могла бы рисовать в какой-нибудь тетради или на мелких альбомных листах — благо черных гелевых ручек и карандашей у меня хватало, но они не так полно передавали энергию, в отличие от красок, пастели и фломастеров.

За дверью раздавались приглушенно отзвуки повседневной жизни родственников. Видимо, брат играл в компьютерные игры в своей комнате, мать крутила фильм за фильмом по кабельным, а отец попивал чай на кухне или читал новости в спальне. Как бы то ни было, они наверняка погрузились в себя, поэтому я вытащила из шкафа полотенце с новой пижамой и спокойно, даже не скрываясь, прошествовала в ванную.

Старая одежда полетела в корзину с грязными вещами, а я, трепетно настраивая кран на нужную температуру, залезла в душ. Теплая вода смыла вязкую дрему и тяжесть, расслабила скованные ознобом мышцы и заставила оттаять кости.

Обратный путь к себе вышел таким же безболезненным — меня не заметили. Впору возгордиться и возомнить себя обладателем мантии-невидимки.

Я хотела с ходу кинуться в постель и зарыться в одеяло, но мечтам не суждено было сбыться — в комнате меня ждал своеобразный сюрприз: на кровати, пощелкивая явно украденной с моего стола ручкой, по-хозяйски развалился Пак. И, едва я переступила порог, он широко улыбнулся и приветливо помахал мне рукой.

От неожиданности я чуть не навернулась на мокрых пятках.

— Ты как сюда пробрался?!

— Через дверь, — невинно ответил Пак. — Пока ты плескалась, вылез из кладовки и прошел в твою комнату.

Барабашка недобитый.

Я втянула воздух в легкие, пытаясь успокоиться:

— Зачем?

Пак надул губы, всхлипнув для пущей драматичности:

— Я старался, бегал в ателье, проявил чистый порыв души, а она!.. Эгоистка ты, Хель! Совершенно не уважаешь чужой труд!

— Одежду принес, что ли?

— Именно.

Он рывком сдернул висящую на стуле бесформенную кучу, снял с нее шуршащую упаковку, и моим глазам предстала школьная форма, выглаженная, ровная, на пару размеров меньше,

приталенная — аж камень с плеч. Красота.

— Спасибо, — поблагодарила я, принимая одежду и пытаясь выдавить приличную улыбку. Пак с сочувствием хмыкнул — не получилось.

— На твоем месте я бы репетировал перед зеркалом. Ухмылки у тебя выходят злодейские, мне нравится, но улыбка как у окуня. Тренируйся.

— Умение утешать — уровень бог, — буркнула я, запихивая вешалку в шкаф.

— Я привык говорить правду. Она делает людей лучше.

— Или заставляет их ненавидеть тебя.

— Когда они узнают о своих недостатках, они неосознанно стремятся к самосовершенствованию.

— Или к отмщению тому, кто их оскорбил.

Пак всплеснул руками:

— Что за пессимизм! Тебя невозможно переубедить.

— Это реализм, — не согласилась я. — Людям нравится думать, что они лучшие, что они идеальны и в них нет отрицательных черт. Им нравится, когда все их любят, хвалят или превозносят. Это заложено в человеческой природе — гордиться.

Пак сделал вид, что задумался:

— То есть, если я выскажу все, что думаю о тебе, ты обидишься на меня?

— Смотря что ты обо мне думаешь. Гарантировать могу одно: ты никогда не узнаешь, обиделась я или нет.

— Я так не считаю. У тебя плохо получается скрывать эмоции. Когда тебя что-то задевает, ты ходишь, как оловянный солдатик. Когда тебе хорошо, ты тут же оживаешь, начинаешь двигаться быстрее. Так что я легко определю, тронули ли тебя мои слова.

— Ну, попробуй.

— Не сегодня, мрачная девочка. Сегодня, — он, таинственно шевеля пальцами в стиле «сейчас будет интересный фокус, дети», отошел на несколько шагов назад, — у меня для тебя особенный сюрприз. Пойдем в кладовку.

Я подозрительно вскинула брови:

— Ты меня прирезать решил?

Пак застыл в недоумении:

— С чего бы?

— Таким голосом маньяки обычно зазывают своих жертв. Да еще и в кладовку, где темно и много всякого старья. М-м-м, такое соблазнительное предложение…

— Ой, ну раз так, пожалуйста: там нас ждет Арлекин. Устроим посиделки в честь твоей скорой выписки.

— Скорой? — фыркнула я. — Еще неделя.

— В масштабе Вселенной это даже не вспышка.

— В масштабе Вселенной даже наша жизнь едва ли вспышка.

— Твоя правда, и все-таки — пойдем. Арлекин так хотела тебя увидеть, не представляешь. Каждый день в школе спрашивала, как ты себя чувствуешь.

— А написать мне никак?

— Не будь букой, Хель!

Я задумчиво повела плечом. Лезть в кладовку не хотелось — во-первых, там грязно, а я только после душа, во-вторых, неизвестно, сколько времени займут беседы с Паком и Арлекин. Когда смотришь фильм, можно примерно рассчитать, когда он закончится, чем будут заниматься в это время родители и каков уровень риска попасться им на глаза. Беседы же совершенно непредсказуемы — может статься, нам не о чем будет разговаривать, и придется ускользать от матери с отцом спустя несчастных полчаса, или же мы разболтаемся так, что пробудем вместе до рассвета.

Однако тратить время впустую не улыбалось еще больше. И так уже достаточно просидела без дела, впору свихнуться — и как сказочные принцессы всю жизнь проводили в башне?

— Ладно, — махнула рукой я. — Только тихо, чтобы родители не услышали.

— Что ты так трясешься со своими предками. Они занимаются своими делами, ты — своими. Ничего не случится, они ничего не заметят. Вот, смотри.

Он уверенно зашагал к двери, как ни в чем не бывало открыл ее, даже не стараясь сделать это тихо, и направился к кладовке. Будто это его квартира, будто, услышь отец или мать что-то, увидь его, он просто испарился бы, и всем бы показалось, что это нормально.

Я ошарашенно смотрела ему в спину. Он встал возле двери, подмигнул мне и скрылся за ней. У меня пропал дар речи — как можно быть таким легкомысленным!

Чертыхнувшись, я на цыпочках засеменила к «тайной комнате».

* * *

Мы сидели лицом друг к другу. Плед уже изрядно помялся, и раскрытые карты лежали на нем несколько криво, но это никого не волновало — игра была в самом разгаре, не стоило концентрироваться на подобных мелочах. Арлекин, по какой-то

причине вначале нервно озирающаяся, расслабилась, смеялась шуткам Пака и поддерживала его глупые идеи, исполнять которые, конечно, никто не собирался. Эти двое искрили эмоциями и сыпали анекдотами, так что за два часа, проведенных здесь, мне пришлось что-то говорить всего лишь три раза. Им было вполне достаточно друг друга, чтобы веселиться.

В карты я не играла уже несколько лет и совершенно забыла правила, так что Арлекин пришлось все заново объяснять и первые минуты смотреть в мой «веер», чтобы советовать, как лучше ходить, и останавливать, когда я делала что-то не то. Но вскоре я разгулялась, и скука развеялась. Я даже составляла конкуренцию Паку, впрочем, не уступающему первенство.

— Давай, Хель, используй мозги, — протянул лис. — Ты же можешь!

Я нахмурилась.

— Ты шулер, — хихикнула Арлекин. — Едва она начнет брать реванш, ты используешь один из своих трюков и она снова провалится.

— Так-то оно так, — не стал спорить Пак, — но это не повод сдаваться.

— Зачем бороться, если победа не светит? — выкинула королеву червей я.

Карта Арлекин была бита.

— Ради самой борьбы, естественно, — нашелся Пак. — Кстати, к тебе приходили Изенгрин и Солейль?

— Ага. Правда, непонятно, зачем Солейль вообще напросился с ним. Посидел на моем кресле, ядом поплевался, а потом Изенгрин его утащил.

— Так серый его заставил прийти, — сообщила вдруг Арлекин. — Он же справедливый, честный, хотел, чтобы он перед тобой извинился. Видимо, надежды не оправдались?

— Нет.

— Солейль самолюбивый и ни за что через свое тщеславие не переступит, — заявил Пак. — Даже если понимает, что виноват. Не в его стиле. Мерзкий тип, больше я ненавижу только его дружка. Ни совести, ни ума, ни фантазии. Лишь бы задницей покрутить на людях да блеснуть своими достоинствами. Ты, Хель, не представляешь, что у нас обычно весной творится на уличной площадке. Как становится тепло, всех выводят на свежий воздух, и Солейль с голым торсом расхаживает сорок пять минут кряду. Да что там показывать? Тощий, плечи узкие… тьфу, глаза б мои не видели. Был бы колдуном — в жабу превратил.

Он раздраженно бросил карту.

— Да тебя бомбит, — озвучила очевидное я.

— Какая поразительная проницательность, — съязвил Пак. — Кстати, Арлекин, тебя чего так долго в школе не было? Гери крушить-ломать.

Она побледнела. Пальцы ее задрожали, так что карточный «веер» едва не осыпался дождевыми каплями, и она выдавила неискреннее:

— Немного приболела.

Пак смерил ее серьезным взглядом, сел ближе к ней. Она сжалась, так что он, уже собирающийся положить руку ей на плечо, показательно отвел ее в сторону.

— Это ведь не так, — прошептал он. — Если это что-то… мерзкое, мы никому не расскажем. Мы вообще никому ничего не расскажем, если ты попросишь. Правда, Хель?

Опешив от резкой смены атмосферы с непринужденно-светлой на напряженно-темную, я рефлекторно кивнула.

По щекам Арлекин потекли слезы, она всхлипнула, и я почувствовала, как сжимается что-то под лопаткой. Смотреть, как кто-то плачет, было неуютно — будто я виновата.

Карты были забыты.

Пак ласково притянул ее к себе. Арлекин от души разрыдалась, а меня вжало в пол — от жалости, дискомфорта, смутной вины, которой, вообще-то, не должно было быть. Он укачивал ее, кажется, целую вечность, а я сидела, слившись с углом и обхватив колени, абсолютно не понимая, что делать и что говорить. К счастью, Пак справлялся без моего участия.

Когда всхлипы Арлекин стихли, он отстранил ее и погладил по голове:

— Успокоилась?

Она кивнула, утерев влагу со скул, размазав тени и тушь.

— Теперь можешь сказать, что случилось?

— Да, — проблеяла она. — Там… Я… Когда… Мы тогда Хель из поликлиники везли. Я вышла раньше, у остановки… И… Пошла к дому. Там совсем недалеко, два шага. Через рощу. У нас там, — она нервно хихикнула, — дети гуляют днем, потому что всего-то несколько деревьев, не заблудишься. В просветах высотки видны, беседка стоит. Вообще ничего ожидать нельзя такого… Страшного. Но… Со мной же всегда что-нибудь да произойдет! — Она всхлипнула, но мгновенно взяла себя в руки не без помощи Пака, размеренно гладящего ее по спине. — Я шла через эту рощу. На перекрестке там растет береза с двумя стволами. Мне в детстве про нее мама всякие страшные легенды рассказывала, будто однажды Перун разозлился на духа, живущего в ней, и разрубил ее пополам, и эти два ствола — две половины его тела. Когда-то мне мерещилось его лицо, я видела

боль, которую он испытывает уже много-много лет… Но тут не галлюцинация. Меж стволов было тело. Сожженное. Обугленное. Только зубы белые-белые, оскаленные, и ветер дул, так что труп словно кричал. Я даже… Точь-в-точь, как Проповедница говорила!

Арлекин снова зарыдала, и Паку пришлось крепко ее обнять.

— Ты знала этого человека? — мягко спросил он.

— Нет, — выдавила она. — Но… Сути это не меняет. Он мертв! И я стала свидетельницей!

— Что сказала полиция? — поинтересовалась я, надеясь, что мой вопрос не усугубит ее состояние. К счастью, она не погрузилась глубже в истерику:

— Что у них нет зацепок и они даже не подозревают, кто бы это мог быть. Между жертвами нет ничего общего, они никогда не пересекались, друзья не совпадают, никаких подозрительных моментов в жизни… Простые горожане.

— Полицейские бы никогда не раскрыли такое потерпевшему, — заметила я.

— Я подслушала, — призналась она. — Они стояли рядом, говорили шепотом, я подсела ближе.

— Что, они совсем не собираются расследовать это дело?

— Не знают как. У них даже нет точки отсчета.

— Тогда оно так и останется нераскрытым.

— Нет, — вдруг жестко произнес Пак. От его серьезности по спине пробежали мурашки. Еще ни разу за все время нашего знакомства не видела его таким сосредоточенным, будто убежденным в чем-то. — Если полиция не знает, что делать, мы выполним их работу.

— Что ты имеешь в виду?

— То самое. А если этот маньяк продолжит действовать? Просто так он не остановится. У него нет совести. Убийцы ею не располагают, она им мешает. Что, люди будут смотреть, как умирают их родные и близкие? Я такого допустить не могу. Следует остановить этого сумасшедшего, кем бы он ни был.

— Мы подростки! — прошипела я. — Как ты себе это представляешь?!

— Не кричи, Хель.

— Мы не в низкобюджетном американском фильме, где школьники вытворяют всякую ерунду! Это жизнь! Мы либо сдохнем, либо провалимся!

— А я не был бы столь в этом уверен. Посмотри: мы умны, наша подруга связана с этим, так как является свидетельницей, мы живем в городе, в котором это происходит, и должны остановить это. Много людей пострадает, если мы не попробуем.

— Мы будем только мешать расследованию и крутиться под

ногами у полиции. Посуди сам.

— Нет, у нас есть силы, и их хватит, чтобы одолеть маньяка-поджигателя. Только представь, Хель, какие почести нам будут воздавать, когда мы притащим его в участок!

— Две хрупкие девушки и не шибко мощный парень схватят маньяка-поджигателя и принесут его на блюдечке с золотой каемочкой тем, чья работа — ловить маньяков-поджигателей? Смешно.

— Мы же не будем бегать за ним по улицам с плакатами, — закатил глаза Пак. — Обнаружим его с помощью ума, а повяжем с помощью моей силы.

— Твоей силы? — скептически хмыкнула я.

— Он на самом деле не слабый, — шмыгнула носом Арлекин. — Я видела однажды, как он одним ударом дверь выбил.

— Я тоже могу одним ударом дверь выбить, если она не металлическая.

— Ну вот! — воскликнул Пак. — Ты сильная, я сильный, Арлекин преданная, а я вдобавок еще и умный. Находчивый. Реагирую быстро. Да и ты, Хель, отнюдь не промах. Ну, давайте, девчат! Все получится, мы станем героями!

Я уткнулась носом в ладонь. Как же это глупо. Будто я — действующее лицо хоррора с кучей крови, кишок и хардкора.

— Я согласна, — вдруг выдала Арлекин. Я уставилась на нее, как на восьмое чудо света. Серьезно?! Она?! — Хочу, чтобы преступника наказали за его жестокость.

— Жажда справедливости взбурлила? — не сдавалась я. — Как вы не поймете, это бес-по-лез-но!

— Мы считаем иначе.

Пак улыбнулся и протянул мне руку в пригласительном жесте:

— Давай, Хель. Разнообразь жизнь немного.

Что-то внутри ударилось о легкие, словно стремясь принять его точку зрения, согласиться и пуститься на встречу приключениям. Но здравому смыслу я доверяла куда больше.

— Предпочту жить в скуке, но жить, а не гнить в земле из-за жажды быть чьим-то героем, особенно когда этой жажды в помине нет.

И, кивнув лисам на прощание, вышла из кладовки, тихо прикрыв за собой дверь, хотя душа требовала хлопнуть ею как можно громче.

Арлекин-III

После того случая ходить одной в темное время суток стало проблематично — первозданный страх тугим поясом обхватывал живот и свинцом тек в горло. Каждый шаг давался с неимоверным трудом, выдавливался истощенным разумом. Будто я передвигалась по минному полю и вынуждена была выбирать, куда ступать, чтобы не взлететь на воздух. В каждой тени мерещились жуткие твари, тянущие острые когти и длинные лапы, жаждущие разорвать мою грудную клетку и со смачным чавканьем сожрать еще трепещущее сердце.

Меня разрывало на части. Одна половина души требовала сделать шаг в темноту, избавиться от страданий, кинуться на растерзание мрачным чудовищам, другая нашептывала, что нельзя оставлять Луну и подводить Солнце. Первая может погибнуть без помощи, которую я могу обеспечить; второй найдет меня и на том свете, выхватит душу из лап демонов и обречет на страдания, не снившиеся и дьяволу.

Я не могла сделать выбор, поэтому семенила на цыпочках по асфальту, стараясь никуда не сворачивать и не покидать освещенную зону. Когда фонари неожиданно начинали мигать, я дергалась, но продолжала свой путь; быстрее с каждой минутой — кто-то словно летел за моей спиной, подгоняя холодным дыханием.

Я была уверена, что за мной следят существа не людской природы. Человек производил бы шум, выдавал себя — я бы заметила благодаря материальным проявлениям его присутствия. Сомнения возникали исключительно из-за того, что я — пешка. Кому может понадобиться пешка без сил и возможностей?

Однако взгляд пронзал позвоночник, мертвенное дыхание щекотало шею, а тени по сторонам дороги перешептывались, скрывая кого-то более могущественного, пряча за своими полупрозрачными телами искру высшего…

В конце концов, раз существует Господин, почему не может существовать кто-то, противостоящий ему? Может, именно он, враг, скользящий меж теней, и сжигает несчастных людей?

При одной мысли об этом тело покрывала гусиная кожа. Перед глазами вставал образ высокого мужчины в черном плаще с капюшоном, его жертвы, привязанной к дереву, треск спички в его руках, блеск огня, а в следующий миг — вихрь костра, поглощающего невинного, его дикие вопли.

Сожжение — одно из самых жестоких убийств. Хель правильно сделала, когда отказалась от авантюры, предложенной

Паком. Если смерть не забирает с собой, она меняет, выворачивает наизнанку, создает совершенно иную личность. Она как радиация — вызывает неизбежную мутацию, коверкает реальность, меняет линзы в очках, разлагает свет.

Я бы и сама попыталась сбежать, оградиться железными стенами от всего происходящего, но меня в пучину тьмы затянуло уже давно, еще в тот момент, когда Господин протянул мне руку. Уже тогда, вложив свою ладонь в его, я подписала нерушимый контракт на свою душу, и он погрузил ее в мутные воды. Ни единой искры. Даже Луна, чудом рассеявшая кромешный мрак, не в силах перебороть его и вернуть меня на прежний путь. Из-за того ли, что не хочет, из-за того ли, что не может, или потому что не знает о творящемся в городе и не воспринимает слухи об убийствах всерьез — не так важно.

Луна не сожмет руку в кулак и не сокрушит препятствия, пока не придет время.

Она смотрела так холодно и пусто, с такой верой в свои слова! Сразу ясно — она заметит неладное очень нескоро. Хотя вдруг это к лучшему? Есть шанс, что она сумеет умереть в мире и покое, со своей семьей, так и не став инструментом в руках высших сил.

Помню, мама еще до моего освобождения говорила, что мысли и убеждения человека столь же материальны, как кружка, которую он держит в руках, или кровать, на которой спит. Наказывая носить крестик, она добавляла: «Не сам крест защищает от темных сил, а вера, что в него вложена». У меня было много времени для размышлений, и в результате я пришла к выводу: необязательно иметь символ веры. Достаточно просто не сомневаться и, поднимая голову вверх, при виде неба думать: «Я верю».

Так и с Хель. Она находится в самом центре воронки вьющихся вокруг монстров, но не верит в них — и они ее не трогают. Ее убежденность служит зеркальным щитом, крепким и непробиваемым. Хотелось бы, чтобы она сохранила его до финала, и беды ее не коснулись, с другой — чтобы тот пал, рассеялся стеклянной пылью, и Луна смогла взойти на небосвод одновременно с Солнцем. Чтобы свершилось невозможное.

Я шла по дороге, балансируя на полоске света от фонарей, как на тонком канате, натянутом над пропастью, и чувствовала себя пылинкой в необъемлемой Вселенной. Незначительной, ничтожной, плывущей по течению и теряющейся в пространстве из-за постоянных дуновений ветра — дыхания высших.

И зачем я еще живу? Могущество Господина не знает границ — восстановившись, он мог бы погрузить в объятия пламени всю

планету. Даже сейчас, будучи слабым из-за того, что люди его забыли, он способен на многое. Я не нужна ему. По крайней мере, не очевидно. Я приношу ничтожную пользу — информацию о волках в целом и планах одного Волка, которого так глупо и случайно выдает Гери. Он мог бы и самостоятельно добыть ее, практически не прикладывая усилий, но использует меня.

Это терзает душу — непонимание, смирение, ожидание, желание угодить.

Имея тихую спокойную жизнь в скромном уголке мира, человек грезит приключениями. Ему кажутся противными пение птиц за окном, тишина в комнате, шелест книжных страниц и пылинки на кухне. Он жаждет выйти за пределы своей норы, прыгнуть в бурный поток. И только когда его затянет в эпицентр бури, он осознает, насколько промахнулся. Я тоже прыгнула в неизвестность, лишь бы избавиться от покоя и размеренного существования в четырех стенах, и теперь не знаю, примешать ли к благодарности каплю сожаления.

Господин вытянул меня из болота статики, и за это я должна ползать перед ним на коленях. Этим я и занимаюсь. И мне нравится. Каким ничтожеством я выросла.

Сзади что-то громко зашелестело, и я резко, на инстинктах, обернулась. Ничего.

Меня охватил озноб; я обняла себя за плечи, чтобы унять дрожь.

Эй, Арлекин, не будь такой. Ты всего лишь идешь домой, и до подъезда осталась пара шагов. Плевать, что совсем недавно ты наткнулась здесь на труп, который теперь является тебе в кошмарах и преследует с сонмом призраков, созданных твоей извращенной фантазией.

Я вглядывалась в пустоту, и лишь затем неуверенно вернулась на узкую тропу света, но не успела пройти и метра, как что-то толкнуло меня. Мышцы сжались в предвкушении боли, но ее не последовало — меня резко схватили за ворот куртки и дернули вверх, заставив поперхнуться воздухом.

Спиной я почувствовала твердость чьей-то груди, к которой меня прижали, обхватив талию. Затылок защекотал длинный мех.

— Вечер добрый, Арлекин, — мурлыкнул знакомый голос в ухо.

От неожиданности и благоговения я обомлела. Господин обнимал меня, и его подбородок упирался мне в макушку. Из-за близости тел я имела честь дышать с ним в унисон; сердце зашлось от безудержного восторга.

— Забавно видеть, как ты шарахаешься от каждой тени, — хихикнул он. — Не думал, что тебя так легко вывести из

равновесия.

Я сглотнула.

— Прошу прощения за то, что разочаровала…

Он цокнул языком:

— В этот раз ты меня не разочаровала. Сказал же, забавно.

Да, для него «забавно» — это хорошо. Он любит все в какой-то степени смешное. Только чувство юмора у него своеобразное, и порой его шутки оборачиваются неприятностями — или катастрофой. Но он заливается смехом, звонким, переливчатым, по-детски искренним, и это самое главное.

— Страшно?

Не знай я его, подумала бы, что это забота.

— Немного.

— Не заикайся, Арлекин, сегодня я пришел не для этого, — он небрежно отбросил прядь моих волос назад.

Стоило бы расслабиться, но…

— Тебе неинтересно, для чего?

— Интересно, Господин.

— Другое дело! — обрадовался он. — Я хотел похвалить тебя. Ты великолепно справилась с задачей. Хель тебе доверяет, хотя вы знакомы совсем недолго. Но не так, как Паку, так что поднапрягись. Завлеки ее в свои сети, отключи бдительность, подчини себе и перетяни на нашу сторону.

— Так просто не получится.

Руки на моей талии сжались сильнее, так что нервные окончания пронзили отголоски боли. Тон Господина плавно перетек в угрозу:

— Почему, позволь спросить?

— Она не поддается простым уловкам, — проблеяла я, — никому не доверяет. Хочет выбирать сама.

Холодные пальцы щупальцами обвили шею:

— Тогда сделай так, чтобы она выбрала нас, не подозревая о том, что это не ее решение.

Я и представить себе не смогла, как можно провернуть подобное с Хель. Она не из тех, кто не замечает чужого влияния — так дорожит собой и своим внутренним миром, правом самостоятельно распоряжаться своей жизнью, что на любую попытку надавить последует весьма бурная реакция. Она как черепаха — ползет спокойно, будучи независимой и безразличной ко всему, даже к бегу времени, но только человек приблизится или постучит палкой по панцирю, тут же прячет голову в своей крепости.

— Как? — прошептала я. — Поговорить?

Тихий смех:

— Нет-нет-нет. Ты только что утверждала, что она невосприимчива к пустым убеждениям, и это правда. Что-нибудь другое.

Места, где кожа Господина соприкасалась с моей, нещадно горели. Огненные языки подступили к глазам, так что из них сами собой потекли слезы. Я принялась судорожно соображать; догадки и идеи калейдоскопом проносились в разуме, но отбрасывались друг за другом, как лепестки ромашки в руках влюбленной девушки.

— Давай, Арлекин, — издевательски протянул Солнце. — Иначе вспыхнешь изнутри, как тот труп до того, как ты его нашла.

Он может сжечь меня без колебаний.

— Действия! — практически выкрикнула я. — Действия, они помогут! Нужно создавать ситуации, в которых волки будут показаны в нелицеприятном свете. Тогда она сама придет к лисам.

Господин тут же отнял ладонь, и холодный воздух потушил пожар. Ноги подкосились, но меня уберегли от падения, опрокинув на ближайший куст. К счастью, острые шипы не достали до кожи — помешала толстая ткань куртки.

— Ты сегодня такая слабая, — неприязненно фыркнул Солнце. — Неужели на тебя встреча с Хель так подействовала? Еще немного, и я начну предполагать, что она негативно на тебя влияет. Тогда придется не возиться с ней, а убить ее. В конце концов, Избиратели не единожды рождаются…

— Нет! — подскочила я. — Это не ее вина!

— Какая трогательная забота! Тогда крепко стой на земле. И еще… — Он поправил на шее цветастый шарф и будто по секрету, с широкой улыбкой, произнес: — Будешь скрывать факты о найденных трупах и тому подобном — сыграешь роль ведьмы в лапах инквизиторов. Поняла?

Я кивнула, но он уже растворился, осыпавшись тысячей светлячков. Испарился — но его присутствие эфемерной нитью витало вокруг; я чуяла запах его одеколона. К тому же ветер шуршал в листве, донося рокот темных тварей. Они жаждали разорвать человеческое тело на куски и сожрать, а затем запить свежее мясо бурлящей кровью, но не могли. Должно быть, Господин окружил меня защитной завесой. Вдохновившись догадкой, я даже на мгновение увидела ее — полупрозрачную ткань, кокономвьющуюся вокруг. Черный туман обволакивал ее, давил, пытаясь прорвать тонкую поверхность, но она была прочна. Сила Господина спокойна и размеренна — его заклинания невозможно рассеять.

От абсурдности момента захотелось рассмеяться, и я не стала

сдерживаться. Подумать только, я едва избежала смерти от рук почти всемогущего божества, нахожусь на виду у хищных чудовищ, но по-прежнему нетронута, и даже не замерзла. Балансирую на самом краю — другой давно бы отправился к предкам, а я смотрю на небо, и сердце по-прежнему бьется!

Сухие ветки пахли смертью. Наверное, из-за того, что призраки цеплялись за них, дабы невольно не улететь в мир за гранью. А может, из-за зимы — она, должно быть, пропитала их насквозь. Она медленно перетекала и в меня — через снег, осевший на коже, через ночной ветер, треплющий волосы и путающий их в мелких шипах. Я была бабочкой, попавшей прямиком в паутину к грозному голодному пауку, и по какой-то причине меня это безумно веселило — но вскоре место хохота заняли всхлипы и кашель. По краям обозримого пространства заплясали пятна. Постепенно они мистическим образом оказались в центре, принялись танцевать по углам…

— Совсем сбрендила?

От внезапного возгласа я свалилась в сугроб.

Неведомый расхохотался. Поняв, что опасность мне не грозит, я судорожно забарахталась в снегу, увязая в белом болоте. Руки защипало от холода.

Не переставая заливаться, неведомый одним рывком поставил меня на ноги и поправил шапку.

Гери!

Сознание охватила паника: он не может быть здесь просто так, он же волк, а волки никогда не приходят к лисам без весомой причины! К тому же он один из помощников главного врага Господина, и ненавидит нас сильнее, чем кто бы то ни было, — и слухи, гуляющие меж учеников школы, это подтверждают.

Что ему понадобилось? Неужели его Мастер сделал что-то с моим Господином, и он пришел сообщить об этом и поиздеваться? Нет, не может быть, Господин только что был тут, говорил и даже колдовал. Тогда что? Я нарушила закон? Нет, я никогда не перехожу границ дозволенного. Мастер хочет предложить сделку, и Гери пришел поговорить, чтобы я передала сообщение Господину?

С трудом я выдавила из себя улыбку:

— Спасибо за помощь.

Нельзя, чтобы он подумал, что что-то случилось.

Волк криво ухмыльнулся:

— С чего это тебя так пробрало?

— В смысле? — притворилась я.

— Хохотать в темноте, в сугробе.

— Да это так… помутнение…

— Там, где ты наткнулась на сожженный труп?

Я поджала губы. Образ тела встал перед глазами, как наяву.

Мы совсем близко к той злосчастной березе. Вдруг там снова распят какой-нибудь несчастный человек?..

— Прости, — кашлянул Гери. — Выпалил, не подумав. С тобой все в порядке? Можешь стоять?

— Как видишь, стою. Ладно… Нужно домой… Пока!

Я сделала шаг в сторону, но тело подвело — подступила тошнота, все закружилось, и я полетела вниз, но Гери поймал меня у самой земли.

— Не можешь, — подвел итог он, и я вдруг взмыла вверх. — Значит, понесу тебя на руках.

В воротник его куртки я вцепилась, словно пытаясь оттолкнуть от себя. Было и страшно, и противно, будто я совершаю смертный грех — от него нужно избавиться, скрыться в своей квартире, избежать расспросов, которые наверняка начнутся, как только переступлю порог.

Вместо складных слов вышло блеянье:

— Не н-надо, я сама могу!

— Действительно? — саркастично фыркнул волк, напомнив Хель. — У тебя колени подкашиваются. Говори, куда идти.

— Я тяжелая, отпусти!

— Чем дольше брыкаешься, тем тяжелее. Говори куда.

Я указала направление, ошарашенная его гневливостью. Он кивнул и пошел в нужную сторону, будто я не весила ровным счетом ничего.

Душа зудела, требуя сопротивления, но я держала себя в рамках — не двигала руками, не ерзала, просто смотрела в сторону.

Он точно чего-то хочет.

— А если серьезно, — словно невзначай произнес волк, — ты как в кустах оказалась, да еще и с такой истерикой?

Оправдание придумалось быстро:

— Шла, поскользнулась, упала. Показалось, что смешно.

Установилась блаженная тишина, но длилась она недолго — завершилась у первого же перекрестка.

— Куда?

— Вправо.

Гери молчал, и я начала надеяться, что все обойдется. Высотка приближалась, так что при желании можно было разобрать, что творится за чужими окнами. Машины стройным рядом стояли вдоль тротуара, а узкая асфальтированная тропа уходила вдаль, как дорога из желтого кирпича. Жители города уже попрятались в квартирах-норах, и на улице никого не

осталось — только парочка парней в толстовках сидела на лавочке под козырьком подъезда.

Гери опустил меня на землю у самой двери в дом. Я хотела юркнуть внутрь, бросив быстрое «благодарю», но отвязываться волк упорно не желал.

— Подожди, — остановил меня он. — У меня к тебе дело есть.

Так и знала, так и знала!

Я попыталась сделать вид, что заинтересована:

— Какое?

Он поджал губы и нервно дернул себя за ухо — привычка, означающая, что он нервничает:

— Я хотел спросить, как ты так на труп наткнулась и… не связано ли это с Лисом.

Улыбка у меня, наверное, вышла кривоватая и совсем уж неискренняя:

— Гери, без обид, но наши с Господином дела тебя не касаются. Так получилось, это вышло случайно. Нам же сообщали в школе, что в городе появился маньяк-поджигатель. Кто угодно мог оказаться на моем месте. Мне просто не повезло. Вот и все. Господин тут ни при чем, ему не до людей и их поджогов.

В его глазах сверкнуло раздражение.

— Ты же знаешь Лиса. Ему нельзя верить.

— Господин на это способен, но сейчас, уверяю тебя, у него совсем другие заботы.

— Связанные с Хель?

— Кто знает.

— Хватит юлить, Арлекин! Думаешь, я не вижу, что происходит? Вы все с ума сошли с этой Хель. Да что в ней такого! Мастер говорит наблюдать за ней, не давать вам находиться рядом с ней!.. Как только она появилась в городе, все пошло вверх дном: людей сжигают, Мастер сам не свой, Солейль постоянно бесится, Лис ходит с хитрой мордой, ты носишься с этой девкой как с писаной торбой! Я уверен на все сто процентов — Лис творит беспредел, и связано это с новенькой!

Я укоризненно покачала головой:

— А в лицо ты с ней ведешь себя так приветливо…

— Ты не улавливаешь смысл моих слов.

— Я все прекрасно улавливаю. Это не то, о чем мы должны дискутировать.

Он подался вперед. Я попятилась.

— А о чем мы должны дискутировать? О погоде? Мы не в том мире живем. Тебя не бесит, что от нас постоянно что-то скрывают?

— С чего ты взял, что от нас что-то скрывают?

— Как только появилась Хель, привычный уклад рухнул. Лис взвился, на него взгляд бросишь — сразу ясно, придумывает очередной план со смутной целью. Мастер нервничает и твердит о каком-то Избирателе, которого Лис обязательно захочет переманить к себе. Солейль глубокомысленно кивает, а я чувствую себя полнейшим идиотом!

— Это не мои проблемы. Слушай, мне серьезно уже нужно идти, отец заждался.

Очередная попытка отвязаться провалилась. Гери словно ничего не услышал — схватил меня за плечи и развернул лицом к себе. Я вздрогнула, отстранилась, но мне не позволили вывернуться.

— Господин, — слово прозвучало с оттенком ярости, — тебе ведь тоже ничего не объясняет?

Господин ни разу не посвятил меня в свои планы в полной мере. Отдавал указания, пояснял, что от меня требуется, но не более того.

— Объясняет, — солгала я.

— Лжешь.

— Отпусти! Кажется, я дала понять, что не хочу говорить об этом! Гери, ты волк, я не обязана обсуждать с тобой наши с Господином дела! Иди к своему Мастеру, поплачься ему в жилетку, чем хотите там занимайтесь, но перестань трогать меня! Скажи, чего хочешь, и оставь меня в покое!

Гери на секунду замер, видимо, не ожидая такого всплеска гнева. Да я и сама удивилась — от произнесенной тирады стиснуло горло, в легких засвербело из-за ледяного воздуха. Из глаз невольно потекли слезы, и я смахнула их задеревеневшими пальцами.

Он молчал, и я уже было махнула рукой, как услышала тихий шепот:

— Я же пытаюсь вытащить тебя, рыжая. Ты с ним пропадешь. Он недостоин твоей преданности.

На кончике языка стало невыносимо горько, и я бросила с ненавистью, какой никогда не испытывала:

— Он достоин, потому что спас мне жизнь, в отличие от людей, восхваляющих благодетель и духовную чистоту. Где они были тогда? А он помог. Так что думай, что хочешь, оскорбляй его, пытайся настроить меня против него. Я не поддамся. Это вы зло. Ты зло.

И, вырвав запястье, забежала в подъезд. Слизнула с губ соленые капли и побежала по лестнице. Нужно было срочно лечь спать, чтобы завтра утром вновь стать веселой и беззаботной

Арлекин.

Солейль-I

К сожалению, в этом мире человек не может быть полностью свободным. Его обязательно что-нибудь сковывает: моральные принципы, ценности, семья, близкие, закон, обязанности, долг, эмоции, чувства… Он не в силах раскинуть руки и побежать навстречу ветру и приключениям. Даже если он сидит вечерами у подоконника и смотрит на горизонт, представляя себя в роли доблестного рыцаря, путешествующего по земле вместе с любимым конем и бросающегося на помощь прекрасным дамам, попавшим в беду. Выпади ему реальный шанс скинуть с себя цепи и превратить мечты в жизнь, он найдет оправдание, лишь бы остаться в своем маленьком сером вакууме, где ему не грозит опасность. Но, если вдруг ему хватает смелости и он готов сорваться с места, лишь бы избавиться от пут реальности, он споткнется, едва начав движение, — сзади родственники и друзья, которые без него не обойдутся, родители, о которых нужно заботиться… Да и кто позволит ему разгуляться? Закон ограничивает действия. Вокруг сплошные клеточные прутья. Птице не вырваться, и веселый пират в душе человека умирает, захлебнувшись ромом.

Жизнь ничего не дает, кроме разочарований. Кандалы могут казаться даром, ими можно дорожить, их можно любить, но от этого их суть не меняется. Даже если они теплые, если это твоя семья или возлюбленный, они не дают тебе лететь. Люди умирают неудовлетворенными, и лекарства от этого еще не изобрели. Жизнь нельзя замедлить, повернуть вспять или в корне изменить. Все можно начать с чистого листа — картину, литературное произведение, научную диссертацию, школьное сочинение, но не ее.

К счастью, я стал исключением из того, что, по сути, нарушить невозможно. К тому моменту, когда случилось чудо, я даже смирился с тем, что замок на клетке не взломать. Так и придется сидеть в ослепительно-белой комнате с капельницей до конца своих дней, моля об избавлении от накатывающей боли.

Один в поле не воин. А я был один. Мать не приходила навещать, зашиваясь на трех работах. Впрочем, я был не в обиде — в конце концов, она мучилась так ради моего лечения. Умерла она от переутомления — раньше меня, страдавшего раком крови. Пришлось идти на похороны в сопровождении врачей. Отец забыл о моем существовании практически сразу после моего рождения. Мама не рассказывала, что произошло, зато на слова и эпитеты не скупилась бабушка, так что из ее уст я все узнал: и то, что он

положил глаз на молоденькую девчушку и уехал с ней, и то, что после этого от него не приходило вестей. Я надеялся, что он утонул в одном из многочисленных каналов. Старшей сестре дела до меня не было — ей не хотелось тащить на себе немощного младшего брата. После моей смерти совесть бы ее не мучила — она пошла в отца, такая же бесчувственная эгоцентричная стерва.

Я знал только человеческий мир, жестокий и извращенный, ограниченный белыми стенами и клаустрофобным окном. Врачи в нем хладнокровно перебрасывались фразами с пациентами, медсестры косились на нас, прикованных к больничным койкам, с жалостью, за которую им хотелось расцарапать лица. Мне с трудом удавалось сдерживать желание схватить одну из них за запястье и сломать кость. В воздухе витал мерзкий запах медикаментов и крови, напоминающий о скором окончании бренного срока.

Я никогда никого не обнимал. Никто не обнимал меня. Даже тепла не доводилось чувствовать как такового. На последнем ударе сердца я ощутил облегчение — новую кровь, текущую по венам, заполненную солнечным светом, полное обновление истощенного организма. Я стал живым подтверждением чьего-то утверждения: «Чудо приходит только к тем, кто его уже не зовет». Внезапно, неожиданно, но стал.

Щуплого умирающего мальчика за стеклом больницы больше не было. Комната опустела, и спустя некоторое время в нее заселили кого-нибудь еще — такого же несчастного. Сейчас он, может быть, уже умер.

Я тоже страдал, ждал конца, но вместо него получил перерождение.

Я единственный достиг абсолютной свободы. Мог раствориться в тумане. Когда угодно, но не сейчас, потому что сейчас в этом городе слишком интересно. И рано давать Матери, драгоценной благодетельнице, подарившей мне свою кровь и жизнь, понять, кем я являюсь на самом деле.

Но, невзирая на свободу, которой мне столь нравилось кичиться перед Гери и Изенгрином, некоторые вещи, выводящие из себя простых людей, порядком доставали и меня. И одной из таких вещей был будильник. Маленькая тварь не могла оставить равнодушным никого.

Попасть в цель было несложно. За годы, проведенные в этом городе, я успел наловчиться одним пинком сбивать тварь и отправлять ее в продолжительный полет, оканчивающийся столкновением с дверцей шкафа. На ней красовалось множество царапин и более глубоких борозд. Звук удара пробуждал быстрее и гораздо приятнее, чем противный писк.

Под одеялом зашевелилось тело. Судя по всему, женское. Скорее всего. Парней у меня не бывало уже очень давно.

— Чего ты громыхаешь? Спать хочется, выходной!

Да. Женское.

— Ох, прости… эм-м-м… — в памяти замелькало множество имен, одно причудливее другого. И кто такие прозвища людям дает? Озвучь весь этот набор незнакомцу, подумает, что я персонажей любимых фэнтезийных сериалов перечисляю. Я отогнул край одеяла, чтобы увидеть лицо вчерашней подруги — та что-то возмущенно проворчала, — и победно закончил: — Изольда.

Она неловко укуталась в простыню, огляделась в поисках одежды, выудила из-под кровати белье. Я тем временем поставил на место будильник, обзаведшийся еще одним увечьем, натянул джинсы, когда она равнодушно осведомилась:

— Я так понимаю, мой номер тебе не нужен?

— Ты мне уже нравишься. Да, ты права, не нужен. Уматывай, пока моя мать не вернулась.

— Вообще-то, она уже вернулась.

— Когда?..

Она безразлично пожала плечами:

— Часа два назад. Зашла в комнату, увидела, что я проснулась, и попросила меня передать тебе, что нужно забежать к Изенгрину. Дело типа срочное и не терпит отлагательств, так что, только глаза продерешь, руки в ноги и вперед.

— Что, так и сказала?

— Нет, конечно, — фыркнула Изольда. — Перефразировала слегка, что такого. Но могу и дословно, если так надо.

— Да уж спасибо, обойдусь. Собралась? Брысь.

Сделав непроницаемое лицо, она закинула за спину портфель, валяющийся в кресле, и исчезла.

Солнце сегодня светило странно — то скрывалось за тучами, напоминающими встрепанные космы, то выбиралось из их плена. Ненавижу такой свет — беспорядочный, сумбурный. Уж лучше, когда постоянство — либо мрачно, либо по-сказочному позолочено.

В погоду мутную и непонятную, когда в любое мгновение может пойти дождь или град, а дорожка к автобусной остановке превратиться в каток, самый лучший вариант — это сидеть дома, попивая какао. Забраться под плед, устроиться в подушечной ямке и подремать, задернув шторы. Но ведь нет! Даже в такой чудесный выходной ты обязательно кому-то нужен.

Порой кажется, что следует оборвать все связи и уехать на необитаемый остров. Научить говорить попугая и наслаждаться

его безобидным обществом, лежа на пляже и попивая пресную воду из большого зеленого листа. Забудем о минусах вроде ураганов, штормов и туземцев-каннибалов…

На кухонном столе расположилась тарелка, накрытая маминым любимым расшитым полотенцем. Я приподнял ткань и заглянул внутрь — салат и пара пирожков. Постаралась специально ради меня — самой ей еда не необходима. Но готовит она хорошо. И как за тысячи лет сноровку не растеряла?

Жуя насыщенно-фиолетовый лист, я заварил чай и хотел было нормально позавтракать, как услышал трель телефона. На той стороне провода раздался нейтральный до тошноты голос Изенгрина:

— Солейль?

— Пока что, — демонстративно дожевал кусок я.

— Нужно срочно поговорить. Приходи в логово.

— Ты за кого меня держишь? За собачку на коротком поводке? Вожак.

— Нет, Солейль, я держу тебя за единственного человека, которому могу довериться в сложившейся ситуации.

Улыбка сама расползлась по лицу. Ну как такому можно отказать?

— Ладно, — буркнул я. — Буду через пятнадцать минут, мой Господин.

— Не ерничай. Ты не среди лисов.

Будто это кого-то волнует. Свои змеи есть и там, и там.

* * *

На улице было холодно до неприличия. Конец января, половина зимы позади, пора бы и потеплеть немного, но снег покрыт коркой льда, из-за чего хрустит под массивными подошвами сапог, а ветер приносит не долгожданное весеннее облегчение, а усугубляющиеся оледенения.

Слава богам, до логова только десять минут. Город маленький, особо не спрячешься. Порой это плюс, иногда минус. Чаще все же плюс, по крайней мере, пока не начались активные боевые действия между Лисом и Волком. А до них, судя по всему, совсем недолго — приезд этой новенькой, Хель, перевернул все вверх дном. Лис всполошился, Волк встрепенулся, помощники стали дерганые. Такое ощущение, что все что-то знают или по меньшей мере чуют, и только я один в неведении, хотя Изенгрин рассказывает мне гораздо больше, чем тому же Гери.

И что все нашли в этой Хель? Простая девка, каких много, да

еще и наглая, строптивая и глупая. Ходит как привидение, мрачная и совершенно непривлекательная. Таким стоит забиваться в свои углы и не высовываться, а она всех взбудоражила. И как умудрилась? Смотрит как загнанный зверь. Язвит по малейшему поводу, раздувает из мухи слона — вон какую трагедию разыграла из-за одного удара мячом! Ничтожество.

И всем от нее что-то нужно. А она ни сном ни духом.

Еще бы самому узнать, что от нее нужно Волку и Лису. Вдруг она «ключ к Апокалипсису»?

Логовом Изенгрин называл однушку на окраине. Посреди зала-спальни висела груша, занимающая больше места, чем узкий диван, телевизор — новая модель, наверняка из столичного магазина, электронная плита, микроволновка, духовка.

Квартира располагалась в пятиэтажке, теряющейся среди лесов ей подобных. Если ты новенький в городе, легко заплутаешь — номеров нет, развешенные на балконах вещи всюду одинаковые. Набрав простой код, я вошел в дом и направился на четвертый этаж. В коридоре пахло мочой, в углах валялся мусор, распахнутые почтовые ящики забивались бумагами. Холод стоял еще более пробирающий, чем на улице. И как жить в таких условиях? Как Изенгрин, когда-то купающийся в роскоши, терпит подобное?

Я бы на его месте свалил в Лондон и любовался видом башни Елизаветы на восходе и закате, а не торчал в этой норе. Но нет, у нас война, у нас цель… Интересно, кто подал идею устроить такое специфическое поле битвы — Лис или Волк?

Отличив нужную дверь по лежащему рядом коврику, черному в полоску, я нажал на звонок и принялся ждать. Нос уже отмерз, и я был бы не прочь глотнуть чая. Ключ повернулся в скважине, послышался щелчок верхнего замка, и в лицо ударило приятное тепло.

— Наконец-то! — просочился в прихожую я. — Мороз бешеный! Как у тебя хорошо-о-о!

— Проходи в зал, — безразлично произнес Изенгрин. — Мы с Гери ждем.

— С Гери? — выгнул бровь я. — Боюсь даже представить, что настолько важное могло произойти, раз ты устроил с ним посиделки. Неужели конец света близок? Да нет. Всадники Апокалипсиса должны были появиться, чтобы ты запустил нас в одно помещение.

С младшим волком мы не ладили. Даже больше: я его люто ненавидел, а он меня презирал, хотя на людях приходилось играть стандартные отношения между враждующими лагерями —

неприязнь, но не более того. В реальности же некоторые стычки между нами не оканчивались даже простой дракой — заходило куда дальше. Однажды я в порыве ярости проткнул ему насквозь мочку уха, и теперь он ходил с тоннелями, чтобы шрамы были не так заметны. У меня же от него остался целый набор узоров на спине.

Изенгрин строго сложил руки на груди:

— Будь добр, в этот раз держи себя в рамках приличия. Дело важное.

Наверное, именно так отцы смотрят на оплошавших детей.

Я ухмыльнулся:

— Тут уж как получится, не только от меня зависит, чем твоя затея закончится. Надеюсь, ты устроил Гери ликбез.

— Не сомневайся.

Изенгрин терпеливо ждал, прислонившись к выступающему углу и наблюдая за каждым моим движением, пока я снимал пальто и вешал его в коридорный шкаф, будто боялся, что я совершу какой-то необдуманный поступок. Прежде чем впустить меня в зал, он еще раз предупреждающе покачал головой, мол, не нарывайся. Я поднял руки в защитном жесте, дескать, буду херувимом.

За время моего отсутствия здесь ничего не изменилось. Все та же груша над чистеньким вычищенным ковром, узкий кожаный диван с подушкой и горкой одеял у подлокотников, протертое кресло и застеленный бумагами журнальный стол. Возле полок с книгами на полу, аккуратно прислоненный к шкафу, стоял портфель, а рядом с ним ровной стопочкой были сложены учебники и тетради. В противовес внешнему порядку — фантики возле телевизора, забитая чертежами мусорная корзина.

— Приперся наконец.

— К твоей беде, да, — оскалился я, смерив развалившегося в кресле Гери, покуривающего сигарету, презрительным взглядом.

— Ты где шлялся? Мы тебя с утра ждем.

— Развлекался. Но тебе не понять, Арлекин ведь недоступная.

Лицо Гери налилось красной краской. Поддевать его несчастной любовью — ни с чем не сравнимое удовольствие.

Он уже встал в стремлении накинуться на меня, но его остановил Изенгрин — схватив за плечи, толкнул обратно в кресло. Я разочарованно вздохнул — понадеялся было на развлечение…

— Ты обещал! — рявкнул Изенгрин, и его серо-голубые глаза на мгновение вспыхнули ярко-синим.

Инстинкты завопили, что нужно либо бежать, либо молить о прощении. Будь у меня хвост, я наверняка бы его поджал. Гери,

более чувствительный к силе Волка, слился с обивкой.

Ненавижу такие моменты. Живот словно пронзают тысячи тонких игл.

Изенгрин сделал глубокий вдох, и все тут же прекратилось. Кислород заполнил легкие, Гери растекся расслабленной лужей, а Изенгрин уткнулся лбом в ладонь, сдавленно прошептав:

— Простите. Я несколько не в себе.

— Мы уже поняли, — нервно отметил я, поправляя воротник футболки и стараясь не начать отряхивать рукава, будто по ним ползают миллионы личинок.

— Постарайтесь не сталкиваться, — повторил он. — Я не для этого вас собрал.

Гери, еще пребывающий в шоковом состоянии, приосанился и попытался изобразить осмысленный взгляд. Я, тоже пошатывающийся, приземлился на диван как можно дальше от него, притворившись, будто заинтересован. Поджилки тряслись, картинка перед глазами расплывалась. Волчьи силы… Можно посочувствовать бедняге Гери. Должно быть, ему хуже раза в два.

— А ты не дави на нас, — прохрипел я. — Это неприятно.

— Тогда не вызывайте мой гнев.

Надо же, я про чай забыл. Наверное, из-за того, что электрические заряды внутри перекрыли холод, ранее пробравший до самых костей.

— Мы будем вести себя как положено, — смиренно прошептал Гери. — Прошу, скажите, ради чего все это и зачем вы пригласили этого мерзкого лиса.

— На себя посмотри! — не выдержал я.

— Солейль! — одернул Изенгрин, и я непроизвольно вжал голову в плечи. — Глупый ребенок… И почему Олениха с тобой нянькается? Ты можешь хотя бы на минуту прикусить язык и послушать?

Как в детстве, я провел пальцами по губам и «выбросил ключ», да еще и демонстративно зажал рот ладонью. Гери фыркнул и отвернулся к окну. Изенгрин, кивнув, начал:

— Надеюсь, теперь у нас состоится конструктивный разговор. Уверен, вы все уже познакомились с Хель. — Мрачное молчание было ему ответом; Гери скривился, словно лимон целиком съел, а я закатил глаза, выражая свое отношение к новенькой. — Да, я понимаю, она вам не нравится, но ее ценности для нас это не отменяет. Не могу сказать, кто она и зачем нужна мне, почему Лис пытается заманить ее в свои сети, но вы должны знать, что это чрезвычайно важно. Едва она пришла, лисы уже обвили ее и старательно перетягивают на свою сторону. Этого допускать нельзя, если мы не хотим, чтобы Лис победил.

— Да что она такое? — непонимающе спросил Гери. — Все на ней будто свихнулись. И ты нам ничего не рассказываешь. Мы идем по шахматной доске вслепую!

— Я не могу раскрыть вам все секреты.

— Мы не дети.

— Вы и есть дети. Как бы то ни было, вы не в состоянии воспринять все верно. Я хочу, чтобы вы не задавали вопросов, а выслушали меня. Это необходимо. Вы будете участвовать в дальнейших действиях, ваша помощь мне нужна, как ничто иное.

А вот это уже интересно. Он так долго не позволял нам вмешиваться, поручая простые задания, мне — шпионаж в стане лисов, Гери — отвлечение внимания. И вдруг решил изменить установившуюся политику?

Видимо, почувствовав наше вспыхнувшее любопытство, он продолжил:

— События набирают обороты. Лисы вступили в партию, нам пора делать ход. Все завертелось.

— И как ты это понял?

— Рисунок Хель.

— Какой еще рисунок? — не понял Гери.

— Когда мы приходили навещать ее, я увидел его, — пояснил Изенгрин. — Волк с серо-голубыми глазами. Я узнал его — это был *тот* Волк.

— Волк?! Волк?! Откуда она знает о нем?! — взвился я.

Какая-то девка малюет на бумажке изображение бога? Быть того не может!

Гери, судя по судорожному выдоху, отреагировал столь же бурно.

— Она не знает. Но чувствует. Ее сознание пробуждается.

Меня неожиданно осенила догадка:

— Избиратель?

Изенгрин кивнул:

— Второй за историю подлунного мира после… Варвары. — Он странно запнулся. — Нужно расположить ее к нам, пока не стало слишком поздно, но для начала надо убедиться, что это именно она.

— Ты ведь в этом уверен.

— Проверить не помешает. Для этого мне нужен рисунок. И его мне принесешь ты, Солейль.

Я опешил, но Изенгрин этого словно не заметил:

— Я специально оставил у нее в комнате свою тетрадь. Пойдешь к ней под предлогом того, что хочешь ее забрать, а сам незаметно возьмешь рисунок.

— Ни за что!

Изенгрин угрожающе зарычал, и я, почувствовав новую волну боли в животе, сокрушенно уткнулся носом в собственные колени. Выбора мне не оставляли.

* * *

В последний раз я так унижался, когда только пришел в гимназию, в девятом классе — мы подрались с одним парнем, Александром, до такой степени, что он попал в больницу. Точно не помню, какие увечья ему нанес, зато образ лежащего на койке парнишки с бинтом на голове яркости так и не утратил. Тогда меня очаровал его взгляд — прямой, злой, обиженный, но гордый. После он не смотрел на меня целую неделю, считая это ниже своего достоинства. Или просто не хотел показывать выступающих на глазах слез — конечно, кто хочет плакать перед своим мучителем, который за малейшую слабость может вновь выбить из твоей тушки дурь. Меня долго даже не пускали к нему в палату, и я, честно говоря, был этому несказанно рад, однако Изенгрин за шкирку потащил меня к Александру и заставил просить у него прощения. Я попросил. Даже вошел во вкус. Парнишка простил, и после этого мы довольно неплохо общаемся; он иногда даже забегает ко мне в гости.

Как бы то ни было, тогда, два года назад, я с трудом сдерживал порыв взорвать все здания в радиусе десяти километров. И примерно то же самое чувствовал и сейчас.

Ноги переставлял нарочито медленно, стараясь растянуть время и успокоиться. Погода словно поддерживала — давила тучами, хлюпала коричневым снегом. Кто-то бы спешил домой, ходил на цыпочках, стремясь не намочить носки, бережно поддерживал сумку, чтобы она не плюхнулась в вонючую лужу, а я размазывал грязь по подошве сапог и скользил по покрытому пленкой асфальту. Все, лишь бы побыть на свежем воздухе, а не в ужасной квартире нашей царицы мертвых.

А ведь на моем месте мог быть Гери. И почему такими делами всегда должен заниматься я?

Самое противное, что Изенгрин меня даже не слушал. Пожалуй, это было даже хуже, чем извинения перед Александром. Тот хоть восполнил мое унижение прощением и последующей, кхм, дружбой, а от Изенгрина ничего подобного не добьешься. Слова, что у Гери отношения с Хель лучше, а значит, и справится он легче, канули в пустоту — волк фыркнул, что они просто хорошо играют роли, а наша с ней искренняя неприязнь куда лучше их деланой лести.

Дом Хель ничем не отличался от прочих домов — такая же коробка, похожая на спичечную, только с людьми внутри, живущими в своих бетонных пещерках. В отличие от света свечей, переливающегося, словно двигающегося, живого, придающего атмосферу сказки, свет из окон был скучным, блеклым. Собственно, эта его нейтральность и заставляет меня даже поздним вечером сидеть в полной темноте. Лучше так, чем быть окруженным ничем.

К счастью, солнце еще болталось где-то высоко в небесах и не собиралось заходить за горизонт — уличные часы на фонарном столбе показывали два пополудни, так что у меня в кармане была сотня возможностей отложить визит на «позже». Однако ничто не может защитить от непредвиденных случайностей, и я решил не рисковать — лучше отстреляться по-быстрому.

В кармане джинсов оказался код от подъезда, заботливо написанный на листочке Изенгрином. К слову, добывал его именно я: лез через окно в учительскую, по шатающейся аварийной лестнице забравшись на третий этаж. Высоты я не боюсь, но, когда подул ветер, и растущее рядом дерево врезалось в несчастную лестницу, сердце запнулось. Конечно, после того, как мать спасла меня, я сильнее обычных людей, но от смертельных исходов не застрахован.

Бабулька, спускающаяся по лестнице, смерила меня недовольным взглядом. Я приветливо улыбнулся, на что она сморщилась и, переваливаясь, словно ведьма, пошла своей дорогой.

Добравшись до нужного этажа, я по памяти подошел к нужной двери. Стряхнув с пальто почти растаявшие снежинки, нажал на кнопку звонка. Послышался чей-то топоток, судя по легкости, женский. Щелкнул замок, и в коридор выглянула светлая голова с высокой прической, а в меня вперился усталый бесцветный взгляд. Мне доводилось смотреть в глаза Хель, и мне они показались едва ли не мертвыми, но только сейчас я понял, как ошибался. У нее они пустые, но эмоции в них мелькают. Вспомнить только, какой гнев в ней пылал во время игры. Но эта женщина, ее мать… Если бы она не шевелилась, я бы подумал, что из квартиры вывалился труп. Бледная кожа, впавшие щеки, мешки под глазами, совершенно безжизненные, тонкие костлявые пальцы, сжимающие дверь. Сразу представилось, как эти пальцы оплетают похоронный букет.

— Здравствуй, — произнесла она, и меня словно окатило ледяной водой. — Могу чем-то помочь?

Неужели она даже не запомнила меня?

— Добрый день, — улыбнулся я. — Меня зовут Ян, я учусь с

вашей дочерью. Приходил недавно вместе со своим одноклассником. Он у нее тетрадь забыл. Могу ли я забрать?

Она вновь тускло осмотрела меня с ног до головы, и губы ее растянулись в улыбке, такой искусственной, что меня едва не вывернуло наружу:

— Да-да, припоминаю. Проходи, пожалуйста. Ия будет рада тебя видеть. Она у себя в комнате.

Так, значит, ее зовут Ия? Безобразное имя. Впрочем, ей подходит.

Спрятав руки в рукавах растянутого серого платья, женщина зашаркала в зал.

Дверь в комнату Хель оказалась прикрыта, так что пришлось вежливо постучать.

Помещение, хоть и небольшое, стало глотком свежего воздуха по сравнению с остальной частью квартиры. Темные стены, задернутые шторы, только настольная лампа горит. И свет почему-то живой, больше похожий на тот, что распространяют вокруг себя масляные фонари. Все здесь было естественным — и книги, разбросанные на полу и криво стоящие на полках, валяющаяся в разных углах пастель, драпировочные ткани. И тепло. Как в домике на краю мира, где стоит пара кресел возле камина и шепчет радио.

Сама Хель сидела на стуле перед доской, привязанной скотчем к толстой палке на манер мольберта и прислоненной к стене. К ней был прикреплен лист бумаги, на котором уже прорисовывалось изображение, кричащее красками — окруженный огнем лис, искрививший пасть в насмешливом оскале.

Изенгрин говорил, что именно так выглядит Лис в истинном обличье — зверь с ядовито-рыжей шерстью, горящим хвостом и ушами, оставляющий позади себя пожары, олицетворение огня. И Хель рисует его так, будто он только что прошел мимо — широкими мазками, уверенно, почти дерзко.

На меня внимания она даже не обратила, продолжая методично оживлять картину.

— Привет, котенок! — подал голос я.

Кисточка дернулась, линия вильнула не в ту сторону, и Хель зашипела ничем не хуже змеи, окатив меня взглядом, полным отвращения:

— Что ты тут забыл?

— Как это невежливо, даже не обратиться к своему старшему товарищу по имени.

Невыразительные губы скривились:

— Ты мне не товарищ.

— Так грубо. Ты на меня обижаешься?

Она вдруг отряхнула ладони, вытерла их об испачканный фартук, отодвинула назад стул, нарочито неспешно сняла незавершенную картину, схватилась за основание доски и подняла ее в воздух.

— Поверь, я с легкостью обрушу тебе на голову эту штуковину.

Почему-то ей хотелось верить. Поэтому, решив пойти ей навстречу, я пожал плечами:

— Да Изенгрин у тебя тетрадь оставил. Сказал забрать.

Хель вернула свое «оружие» на место и принялась вновь прикреплять к нему ватман, причем с таким видом, будто находится в комнате одна.

— И долго ты будешь молчать?

— Сколько хочу, — фыркнула она. — Мой дом — мои правила.

— О гостеприимности ты никогда не слышала?

— Зачем демонстрировать гостеприимность тому, кто ее недостоин? Ты грубый, невоспитанный, заносчивый, раздражающий, шумный, — с каждым словом она говорила со все возрастающей злостью, — противный тип.

Глаз нервно дернулся.

— На себя посмотри. Фригидная, пресная, страшная, мерзкая баба, бледнее поганки и самой смерти!

Хель же побледнела, из-за чего показалось, что щеки ее впали, обтянув череп, а тени пролегли глубже, сделав ее похожей на призрака. Брови взлетели вверх, она вздернула подбородок, и я вдруг понял, что, несмотря на то, что я выше, смотрит она на меня свысока.

Это взбесило еще больше. Какое высокомерие!

— Слизень, — прозвучало с оттенком угрозы, и я не смог не отметить, как ее рука опасно сжалась на странной лопатке, использующейся, кажется, для масляных красок. Не острая, но если пырнуть…

— Тщеславная самонадеянная курица.

И тут же мне в лоб прилетело что-то мелкое, но увесистое. Чтобы сохранить равновесие, пришлось сделать пару шагов назад. По щекам стекала вязкая жидкость — я дотронулся до них кончиками пальцев. На них остался темно-синий след. Совсем как кровь.

Гуашь. И валяющаяся под ногами баночка с вытекающей из нее краской.

Хель хладнокровно пожала плечами:

— Если бы ты держал язык за зубами, не получил бы. Сам

виноват.

— Да ты сама вежливостью не блещешь!

— Потому что ты ее не проявлял.

На секунду померещилось, будто по губам Хель течет кровь, и она оседает на пол. Но нет. Она по-прежнему стояла, воинственно держа кисточку в руке и вздергивая подбородок.

— Как ты меня достала… — просипел я, протягивая руки вперед. Хель отшатнулась, и в ее зрачках промелькнул неподдельный испуг, подстегнувший меня еще сильнее. — Мнишь тут из себя невесть кого. Я тебя не заставлял. Рукоприкладство за рукоприкладство!

Она не успела даже взвизгнуть, прежде чем я в один прыжок ее достал. Правда, реакция у нее оказалась впечатляющая — она нырнула влево, и ей не хватило лишь доли секунды, чтобы уклониться от моей хватки.

Ее футболка, бесформенная и темная, как и ее школьный пиджак, на пару размеров больше, оказалась неприлично скользкой, и мои пальцы едва не выпустили добычу. Да еще и сама Хель рванулась с неожиданной силой. Возможно, у нее бы получилось убежать, если бы рядом оказалась хоть какая-то опора, но, увы, мы стояли в совершенно пустой части комнаты.

— Только попробуй закричать, — предупредил я.

— Если мать зайдет, не поздоровится не только тебе, — прохрипела она, загребая руками воздух.

Я уважительно хмыкнул.

Рядом оказалась кровать, и, извернувшись, я толчком бросил Хель на нее. Она тут же сделала попытку откатиться в сторону, но я перехватил ее за талию. Она брыкнулась, больно ударив мне пяткой по коленке.

— Отпусти немедленно!

— Это за краску!

Другая на ее месте уже начала бы оправдываться; Хель же извивалась, щипалась и ругалась. Один раз ей удалось локтем заехать мне по лицу, так что взгляд случайно скользнул по стене, зацепившись за рисунок в рамке, прибитый парочкой гвоздей. И на нем был изображен волк. *Тот самый волк*.

Пыл сразу поутих, сдавшись под напором здравого смысла. Изенгрин отправил меня сюда не для драки, а чтобы забрать рисунок. И задание следовало выполнить.

Я мысленно отвесил себе подзатыльник. А если бы рисунок не мелькнул перед самым носом? Ушел бы и забыл!

Теперь возникает одна проблема: как снять его так, чтобы никто не заметил, и утащить, да еще и в такой ситуации?

Выход нашелся быстро.

Хель рванулась особенно сильно, и я поддался, сделав вид, что отлетел к мольберту. Обрадовавшись, она соскочила с кровати, бросаясь в противоположный угол комнаты. Я поднял мольберт прямо с прикрепленным рисунком и палкой саданул по рамке. Хель нервно обернулась, а я притворно поскользнулся на покрывале.

Идея увенчалась успехом. Порядком поцарапанная рама опрокинулась на подушку. Только забрать и смыться.

К тому моменту, как я, «упавший» на кровать, положил ее на самое удобное место, то есть к самому краю рядом с подушкой, Хель сиганула на меня сверху, хорошенько приложив «коробку» о мою спину.

Что-то тихо хрустнуло. Я схватил уже расслабившуюся Хель за край кофты и дернул на себя — она оказалась повалена поперек постели, а моя нога удачно расположилась возле рамки. Только пододвинуть в удобный момент и выскочить куда-нибудь — вуаля, миссия завершена!

Хель не была слабой, но в конце концов ее руки все равно оказались заведены за голову.

— Отпусти! — прорычала она.

— Нет.

Буквально несколько мгновений она молчала, а потом вдруг подозрительно прищурилась:

— Ты меня не домогаться ли вздумал?

— Боги, нет, — скривился я.

Она уже открыла рот, чтобы ответить колкостью в ответ, как ее прервал хлопок двери.

Мы одновременно повернули головы, и гримасы разом сползли с наших лиц. На пороге стояла мать Хель.

Сколько казусов в моей жизни ни случалось…

Немая сцена длилась не дольше секунды. Я робко освободил руки Хель, и она медленно свела их на животе, а потом, к моему удивлению, сдув прядь со лба, хладнокровно поинтересовалась:

— Чего тебе, мам?

Женщина вымученно улыбнулась:

— Ия, можно тебя ненадолго?

Хель хладнокровно поднялась, спокойно поправила прическу и с тихим «конечно» вышла из комнаты. Я прислушался к шагам. Судя по шорохам, они скрылись на кухне, и я, воспользовавшись возможностью, схватил рисунок и кинулся прочь.

Кровь стучала в ушах вместе со злостью на самого себя за то, что обернул ситуацию в такое русло и устроил себе проблемы, на Хель, которая меня спровоцировала, на Изенгрина, по чьей вине вообще оказался в ее квартире, на Гери, который не стал

действовать за меня — уж при нем-то такого явно бы не случилось! — и даже на мать, от которой придется обязательно выслушивать укоризненные речи.

Теперь даже страшно подумать, что мне устроит Изенгрин за подрыв отношений с Хель, ведь она явно будет иметь претензии.

Миссия-то выполнена… Но, боги, какой же дурдом теперь начнется!

* * *

Давным-давно мне в голову пришло сравнение зимы с собакой, скалящей клыки. Оно мне так понравилось, что в воображении нарисовался четкий образ той самой собаки — крупная, с длинными сильными ногами, узкой изящной мордой и пушистым хвостом, с которого от каждого взмаха сыпется снег. Кажется утонченной, гордой — такой место подле трона Снежной Королевы, но на самом деле — своенравная, свободолюбивая, не подчиняющаяся ничьей руке, не позволяющая обвить вокруг шеи поводок.

Я ей даже кличку придумал — Винтерс. Сегодня участь ее жертвы постигла и меня, как ни обидно.

Будто близкий друг предал. Хотя зиме на это плевать — она не испытывает чувств, у нее нет физического воплощения. Даже Изначальные по сути своей — посредники, те, кому дана возможность управлять первозданными силами. Но это не значит, что они контролируют каждый пожар в мире, каждый ураган или дождь. Они и вовсе предпочитают не вмешиваться в естественный ход событий.

Однако зима на сей раз разгулялась не на шутку, с этим не поспорить. Словно природу кто-то разозлил, да так, что она хочет стереть неугодных ей с лица земли.

Мороз щипал щеки, туманом заползал за шиворот и обжигающими холодом кольцами охватывал пальцы. Как назло, солнце даже не думало возрождаться над линией горизонта — все вокруг заполняла зыбкая тьма. Когда вдали замигали знакомые огни, я ожил, даже почти забыв об обиде на Хель и Изенгрина. Теперь была только одна цель — добраться до места, где можно отогреться, и уж потом восстановить душевный баланс, пополнив его новой порцией гнева, и пойти к Изенгрину, наверняка ждущему свой проклятый рисунок.

Он всегда приходит в школу рано.

Дворник, доброжелательный старичок в потертой куртке, пожалуй, единственный человек, к которому я в этом дурдоме

испытывал искреннюю симпатию, — чистил дорогу, однако его труды почти сразу развеивались прахом, ведь хлопья с неба летели нескончаемым потоком. Когда я приблизился к крыльцу, он усердно подметал полоску асфальта возле ступенек. Я аккуратно обошел, чтобы не запачкать уже чистый участок, как услышал тихое:

— Да что ты, Соль, вокруг да около бегаешь. Шел бы прямо.

— Мне несложно, — отмахнулся я.

Старичок благодарно закряхтел и вновь сгорбил спину, продолжая свое занятие: поддел лопатой горку снега и понес ее за бордюр.

Я раздраженно стянул с себя одежду и отряхнул ее прямо посреди холла. Снег осыпался живописным вихрем.

— Соль! Ты что творишь! — гаркнул сзади охранник. — На улице надо было этим заниматься! А уборщицам потом чисть!

«Это их работа», — хотел ответить я, но вовремя прикусил язык. В школе с окружающими нужно вести себя идеально, но, боги, как же порой бывает тяжело…

— Извините, — смутился я, и, встряхнув пальто еще раз, чтоб наверняка, бросил его в гардеробной.

Судя по расписанию, Изенгрин должен был находиться на третьем этаже. Народу в здании собралось еще не слишком много, и это существенно облегчало задачу. Личностью я был довольно известной, и обычно меня это радовало — каждому приятно получать комплименты каждый день и находить милые подарочки в карманах пальто, — но не в данном случае. В такие моменты люди ужасно раздражают, особенно те, кто подходит с чистыми намерениями и искренними чувствами.

Над дверьми в коридорах были установлены стекла, предназначение которых оставалось загадкой — подпрыгнув и заглянув в них, легко обозреть все, что творится в кабинете, особенно если сила рук позволяет; зацепился и виси сколько угодно, пока не вычислят. С утра по ним удобно определять, можно ли заходить в кабинет. Некоторые учителя категорически против присутствия учеников в их владениях до звонка — боятся, что разнесут что-нибудь. За ущерб платить не им, но хлопот сразу намного больше. Всегда можно просто вскинуть голову: горит свет — высока вероятность того, что тебя впустят и ты устроишься за своим привычным местом.

Изенгрин особа привилегированная, староста волков, младших и старших, примерный ученик, спортсмен, пользуется неизменным уважением учителей: то детей утихомирит, то тяжелые коробки дотащит, то оценки выставить из журнала в дневники поможет, то послание доставит. Изенгрин никогда не

отказывает — уточняет детали и выполняет все безукоризненно. Сам он свое поведение объясняет тем, что, если составить себе имидж и поддерживать репутацию, усилия не пройдут даром, когда понадобится нарушить правила — фавориту спустят с рук любую проделку. Я его понимаю, сам пользуюсь подобной методикой, но все-таки меня таким количеством привилегий никогда не баловали.

Правда, Изенгрин предпочитал принижать себя, ставя в один ряд с «одноклассниками». Когда ему предлагали что-то, о чем иные могли только мечтать, он пафосно говорил что-то вроде: «Я недостоин». Тогда преподавательницы буквально совали ему в руки то, что он столь опрометчиво отвергал. Он получал свое, они оставались довольны. Я не сомневался, что делал он это намеренно, пользуясь методами выуживания «пряников». Волки честные и прямолинейные? Кто знает. Но вот предводитель их манипулятор, ничем не уступающий лисам. И самому Лису.

Я прошел вдоль коридора, внимательно глядя в стекла. Возле второго лестничного пролета находился единственный кабинет, где горел свет. Я с ноги распахнул дверь, и в лицо пахнуло книжной пылью.

Изенгрин устроился за учительским столом, пролистывая блокнот в отвратительной грязно-серой обложке.

Едва понимая, что творю, я достал из портфеля рисунок в рамке и, сжав руки в кулаки, медленно направился в сторону Изенгрина, игнорирующего все вокруг себя. Заметили меня только его одноклассники — рыжий парень в модных квадратных очках и высокая мускулистая девушка с косой и подведенными карандашом раскосыми глазами.

Парень наклонился к ней и что-то спросил. Та пожала плечами, не сводя с меня настороженно-любопытного взгляда. Ее друг, рядом с ней напоминающий воробья, присевшего под крылом у сокола, смотрел прямо, вскинув бровь.

Прозвищ их я не помнил, но, кажется, у рыжего что-то связано с мозгом, а у девушки — с джунглями. В любом случае, они должны были быть довольно говорящими: очкарик хоть и выглядел модно, явно был задротом по учебе и компьютерным играм, судя по книжке с рисунком атома и торчащей из черной сумки PSP. Девушка же — волчица, как приговор. С лисами она бы не прижилась.

К горлу подкатывала тошнота. Рисунок пропитался энергией Хель.

Если бы не Изенгрин, я бы не чувствовал себя так паршиво.

Не успел я додумать мысль, как смачно врезал по лицу волку, так и не удосужившемуся оторваться от своего чтива.

Послышался треск стекла, противный скользящий звук. Кресло по инерции отъехало в сторону.

— Какая же ты скотина! — зарычал я.

На стекле, разошедшемся паутиной, остались алые кровяные разводы. Запахло металлом. Изенгрин прижимал ладонь ко рту и носу, и сквозь его длинные пальцы текла кровь, густая, почти черная.

Он медленно провел по лицу: царапины уже затянулись. Если я и сломал ему нос, кость срослась. Мгновенно. У меня тоже есть регенерация, но далекая от его — упади он с шестого этажа, уже через пару секунд пошел бы дальше, а я бы умер, не успев исцелиться.

Спокойно, чуть ли не равнодушно, он попросил своих одноклассников:

— Брейн, Багира, выйдите, пожалуйста. Солейль хочет со мной поговорить.

Одного удара мне было мало.

Я не обернулся, чтобы посмотреть, выполнили ли волки приказ своего старосты. Ножки стульев проехались по полу, чужие шаги ознаменовали, что лишних людей больше нет.

— И проследите, чтобы никто не заходил, пока не прозвенит звонок, — добавил Изенгрин.

Стоило двери захлопнуться, он выпрямился, в последний раз вытер лицо, откинулся на спинку кресла и смерил меня осуждающим взглядом:

— Ты в своем уме, Солейль? Что ты себе позволяешь при простых людях? Если бы они поняли, что я не пострадал…

— Мне очень жаль, что ты не пострадал, — прошипел я и замахнулся на него снова, ведомый цунами эмоций, но повторить свой «подвиг» не сумел — мое запястье грубо перехватили. Кость хрустнула. Я лишь прикусил губу до крови, а в следующий момент оказался прижат к столу за волосы. — Воу-воу-воу, осторожнее, — зло ухмыльнулся я. — Если что-то случится с головой, я больше не встану и не смогу оказать тебе поддержку.

— Восхитительную поддержку, судя по произошедшему только что инциденту, — отчеканил Изенгрин, стискивая мои запястья еще сильнее. Я взвизгнул — кость еще не срослась. Впрочем, и в ней было свое преимущество — она отрезвила, и буря внутри грудной клетки кое-как улеглась.

— Не нужно было посылать меня к этой стерве.

— Тебе следует быть сдержаннее, Солейль. Если ты причинил ей вред…

— О, да не пекись ты так. Она того не стоит.

Он приложил меня лбом об стол.

— Я задал вопрос.

— С ней все нормально, — прохрипел я, отчаянно моргая, отгоняя звон в ушах и пятна в зрачках. К счастью, сотрясение мозга у меня быстро проходит. — Если не считать пары выдернутых прядей.

— Что произошло?

Сталь в голосе.

— Она нахамила, я капельку ее проучил. Без травм.

— И то хорошо, — вздохнул волк, и я было расслабился. Но рано. Он еще не успокоился — схватив меня за шиворот, поставил на ноги и толкнул к креслу, где ранее сидел сам. Копчик столкнулся с твердым подлокотником.

— Подробнее, Солейль.

Живот скрутили знакомые спазмы, глотку обожгло желчью. Глаза Изенгрина сияли ярче молний. Слова сами полились изо рта сгустками слизи. Как ни старался задерживать дыхание, не давая звукам вырываться, — тщетно. Волк умел выуживать правду. Позавидовала бы и святая инквизиция.

— Мама убьет тебя за это, — закончил я.

— Мне нет дела до Оленихи, когда ты пускаешь под откос весь план, — безразлично произнес Изенгрин. — Ты хотя бы осознаешь, что натворил? Теперь мало того что ты отвернул ее от меня, так еще и ее мать убедил в том, что ей следует идти к лисам.

— О, не думаю. — Сплюнул в ладонь кровь и выбитый зуб я, ощущая, как на его месте проклевывается новый. — Ее мама выглядит так, будто ей невыносимо свое собственное существование, надо заметить, весьма никчемное. Едва ли она имеет хоть какое-то влияние на нашего котенка. А я… Я лис, так что отвернул ее не от тебя, а от враждебного тебе лагеря. Ты должен быть благодарен.

— Ты играешь роль моего друга. Твой образ она связывает с моим. Теперь завоевать ту малую толику ее уважения, которое мы уже заработали, будет сложнее. Лис впереди не на шаг, а на десяток шагов, и в этом твоя вина.

— Не надо валить все на меня. Ты прекрасно знал, какие у нас отношения и, рассуди по справедливости, ничего этого не произошло бы.

Тяжелая нога опустилась на позвоночник, сминая кости, как металл корежит при автомобильных авариях. Всхлип заклокотал где-то под ребрами.

Перелом позвоночника. Однозначно. Кажется, одна кость торчит наружу, вспоров мышцы и кожу.

— Ты должен контролировать свои действия, — продолжал

Изенгрин. — Признай свои ошибки. От тебя сейчас требуется только это.

Договорив, он отошел назад, оставляя меня корчиться на полу. Меня словно мечами пригвоздили к полу, будто дети — бабочку к столу. Осталось только вскрыть брюхо и полюбоваться внутренностями.

Изенгрин не спеша поднял растрескавшуюся рамку, отодрал разбившееся стекло, не обращая внимания на то, как оно режет ему руки, и вытащил рисунок, уже изрядно измятый. Вглядывался в него он придирчиво, с отчетливым инфернальным сиянием глаз. Потолок в классе будто потемнел, словно застланное тучами небо. Тело рефлекторно дернулось. Я больше не кричал — скулил, как собака, проклиная себя за слабость.

— Вижу след Избирателя. На рисунке смазанный отпечаток духа Варвары. Она начинает просыпаться, — и он повторил, словно убеждая себя: — Она просыпается.

И еще долго держал изображение волка, оглаживая его пальцами с неопределимой нежностью. А затем вдруг сжал его в кулак, окинул меня презрительным взглядом и вновь занес ногу над моим телом. Я закричал еще до удара.

Вопль превратился в визг, застыв на точке, похожей на хрип. Вывернутый позвоночник встал на место, надавив на внутренние органы. На какой-то момент я попал в ад. Слезы щекотали щеки и собирались у губ, но я этого почти не ощущал — пожар в спине разгорался до агонии из-за начавшихся процессов регенерации.

— До начала урока пятнадцать минут, — сообщил Изенгрин. — К тому моменту ты уже должен быть далеко отсюда, иначе позвоночником дело не ограничится. И твоя мать меня не остановит. Понял?

— Понял, — прошелестел я.

А еще четко осознал, что пятнадцати минут для восстановления после такой травмы более чем недостаточно.

* * *

То, что у кабинок не было дверей, весьма оскверняло и без того неутешительную ситуацию — с ними можно было бы спрятаться, забравшись с ногами на унитаз, и попробуй догадайся, что я тут. А так приходилось вжиматься в угол на подоконнике в самой крайней, скрытой от остального помещения длинной перегородкой, едва не завернувшись в плотные шторы.

Боль сковывала плоть. Я совершенно не помнил, как добрался до туалета, который, к удаче, находился всего лишь в паре метров

от кабинета. Все, что отпечаталось в памяти, — десять минут бездвижного лежания на полу в ожидании затишья. Помню и смутный звук звонка, несколько тяжелых шагов.

Не заметили меня лишь чудом. Наверное, за это стоило бы благодарить цепных псов Изенгрина, смиренно патрулировавших у кабинета. Самим им было совершенно плевать на мое состояние, и они, едва я выбрался, вернулись в помещение. Хотя бы не потоптались, и на том спасибо.

На подоконник я забрался в полубессознательном состоянии, чувствуя, как все внутри натягивается и затвердевает, превращаясь в мрамор. После себя я оставил на раковинах кровавые отпечатки, так как хватался за поврежденную спину, но волноваться о последствиях не получалось. Кость уже встала на место, спасибо Изенгрину, но особой роли это не играло — позвоночник по-прежнему пожирал огонь. Кровь благодаря регенерации уже перестала течь и, судя по ощущению под пальцами, рана от вставшей дыбом кости уже затянулась, превратившись в шершавый шрам.

Хорошо одно: ярость и злость не чувствуются, ведь их полностью затмевают физические ощущения. А так я бы, наверное, задохнулся от ненависти к волку, позволяющему себе слишком много даже для древнего бога. Мать его после этого сожрет живьем. Но ему это неважно, у него великая цель — вернуть Варвару. И даже Олениха не сумеет его остановить. Это не сарказм — окрыленный происходящим, тем, что его любимая «дочь» просыпается в глубине чужого сознания, он просто отмахнется от всего, что мешает его счастью. В том числе от любимой женщины. Богини. Или все же женщины? Неважно.

Подобное Изенгрин позволял себе редко. Да, он был в некоторой степени жесток, но владел собой. Ему можно было доверять. Наверное, поэтому, привыкнув, что он никогда особо не повреждал мое хрупкое человеческое тело, я и расслабился. А он, узнав, что Варвара совсем близко, так обрадовался, что забыл о необходимости притворяться человеком.

Часы тикали, секунды текли сквозь пальцы, и вскоре я уже вдохнул полной грудью. Туловище больше не тряслось, а жар скопился в запястьях и лодыжках — следом за пламенем накатил озноб.

До конца урока оставалось пять минут, когда дверь предательски стукнула о косяк. Я уже ощущал себя способным на элементарные телодвижения, но было бы куда лучше, оставь меня в покое еще на четверть часа. Пришлось в срочном порядке шевелиться.

Шаги раздались в непосредственной близости от моего

укрытия, и внутрь, опершись о хлипкую перегородку, скромно заглянул наш учитель итальянского — молодой человек лет тридцати, которого ласково прозвали Чучелом за копну топорщившихся волос и толстые круглые очки.

— Солейль? — ахнул он. — Что с тобой?

Застонал, словно мученик, я вполне по-настоящему. Прохрипел, упираясь лбом в собственные колени:

— Живот…

Учитель сделал неловкий шаг вперед, но тут же вернулся на место. Протянул руки, пытаясь помочь, но так и не прикоснулся. Кажется, неподдельно испугался.

— Сильно? — пискнул учитель.

Выжатая слеза скатилась по щеке:

— Ужасно.

— Ой, что ж делать-то… Подожди здесь, я медсестру позову!

Нет, что, серьезно?

— Вы только побыстрее…

— Разумеется! — выпалил Чучело и вылетел прочь.

Едва его топот стих, я сполз с унитаза, чудом удержав равновесие, и неуверенно продвинулся вперед. Ноги почти не ощущались, и только покалывание в кончиках пальцев подтверждало, что они не ампутированы. Именно на пламя под кожей следовало ориентироваться, чтобы не рухнуть ничком в коридоре. Изенгрину это бы не понравилось, а я бы вряд ли создал стоящее объяснение того, почему весь перемазан кровью и выгляжу так, будто из меня душу выкачали.

Стоило действовать как можно скорее — школа напряглась в ожидании долгожданного спасительного звонка на перемену. В моем распоряжении было мало времени. Если бы Изенгрин не наступил на меня, я бы справился — одним прыжком преодолел пролет, схватил куртку из гардероба и вылез в окно в столовой, где никого обычно нет. Однако теперь возможности мои были весьма ограниченны. Да еще и мнимое отсутствие нижней части тела мешало, пожалуй, даже больше, чем режущая боль и скрежет в пояснице.

Перенося вес на перила, шершавые и горячие, я принялся спускаться по ступенькам. Кинжалы впивались в плоть с каждым шагом, но я терпел, стискивая зубы и отчаянно жмурясь, будто темнота поможет оградиться от чувств. Несколько раз чуть не поскользнулся.

Кто-то когда-то говорил, что боль очищает и приближает нас к Богу. Она уносит наше сознание и позволяет насладиться свободой духа, понять, что наше предназначение мы достигнем, лишь окунаясь в страдания. Острые шипы, наконечники стрел и

копий, цепи, иглы, загнанные под ногти — все это и многое другое вырывает наши души, нас самих, из бренных мясных клеток. Это единственный способ познать себя. Кажется, тот проповедник был монахом из монастыря рядом с городом, где находилась больница, в которой меня держали. Его приводили к детям, таким, как я, и он читал им подобные откровения, чтобы убедить их не бояться боли.

Все бы отдал сейчас за избавление от мучений. Ненавижу боль. Еще с пропахшей пылью койки в никчемной городской больнице, представляющей собой больше приют для бездомных, где внушали веру в то, что умирать совсем не страшно, хотя должны были спасать жизни.

На твердую горизонтальную поверхность я ступил, будто мореплаватель, три года не видавший сушу. Хотелось сесть, привалившись к металлической коробке с огнетушителем, но я упрямо пополз дальше, к гардеробной. К моей удаче, пальто висело близко и в той зоне помещения, где меня не мог заметить охранник. Не теряя драгоценного времени — электронные часы тихим механическим пиканьем подгоняли ничем не хуже хлыста, напоминая, что для побега осталось три минуты, — я сдернул его с крючка и поволочился к столовой.

Аккуратно приоткрыв дверь, чтобы не заскрипела, я просунул голову внутрь — ровные ряды белых столов, натертых до блеска, приятный запах пищи, от которого желудок предательски сжался. На цыпочках я прокрался к ближайшему окну — слава богам, его распахнули широко, а повара затаились где-то на кухне, поэтому, не беспокоясь, что кто-то схватит меня за воротник и затащит обратно, я вскарабкался на подоконник и спрыгнул вниз. И, разумеется, потерял равновесие, рухнув в кусты.

Ветки ткнулись в лицо. От удара колени засаднило.

Из окна на шум никто не выглянул, но, решив, что задерживаться все равно не стоит, я заковылял прочь от здания.

Со стороны я, должно быть, напоминал калеку — хромал, хватался за спину, иногда подтаскивал ноги руками за собой, потому что в определенные моменты они отказывались слушаться.

Ветер, холодный и колючий, казался спасением — приятно морозил шею и лицо, целовал ладони и щекотал бока, забираясь под расстегнутое пальто. Когда я перешел на другой конец улицы, понял, насколько освободился от боли. Идти стало проще.

Зима из жестокой и недовольной дикой собаки превратилась в светящегося заботливого ангела, обвившего мою шею белоснежными руками, погружающего в целительный сон.

Глаза слипались, но закапываться в снегу было бы

ненормально, поэтому я поставил цель добраться до дома и там забраться под одеяло и отдохнуть.

Я и не заметил, как подошел к рассаженным возле подъезда деревьям — кривым, с осыпавшейся корой и причудливо завитыми стволами, как в фэнтези-книгах об эльфах, вяжущих узлы из древесины при помощи магии, и покрытыми замерзшими почками. Их посадили десять лет назад по требованию старушек, жалующихся на пустоту во дворе, но они разрослись так, что заняли половину детской площадки и накрыли ее сетью переплетенных ветвей. Они будто держались за руки — кого-то это умиляло, а на меня всегда нагоняло мрачное предчувствие неотвратимой беды.

Если бы не треск, раздавшийся из их недр, я бы и не очнулся. Запер бы дверь и отправился в постель. Но он заставил вскинуть голову. Пустая дорога, заметенная снегом, машины, недвижимыми изваяниями замершие возле тротуара, качели, карусели и мрачный уголок деревьев, чужой, враждебный, как описание, вырванное из контекста.

Что-то склизкое надавило на плечи и впилось в шею острыми зубами; щупальца, длинные, тонкие и шуршащие, обвились вокруг сердца, сжав его до предела. Невидимый лед пригвоздил ноги к земле.

Я рванулся, но не смог даже податься вперед.

Сердце упало в пятки, едва догадка осенила разум: причина не в позвоночнике — если бы Изенгрин сломал его так, чтобы меня парализовало, меня бы нашли на полу в том самом классе. Регенерация проходила как следует. Значит, магия.

Которую я не умею блокировать. Даже если бы хотел, ничего не поделал бы — у меня нет магических способностей, перед колдовством я беззащитен.

Ни продохнуть спокойно, ни спастись бегством, ни взгляд перевести. Ничего. Если неведомый маг решит уничтожить меня, ему ничто не помешает. Я просто разлечусь горсткой золотой пыли, даже не успев пожалеть об этом.

От дерева отделилась тень — женский силуэт в черном балахоне, пятно на фоне белоснежного снега. Капюшон закрывал ее лицо до кончика носа, так что виднелись только искривленные красные губы. Пальцы, обтянутые черными перчатками, неестественно скручивались.

Я сделал попытку открыть рот.

Тень подняла руку, протянув ее ко мне, и алые губы растянулись в оскале. В следующий миг она прошептала, с видимым наслаждением сжав кулак:

— Гори.

Хель-IV

За все время, проведенное в одиночестве в комнате, меня так все достало, что потребность в вымещении плохого настроения перешла в ранг жизненной необходимости. Порой смертную тоску разбавляли визиты Пака и Арлекин, неизменно пытающихся побудить расследовать дело о таинственном маньяке-поджигателе. Иногда приходил Изенгрин, к счастью, уже без Солейля, да и брат забегал со странными просьбами. Однако все было не то, не так.

Поэтому к концу своеобразного заключения, вместо того чтобы грустить о скором выходе в ненавистную школу, как я бы делала в столице, я грызла ногти и едва сдерживала порыв вернуться в класс, неважно даже, лисий или волчий. Форма висела на самом виду, расправленная по вешалке, почти идеальная — для красоты я даже привязала на пиджак ленту, к центру которой прикрепила волчий зуб, подаренный Изенгрином.

В понедельник я проснулась раньше будильника и лежала в кровати, по пояс укрывшись одеялом, чувствуя себя птицей, которую вот-вот выпустят на волю. По лицу невольно расползалась глупая улыбка. Комната не хотела расцеплять свои объятия, создавая вокруг кокон уютного сизого полумрака, словно умоляла не уходить; шторы шелестели под порывами ветра из приоткрытой форточки — вечером было слишком жарко. Кажется, в городе усилили отопление. Ничего удивительного — судя по новостям, температура бьет все рекорды. Весна, видимо, в этом году задержится. А оно и неплохо — хоть какая-то отсрочка весенней аллергии и обострений.

Хотя на того маньяка со спичками, за которым гоняются Пак и Арлекин, милые распускающиеся бутоны и березовые почки вряд ли как-либо повлияют.

Будильник разлился трелью соловья, установленной специально по такому случаю, и я с готовностью спихнула с себя одеяло. Настроение испортить не могло ничто, даже намерение выудить из толпы Солейля и выбить у того признание, куда он дел мой рисунок с волком — тот загадочно пропал именно после потасовки с ним. Я даже догадывалась, когда именно и каким образом — наверняка схватил в тот момент, как мама позвала меня к себе. Неизвестно, зачем ему это понадобилось, но он это сделал — значит, следует разобраться.

И я разберусь.

После бессовестной кражи я возненавидела его еще больше. Мало того что ею он оскорбил меня, так и мать, увидев нас,

подумала невесть что. Собственно, именно поэтому она и утащила меня на кухню, тем самым поспособствовав преступлению — ей позарез вдруг понадобилось прочитать мне лекцию о том, как вести себя с мальчиками.

Это было абсурдно и бессмысленно, и следовало открыть матери глаза, но тараторила она с такой скоростью и вдохновением, что я не успевала и рта раскрыть.

Она выглядела счастливой, и для ее светящегося взгляда я не могла подобрать подходящего сравнения. Она сжимала мои ладони, словно надеялась разглядеть что-то тайное и сокровенное на моих запястьях, и отрывочно, на мгновение, поднимала на меня глаза. А я стояла напротив, пропуская большую часть реплик мимо ушей и старательно вырисовывая на обоях напротив воображаемые узоры.

К счастью, ничто не длится вечно, и мне удалось вырваться. Она отлипла, как падальщик оставляет труп, которым утолил свой голод, отделила меня от себя с приторной улыбкой. Будто завтра я переступлю порог квартиры и растворюсь в тумане, словно меня никогда не существовало, а она станет бережно хранить призрачную память обо мне.

Я улыбнулась себе в зеркало, провела расческой по волосам, ледяной водой смыла сонливость с лица и, стараясь сохранять оптимизм, пошла обратно в комнату. Свет везде был выключен, из спальни доносился отцовский богатырский храп.

Часы показывали семь пятьдесят. Ну, опоздают — не мои проблемы.

Я с искренним наслаждением сняла форму с вешалки, ощущая приятную шершавую поверхность ткани. Облачаясь в нее, будто закуталась в одеяло. Комфортно.

Пак говорил, что размеры называл, прикидывая, какими они могут быть, на память, представляя мою фигуру. Однако хороший у него глазомер. Надо будет обязательно пошутить на тему того, что ему следует идти в портные.

Едва я затянула на шее красную ленту, шелковую и мягкую, притащенную из кладовки Паком в качестве подарка к долгожданному возвращению в гимназию, и зацепила волчий зуб за миниатюрный крючок, пришитый тем же Паком, телефон, почти утонувший под подушкой, завибрировал. Экран зажегся, сообщая о входящем вызове от лиса.

Я поспешно нажала на зеленую кнопку, зная, что он терпеть не может слушать надоедливые гудки или противные мелодии, их заменяющие. Произнесла:

— Слушаю, — зажимая трубку между ухом и плечом и продевая руки в рукава куртки. Со стороны зала послышались

тяжелые шаги, сообщающие, что семья начинает пробуждаться.

— Доброе утречко, — мурлыкнул Пак. — Надеюсь, ты проснулась, потому что я уже греюсь в машине и жду тебя, как договаривались.

— Сейчас спущусь, — буркнула я, застегивая молнию. — Не думаю, что ты будешь возражать подождать меня еще минут пять. Тебе ведь все равно, опаздывать или нет.

— Да хоть час там еще сиди, — хохотнул лис. — Я бы предпочел опоздать, честно. Посидеть себе тихонько под лестницей, переждать нелюбимые уроки… Но ты же мне не позволишь, верно, мисс отличница?

— Хорошистка, — автоматически поправила я. — Ладно, сейчас буду. Где припаркована машина?

— Слева от подъезда, сразу увидишь, как только обернешься.

Засунув телефон в карман куртки, я проскользнула в коридор, просунула ноги в сапоги и, повернув в скважине ключ, покинула квартиру. Попасться было не страшно — к счастью, родителям плевать, что я делаю, после того, как мы вроде как помирились, а мама отдала обратно все рисовальные принадлежности. Все вернулось на круги своя. Я занимаюсь своими делами, они — своими, никто никого не трогает.

Главное, чтобы на них «накатывало» так же редко, как прежде, а то мама вдруг стала проявлять повышенный интерес. Вдруг это заразно и передастся и отцу?

На улице ледяной ветер проморозил до самых костей, несмотря на теплую куртку и плотные колготки под брюками. Я еле сдержалась, чтобы не вернуться в теплый подъезд. Промелькнула даже идея отсидеть в уголке, где стоят шкафы с книгами. Однако я быстро ее отогнала и повернулась в указанную сторону. Белая машина, как и сказал Пак, стояла на углу возле дома, и я засеменила к ней по дорожке, расставив руки в стороны, чтобы не потерять равновесие и не упасть.

Пак заметил мое приближение еще до того, как я судорожно вцепилась в ручку успевшими одеревенеть пальцами, и, надув щеки, чтобы не подавиться смехом, открыл дверцу, в которую я чуть не врезалась из-за разъехавшихся в стороны на льду ног. Удержалась, только зацепившись за крышу и заскользив ладонью по липкому стеклу. В салоне тут же покрывалом-кокономокутало приятное тепло, смешанное с освежителем воздуха.

— Это выглядело устрашающе, — заржал лис. — Такая ладонь на поверхности стекла. Смотри, какой отпечаток на снегу остался! Маньячина!

Фыркнув, я стянула шапку и от души потрясла ею над резиновым ковриком. Снежинки полетели не только вниз, но и на

бардачок, что вызвало недовольное ворчание Пака, буркнувшего что-то вроде: «А мне потом разводы вытирай».

— Ты уже совсем со своим поджигателем свихнулся. Везде маньяков видишь. Не находишь, что пора бы и прекратить? А то у меня не будет иного выхода, и я сошлю тебя в психиатрическую лечебницу. Вместе с Арлекин, если ей так же в голову вдарило.

Лис, криво усмехнувшись, завел двигатель и сдвинулся с места:

— Уверяю, об Арлекин беспокоиться нет нужды. Она хоть и кажется придурковатой, психика у нее устойчивая. Останется в своем уме, даже если лицом к лицу встретится с нашей жертвой. Не думаю, что она может помешаться на расследовании преступления.

Лицо само собой скривилось: устойчивая психика у Арлекин? Да она в повседневной жизни ведет себя так, будто постоянно на грани нервного срыва, сплошь эмоции, выплескивающиеся через край. Конечно, Пак знает ее дольше и лучше, но я все равно не склонна ему верить.

Особенно учитывая, что он безжалостного убийцу называет жертвой, хотя сам ею, по сути, и является. Тут при любом раскладе начнешь сомневаться в его правоте.

— Вот чего ты так морщишься? Если считаешь нашу затею глупой, это не повод всячески это демонстрировать.

— М-м-м, я бы перефразировала: «Так как я считаю вашу затею глупой, это как раз повод всячески это демонстрировать».

Пак закатил глаза, и я на секунду дернулась, опасаясь, что он не заметит выскочившей из-за угла машины. Однако он умело, почти не глядя, вырулил на основную дорогу, и автомобиль понесся вперед как ни в чем не бывало.

— Не понимаю я тебя, Хель. Что тебе не нравится? Мы же пытаемся помочь справедливости восторжествовать! Ты слышала Арлекин, у полицейских нет зацепок, а маньяк так просто не остановится. На преступников нужна твердая рука, а здесь его никто не ограничивает, на него никто не охотится, он осознает свою полную свободу. Сколько людей погибнет в страшных муках? Ты только попробуй смоделировать дальнейшее развитие событий. Как долго они будут кричать, сгорая заживо? Ты же представляешь, как это больно, наверняка знаешь про инквизицию и ведьм. Но что еще страшнее: сколько десятков, а то и сотен человек разрываются на части, скучая по своим близким, оплакивая их, ненавидя того, кто забрал их.

— В твоих словах определенно есть доля правды…

— Доля?

— …и я понимаю стремление спасти город от ужасной

участи, но и ты должен, наконец, осознать: ты подросток, Арлекин тоже, это не вашего ума дело. Ты не опытный спецназовец, она — не детектив. Вы не проходили обучение. Кем вы себя мните? Ларой Крофт и Шерлоком Холмсом? Смею разочаровать, вы не они. Бросаясь в пекло и переоценивая себя, вы сами обрекаете себя на проблемы. Даже если — случись такое чудо — вы выйдете на след убийцы и загоните его в угол, вы не сможете его удержать, он без колебаний убьет вас. Пойми, у него нет понятий чести и жалости, если понадобится, он, как дикий зверь, попавший в ловушку, перегрызет глотки кому угодно. Маньяки такого рода — параноики. Продолжите — ваша участь предопределена. Оставьте это занятие специалистам. У них шанс свершить правосудие куда выше.

Пак поджал губы и стиснул руль до побелевших костяшек.

— Ты ни во что нас не ставишь, верно?

Я вздохнула и мягко, будто объясняя ребенку прописные истины, произнесла:

— Я ставлю вас на ту позицию, на которой вы должны находиться в силу возраста, обстоятельств, положения, правил. У вас с Арлекин множество положительных качеств, но они направлены не туда, куда вы их пытаетесь приткнуть.

— Например?

— Ну, к примеру, ты умен.

— Да, и с помощью своего ума могу выстроить цепочку событий и поймать преступника!

— Нет! — рявкнула я. — Не перебивай! С помощью своего ума ты можешь придумать шутку и провернуть ее так, чтобы никто не узнал, что это был ты, или сразить наповал эрудицией, унизить какого-нибудь придурка, так что он не поймет, в чем дело, а все будут над ним смеяться, или завоевать всеобщую любовь, или сдать экзамены на высшем уровне, поступить в университет, закончить его, стать детективом и уж там — официально расследовать свои дражайшие преступления.

Пак, кажется, несколько оттаял, почти улыбнулся, но снова помрачнел.

— Лестно, что ты видишь пути применения моего ума и не отрицаешь его наличие, но к тому времени, как я закончу университет и получу возможность ловить ублюдков на законных основаниях, наша нынешняя проблема со спичками воспламенит добрую половину города, а вторая смоется куда подальше, спасая свою жизнь.

— И что?

— И что?! По-твоему, можно позволить городу опустеть или захлебнуться в страхе?

— В подростковом возрасте — да.

Лис ахнул:

— Почему ты такая упертая? Мы *можем*. Что самое главное, мы верим. Если бы к нам присоединилась ты, шансы возросли бы в разы. Но ты ставишь нам палки в колеса, не даешь действовать, хотя могла бы поспособствовать избавлению от опасного психопата.

— Я ставлю вам палки в колеса? — возмутилась я. — Я вообще не хочу вмешиваться. Делайте, что хотите. Больше ни в чем не буду вас убеждать. Хотите умереть молодыми — скатертью дорога.

Такое чувство, что у них полностью отсутствует восприятие реальности и они считают, что живут в каком-то идеальном мире, где им ничто не угрожает. Хочется приключений — бросайся в омут, русалки вытащат. Обольют бензином и подожгут — с неба тут же грянет ливень и предотвратит пожар. Пустят пулю во время прогулки по темным переулкам — не страшно, мистическая «Скорая», получающая вызовы от небесной канцелярии, поспешит на помощь.

Ладно Арлекин. По ней сразу видно — логикой не блещет и вполне в состоянии наделать глупостей, в том числе вступить в противостояние с убийцей, забыв про инстинкт самосохранения. Но Пак ведь не дурак, хоть и производит впечатление шута, — как он не видит, что устроил крайне безнадежный квест?

Минуты две мы ехали молча. Дорога летела впереди, исполосованная белыми линиями. Тонкий, хрупкий, но такой соблазнительный и затягивающий в свои недра ночной иллюзорный мир.

Пак не выдержал первым, и напряженную обстановку укрепил его серьезный голос, звучащий так, будто он читает обвинительную речь в суде:

— Мы с Арлекин решили не отказываться от идеи убедить тебя присоединиться, но начали копаться сами. Ты знаешь, у меня есть кое-какие навыки, и я порылся в архивах — к счастью, сейчас вся информация хранится на электронных носителях, а я неплохо лажу с техникой. Как оказалось, в полиции дело носит кодовое имя «Инквизитор» — как по мне, красноречиво. Хотя мне больше нравится «Поджигатель». Но «Инквизитор» так «Инквизитор». Так вот, в новостях сообщили о двух жертвах — мальчике из школы в третьем районе и том мужчине, которого видела Арлекин. Но по факту их уже три. Последнее убийство произошло два дня назад — женщина из шестого района. Что это значит?

— Полиция скрывает сведения от гражданских.

— Именно. Это указывает на то, что они не в курсе, в чем

соль. Понимаешь, почему мы с Арлекин хотим заниматься этим?

— Понимаю, но не принимаю. Вошли в роль героев и радуетесь. Не справятся люди из местных отделений — пришлют кого-нибудь из других городов, маньяки — дело серьезное, без внимания не оставят. И вы тут не нужны никому.

Пак пропустил мои слова мимо ушей:

— Мальчик, первая жертва, учился в четвертом классе, следовательно, никаких серьезных правонарушений совершать не мог. Разумеется, можно предположить, что он создавал кому-то неприятности, но тогда это могли быть только родственники, учителя и одноклассники. Из родных у него были только мать и отец; первая — библиотекарша, второй работает на заводе. Соседи на них никогда не жаловались, примерная во всех отношениях семья — тихие, скромные, всегда здороваются, ребенка холили и лелеяли. Отец конфеты приносил, мать за руку до школы провожала. Мальчик, конечно, возмущался, дескать, большой уже — кстати, убит он был в день, когда мама разрешила ему впервые дойти из школы до дома самостоятельно. Представляю, как корит себя за то, что отпустила, — впрочем, сомневаюсь, что ее присутствие что-либо изменило бы, скорее, подожгли бы и ее в придачу. Одноклассники над мальчиком посмеивались, но без злости, как он рассказывал родителям. Учителя в нем души не чаяли.

— Да тут кучу версий выпилить можно, и все подлежат рассмотрению.

— Они все проработаны, даже те, что придумал я, оказались в отчете. Только вот ни одна из них не оправдалась. Улик наш Инквизитор не оставил, мотива нет…

— Значит, мальчик — случайная жертва.

— Да. И связей со следующими у него нет. Мужчина, на которого натолкнулась Арлекин, жил в одном с ней доме. Тридцать семь лет, холост, бездетен, среднестатистический офисный планктон. Никаких связей с первым мальчиком.

— Было бы странно, если бы они имелись.

— Далее — женщина из шестого района. Сорок три года, учительница в той школе, где учился мальчик. Замужем, имеет семилетнего сына.

— Они проверили ее связь с первой жертвой?

— Да. Они находились в одном здании, но никогда не пересекались — она преподавала у старшеклассников, в число которых он, понятное дело, не входил.

— То есть тупик?

— Да. Преступления совершались беспорядочно: сожженные никак не пересекались при жизни и вряд ли даже знали друг о

друге, определенных интервалов между инцидентами не имеется. Будто наш Инквизитор бродит по улицам, выбирает понравившихся людей (причем не имея каких-то конкретных предпочтений) и отправляет их к праотцам, будто свершая какой-то ритуал — на всех телах обнаружены славянские руны. Жуткая картина! Он так врезал что-то острое в плоть, что даже невооруженным глазом видны вырубленные по мясу символы. На первом — руна Чернобога, на втором — Нужда, руна Вия, на третьем — Крада, руна огня.

Я уткнулась лбом в прохладную поверхность стекла. Без сомнений, знаки на телах — основной ключ к запертой двери. Если бы еще знать, что они обозначают…

— Они несут в себе что-то?

— Все банально: хаос, тьма, жертвоприношение путем огненного очищения. Следователи считают, что поджигатель так просто констатирует факт своих злодеяний, дает понять, что именно он делает.

— Утверждает, что он тьма, которая хочет установить в мире хаос, предлагая кому-то неведомому жертвы, совершая ритуал сожжения?

— Ам… Возможно. Но это еще подлежит проверке. Честно говоря, у меня не было времени, чтобы хорошенько в этом покопаться.

— А Арлекин?

— Она занимается другим. Шатается в полицейский участок, чтобы выведать что-то новое. Ее там уже пара дам пригрела. Она прекрасная актриса, молодчинка. Думаю, ее вклад будет далеко не последним.

На подъезде к школе, когда я уже вылезала наружу, обратно на холод, к сыплющемуся с серого варева небес снегу, Пак вдруг с умоляющей интонацией протянул:

— Хель, без тебя нам будет сложнее. Помоги.

— Я в этом не участвую, — отрезала я, хлопая дверцей и поспешно направляясь к зданию. Сугробы перемололо и размазало по асфальту шинами сотен проезжающих по дороге машин.

Далеко отойти я не успела — Пак преодолел слякотное месиво, встав за моей спиной:

— Вижу же, тебе любопытно. Ты уже чувствуешь азарт, дух погони.

Шепчет, как змей-искуситель, тихо, проникновенно, трепетно. Я фыркнула и прибавила скорость, взлетая на ступеньки крыльца:

— Ага, и в воображении венчаю себя лавровым венком, а затем пафосно вставляю меч в ножны за спиной, как Зена,

королева воинов, и иду храбро сражаться со злодеями, угрожающими миру во всем мире. Меня совсем не тянет рыться в криминале, Пак. И твои аргументы вроде «когда все закончится, ты станешь героем» совершенно не убеждают — я не герой и не хочу им быть. В двадцать первом веке они чужие.

— Если бы не было героев, мы давно очерствели бы и истребили сами себя, — пылко заверил Пак. — Если не они, то кто нужен?

— Зло, которое борется со злом. Будь добр, отстань от меня со своим Инквизитором. Разбирайся с ним в компании Арлекин, я не против. Если вас подожгут или пырнут ножом в печень, мне от этого ни жарко, ни холодно. Это будет исключительно ваша вина. Я вас отговаривала? Да. Вы меня слушали? Нет. Все, моя причастность на этом заканчивается.

Лис поднял указательный палец, будто собрался высказать все, что накипело, на повышенных тонах, но не успел — я скользнула в коридор, и тяжелая дверь едва не заехала ему по переносице. Воспользовавшись секундной заминкой, я вклинилась в уже успевшую сформироваться кучу из людей, растворившись среди них. Вовремя — едва я скрылась за спиной какого-то бугая, внутрь ввалился Пак.

Возможно, я бы порадовалась еще пару минут, мысленно хлопая в ладоши, но меня прервали, положив тяжелую ладонь на плечо:

— Доброе утро, Хель. От кого прячешься?

Моля высшие силы о том, чтобы это не оказался кто-нибудь из учителей, я обернулась.

И в тот же момент с облегчением вздохнула, поняв, что это лишь Изенгрин, как всегда сдержанный, горой возвышающийся над всеми остальными школьниками — причем не жутко, скорее наоборот, успокаивающе.

— А, это ты, — расслабилась я. — Да так… Ни от кого.

— А Пак, — выплюнул имя лиса волк, — просто так по периметру рыщет?

— Рыщет? Я низкая, не вижу за спинами…

— Да. Сверлит взглядом все вокруг, явно кого-то высматривая. Тебя?

— Наверняка…

В его неловкой улыбке почудилась усмешка:

— Чем ты его так разозлила?

— Побегом от неприятной темы, полагаю.

— Восприму это как намек на нежелание разговаривать и со мной. Однако ты мне нужна, поэтому будь добра потерпеть недолго. — Плохо же он намеки улавливает. — Марина созывает

нас троих, поэтому следует пойти к ней, чтобы поскорее разобраться со всеми делами.

Вышибалы!

— Это срочно? — с надеждой переспросила я.

— Да. Если не сейчас, то после уроков.

Ясно. Обсуждать тренировки с Изенгрином и Солейлем, предстоящий матч и так далее по списку придется в любом случае. Отвратительная перспектива, но не все на свете преподносится на блюдечке с голубой каемочкой. Лучше уж расправиться со всем сразу и забыть, как страшный сон, чем мучиться в ожидании и попытках оттянуть неизбежное.

— Куртку сниму и подойду, — решила я.

Изенгрин кивнул:

— Мы ждем. — А потом вдруг взглядом указал на зуб, звенящий на пиджаке. — Спасибо, что носишь его.

* * *

Школа уже заполнилась людьми под завязку, когда я выползла из гардеробной. Удивительно быстро, всего лишь за каких-то пять минут, словно здание было китом, заглатывающим планктон. Огромным синим китом, открывающим гигантскую пасть и поглощающим все на своем пути — мелких рыбешек вместе с водой, случайно всплывшие водоросли.

Ученики шныряли туда-сюда, размахивая портфелями, хохотали и смеялись, тыкали друг друга в бока, собирались стайками по углам и обсуждали что-то, щелкая телефонами. Учителя лавировали между ними, изредка прикрикивая на младших и отчитывая особо резвых. Порой старшие схватывались посреди прохода, как бойцы сумо, и преподавателям, чтобы их разнять, приходилось отвешивать им подзатыльники.

Самый сбор людских тел обнаружился в радиусе столовой, и прорваться сквозь эту массу составило немало усилий. Я спотыкалась о портфели, проклиная тех, кто их разбросал и распинал, терпела чужую невнимательность — каждый словно специально норовил столкнуться со мной плечом — и едва не зажмуривала глаза и не закрывала уши, чтобы не слышать гудения толпы.

На долю секунды я вновь почувствовала себя чужой в этих стенах. Все вокруг словно затянуло серой дымкой, из глаз людей, неожиданно ставших похожими на фарфоровые куклы, с побелевшей кожей и покрасневшими губами, полился инфернальный серебряный свет, а из их ртов заструились

водопадом змеи, переплетающиеся между собой. Их движения одеревенели, так что почти слышался скрип неживых костей. Они фальшиво смеялись, и смех тот походил на рев заржавевших труб; обнимались, и их пальцы вспарывали твердую плоть, проникая все глубже в покрывшееся трещинами мясо, выпуская струи черной крови, лужами расползающейся по полу, стеклянному и черному, под которым виднелась сплошная пропасть… Один неверный шаг — смерть. Оглянешься — и страшные куклы набросятся на тебя, разорвут.

Так было там, в столице. Ходить, пялясь в пол, было жизненной необходимостью.

Руки сами собой обвили друг друга, а ноги понесли к спасительной лестнице, на вершине которой — благодатная тишина.

Я поняла, что произошло, только когда оказалась у края перил, которые судорожно сжала рукой; вторая покоилась на лямке портфеля, стискивая мелкую металлическую пряжку с такой силой, что она чуть не оторвалась вместе с тканью. Едва осознание ударило в голову, колени предательски подкосились.

Тихий голос внутри, всхлипывая, зашептал:

«Нет, пожалуйста, только не снова. Не отрывайте меня, я не хочу вновь оказаться в воющей пустоте, пожалуйста!»

В лицо дохнуло холодом — Марина открыла окна для проветривания. Поежившись, я зашла внутрь и огляделась, втихомолку надеясь, что Солейля здесь не окажется. Разумеется, надежды осыпались прахом.

Белобрысый, со своей, как всегда, идеальной прической, в выглаженной белой рубашке и кедах с завязанными в изящный бантик шнурками, развалился на скамейке, подозрительно отодвинувшись от Изенгрина, расположившегося на противоположном ее конце. Он явно был чем-то недоволен: лицо его выражало крайнюю степень раздражения, да и пальцами по подоконнику он стучал весьма красноречиво.

Я ни капли не сомневалась, что Солейль — нехороший человек. Более того: была уверена, что он ничем не лучше дядюшки, выкинувшего родственников из квартиры при первой же возможности, беспристрастно, заботясь лишь о пользе для самого себя, наверняка даже не скорбя о человеке, благодаря которому все так удачно для него обернулось. В голубых глазах лиса не мелькал даже отблеск той невинности, которую он старательно демонстрировал в обществе. И не только: в них вообще ничего не было, кроме злости. Но и она плавала будто на поверхности, как листок качается на идеально спокойной озерной воде, а за ней — бездна. Без чувств. Без ничего.

Нет сердца — нет совести, и мучить нечему. Удобно.

Ненависть была так сильна, что все правила, засевшие в коре головного мозга, вся вежливость, моральность и воспитанность отключились — будто палач отрубил их одним мощным взмахом топора.

Мой кулак вмазался в лицо Солейлю. Костяшки опалило приятной болью, подтверждая, что удар вышел годный.

— Ах ты с-с-стерва, — угрожающе прошептал Солейль, хрустнув шеей. — Ты не представляешь, на кого ты нарываешься!

Наверное, будь я кошкой, обязательно зашипела бы и обнажила клыки.

— Ты заслужил! Приперся в мой дом, украл мой рисунок, очень мне, между прочим, дорогой — зачем он вообще тебе понадобился, да еще и с рамкой?! — испортил мольберт, устроил бардак в комнате и разлил синюю краску, которой у меня всегда дефицит!

— Это ты ее разлила, когда бросила ее мне в лоб!

— А надо было язык за зубами держать, а то работает как пропеллер у Карлсона!

Солейль кинулся. Я отскочила на несколько метров, поспешно стащив с плеч портфель. Все рисковало перерасти в «догонялки» по периметру зала, но, к счастью, в этой игре быстро поставили точку.

Лис почти достал меня — его пальцы скользнули в миллиметре от воротника моего пиджака, — когда Изенгрин заключил его голову между своими локтем и плечом. Лицо Солейля тут же налилось алым от нехватки воздуха, а я, наоборот, смогла перевести дыхание.

Но ненадолго — Изенгрин выглядел разочарованным. Спокойные люди всегда рвут и мечут пуще тех, кто позволяет себе это ежечасно.

— Ты опять позволяешь себе проявлять неуважение, Солейль, — чуть ли не по слогам отчеканил он.

— Норма-а-ально, — прохрипел лис, едва не закатывая глаза, — то есть мне ты замечание делаешь, а Хель у нас святая?

— Да, Солейль, именно так.

Я смущенно уставилась на мыски своих кед. Возможно, в другой ситуации он был бы прав, но сейчас действительно я — катализатор драки. Если бы не опустилась до рукоприкладства, можно бы было обойтись меньшей кровью…

— Это она мне врезала! Отпусти, не могу дышать!

Изенгрин нехотя разжал «объятия», и Солейль натужно закашлялся. Не будь он самим собой, я бы даже выдохнула с облегчением: все-таки не понаслышке знаю, каково это —

задыхаться. Но это Солейль.

— Не выгораживай себя, — строго произнес волк. Солейль, хмыкнув, отвернулся.

Марина выскочила словно из ниоткуда, хлопнув волка по плечу и задорно воскликнув:

— Опять полемику развели! Если не научитесь ладить друг с другом, не получите результата, и мы проиграем на городских соревнованиях. Надеюсь, вы понимаете, что в таком случае я выкину вас всех из окна? И не этого зала, ребятки, берите выше.

— Между прочим, — не удержалась я, — есть теория, что человеческие лопатки — это остатки крыльев.

— Есть предположение, что это из-за того, что мы произошли от древних птиц, — вяло добавил Солейль.

— Мы произошли от млекопитающих, выживших во время ледникового периода, уничтожившего динозавров. Наши предки — не птицы, а какие-нибудь грызуны.

Солейль попытался опровергнуть, налившись краской гнева, но учительница шутливо шлепнула его по спине, так что он мгновенно замолк:

— Как бы там ни было, юные эрудиты, наивно предполагать, что вы преодолеете силу притяжения. Так что заканчиваем молоть языками, у нас есть куда более важные темы для обсуждения. Присядьте.

Она мягко подтолкнула меня к скамейке, на которую я неохотно опустилась, отодвинувшись от Солейля.

Марина сцепила пальцы в замок:

— Итак, друзья, вчера я получила новость, что городские соревнования по вышибалам, как, впрочем, и по другим видам спорта, переносятся на конец февраля в связи с ремонтом на полигоне, где они будут проводиться. Да-да, мы идем не в другую школу, а в большой зал в спортцентре. Думаю, вас это обрадует, потому что полы там качественнее положены и освещение лучше. Одно удовольствие играть. Сойдемся с той же сорок пятой, так что, Хель, придется работать на износ. Мы проигрываем им уже столько лет подряд! Еще одного раза мы не вынесем.

— Вы так категоричны, — хмыкнул Изенгрин. — Будет еще множество возможностей их обыграть.

— Живи сегодняшним днем. Так что от вас требуется полная отдача: от вас двоих, — она указала на Солейля и Изенгрина, — в качестве тренеров, от тебя, — она перевела взгляд на меня, — как от ученицы. У тебя и сейчас неплохая физическая форма, но ты должна за эти недели стать настоящей спортсменкой.

В конце концов, если берешься за что-то — нужно делать это качественно. Особенно в таком деликатном деле, как командный

спорт. Одна промашка — и страдает десяток человек. Даже если совесть не замучает, люди заклюют. Да и портить свое существование в школе не хочется.

— Я верю в тебя, — подбодрила Марина. — Разумеется, сначала нагрузки не будут жесткими, чтобы ты привыкла, но потом — готовься к Спарте. Первое время с тобой будет работать Изенгрин — он мягче, а затем его место займет Солейль.

Лис закатил глаза:

— Еще полторы недели без этой соломенной куклы, какая радость!

— Солейль! — процедил Изенгрин. — Держи язык за зубами!

— Вот именно, — согласилась Марина. — Попытайтесь если не подружиться, то хотя бы сработаться. Я уже говорила: без общего языка ничего не получится. И насчет времени занятий: Хель, у тебя есть какие-то уроки вне школы? Репетиторы, секции?

Я отрицательно покачала головой.

— Ваши школьные расписания, которые мне любезно предоставил Изенгрин, я согласовала: итак, понедельник — в четыре, вторник — в три, четверг — в три. Устраивает?

Где-то в глубине сердца зашевелилась тоска. Раньше я могла бы в эти часы сидеть дома, заниматься своими делами, рисовать, упиваться плодами воображения, а теперь нужно тащиться сюда и истязаться спартанскими нагрузками.

— Да.

— Да, — хором ответили Солейль и Изенгрин, первый — недовольно, второй — смиренно.

— Отлично! Тогда завтра в три собираетесь здесь. Все на тебе, Изенгрин.

Она хлопнула в ладоши, и я невольно вздрогнула — этот звук показался ударом молотка судьи, удостоверяющим, что моя судьба решена окончательно и бесповоротно.

* * *

Марина упорхнула в кабинет, даже не попрощавшись — лишь жестом показала, что следит за нами. Второй звонок облетел школу, и мысль о том, что придется осторожно стучать в дверь и шепотом спрашивать, могу ли войти, слизью обмазала ладони.

Самое обидное, что винить некого. Марине без разницы, что нам будет за опоздание, Изенгрин и Солейль ни при чем, равно как и я. Назначили встречу — все пришли. Теперь осталось только разойтись по кабинетам. Решив до последнего противиться соблазну затаиться под лестницей, я закинула за

плечо сумку и направилась к выходу.

И уже почти переступила порог спортзала, когда поняла, что не слышу шагов за спиной. Изенгрин и Солейль должны были также пойти на уроки, но, судя по всему, продолжали сидеть на скамейке. Мне не должно было быть дела, хотят они прогулять или нет, чем они собираются заниматься сорок пять минут, пока не кончится урок, и прогонит ли их Марина или позволит остаться. Но любопытство скреблось, и я обернулась.

Они даже не шелохнулись. Как статуи.

Это показалось мне странным, и я бы с удовольствием понаблюдала за ними и дальше. Уж больно настораживающим у Солейля был взгляд — в нем инеем застыл клубящийся дым.

Поразительное умение прятать свою истинную суть, ничего не скажешь. Интересно, что волк ему говорит и чего это касается. Слишком напряжены они оба.

Пожав плечами, я вышла в коридор. Пусть торчат там сколько душе угодно. Они на класс старше, так что никакой ответственности я не несу. Надо о себе позаботиться.

Не успела я дойти до лестницы, как услышала музыку из актового зала, расположенного аккурат напротив спортивного.

Сейчас середина февраля, какие праздники отмечать, да еще и школьным фестивалем? Это ведь такая морока; ответственные за концерты организаторы обычно устраивают их лишь на самые основные даты: Новый год, Восьмое марта, День Победы, День учителя, Первое сентября. Но сейчас ведь ничего такого нет. Простой день. Даже до Двадцать третьего больше недели. Может, решили отметить заранее?..

Помнится, в столичной школе, там, где проходил концерт, развешивали плакаты с названием праздника. Кто знает, вдруг и здесь такая же традиция. В таком случае стоит одним глазком глянуть, и все станет ясно. И никто даже не заметит, ведь там явно то еще веселье — аплодисменты, музыка надрывается, кто-то ревет в микрофон. Помехи слышны даже тут.

Однако я не двигалась с места. Так и топталась перед дверью в актовый зал, разрываясь между стремлениями: пойти на урок или узнать, в честь чего устроили концерт, хотя до ближайшей красной даты на календаре еще жить и жить. Сменилось уже три мелодии, а я так и не могла определиться.

— Ты чего тут стоишь?

От осторожного вопроса я подскочила и нервно обернулась. Это был Изенгрин; видимо, он только что вышел и решил поинтересоваться моим чудным поведением.

— Да… Так… — проблеяла я, почесав затылок. — Просто…

— А, — он кивнул, будто соглашаясь со своими мыслями. И

между нами установилось стеклянное молчание.

Не тишина — потому что музыка в актовом зале не прерывалась ни на секунду. Наверное, танцевальный марафон. Или просто череда номеров.

Не зная, куда деть взгляд, я обвела им все окружающее пространство и обнаружила, что белобрысого поблизости нет. А ведь он обычно с волком под ручку шляется…

— А-а-а… Где этот… Солейль?

Изенгрин ответил, будто я осведомляюсь насчет непреложной истины:

— Ушел. У него проблемы с литературой, так что ему нельзя пропускать уроки. Насколько я знаю, сегодня он должен сдать стихотворение.

Точно. Конец триместра — самая отвратительная пора для всех, кто отстает по чему-либо. Мне, впрочем, волноваться не о чем — оценок ничтожно мало, всего лишь парочка к каждому предмету, но достаточно, чтобы их все же поставить, так что колонки триместровых отметок в электронном дневнике будут заполнены твердыми честными четверками.

А Солейль-то, видите ли, не такой уж умный. Строит из себя царя, а сам — не пойми что.

— По литературе? — не поняла я. — Он же лис, они гуманитарии, ты сам говорил. У него должна быть предрасположенность к литературе, разве нет?

Изенгрин пожал плечами:

— Он любит физику. Хотя тебе вряд ли интересно. Но если понадобится помощь с математикой или еще с чем-то в этом роде, а меня не будет рядом, можешь обратиться к нему. Он знает, что я всегда готов тебе помочь, так что вряд ли посмеет сказать «нет».

Вот как… Со стороны выглядят закадычными друзьями, точь-в-точь Пак с Арлекин, а видимо, не все у них так ладно. По крайней мере, сложно представить себе дружбу, в которой один подчиняет другого. Может, сейчас в моем представлении все слишком сильно накрутилось и на самом деле у них все, как у остальных людей: вместе ходят в кино и обсуждают девчонок, а Изенгрин просто шутит. Но…

Вдруг Солейль в своих глазах под той дымкой маскировал страх?

Замявшись, я выдавила:

— Обращусь, если возникнет нужда. А… что там за музыка в актовом зале?

Губы волка тронула едва различимая улыбка:

— Ты потому тут стоишь, гадаешь? Это конкурс талантов. Я о

нем рассказывал.

— Припоминаю, — воскресила в памяти наши предыдущие немногочисленные разговоры я.

— Хочешь посмотреть?

— Не отказалась бы, но нужно спешить, звонок уже минут десять назад прозвенел…

К моему вящему удивлению, Изенгрин махнул рукой:

— Никто и не узнает, что ты пришла. А потом можно сказать, что была в поликлинике, выписывалась. Заходи, не заметят. На концертах всегда шумно.

У меня глаза на лоб полезли. Изенгрин производил впечатление редкостно честного и трудолюбивого ученика, не помышляющего о прогулах, да и Солейля с Гери он контролировал, следя, чтобы присутствовали на занятиях, — и не предположишь, что он способен на такие слова. Но он их произнес. И они меня убедили. Ведь действительно, меня никто не видел, кроме Марины, но ей дела нет до того, где я. Так что…

— Пожалуй, ты прав, — потянулась я к злополучной ручке, манившей меня так долго, но не успела: Изенгрин галантно приоткрыл дверь и пропустил меня внутрь. Я проскользнула в зал, волк — за мной.

— Ты тоже будешь смотреть?

— Почему бы нет, — пожал плечами он. — Я тоже быстро к Марине побежал, с учителями не сталкивался, а оправдание уж какое-нибудь найду. Или даже правду скажу, если спросят: ты ведь еще на нейтральной территории, поэтому тебе необходимо лучше понять волков и лисов. Вдруг ты сегодня же определишься.

— Ты заинтересован в моем выборе?

— Разумеется. Я ведь староста. Мне приятно, когда на нашу сторону прибывают люди — маленькие дети при поступлении, некоторые ребята при переходе. Это значит, что мы лучше лисов, а стать лучше их — наша основная цель.

— Погоди. Ты сказал «некоторые ребята при переходе»? То есть при желании можно поменять лагерь?

Почему-то мне казалось, что, если ты причислен к кому-либо, от этого уже не избавиться. Решение окончательное, распределение однозначное.

Изенгрин поразился моему изумлению:

— Конечно. Но ребята редко переходят — это считается предательством, и они становятся изгоями в обоих лагерях. Уж лучше терпеть какие-то минусы и недостатки на одной стороне, чем быть козлом отпущения у всех без исключения.

В какой-то мере это правильно: здесь нет абсолютных изгоев. Обстановка в целом положительнее, чем в других школах без

каких бы то ни было разделений на «команды».

Я хотела согласиться, но сказать мне не дала резкая помеха со стороны сцены. По ступенькам на нее поднялась девушка в простом коротком черном платье, неаккуратно сжимающая микрофон. Из-за того, что она стиснула его у самой верхушки, он и издавал неприятные звуки.

Покраснев от смущения, быстро взяв его правильно и откашлявшись в сторону, она нацепила на лицо дежурную улыбку и начала в лучших традициях школьных празднеств:

— Вот и подошла к концу первая часть нашего концерта. Уважаемые гости полюбовались нашими одаренными младшеклассниками и, будем надеяться, уже оценили их способности по заслугам, чтобы позже принять решение и назвать лагерь, достойный награды. Однако наше время еще не закончилось, и вам предстоит увидеть выступления учеников старших классов. Вторую часть открывает Лама из лисов, одиннадцатый класс!

А потом поспешно соскочила со сцены.

Из-за кулис на середину сцены вылетела названная ведущей Лама — девушка с узким лицом и раскосыми глазами. Она была длинной, тонкой, по-эльфийски музыкальной — хрупкая, привлекательная; талия подчеркнута цветастой пышной юбкой и просторной рубахой. Кроме того, на плечи ее был накинут яркий расшитый платок.

Удивительно красивая.

Улыбнувшись — уверенно, без фальши, с четким намерением очаровать всех в зале, — она приняла позу для начала танца: выгнула запястья, округлой аркой подняла руки над головой. Я даже обрадовалась, что она будет танцевать, а не петь. В такой юбке заниматься чем-то иным — грех, уж больно великолепно она должна кружиться.

Из колонок полилась музыка. Легкая, восточная, так что щеки почти опалил грубый пустынный ветер, смешанный с жарким светом солнца и раскаленным песком. Я никогда не была на Востоке, но хотела — только не в современности, а в те века, когда, согласно «Тысяче и одной ночи», Аладдин бродил по Земле.

Лама подпрыгнула и закружилась, слившись с музыкой воедино. Она двигалась молниеносно, профессионально — каждое движение ее наполнялось любовью, жаждой жить. Она поводила плечами, изгибала спину, поддерживала копну волос, исчезала в ярких юбках и выныривала из них, подкидывала платок и ловила его, куталась в него и отбрасывала — летала, как птица.

Я стояла едва ли не с открытым ртом, полностью поглощенная ею, опутанная сетью ее красоты, и не сразу заметила, что ее движения стали настолько быстрыми, что начали смазываться. Сначала ее белоснежные руки оставляли за собой белый след, похожий на тот, что появляется после «ангела» на снегу, а спустя считаные мгновения она слилась в одно колеблющееся пятно с переплетающимися цветами и линиями в нем.

Этого не могло происходить в реальности.

Осознание этого иглами впилось в сердце, заставляя его почти замереть. Я почувствовала холод на кончиках ногтей и тут же опустила на них глаза, с трудом оторвав их от пятна вдалеке, утратившего все человеческие черты. Руки до самого запястья оказались сожжены. Дотла. Черная кожа клочьями сползала с мышц, а те, в свою очередь, отваливались от костей.

Едва сдерживая крик, бьющийся в глотке, я посмотрела на сцену — лишь бы не видеть ужасные раны и не мучиться от неожиданно ударившего в нос запаха паленой плоти.

Пятно завибрировало, распространяя полупрозрачные волны, и в один прекрасный момент взорвалось. Я зажмурилась, ожидая, что огонь поглотит меня полностью, но обошлось. Неуверенно я подняла веки и обнаружила, что теперь вместо Ламы перед публикой извивалась другая девушка, та самая, что веселилась с волком у меня во сне. Она была облачена в сарафан, в каких обычно ходят герои старых экранизаций народных сказок, а на ножках ее красовались красные сапожки, которыми она, похоже, чрезвычайно гордилась.

Девушка встряхнула головой и, в очередной раз обернувшись вокруг своей оси, устремила на меня взор — лукавый, чуть насмешливый. Я вдруг поняла, что не могу пошевелиться.

И вдруг она подмигнула мне, хихикнув мелодично, высоко: «Догадалась!»

В ту же секунду все вдруг растворилось, и я осознала себя прислонившейся к стене и качающейся из стороны в сторону из-за того, что кто-то упорно тряс меня за плечи и шептал что-то на ухо. Проморгавшись, я обнаружила, что это Изенгрин. Он выглядел взволнованным.

— Что такое? — я попыталась сделать вид, что все в порядке.

— Ты вдруг уставилась в одну точку, — пояснил он. — Облокотилась о стену и чуть осела. Даже окончания выступления Ламы не заметила… А потом принялась ногтем на коже какой-то символ выцарапывать…

— Символ?

Изенгрин мягко взял меня за запястье и перевернул руку

ладонью вверх. Я бы отшатнулась, будь такая возможность: на ладони оказалась выцарапана буква «В». Ноготь большого пальца другой руки был в крови. Кольнула запоздалая боль, и с трудом удалось подавить шипение.

С каждым днем все подозрительнее и подозрительнее. Любой дурак догадается, что со мной что-то не так (кто рисует и пишет в полубессознательном состоянии?), но я никогда не относила себя к буйно помешанным, а тут — галлюцинации. Что дальше? Стану нападать на людей, принимая их за ужасных монстров, с которыми необходимо бороться ради того, чтобы Господня воля властвовала на планете?

А ведь все началось с приезда в этот город… Именно тогда, когда поджигатель начал действовать. Глупо предполагать, что это связано, иначе нечто мистическое выходит, но гложет изнутри чувство, что что-то не так, да кричит: это все Инквизитор.

— Рану нужно перевязать, — предложил Изенгрин. — И продезинфицировать. Нужно к медсестре.

— Нет! — гаркнула я, но приглушила тон, не желая привлекать излишнее внимание. — Подумай, что она скажет, увидев это. У меня на ладони *буква*, такое «случайно» не получишь. Слишком много вопросов возникнет, на которые я не смогу дать ответа; а вдруг она подумает, что я чокнутая? Или поставит на учет? Нет. Я сама со всем справлюсь. Никому не говори.

Волк поджал губы, выражая недовольство, но кивнул:

— Хорошо.

Я сжала кулак, превозмогая боль, и, кратко поблагодарив его, спустилась вниз, к столовой, где находились краны с раковинами, чтобы промыть «царапину». Кровь ржавчиной окрасила белое.

«В». Словно кто-то, обладающий собственной волей, желает чем-то со мной поделиться. Сразу после того, как мои нынешние школьные знакомые ввязались в дело с поджигателем. Сразу после того, как я из-за них незначительно к нему приблизилась.

Я приложилась лбом к зеркалу. В какой же переплет я попала…

Не знаю, кто или что мной руководит, но оно приказывает: «Вперед!» Словно от разгадки тайны с царапиной, имеющей временную связь с убийствами Инквизитора, зависит нечто, касающееся лично меня.

Я всегда была эгоисткой; так почему бы не потрудиться на благо себя?

* * *

Следующее утро обернулось ужасом, холодным и всепоглощающим. Такого трепета я не испытывала с детства, с тех пор, когда терзалась кошмарами.

Помню, когда мне было восемь, в марте, я отправилась в постель особенно поздно — родители засиделись в гостиной, листая журналы с проектами домов (они тогда хотели построить дачу, чтобы ездить туда летом), а я не могла уснуть без тишины. Со временем я это переборола; впрочем, иного выхода не было — брат кричал ночами до четырех лет. Но в первое время его вопли вызывали исключительно бессонницу.

Тогда братец лежал относительно спокойно, безмятежно посапывая. Обрадовавшись, что успею отдохнуть несколько часов, я повернулась лицом к стене; не могла иначе — вид огромной, просторной комнаты вызывал дрожь.

Так минуло полчаса. Я жмурилась, сопротивляясь желанию открыть глаза, стараясь найти путь в царство Морфея. А потом, поняв, что рука затекла, перевернулась на живот, положив подбородок на подушку. Хотела лечь на нее левой щекой, да не получилось. После этого стало не до того — взгляд зацепился за что-то странное у изголовья кровати.

Дерево, из которого та была сделана, имело светло-коричневый приятный оттенок. На нем виднелось что-то темное, шевелящееся — поэтому я сразу откинула версию с пятном. В памяти пронеслись все сведения о чудовищах, и я подумала, что нужно броситься прочь и ворваться в гостиную, где на разложенном сером диване спали родители. Они не любили, когда я жаловалась на «несуществующих монстров», но рядом с ними я все равно чувствовала себя более защищенной.

Тело сковал безграничный испуг; отчего-то я знала: рука на изголовье оживет, схватит меня за волосы и затащит к себе. Поэтому я решительно вскочила и отпрыгнула от постели как можно дальше — и побежала.

Родители разрешили мне спать с ними; наверное, лицо мое выражало пережитый кошмар, который, я была уверена, случился в реальности. Слишком живой была рука, которую я разглядела, пока была парализована страхом. Человеческая, но слишком тонкая, будто кости обтянули прозрачной тканью, с длинными пальцами, узкими запястьями, острыми грязными ногтями, больше похожими на когти, да кожей, сожженной, отваливающейся от плоти, с волдырями и черными пятнами… Как у человека, которого отправили на костер, но который чудом выбрался из могилы.

И лишь сегодня я поняла, что та рука из-под кровати принадлежала мне — та же, что осыпалась гнилью в видении в

актовом зале.

…Открыв глаза, я уставилась в потолок. Новый школьный день не вселял радости; на истории наверняка должны были спросить доклад, а после уроков планировалась тренировка.

Потянувшись, я свесила ноги на пол, почесала затылок, встала и направилась в ванную… Но так до нее и не добралась. Ибо, поравнявшись со стеной, увидела, что кто-то — или что-то — изуродовал ее, пока я спала.

Это была надпись, и выглядела она так, будто кто-то выскоблил ее ногтями, содрав обои. Под ней скопились ошметки чьей-то кожи вперемешку с землей, с некоторых букв стекали капли крови. Я не сразу вникла в ее смысл; гораздо больше взволновало незамеченное вторжение в мою, как казалось, крепость. А также то, что при менее удачном стечении обстоятельств я могла бы вообще не проснуться…

От страха заледенели кончики пальцев. В помещении никого не было, ничего не украли; вещи остались нетронутыми. Только на ковре отпечатались чьи-то ступни — судя по всему, женские; по краям их посыпан пепел.

Лишь убедившись, что опасности нет, я обратила внимание на саму надпись. Крупными буквами та гласила: «БЕРЕГИСЬ ЛИСА». Под ней же красовался странный символ, похожий на два скрещенных креста, сверху и снизу которых провели перпендикулярные линии. Ничего подобного мне не встречалось; на руну это не походило, но создавалось ощущение, что в этом символе куда больше смысла, чем в самой надписи.

Страх не пропал, но в него влился интерес — распутывать узел, анализировать, предполагать. Чуть подрагивающими пальцами я провела по бороздам.

Бросать все так было нельзя. Уйду в школу, а здесь все останется как есть. Надпись так и будет пересекать стену, нераскрытая, непонятная, неоцененная. Человек, который решился такое провернуть, наверняка ставил целью впечатлить; и у него получилось. Его нельзя было оскорблять хладнокровным уходом.

Его творение умоляло: «Давай, подумай обо мне».

— Ия, иди завтракать!

Выбор очевиден.

Поспешно накинув на плечи плед и состроив самую кислую гримасу из своего арсенала, я вышла на кухню. Брат, как всегда, играл с ложками и вилками, сопровождая устроенную «бойню» странными булькающими и рычащими звуками. Мама в своем любимом домашнем платье вертелась у плиты, раскладывая по тарелкам дымящуюся кашу; место отца пустовало, и даже газета

не лежала на барном стуле.

— Доброе утро, — поздоровалась я, специально сипя. — А папа где?

— Уехал несколько часов назад, у него командировка, — сообщила мама. — Ты плохо себя чувствуешь?

— С чего ты взяла?

— Ты бледная и глаза блестят. Это плохо. Может начаться лихорадка. Температура есть?

— Черт знает.

Она порывисто приблизилась:

— Перестань употреблять такие выражения! Твоему парню наверняка не нравится, что ты выражаешься столь некультурно.

Теперь настала моя очередь закатывать глаза. То, что она вбила себе в голову, будто мы с Солейлем встречаемся, крайне выводило из себя. Да я бы скорее добровольно взошла на плаху.

— О, поверь, его все устраивает.

Пусть думает, что хочет. Не буду спорить и распинаться в пустоту.

Мама прижалась губами к моему лбу. Они показались мне холоднее льда, так что я едва не отпрянула.

— Около тридцати семи с хвостиком, — пришла к выводу она. — Поешь и оставайся дома. Отправлю маленького, — она потрепала брата по волосам, — в школу и схожу в аптеку за лекарствами.

Я облегченно выдохнула.

— Ну-у-у, — проревел брат, надув губы, так что веснушки как по мановению волшебной палочки собрались вокруг его носа. — Ийка остается, а мне почему нельзя?

— Не Ийка, а Ия, — поправила мама. — И тебе нельзя, потому что ты здоров, а ей можно, потому что она больна. Почему тебе нужно объяснять такие простые вещи?

— А вдруг у меня глисты! Большие толстые противные глисты!

— Хватит городить чушь за столом! — повысила голос мама. — Я не намерена это терпеть! Ешь быстрее, у тебя сегодня важные уроки, нельзя опаздывать.

Ковыряя корочку, покрывшую кашу, я мельком отметила, что во времена моего детства мама не учила мое расписание. Пожалуй, братишке не грех и посочувствовать.

Насупившись, он затолкнул в рот ложку. Похоже, тоже сообразил: с мамой спорить бесполезно.

Каша за считаные мгновения перекочевала в желудок, совершенно не насытив, зато избавив от сосуще-хлюпающего голода. Рассиживаться на кухне мне не хотелось, поэтому,

поправив плед, сползающий с плеч, я поставила тарелку в мойку:

— Я к себе. Позови, когда лекарства купишь, хорошо?

— Договорились. Отдохни.

— Подремлю немного.

Скрывшись за родной дверью, я тут же вернула на лицо сосредоточенное выражение вместо болезненного. Просто плюхнуться на кровать и отдаться вьюге сновидений было непозволительной роскошью и наглостью по отношению к надписи и тому, кто ее оставил. Еле слышимый шепот букв на обоях окутал, принялся вновь умолять разгадать их тайну. Запах крови и обоев защекотал ноздри, в сознании отпечатались малейшие царапины на буквах и осадки крови на их краях.

Выводы напрашивались незамысловатые. «БЕРЕГИСЬ ЛИСА». Ясно и понятно. От какого-то лиса исходит опасность, и я должна это учитывать при своих действиях. Вполне вероятно, опасность эта смертельная, иначе меня бы не предупреждали таким экстремальным способом. Само собой, первая мысль при прочтении надписи — школа. Разделение на лисов и волков в высшей степени странное. За этим что-нибудь скрывается?

Изенгрин — волчий староста. Ответственный за всех волков. Он — Волк.

На надписи — «лис» в единственном числе. Значит, это должен быть староста всех лисов. Но я о нем никогда не слышала, а ведь он должен был уже объявиться — я новенькая, меня пытаются перетянуть на ту или иную сторону, его участие необходимо, чтобы убедить меня склониться к лисам. Но его нет. А есть ли он вообще?

Если есть — значит, стоит держаться от него подальше; пусть таинственный благодетель с длинными коготками и неизвестен, но не верить ему повода нет. Скорее, наоборот — я даже склонна ему доверять. Не убил, предостерег — значит, не враг.

Если нет — тут все просто. Нужно ограничить свой круг общения. Есть, конечно, вариант, что меня просят беречься Пака, ведь он — единственный лис, с которым я общаюсь, но мне почему-то не хочется его придерживаться. Арлекин? Тогда благодетель вычертил бы «берегись лисы́» или «лисицы», так что ее кандидатура отпадает.

Итак: узнать, есть ли у лисов староста. Положительный ответ — познакомиться, чтобы знать его в лицо и соблюдать осторожность. Отрицательный — перестать контактировать со всеми лисами и подозрительнее отнестись к Паку. И к Арлекин на всякий случай.

Телефон мгновенно перекочевал с кровати ко мне в руки, и я набрала выученный наизусть номер.

— Ты совсем безбожная, Хель? Еще восьми нет.

— Ты еще в кровати? В школу опоздаешь, — парировала я.

— Плевать. Предпочту выспаться. Тебе никогда не хотелось понежиться в постельке часиков до девяти и не спеша пойти на занятия, когда уже солнце взойдет? — Не успела я и рта раскрыть, как он уже фыркнул: — Ох, да, совсем забыл, ты же у нас Мрачная Хель, царица царства мертвых, тебе проще передвигаться в кромешной тьме при тусклом свете уличных фонарей под кроной деревьев.

Отчетливая насмешка, однако не озлобленная, а веселая, так что обижаться невозможно.

— Тебя что-то не устраивает, леший?

— О, так ты узнала значение моего прозвища! — восторженно воскликнул он, будто разом проснувшись. — Но все-таки ты немного неправа. Пак скорее ассоциируется с лешим, но на самом деле он шалун и трикстер, лесной дух.

— Лесной дух — значит леший, — отмахнулась я. — Я не за обсуждением твоего позывного звоню.

— У-у-у, мне уже любопытно, что могло заставить гордую Хель первой позвонить скромному Паку.

— Уточнить кое-что. Изенгрин — староста всех волков. Так?

— Несомненно. Вообще-то, его хотели сместить несколько раз — не поверишь, но даже Гери изначально позиционировал себя как его конкурента, — только вот ничего не вышло. Изенгрин крепко держится на ногах и позиции уступать не намерен…

— Мне это неинтересно, — прервала его я. — Есть ли такой же староста у лисов?

— Нет, — тут же ответил он. — Тебе только это любопытно?

— Да.

— Вообще, я не очень разбираюсь в истории гимназии, если честно, но общего старосты лисов никогда не существовало. Ну, знаешь, в природе волки — существа стайные, действуют сообща, вот и им, людям-волчаткам, нужен объединяющий фактор, вожак и альфа, если угодно, и в этой роли выступает Изенгрин. А лисы охотятся и живут большей частью в одиночку, и мы так же; либо сбиваемся в небольшие компании, либо ходим сами по себе, и дисциплина при этом не теряется. Нас необязательно контролировать.

— В этом есть логика.

— Еще что-то?

— Да, меня не будет в школе. Можешь передать Изенгрину, что я не приду на тренировку? А то Солейль сожрет с потрохами.

— Передам, конечно. Точнее, не сам, а через Арлекин. А насчет Солейля не беспокойся, думаю, в прямой схватке ты

выбьешь ему пару зубов. Правда, не факт, что до того, как он устроит тебе повторное сотрясение мозга.

— Там уже сотрясать нечего, — хохотнула я. Мозги кипели. Устала. Однако азарт все еще бурлил, и надпись на стене не утратила соблазна.

— Да брось! У тебя-то нечего сотрясать? Ты чертовски сообразительна, Хелюшка, и не смей это отрицать. Кстати, ты не забыла про наше сборище завтра вечером в кладовке?

— Как можно? Приду.

— Обязательно?

— Обязательно.

— Тогда я пошел. Уж раз ты меня разбудила, постараюсь не опоздать больше чем на двадцать минут.

— Правильный выбор.

В трубке раздались короткие гудки, и я опрокинулась на кровать. Буквально десять минут — и примусь за поиски значений таинственных рун, что назвал мне Пак, когда подвозил в школу. Почему-то кажется, будто они занимают далеко не последнее место. Раз преступник их выцарапывает — точь-в-точь как на моей стене, только на человеческой коже, — значит, они могут поднять что-то на поверхность. Или даже указать на его личность.

Арлекин-IV

Февраль подходил к концу, а это означало завершение триместра, что не радовало никого, в том числе меня. Училась я неплохо и нравилась многим учителям; наверное, из-за уважительного к ним отношения и неиссякаемой жизнерадостности.

В большинстве своем оценки выходили положительные. Четверки столбиком, в редких случаях прерывающиеся пятерками, и лишь по двум предметам возникали вопросы: по физике и геометрии. Преподаватели точных наук относятся к нам, лисам, снисходительно, многое спускают с рук, однако склонности ответственности не отменяют. Можно знать математику, имея предрасположенность к литературе. Теоретически. Только вот немногим удается…

Я знала, что у некоторых ребят, не только из лисов, очень строгие родители, считающие, что их дети должны иметь высшие баллы по всем предметам. Не раз видела девчонок, плачущих в туалете из-за того, что получили тройку и боятся идти домой, где их ожидает неминуемый выговор.

Мой приемный отец никогда не ругал за оценки. Честно говоря, он вообще никогда ни за что не ругал.

Ладно, если школьник сам предрасположен к домоседству; вот, например, Луна постоянно сидит в комнате, учится по собственному желанию и имеет весьма неплохой уровень не только в нашем классе, но и у волков; лично слышала, как в учительской обсуждали ее эрудицию. Правда, еще сетовали на то, что она молчаливая и не умеет демонстрировать свои достоинства, но это неважно, главное, что они у нее есть.

Триместровые контрольные уже не за горами; английский назначен на вторник, алгебра с геометрией — на среду. Впору засесть за учебники и безвылазно готовиться, только вот учеба меркнет на фоне реальной жизни…

— Как у тебя со школой, дорогая?

За окном уже сгустилась темнота, рассеиваемая лишь огнями ближайших домов. Окна в нашей квартире были закрыты, но я ощущала порывы ледяного зимнего ветра. Батареи работали до сухой духоты, но меня все равно тряс озноб.

Мы сидели на кухне, наполненной полумраком — отец боялся яркого света, поэтому горели только две лампочки за микроволновкой. Чтобы найти на столе что-то мелкое, приходилось щуриться и всматриваться в его стеклянную серую поверхность. Выделялись только тарелки, ярко-зеленые,

купленные в честь моего удочерения. В них макароны исходили соусом, похожим на сметану. Отец назвал это какой-то пастой, но я не запомнила точное название.

Он уже подчистил свою порцию и полез за добавкой. И как он может так хорошо видеть в темноте?

— Нормально, — пожала плечами я. — Как всегда.

— Никаких улучшений? — любой другой родитель спросил бы с укором, но в голосе отца слышалось сочувствие.

— Нет. Сказала же, как всегда.

Он уткнулся взглядом в колени и замолк. Он никогда не перечил и не указывал, что делать. Наверное, это неплохо.

Желудок был настолько забит, что я больше не могла смотреть на макароны. Казалось, на тарелке копошатся слизни в остром соусе. Не в силах терпеть, я вытряхнула еду в мусорный пакет и, кратко поблагодарив, направилась к себе, чувствуя грустный взгляд отца, направленный мне в спину. Впору раскаяться за поведение — он любит меня как-никак, а я так с ним обращаюсь, — но вместо этого в груди настойчиво свербела пустота.

Только в комнате я наконец включила люстру — так, что она осветила каждый уголок.

В темноте роятся твари. Одна может перегрызть горло острыми клыками, вторая мягко, доверительно возьмет за запястье и поведет к болоту, третья заманит мерцанием бродячего огонька, а иная пришпилит к дереву, сожжет до самых костей, до пепла, до бездны…

Раньше я не боялась темноты. Не до такой степени. Но теперь при мысли, что она окружит плотным коконом, инстинкт бежать от опасности голосил, как пожарная сирена. Теперь я, взрослая девушка, забиралась в постель только при включенной настольной лампе, укутывалась в одеяло с головой и проваливалась в небытие, к мрачным витиеватым теням. Они походили на дым, полупрозрачные, словно призраки, но живые. Они принимали любые формы и видели все мои страхи, наслаждались моими дикими воплями.

Я хотела забраться в кровать, не раздеваясь. Дыхание Господина Солнце, запретно-сладкое, шевелило волосы на затылке, бледные длинные пальцы Луны, утонченно-музыкальные, сжимали мое сердце, истекающее кровью, а страх загонял в клетку.

Хотелось закрыть глаза и заснуть навеки, как Спящая Красавица. Однако в таком случае я не увидела бы триумф Господина. Я должна оставаться в сознании во что бы то ни стало, чтобы в финале улыбнуться, понимая, что благодаря мне он

достиг цели.

Вряд ли он оставит меня в живых после этого. Ну и пусть. Главное, я сыграла роль в его победе. Хоть самая страшная смерть на свете — и это подходящая цена за один взгляд на то, как они с Луной возьмутся за руки, возложив себе на головы лавровые венки.

Я только дотронулась до матраца, когда услышала треск на балконе. Отскочила и заозиралась. Что-то упало у соседей или у отца? Непохоже…

— Арлекин, черт тебя возьми, ты чего так шарахаешься?!

Голос слышался как сквозь вату. Точнее, оконное стекло. И звучал подозрительно знакомо…

Вооружившись увесистым фонарем, я вкрадчиво подошла к окну. Шторы были неплотными, и сквозь них прорисовывался человеческий силуэт. Мужской.

Одним решительным движением я отдернула штору в сторону. На меня, возмущенно насупившись, уставился… Гери.

— Ты что тут делаешь?

— Открой окно, достало горло надрывать! Со звукоизоляцией у вас, что ли?

Закатив глаза, я нажала на ручку, и внутрь проник прохладный балконный воздух. Летом всегда висела сетка от насекомых, но на зиму я ее снимала, поэтому Гери без препятствий пробрался внутрь. Впрочем, бояться не было нужды — уж он-то мне точно вреда не причинит.

— Если бы было со звукоизоляцией, я бы тебя не услышала, серый, — ответила я. — На улице ночь почти, ты что тут забыл? И как ты пробрался ко мне на балкон? Упадешь — мокрого места не останется.

Гери ухмыльнулся:

— На то я и помощник Волка. Чему ты удивляешься? Сама же так можешь.

Я фыркнула. Мочь-то могу, но вот применяю крайне редко. Не особо прельщает перспектива лазать по стенам, как человек-паук. Много причин: сорвешься — или в конце концов перестанешь быть человеком…

— Хочешь попрыгать по крышам? — предложил вдруг волк.

— Конечно, нет! Уже поздно, а завтра в школу. К тому же мне не доставляет удовольствия изображать супергероя. Если ты пришел пригласить меня заняться бессмысленным безумством, можешь уходить. Я пойду спать. Спокойной ночи.

Я уже почти захлопнула окно, но Гери с легкостью его остановил, да еще и меня умудрился схватить за запястье, лишая возможности сдвинуться с места.

— Вообще-то, я пришел просто поболтать.

Он забавно надул губы.

— Не надо щенячьих мордашек, — хмыкнула я. — У тебя полно знакомых, к которым ты мог бы обратиться вместо меня. Например, Солейль, он же с Изенгрином не разлей вода, а значит, и с тобой. Мне правда неохота маяться ерундой.

— Солейль — ублюдок, — категорично заявил Гери. — Будь у меня выбор, я бы убил эту змею. Уверяю, кроме тебя, мне никто не поможет. Я не о многом ведь прошу. Просто вылезай на балкон и полюбуйся звездами в моей скромной компании.

— О да, скромности тебе не занимать.

— Не придирайся к словам. Давай.

— Сначала скажи, о чем хочешь «поболтать».

— Скорее объяснить. Я знаю, ты осуждаешь меня за преданность Волку и считаешь его злейшим врагом, но я хотел бы доказать… Понимаешь, я бы хотел, чтобы ты не видела во мне лишь виляющую хвостиком собачонку.

Тяжело вздохнув, я махнула рукой:

— Ладно. Сейчас утеплюсь и выйду.

Я не спеша подошла к шкафу, вытащила толстовку, на ходу натянула ее на себя и требовательно протянула руки вперед. Подоконник был высокий, так просто не перешагнешь. Гери-то с его ростом чуть на цыпочки поднимется — и вуаля, а для меня он все равно что забор, почти до груди. Волк с ухмылкой дернул меня на себя, вытаскивая за пределы комнаты.

Там было не так холодно, как на самой улице, так что я, наверное, не замерзла бы и в простой водолазке. Гери, похоже, это сразу понял — его куртка валялась на полу, и он спокойно стоял в одном легком свитере.

Волк устроился на одной из коробок и указал на место перед собой.

— Рассказ будет долгим? — понимающе хихикнула я, тем не менее забираясь на древний телевизор, обернутый в защитную пленку.

— Я не особенно красноречив, так что нет, — ухмыльнулся он. — Хотя все зависит от твоей вовлеченности. Если будешь задавать вопросы, это ощутимо растянет повествование.

— Я не из тех, кто перебивает, когда люди повествуют о себе. Тем более когда это делает помощник врага моего Господина. Буду слушать внимательно. Вопросы потом.

Парень почесал затылок и, промычав что-то невнятное себе под нос, глубоко вздохнул и произнес:

— Я родился в этом городе шестнадцать лет назад. Отец был… Что ты смеешься?

Я убрала ладонь от лица — Гери заметил, скрывать смех больше не было нужды.

— Звучит, как начало плохого романа.

— Я просто начинаю с начала. Так вот. Мой отец был простым офисным работником. Да и сейчас есть — с утра до ночи торчит в Башне. А мать домохозяйка, причем такая заядлая, что порой пугает. Носится по квартире с ножом, судорожно чистя то картошку, то огурцы с помидорами для салата или еще что. Отец шутит, что однажды ей не понравится цвет соуса к макаронам по-флотски, и она в стремлении найти идеальный вариант перережет нам глотки и с аппетитом, довольная, все съест.

— Звучит так, будто у тебя хорошая семья, а ты утверждаешь, что Волк тебя спас. От чего тут спасать? Радоваться надо.

Гери улыбнулся и склонил голову к плечу, смиряя меня внимательным взглядом.

— Человек нуждается в спасении не только от плохого, — изрек он. — На каждом углу твердят, что у каждого свое понимание хорошей жизни. Я вообще считаю, что поиск своего личного счастья и есть смысл жизни.

Я не сдержала улыбки, так забавно звучали возвышенные слова в устах приземленного, простого, грубоватого Гери.

— Решил вечер философии устроить? Прости, но тебе не идет. Где диковатый волчара Гери?

— Остался дома, сегодня с тобой обратная сторона моей медали. Я к чему веду: кто-то мечтает о тишине, сытости и безмятежности, но не я. Так судьба распорядилась, все. Говорю же: жизнь существует для того, чтобы мы находили индивидуальное счастье. Я до пятнадцати лет терпел, злился, драки устраивал, все назло делал… Потому что уставал от размеренности и скуки. Мне нужна была мотивация. Цель. Волк дал ее; позвал к себе, доверился, даровал возможности, которые я могу использовать во благо, не для разрушения, которым занимался прежде, до того, как он принял меня. Я даже не служу, а помогаю. И это потрясающе. Ты должна понимать, Арлекин. Волк спас меня от разложения. Если бы не он, я бы сгорел в ненависти. Понимаешь?

Гери говорил, как одержимый — горячо, эмоционально, с блестящими от восторга глазами, словно перед ним во плоти стоял ангел с огненным мечом, возвещающий, что он призван вести великое воинство. Если бы я не знала его, подумала бы, что он собирается соскочить с места, вцепиться мне в плечи и шипеть прямо в губы, как религиозный фанатик. Сегодня от него можно было ожидать чего угодно. Он любил Волка.

Обычно я не испытывала трудностей с развитием беседы, но

теперь ничего не могла из себя выдавить. Гери сцепил пальцы в замок, внимательно следил за каждым моим движением и нетерпеливо ждал ответа на свою исповедь. Но я молчала, и в конце концов он не выдержал:

— Видишь? Я обязан ему не меньше, чем ты своему Господину…

Я отрицательно покачала головой:

— Гери, твоя история по сравнению с моей — ничто. Твой Волк вытащил тебя из скуки, с которой ты смог бы при желании справиться сам. Мой Господин же спас мне жизнь. Во всех смыслах. Твои обязательства не стоят и половины моих.

Гери нахмурился.

— Так расскажи свою историю. Давай, — жестко выплюнул он. — Я хочу ее услышать. Может, я хоть что-нибудь пойму в этом дерьме.

Я пожала плечами. Моя жизнь всегда отличалась от жизней простых подростков, потому что и началась через пень-колоду, и знали об этом отнюдь не многие. Однако Гери был таким смешным и несведущим — неужели ему ничего не раскрывают? — что я не смогла отказать себе в удовольствии. Он все равно не выдаст, сочтет это нашим с ним достоянием, одним на двоих. Он же романтик.

— Ладно, — хлопнула в ладоши я. — Я родилась не в городе, а в небольшой хижине на самом его краю. Моя мама была сумасшедшей; она забеременела от неизвестного мужчины и посчитала это высшей наградой, ведь родных у нее не было, а она всегда мечтала о ребенке. Она любила меня настолько, что решила изолировать от мира абсолютно. Говорила, что люди осквернят меня, развратят, используют и выкинут, и наказывала никуда не выходить, никогда не переступать порог хижины. К тому же она искренне верила, что Господь наделил меня мистическими способностями, которые нельзя никому показывать. Я ничего такого за собой не замечала; только порой, когда хотела дождь, он шел, когда жаждала прохладного ветра из-за жары — он дул, но это совпадения, случающиеся со всеми. Иначе каждый второй в этом мире был бы колдуном. Меня это тяготило, я жаждала общения, но мама при малейшем моем взгляде в окно билась в истерике, из ее рта брызгала слюна и текла пена… Она никогда меня не била, но ее вопли были куда страшнее ударов. Лучше бы она поднимала на меня руку. Меня так тянуло наружу, что я не в силах была сопротивляться и тайком бегала к высоткам на детскую площадку, несмотря на то что у меня не было нормальной обуви и камни протыкали стопы до крови. Там ко мне приходил Господин, чтобы скрасить мое

одиночество и рассказать сказку. Каждый вечер — новую. Какое-то время мне удавалось скрывать это от матери, но однажды она увидела раны, сопоставила два и два и… В приступе ярости попыталась убить меня. Тогда появился Господин — он защитил меня от нее, забрал из хижины и передал приемному отцу. Если бы не он, я была бы мертва или сидела в четырех стенах, таращась на высотки, до которых мне было бы уже не добраться.

Гери замер, пораженный.

— Я не знал, — прохрипел он. — Это ужасно.

— Хочешь удариться в утешения? — хихикнула я. — Мне не нужно сочувствие, серый. Сейчас я счастлива.

Он меня не услышал — или прикинулся, что не услышал.

— Почему мы здесь? — прошептал он. — Если бы мы родились в другом месте, все было бы иначе, мы не были бы по разные стороны баррикад. Почему именно в этом проклятом городе боги устроили… это?

— Ты прекрасно знаешь почему. Город был создан для этого. Тоже — игровая площадка. Идеальное место. Тут все началось, тут и закончится.

Он хотел было воспротивиться, предоставить довод или очередное возмущение, но его прервала незамысловатая мелодия телефонного звонка. Я вытащила мобильник из кармана.

— Да?

В трубке раздался восторженный голос Господина:

— Немедленно ко мне, Арлекин! Есть новости!

— Сейчас буду, — покорно кивнула я.

— Опять этот ублюдок? — прошипел Гери. — Когда ты прекратишь подчиняться ему?

— Не раньше, чем ты перестанешь вилять хвостом перед Волком. Извини, Гери. Было приятно поболтать, но дела ждут. Сам знаешь, господа́ не любят опозданий. И твоя история… Я не оценила.

* * *

В отличие от приемного отца, Господин любил свет. С удовольствием гулял в парке, даже если солнце скрывалось за пологом туч, а летом все время проводил на улице. Его фантазия на развлечения не иссякала — с наступлением утра он придумывал что-нибудь удивительное. Это не было бы столь поразительным, живи мы в крупном городе, но наш городок не располагал разнообразием. Людям приходилось довольствоваться одним небольшим торговым центром в два этажа, в котором

продавали в основном необходимые для хозяйства вещи вроде средств для мытья посуды, шампуней и стиральных порошков; кучкой лавочек, расположенных в старом ветхом здании; рынком и, наконец, Домом культуры, куда по зиме доставляли дешевые куртки, лыжи, коньки и прочие принадлежности, пригодившиеся бы в ледяной сезон. К слову, именно в нем показывали фильмы — он служил своеобразным кинотеатром, поскольку на постройку настоящего никто не выделял денег. Однако сеансы шли один раз в неделю, и прорваться в зал было почти невозможно — билеты распродавались в считаные часы после объявления о приходе нового фильма. Я никогда не любила толкаться в очередях, поэтому, если горела желанием что-нибудь посмотреть, ждала выхода фильма в Интернете.

Господин имел иную точку зрения. Он испытывал к людям привязанность и предпочитал находиться среди них. Наблюдал за ними, анализировал их, сталкивал друг с другом. Я бы хотела думать, что он делает это ради научного интереса, в стремлении докопаться до сути мироздания, но он объяснял: «Я просто веселюсь, Арлекин, ничего более. Мир становится пресным, если жить в нем миллионы лет. Приходится искать способы побороть скуку. Люди — самое верное средство. Вы непредсказуемы, вы разные, несмотря на все вопли о «серой толпе»; кто-то предпочтет забиться в угол, а кто-то схватит нож и будет бороться до конца, даже несмотря на отсутствие шансов. Вы можете быть действующими лицами любых историй, и нет ничего лучше, чем создавать их для вас в вашем мире. Возможно, я придумаю что-нибудь еще, но пока мне не наскучит, я не перестану вами играть. А наскучит мне еще очень нескоро…»

Какой срок предполагает «нескоро» для бессмертного, я даже не пыталась представлять.

В отличие от Солнца, Луна избегала яркого света. Он причинял ей дискомфорт, хотя при желании она могла мириться с ним. Поэтому Господин, желая обустроить помещение как можно более уютно, дабы Хель чувствовала себя свободной, расставил по немногочисленным полкам и коробкам со старьем новогодние свечи. Несмотря на то что сгорали они медленно, воск уже начал течь по шероховатым бокам, распространяя приятный дымный аромат.

Господин сидел на матраце, прислоненном к стене, заложив руки за голову и насвистывая какую-то простую мелодию. Он ни на секунду не сводил с меня глаз, и под его внимательным взглядом я не могла пошевелиться. Причины нападать у него не было, но напряжение не исчезало: кто знает, что взбредет ему в голову, вдруг он решит позабавиться?..

Я бы расценила это как доказательство моей близости к нему, но Хель мыслила иначе — увидев следы его доверия на моем теле, она вполне могла прийти к ложным выводам. В таком случае связь между Солнцем и Луной разорвалась бы, а этого нельзя допустить — она священна. Только вот Луна это вряд ли понимает, а Солнце не опустится до защиты невидимой нити, соединяющей его с другим существом; поэтому обязанность хранить ее возлагается на меня, и я готова нести ответственность, если не справлюсь и не уберегу ее.

Пусть даже это будет стоить мне жизни.

— Хель точно придет? — спросила я.

— Конечно, — не усомнился Господин. — Она не из тех, кто нарушает обещания.

Едва под потолком отзвенела последняя нота его голоса, дверь в кладовку скрипнула, и внутрь прошмыгнула Луна. Выглядела она, словно без отдыха работала над каким-то художественным трудом: одежда — черные пижамные штаны и мешковатая серая футболка — испачкалась в краске, волосы, которые она обычно собирала в невысокий хвост, были распущены, а к груди она прижимала бумагу, сквозь которую проглядывал печатный текст и черно-белые картинки.

Господин тут же испарился — сталь из янтарных глаз исчезла, сменившись задорным блеском. На его место явился Пак.

— Ты поздно, — надул губы он.

— Пришла, когда посчитала нужным, — отрезала Хель, опускаясь на матрац рядом с лисом. — Ты не называл точное время. Привет, Арлекин.

— Привет, Хель, — растянула губы в улыбке я. — Не обращай на него внимания, он просто нетерпелив.

— Хоть кто-то меня понимает, спасибо.

— Почему ты в грязи? — поинтересовался Пак, проводя пальцем по щеке Луны, вернее, по черному следу, тянущемуся от уголка ее глаза. — На тебя палитра опрокинулась?

Она шлепнула его по запястью, резко отстранившись. Пак, хмыкнув, покорно отполз к стене.

— Рисовала.

— Видимо, вдохновение накрыло с головой, раз на тебя вылилась большая часть краски. Или ты устроила столь тесную связь со своим творением, что обтерлась об него в порыве чувств? Я, конечно, понимаю, у тебя реалистичные образы выходят, даже весьма, но это как-то чересчур…

Хель скривилась:

— Высказался? Теперь заткнись. Я принесла кое-какую информацию по делу Инквизитора, которая будет вам интересна.

Ведь ни у кого из вас так руки и не дошли пробить значения рун.

Я смущенно уставилась в пол, невзирая на то что Хель не обращала на меня внимания. Впрочем, для нее всегда исчезали все посторонние, когда вблизи маячил Пак, только сама она этого, кажется, либо не осознавала либо не принимала всерьез. Как бы то ни было, укор ее относился в основном к нему, и этим «ни у кого из вас» она просто отдавала дань моему призрачному присутствию.

Она развернула листы. По бокам остались цветные отпечатки ее пальцев — видимо, побежала в кладовку, едва закончив картину и небрежно схватив распечатанный материал.

— Ай-ай-ай, — тут же прокомментировал Пак, — теперь, если полиция наткнется на них, тебя сразу запишут в подозреваемые, ну, или просто сделают выговор подростку, лезущему не в свое дело.

— Это вы лезете не в свое дело и тащите за собой меня, поэтому в случае чего я всю вину переложу на вас, а потом еще нудную лекцию о морали, системе и законах прочитаю. И бумагу можно сжечь. Огонь уничтожает все, и не думаю, что мои отпечатки станут для него неразрешимой задачей.

— Арлекин, скажи ей, — промычал Пак, потянувшись. — Эта неугомонная женщина не успокоится, пока не доведет нас до ручки. Хель, постоянно пытаешься заставить нас стыдиться нашего решения, хотя оно намного вернее, чем то, что ты предлагаешь. Ты бы хотела, чтобы мы сидели и не рыпались, а убийца отправлял на тот свет людей, да? Это неправильно и жестоко! Слышал, говорят, те, кто занимают нейтральную позицию, попадают в ад. Мы не собираемся защищать и поддерживать Инквизитора, значит, должны выступать против него, а не дрожать и молиться о спасении.

Луна пожала плечами, раскладывая листы по лишь ей известному порядку:

— Мной руководит здравый смысл, и это правильнее. А еще безопаснее, потому что, пока вы будете гоняться за преступником, рискуя шкурами, я буду пить чай, заниматься любимыми делами и жить. Ключевое: жить.

— И вспоминать о том, что могла помочь невинным, но предпочла комфорт героическому поступку. Еще неизвестно, чья участь предпочтительнее. Правда, Арлекин?

Я решительно кивнула, хотя определенной точки зрения на преступления, действия Господина и позицию Луны не имела. Мне было известно одно: перечить приказам Солнца нельзя даже ради лучшей подруги, а он сказал поддерживать его перед Хель во что бы то ни стало.

— Ты дальше будешь толкать свои философские речи или соизволишь выслушать? Я старалась на благо ваших безумных намерений, так что, если хочешь порассуждать, я уйду и оставлю вас наедине, чтобы не слышать ни твоего бреда, ни ваших планов. Чем меньше знаю, тем меньше выдам суду.

— Категорично, — улыбнулась я. — Ты же ничего лишнего не сболтнешь, даже если очень захочешь.

Хель тут же повернулась ко мне:

— Почему же?

Я смутилась, но решительно аргументировала:

— Потому что мы друзья, ты сама говорила, а показания против друзей в суде расцениваются как предательство. Но ты не предатель, поэтому будешь молчать.

Луна несколько секунд хлопала ресницами, глядя на меня, а затем вдруг рассмеялась. Даже Пак удивился и несколько нервно прошептал:

— Эй, с тобой все в порядке, мрачная? Санитаров в белых халатах не вызвать?

Она отрицательно помотала головой, но успокоилась не сразу. Даже после того, как безудержный хохот стих, она еще долго хихикала и, только когда ей удалось перевести дыхание и восстановить его ритм, пояснила:

— Ты совершенно неправа, Арлекин. Не нужно ставить меня на ступень выше. Ты слишком мне… льстишь, раз предполагаешь, что я ради дружбы скрою сведения от закона. Я не хочу втягиваться в это дерьмо и нести ответственность не только за ваши поступки, но и за ложные показания, так что не обессудь, но в случае чего на мою защиту и поддержку вам рассчитывать не придется.

Разве друзья так поступают?

— Не смотри так жалобно, Арлекин, — улыбнулся Пак, закидывая руку на плечо Луне. Та, небрежно взяв его за запястье, сбросила ее. — Она останется безразличной к твоим искренним убеждениям. На самом деле кое в чем она даже права. Это рациональный подход, многие на ее месте так бы поступили. От человека зависит. Вот такая у нас Хель, Арлекин, смирись. Просто будем действовать осмотрительнее, и все останутся довольны. В конце концов: не хочешь, чтобы тебя предали, — не провоцируй предательство. Итак, Хель, что ты нашла?

— Если бы вы не разводили тут дебаты по философии и морали, я бы уже все объяснила, — недовольно буркнула Луна и кивнула на бумаги. — Вот, здесь все, что удалось раскопать. Я искала по порядку свершения преступлений, так как есть версия, что убийца хочет нам что-то сказать, то есть сначала разобралась

с мальчиком, потом с мужчиной, следом — с учительницей. Впрочем, ты уже узнал значения рун, — она покосилась на Пака, — но я собрала чуть больше информации. Итак, мальчик — на нем руна Чернобога. Эта руна является дуальной парой другой руны, обозначающей мир и порядок. Следовательно, наша руна — это Хаос и разрушение, причем корнями она уходит в подземное царство, что говорит о ее «теневом» происхождении; однако она не позиционирует зло, это скорее путь, который человек волен выбирать самостоятельно. Что касательно мужчины, там Нужда, руна Вия — это тьма. Подробнее разъяснять нечего. Потом идет руна огня — жертвоприношение путем огненного очищения. Одной своей теорией я уже поделилась: Инквизитор считает себя тьмой, желающей установить в мире хаос, и жертвоприношениями вымаливает себе силу для того, чтобы исполнить замысел. Впрочем, это лишь догадки. Я все еще считаю, что у нас слишком мало сведений для сплетения достоверной цепочки, имеющей право на существование. А еще думаю, учительница — не последняя жертва. Будут еще. Этими тремя убийствами Инквизитор словно открывает череду сожжений, эти — жертвы, констатация факта, уведомление о том, что он делает, а дальше он начнет убивать непосредственно ради могущества.

— Помешанный фанатик-маньяк-язычник, отлично, — прокомментировал Пак.

— Ты сам в это влез, — не без удовольствия отметила Хель. — Теперь разбирайся.

— Хоть ты и не хочешь участвовать, — тронула за плечо Луну я, ощутив, как она дернулась от неожиданности, — мы благодарны за помощь.

— Не за что благодарить, — Хель будто смутилась, — я лишь добавила пару предложений к тому, что Пак и так знал.

— И построила предположение, — добавил Пак. — Не принижай себя, ты оказываешь нам поддержку, как бы это ни отрицала. Точно не хочешь присоединиться? У тебя отлично получается.

Хель хмыкнула:

— Уверяю, если обнаружу что-то еще — мало ли что в голову взбредет, — обязательно сообщу вам, но официально членом вашего клуба охотников-самоубийц не стану. А вообще, я не только ради этого пришла.

— Для чего же еще?

— Мне нужен ковер. Большой. Бесят меня обои в комнате, хочу закрыть… Не возражаешь, если я возьму старый из кладовки, Пак?

Лис неуверенно ответил:

— Конечно, бери, но он же пыльный, старый и воняет наверняка…

— Ничего, я постираю, — отмахнулась Хель, поднимаясь с матраца. — В общем, спасибо за прекрасный вечер, размышляйте тут, а я пошла. Ковер возьму завтра, а то сегодня родственники дома. Спокойной ночи.

Помахав нам на прощание, она вылетела из кладовки, едва не хлопнув дверью. Пак выкрикнул ей что-то вслед; едва эхо его напутствия стихло, Господин вернулся, а с ним — мой благоговейный страх.

Тонкие губы Солнца сложились в улыбку:

— Ты молодец, Арлекин, но сегодня ты не была похожа на человека, которым я приказал тебе быть. Надеюсь, впредь ты исправишь свою ошибку. А пока… стоит наказать тебя за промах, как считаешь?

Хель-V

Просыпаться и первым делом видеть устрашающую надпись на стене оказалось забавно. Приятное чувство: словно внутри расправляет крылья пылающая птица-феникс. Почти впервые в жизни я жаждала взлететь на высоту, откуда планета превратится в платок, сшитый из разноцветных лоскутов. Поля будут золотыми, леса — зелеными, моря, озера и реки — голубыми, города — днем серыми, а ночью желтыми… мне доводилось бывать на борту самолета, в жестком синем кресле на среднем ярусе небес, над облаками, и Земля внизу выглядела именно так.

За сутки надпись въелась глубже в стену, стала тяжелее, будто на ней осели частицы тьмы ушедшей ночи. Кровь скопилась в уголках букв и застыла, словно смола на деревьях.

В городе воздух всегда горький, вибрирующий от рева автомобилей, и бабушка таскала меня в лес, чтобы дать легким проветриться. Он находился на самом краю столицы и виделся мне необузданно-диким: в парках деревья гладкие, ухоженные, с едва не блестящей корой, а в лесу — ели да сосны, угрюмые, толстые. В нем не было дорог; точнее, их давно забросили, и островки асфальта тонули в корнях, грязи и листьях, словно пожранные природой. В нем царила тишина, но не та, что накрывает города по ночам: звенящая, жесткая, неприступная; нет. Лесная тишина напоминала волны, бьющиеся о песчаный берег, — плавная, нежная, переливающаяся звуками: то белка прошуршит, перепрыгнув с ветки на ветку, то ветер дунет, подняв прошлогоднюю хвою… темно-зеленое безграничное пространство и пугало, и восхищало. В городе я подмечала малейшие детали окружающего мира, лес же был таинственным и сказочным местом, расплывчатым и неточным. А еще — опасным, потому что неведение всегда обрекает на печальный конец. Для того чтобы чувствовать себя уверенно, нужно знать и замечать решительно все; лес же лишал этой способности: отвернешься, зажмуришься, наклонишься — и очнешься заблудившимся и одиноким.

Единственное, что всегда оставалось в поле моего зрения, — смола. Пахучая, янтарная, вязкая и липкая, стекающая по стволам, заглаживающая нанесенные людьми раны. Сосны и ели плакали, исцеляя сами себя, и это их умение вызывало зависть. Моему уязвимому телу тоже не помешало бы подобное свойство: пошла трещина по сердцу, пролил слезу — и боль тут же испарилась.

Неужели надпись… плачет?

Абсурд, но почему-то догадка засела в разуме. Я смотрела на

темные буквы и видела уже не предупреждение от неведомого благодетеля, а просьбу, искреннюю, чистую.

С этой надписью комната стала родной настолько, что ее не хотелось покидать. Сама мысль о пересечении порога обдавала могильным холодом. Черно-алые буквы окутывали теплом, как если бы я обнимала того, кому по-настоящему дорога. Тот, кто ее оставил, не мог быть врагом. Вариант, что это трюк, иллюзия, чье-то злое внушение, имел место быть, но все существо бунтовало против него. То внутри меня, что люди обычно зовут душой, верило: я вижу правду.

Я бы с удовольствием осталась дома на ближайшую вечность, но, увы, реальность требовала моего присутствия. При всем старании за простуженную я бы уже не сошла, даже оттенив въевшиеся в кожу синяки. Поэтому, дабы не терять время на бесполезную актерскую игру — это уже стезя Солейля, — я накидала в сумку тетради, даже не глядя на расписание, затянула хвост на затылке и приготовилась покинуть комнату.

Едва мои стопы оказались на одной линии со стеной, на которой была начертана надпись, я услышала тихое, но отчетливое шуршание, словно кто-то пробежал по столу, разворошив бумаги. Потом второе и третье. Будто за окном начинается дождь, норовящий обратиться в ливень.

Голова сама собой повернулась к надписи, и я обнаружила, что с нее по обоям струятся три тонкие красные дорожки.

Послание не желало отпускать меня, просило быть здесь, с ним, в этой комнате, думая о нем. Я мягко дотронулась до одной из букв ладонью, будто в попытке утешить — так обычно родители гладят своих детей по спине. Отдача произошла сразу же — стена колыхнулась ласковой вибрацией. Так кошки ластятся к хозяевам — мурча, изгибают спину.

Надпись обладала собственным сознанием, но это не казалось странным. Что-то внутри воспринимало это как должное и затмевало доводы рассудка, утверждающего, что я просто схожу с ума.

Из квартиры я выпорхнула, не удосужившись даже попрощаться с матерью. Кинулась на лестницу, будто спешный спуск по ней мог выбить из меня всю ересь.

Куда лучше с этой задачей справился свежий воздух. Мороз ударил в лицо, забрался под одежду, въелся в мышцы и кости, развеивая туман. Убедившись, что порывы ветра сорвали с меня лохмотья наваждения, я вздохнула и направилась в школу. Как Элли в Стране Оз, только дорога не из желтого кирпича, и вместо веселых спутников и говорящей собаки — загадки, тайны и опасности.

Подходя к воротам, я мимолетно отметила, что машины Пака поблизости нет. Обычно он бросал ее у бордюра. Пожалуй, стоило бы чиркнуть эсэмэс лису и напомнить, что школа является обязательной для посещения, но врожденная вредность удержала руки в карманах и не дала им скользнуть в сумку за телефоном. Март стоит на пороге, экзамены уже в мае — мне как десятикласснице не о чем беспокоиться, а вот Паку стоило бы озаботиться оценками и перманентными опозданиями. Есть вероятность, что у него «отлично» по всем предметам, поэтому прогулы и спускаются ему с рук, но даже если так, оставаться таким беспечным — не самый лучший вариант.

В здание я вошла, почти не почувствовав перепада температур. Смешно: всего несколько недель назад приходилось влетать внутрь, теперь же стало возможно открывать дверь, не опасаясь, что ладонь примерзнет к ручке. В коридоре тепло не сбивало с ног — колыхалось навстречу, вяло и устало, словно батареи выдохлись.

Куртку я стянула еще до того, как добралась до середины коридора. Очередное доказательство скорого прихода весны: раньше из куртки стараешься как можно дольше не вылезать, стремясь согреться, а теперь лишь бы от нее избавиться. Я по выработавшейся привычке встряхнула ее, взяв за капюшон, как услышала:

— Хель!

От приторно-сладкого звонкого голоса свело челюсть.

Видеть Солейля хотелось меньше всего, поэтому я ускоренным шагом направилась к гардеробной. До звонка оставалось добрых десять минут, но следовало поспешить.

— Подожди, сказал!

Прилипала!

Просто так отпускать меня лис явно не намеревался, поэтому я, решив, что нет нужды разыгрывать спектакль, обернулась, скрестив руки на груди. Куртка продолжала мотаться в сгибе локтя, громко шурша.

— Какая же ты дерзкая! Кричу: постой. Что за невоспитанность!

Стук каблуков прекратился, и белобрысый, щелкнув ими по полу в последний раз, остановился напротив меня. Вид его показался мне чрезмерно нарядным и праздничным: рубашка, застегнутая на все пуговицы, темно-синий жилет, выглаженные брюки, лакированные туфли, издающие легкий цокот. Как в Большой театр собрался.

— А я не обязана тебя слушать, — пожала плечами я, рефлекторно отступая на несколько шагов.

Находиться к нему ближе чем на полметра было неприятно. Как слизь хлебаешь.

— Если хочешь задокументировать, кто, что и кому должен, обращайся когда угодно, только не сейчас. Я по другому поводу: вчера ты прогуляла занятия и сорвала тренировку с Изенгрином…

— Я не прогуливала. Были причины.

Солейль скривился:

— Мне неинтересны твои оправдания, будешь ими Изенгрина кормить. Он отнесется к тебе со всем своим великодушием, меня же только стошнит, так что не утруждай себя. Короче, он просил в случае, если ты соизволишь явиться в школу, а я встречу тебя, передать, что ты должна прийти сегодня, потому что завтра он занят. После уроков, в три часа в спортивном зале.

— О, как мило с твоей стороны разъяснить мне все в подробностях, — оскалилась я. — Закончил плеваться? Если да, свободен. Если нет, иди заниматься этим куда-нибудь еще.

Я резко развернулась на сто восемьдесят градусов, случайно, но от души хлестнув его по лицу взвившимися волосами, и направилась прочь. Школа по-прежнему представляла собой лабиринт Минотавра, но ориентировалась я уже намного виртуознее, поэтому заблудиться больше не боялась — выберусь в знакомый коридор и найду нужный кабинет.

Солейль что-то бросил мне в спину, я автоматически показала ему средний палец, не оборачиваясь, и юркнула на лестницу, еще пустую. Лис за мной не следовал, поэтому я не спешила. Медленно поднималась по ступенькам, не думая, куда и зачем. Доберусь до последнего этажа — пойму, куда требуется спуститься и повернуть.

Вскоре я поняла, что шагаю слишком долго. Воздух раскалился, наполнился влагой, так что даже волосы, мокрые, как после душа, упали на лицо. В легких заклокотало.

Я замерла.

Это ненормально. Даже если бы отопление врубилось на полную мощность, температура не достигла бы такой высокой отметки за столь короткий срок. Да и подниматься так долго я по факту была не способна — здание не настолько высокое.

Заподозрив неладное, я перегнулась через перила. Как и ожидалось, лестница спиралью завивалась далеко вниз, так что невозможно было увидеть коридор первого этажа.

Это не могло быть реальностью.

Очевидно, я уснула. Глупость, но другого варианта так просто не придумаешь.

Я оторвала взгляд от ступенек и огляделась. Солнце скрылось

за тяжелыми черными тучами, по оконному стеклу стелилась тьма, как вода в домашних водопадах, ступени покрылись тонким слоем сажи, а по стенам расползались тонкие трещины. Впереди, в паре шагов, виднелся коридор — находящаяся в самом его центре, точно передо мной, дверь была плотно закрыта, но подрагивала, будто что-то билось в нее изнутри. Коридор наполнял туман, серый, мрачный, отдающий то ли сигаретным дымом, то ли приближающимся пожаром.

По телу пробежали мурашки.

Я ненавидела чувство страха — оно унижало, заставляло считать себя слабой. Поэтому я принялась убеждать себя, что в этом нет ничего особенного — с кем не бывает? Наверное, задремала на уроке. Нужно просто очнуться.

Я попыталась ущипнуть себя, но обнаружила, что не могу оторвать ладонь от перил. Их поверхность держала крепко, медленно пожирая руку, засасывая ее в себя. Я дернулась, но усилия не возымели результата.

В дверь толкались все более остервенело, и в конце концов в перерыве между ударами раздался дикий вой-крик, от которого зазвенело в ушах. Тьма дрогнула и застонала в ответ, но этого я уже не слышала — все мое существо заполнил вопль: «*Отдай их мне! Свою тушу и зуб! Отдай!*»

— Открой свои проклятые глаза!

Что-то обожгло щеку, в мыслях будто щелкнул выключатель.

Пощечина.

— Что за… — просипела я.

— У меня тот же вопрос! Что ты творишь?!

Не успела я вернуть голову в исходное положение, уже поняла — рядом был Солейль, взъерошенный и взбешенный. Откинув со лба челку, выпрямившуюся и потемневшую из-за воды, он с усталым вздохом сполз на пол, придержавшись за раковины:

— Совсем долбанулась?

Я моргнула, фокусируясь.

Вода, залившая помещение, я, растянувшаяся у стены в маленьком «озерце», и промокший до нитки Солейль, сверлящий меня злобным взглядом.

— Что случилось? — проблеяла я.

Солейль ухмыльнулся:

— Шел к изошнику, когда услышал крики из туалета для карантинного класса. Решил разобраться. Захожу — а тут ты в полной раковине топишься, да так, будто тебя кто-то за волосы держит и выбраться не дает! Вытащил тебя, а ты дерешься, царапаешься. Вот теперь скажи мне, какого хрена ты делала. С

удовольствием послушаю!

Я спрятала лицо в ладонях и уткнулась в колени.

— Не думаю, что могу объяснить.

Потому что сама не понимаю, что происходит.

* * *

— Отвяжись от меня.

— После такого-то? Не дождешься.

Собралась, называется, спокойно дойти до спортзала, погрузившись в размышления о своих явно проявляющихся психических расстройствах. Шиш тебе, Ия, жизнь несправедлива! Встречай своего проводника-липучку да терпи, дорогуша.

Происходящее не укладывалось в голове. По логике, Солейль должен был забыть о том, что видел, ведь его это не касается, да и вряд ли он жаждал оказаться по уши в дерьме, но вместо этого вцепился в меня, как пиявка. И началось это сразу после того, как я более или менее восстановила способность ориентироваться в пространстве.

Оставлять пол мокрым было нельзя: вода норовила вот-вот вылиться за пределы туалета и вздуть паркет в коридоре, поэтому я, не горящая желанием платить за ремонт, вытащила тряпку из арсенала уборщицы и принялась вытирать образовавшееся «озерцо». Солейль некоторое время наблюдал за моими потугами, а потом вдруг поднялся, взял швабру, насадил на нее большую пушистую тряпку и принялся помогать. Молча. Чаще всего он оборачивался ко мне спиной, поэтому у меня не было возможности вглядеться в его лицо, но когда он сливал воду в раковину, я заметила его очевидную задумчивость.

И почему-то злиться, язвить, прогонять его, поддевать или издеваться не получалось.

Совместными усилиями мы привели туалет в порядок до того, как туда заявилась уборщица, чтобы забрать свое профессиональное оборудование и пуститься в антипылевой квест по гимназии. Я наивно посчитала, что странности на этом закончились. Все-таки Солейль — не тот человек, который будет просто так протягивать руку помощи. Возможно, ему не чужды благородные порывы, но все же не входят в его рутину. Поэтому на занятия я пошла, предполагая, что сегодня с ним больше не столкнусь, но…

Не успела я покинуть кабинет, как чудовище вынырнуло откуда-то из-за угла и предложило вместе позавтракать. Шоку не было предела. Сбежать оказалось задачей почти непосильной —

если бы не Арлекин, буквально вырвавшая меня из его когтей, пришлось бы проторчать всю перемену в забитой людьми столовой.

Однако точку в сегодняшних поразительных событиях чудесное избавление не поставило. Солейль был рядом постоянно. Складывалось впечатление, будто он срывается с урока на пять минут раньше специально для того, чтобы встретить меня у порога. Его не смущало даже присутствие Пака и Арлекин, которых такая наглость откровенно выводила из себя. Пак чуть не набил ему морду, Арлекин попыталась унизить, но у белобрысого к грубости выработался иммунитет.

Их реакция была удивительной из-за того, что обычно в «лагерях» таких внутренних разладов не происходило. Все считали друг друга братьями и сестрами, и даже если испытывали личную неприязнь, ее перекрывал «дух общины». Не стоит и говорить, что меня заинтересовала причина, по которой они так остро восприняли его в штыки, однако спросить прямо я не решилась. Скорее всего, это из-за того, что Солейль общается с Изенгрином, то есть волком, и лисами это воспринимается как предательство.

Хотя Солейля любили все. За красоту, за голубые глаза, за липовый воздушный характер и, судя по всему, абсолютно не обращали внимания на то, к какому «лагерю» он принадлежит. Все, кроме Пака и Арлекин.

Как ни старались мои знакомые, отвадить Солейля у них не получилось. Пак скрипел зубами и нервно сжимал кулаки, вопя, с каким удовольствием сломал бы ему челюсть, Арлекин сверлила блондина колючим взглядом, но по факту ничего сделать они не могли. Поэтому им пришлось отправиться домой, похлопав меня по плечу на прощание и прокляв Солейля, с завидным хладнокровием отказавшего им в посещении тренировки.

Это раздражало. Мне и Изенгрин-то не особо нравился, а уж при присутствии белобрысого тренировка растянется на вечность.

— Ты меня вытащил, все закончилось, чего тебе еще от меня надо? Я в состоянии сама добраться до зала.

— Не кипятись. Сейчас дым из ушей повалит. И вообще, я не за тебя, а за Изенгрина беспокоюсь. Мало ли что ты с ним сотворишь в состоянии аффекта. Себя калечишь и его можешь.

— Ты серьезно веришь, что хрупкая маленькая я в состоянии покалечить Изенгрина? Это все равно что белочка вырубит Халка.

— Похудей сначала килограмм на пять, а потом уже называй себя хрупкой маленькой белочкой.

— Я вешу пятьдесят один килограмм, и при моем росте это идеально! Вешалка!

Мы уже почти вцепились друг другу в волосы, когда рядом раздался горловой рык и строго-раздраженное:

— Опять вы друг на друга наезжаете!

Солейля от меня как отбросило. Изенгрин поднялся по лестнице, чтобы быть с нами на одном уровне, и укоризненно покачал головой:

— На нас лежит ответственность, а вы собачитесь. Научитесь взаимному уважению, иначе до соревнований друг другу глотку перегрызете и участвовать будет некому.

— Извини, — буркнула я, сама не понимая, зачем горожу подобную ерунду и веду себя как виновная.

Абсурдность подобного действия оценил даже Солейль: он вопросительно-скептично вскинул бровь и пожал плечами, но промолчал. Лучше для него же: раскрой он рот, точно вырвала бы ему язык. Надоел.

Изенгрин расслабился. По крайней мере, угроза в воздухе растворилась, и мы с Солейлем облегченно выдохнули, поняв, что острый момент позади. Мне бы волк, конечно, ничего не сделал, но все же приятнее и уютнее видеть его уравновешенным.

— Надеюсь, впредь этого не повторится, — произнес принятую дежурную фразу Изенгрин и перебросил баскетбольный мяч из одной руки в другую. Только тогда я заметила, что он в спортивной форме. Неужели и сам заниматься будет? — Пойдем, Марина оставила ключи. Долго держать не стану, для начала просто разомнемся, я посмотрю, на что ты способна, и отпущу. Максимум час. А пока я открываю дверь, Солейль поведает, почему он не отправился домой и не занялся порученными ему делами.

Лис нервно сглотнул, его взгляд беспорядочно заметался. Когда он остановился на мне, я покачала головой, предупреждая: ляпнет про мою мистическую попытку утопиться — я окуну его в унитаз и буду держать, пока не испустит дух.

Едва ключ в скважине совершил первый оборот, он спокойно, как правду, сказал:

— Мы с Хель поболтали и решили, что я должен посмотреть на ее первую тренировку, чтобы знать, как действовать дальше. Ведь не только ты ее натаскивать будешь, мое участие также предусмотрено. Исходя из результатов, я продумаю план занятий, и к концу срока она лучшим игроком в команде будет. После нас, разумеется.

Изенгрин хмыкнул и открыл дверь.

В том, что до дома мне придется ползти, мучаясь от боли в мышцах и одышки, сомнений не возникало…

— Вы с Хель поболтали, — повторил волк. — То, что вы хоть

в чем-то сошлись, не может не радовать. Только почему вы опять шипели друг на друга, когда я подошел? Неужели не смогли продержаться на одной волне дольше пары минут?

Пальцы Солейля дрогнули, и он поспешно, с фальшивой беспечностью, закинул руки за голову:

— Слишком бесит.

Он говорил правду, поэтому слова и прозвучали так твердо и уверенно, но укола злости я не почувствовала: они были нацелены не на то, чтобы обидеть меня.

— Боги с вами, — отмахнулся волк, пропуская нас внутрь. — Постарайтесь повторить свой подвиг и найти баланс. Все равно вам вместе работать. Не все люди нам нравятся, но мы обязаны с ними контактировать, поэтому, пожалуйста, прилагайте усилия.

— Мы уже, — хлопнул меня по плечу Солейль, притягивая к себе. Я честно спрятала свое отвращение за выпрямившейся спиной и каменной маской. Даже подыграла, чуть приподняв уголок губ и приобняв белобрысого за талию:

— Пытаемся. Очень-очень.

Изенгрин удовлетворенно кивнул и хлопнул в ладоши, посылая мяч в сторону:

— Что ж, приступим. Солейль, переквалифицируйся в невидимку, пожалуйста.

Тренировка оказалась демократичнее, чем я ожидала. Хоть Изенгрин и утверждал, что не будет давать серьезные нагрузки сегодня, я все равно представляла себе нечто вроде спартанского воспитания в миниатюре: тридцать отжиманий, двадцать пять кругов по периметру зала, сотню приседаний. Однако волк ограничился элементарной проверкой, уровень которой был мне вполне по плечу. Он не ставил рамок, просто задавал упражнение и говорил делать, пока пойму, что больше не выдержу.

Сначала были приседания. Параллельно Изенгрин объяснял основы вышибал и аспекты, которые мне следовало укрепить или заново выстроить. Если вкратце, сводилось все к тому, что в игре важна комбинация скорости и силы, с одной составляющей в отрыве от другой улова не получишь, лишь в пустоту силы потратишь. Так как он видел в записи мою игру с Солейлем, мог судить о моих плюсах и минусах, поэтому я предпочитала вслушиваться и мотать на ус, а не рычать на Солейля, за его спиной корчившего мне рожи.

Потом я взялась за отжимания. Руки у меня были не слабые, мячи я кидала на довольно большие расстояния, но и сильными их назвать язык не поворачивался. Пару лет назад я не могла простоять в упоре лежа и пары минут, кости тут же наливались свинцом. Ныне картина была куда более оптимистичной: зажав

стопы в прорезях между батареями, я отжалась двадцать раз. Для кого-то — плевое дело, но для меня — вполне достойный результат. Даже Изенгрин, отметив блеск в моих глазах, прокомментировал: «Все не так плохо, как я думал».

Наверное, стоило бы обидеться — как-никак в моих способностях сомневались, но все шло слишком хорошо, и портить глупыми придирками этот тренировочный час не было желания.

По прессу я побила все предыдущие рекорды. Правда, за это время Изенгрин успел разобрать все мои слабости и достоинства и разложить по полочкам, но все равно. Главное не скорость, а качество, и техника была на высшем уровне: пальцы сцеплены в замок на затылке, локти на одной линии с плечами, спина прямая, дыхание размеренное…

Точкой в программе стал бег. К тому моменту, как пришло время для него, я уже выдохлась, но покорно засеменила вдоль белой линии, стараясь не давать дыханию сбиваться. Разумеется, Солейль не мог оставить это без внимания: хмыкнув, он откинулся на стекло и съязвил: «Всегда была бы такой тихой, скольких неловких ситуаций избежали бы!» Изенгрин мгновенно отвесил ему подзатыльник, и он притих.

Воздух в зале искрился от прохлады, идущей с улицы, и я чувствовала, как за спиной колышутся иллюзорные крылья. Позади оставалось все больше и больше кругов, вот уже перевалило за десяток, а я все бежала, ощущая пот, текущий по спине, боль в ногах и покалывание в почке.

— Мы уже закончили, если что, — раздался голос Изенгрина над ухом. — Все понятно. Можешь отправляться отдыхать. Следующая тренировка завтра.

— Если ты не против, я все же продолжу. Совсем чуть-чуть.

— Тогда прибавь скорость.

— Да без проблем!

Крылья за спиной сделали тяжелый взмах. Ветер воронкой заклубился под ногами и простерся витиеватой дорожкой над белой линией, служащей ориентиром — по ней не было нужды стараться бежать, она сама поддерживала и вела.

Изенгрин держался рядом — не отставал и не обгонял.

— Есть предложение, — произнес он, едва я начала задыхаться. — Мы празднуем Масленицу в конце следующей недели на городском озере. Будем кататься на коньках, жечь чучело и хороводы водить, танцевать, блины есть. Почти весь город соберется по традиции. Это весело, уверен, тебе понравится. Развеешься, развлечешься, расслабишься, на что-то новое посмотришь. Такого ведь в столице не проводят?

Говорить было тяжело, но я выдавила:

— В столице проводят все. Другое дело, что я такие мероприятия не посещала.

— Ну вот, — улыбнулся Изенгрин. — Увидишь, в каком виде сохранились старые традиции в наше время, может, вдохновишься и нарисуешь шедевр. Масленица — действительно красивый праздник.

— Не сомневаюсь. Видела картинки в Интернете.

Впрочем, вряд ли в реальности все так радужно. На изображениях люди ходят в традиционных нарядах, заплетают волосы в косы, танцуют в красных сапогах и проделывают трюки с огнем. Вряд ли все бросятся шить сарафаны и кафтаны ради пары часов на озере, поэтому можно ожидать, что народ придет в обычных джинсах и теплых куртках, и атмосферу обеспечивать будут фокусники, чучело и блины.

Однако это лучше, чем торчать дома круглые сутки, да и не рисовала чего-то нового я довольно давно — все какие-то лисы с волками, словно художник помешался. Кроме того, как говорится в американских фильмах, когда убийца действует в городе, скорее всего, он похитит кого-то из толпы. А чем гулянка на Масленицу не толпа? Никто и не заметит, а наутро обнаружат новый сожженный труп… Возможно, даже на месте чучела.

— Так ты?..

— Приду, — ответила я. — Подышать свежим воздухом не помешает. Может, даже удастся завести хороших друзей.

— Удастся. Тебя проводить до дома?

Губы непроизвольно растянулись в предвкушающей ухмылке:

— Нет, спасибо. Мне нужно кое-что сделать. Спасибо, что предложил.

* * *

В позднем уходе из школы имелись преимущества: например, небольшое количество людей в автобусе. Школьники уже разъехались по домам, учителя еще не покинули кабинеты, и на остановках терпеливо ждали лишь старушки с сумками из супермаркетов.

Мне повезло: я оказалась в почти пустом вагоне. Запах выхлопных газов и протертой обивки не особо вдохновлял, зато здесь было весьма уютно — тепло, свободно, да и форточку открыть можно.

В улицах города я по-прежнему разбиралась из рук вон плохо, а по карте ориентировалась с горем пополам, поэтому боялась

потеряться и замерзнуть. Шею опутывал шарф, уши надежно прикрывала шапка, а под ботинками ноги грела пара шерстяных носков — чтобы наверняка, но вряд ли это спасло бы от обморожения. Оставалось надеяться лишь на логику и карту, бесполезную из-за того, что я не умела ее читать.

Однако, глядя на нее и тщетно пытаясь согреть дыханием ладони, я верно поняла, на какой остановке необходимо сойти, и, когда услышала механическое «Речная», поспешно выскочила из автобуса, облегченно вдыхая свежий воздух.

Как и ожидалось от места первого преступления, ландшафт раскинулся как на ладони. Пятиэтажки, в одной из которых обитали родители убитого мальчика, виден небольшой, но густой лесок из тех, что в этом городе хоть отбавляй, и школа. Множество маленьких дорожек, причем асфальт положен лет двадцать назад, судя по трещинам, мелким камешкам и обхватившим его края корням. Красиво: город, слившийся с природой, и каждый решает для себя, что здесь главенствует. Но при этом жутко: лес дышал могильным холодом, словно еще не избавился от духа смерти.

Автобус, запыхтев, отчалил от остановки и, рокоча, скрылся вдали. Я же так и стояла возле скамейки, носками ботинок едва заезжая за линию невысокого сугроба. Вблизи находился люк в канализацию, из-под которого шел легкий пар, — снег вокруг растаял, обнажив сухую траву. Инстинкт вопил о необходимости бежать.

Подбодрив себя несильными хлопками по щекам, я перебралась через сугроб и направилась в лес, попутно выискивая в телефоне нужную фотографию.

Связь Пака с полицией и актерское мастерство Арлекин оказались весьма полезны. Фотографии, документы, отчеты — они добыли в наше распоряжение все. Пак мастерски пробирался на скрытые сайты и уверял даже, что вполне способен взломать базу. Проверять его навыки мы не стали, но красочное повествование о его обучении хакерскому мастерству с удовольствием послушали — рассказчиком он был превосходным. Да он и сам поделился — по секрету всему свету, — что, родись в другом веке, обязательно стал бы странствующим менестрелем. Арлекин же выуживала из полицейских догадки и личные наблюдения, руководствуясь принципом, что не все переносится на бумагу, электронную или материальную. Я это использовала, дав обещание высказывать каждую рождающуюся мысль.

Разумеется, все я им выкладывать не собиралась. Предупреждение таинственного благодетеля гласило не доверять Лису, и я не доверяла — Паку, так как он являлся самым

вероятным кандидатом на роль человека, носящего это прозвище. Поэтому пришлось вести двойную игру: исследовать происшествия самостоятельно, строя реальную цепочку событий и догадок, и придумывать нечто достоверное для них.

Мне безумно хотелось найти благодетеля, который, я была уверена, имел отношение к Инквизитору, — узнать, кто такой Лис и при чем тут я.

Возможно ли, что Лис и есть поджигатель?

На карте место убийства мальчика отмечал красный крестик — к нему я скрепкой прикрепила распечатанную фотографию дерева, на котором его подвесили. Обычная сосна — ветки высоко, и ребенка прибили гвоздем в запястье, чтобы тот не свалился, в нескольких метрах над землей. Ужасающая картина.

Росли в лесу в основном ели; за двадцать минут своеобразной прогулки я наткнулась лишь на две березы и один дуб. Дороги в нем не чистили на протяжении долгих лет — из-под снега, опавшей хвои и грязи выглядывали перевернутые валуны, некогда служившие декорациями. Кладбище прошлого.

Искомое дерево обнаружилось спустя полчаса. Толстое, с жесткой темной корой, сочащееся смолой — борозда от гвоздя нескоро затянется, — раскидывающее ветви. На них еще остались пятна крови, исходящие легкими ароматами металла и соли.

Вещи я бросила метрах в пяти от необходимой точки, оставив в окоченевших руках только фотографию, блокнот, карандаш и фотоаппарат. Последний мне подарили на двенадцатилетие друзья отца с работы, и с тех пор я его не использовала. Лежал в коробке на подоконнике вместе со сломанными телефонами, выбросить которые воли не хватило, и барахлящими наушниками, забытый и ненужный. Что мне было снимать? Вид из окна по дням недели? А здесь, в этом ненормальном городе, пригодился.

Первым делом я, сравнив реальность с изображением, отметила положение трупа на дереве. Неплохо бы было сделать это мелом, но в любой день сюда могли заявиться полицейские, и даже они задались бы вопросом, откуда взялись пометки. А потом, возможно, пришли к выводу, что кто-то препятствует свершению правосудия.

Мальчик болтался в метре над землей. В отчете указано, что на месте не выявили следов посторонних предметов. Почва была нетронутой, словно преступник и жертва передвигались по воздуху.

Как может человек не оставить ни единой улики? Призрак или обладает тайным знанием? Гений, решивший совершить «идеальное преступление»? Но никакая гениальность не поможет испариться, как по мановению волшебной палочки.

Впрочем, в этом деле помимо «левитации» имелось еще несколько деталей, вызывающих недоумение. Например: мальчик сгорел дотла, остался лишь обугленный скелет. Огонь должен был быть неукротимым, злым, прыгающим с ветви на ветвь и пожирающим все на своем пути. От леса после такого не осталось бы и следа. Но сгорел только мальчик, и даже сосна, к которой его жестоко прибили, оказалась нетронутой; из всех естественных свидетельств произошедшего — мазок сажи. Ничего более.

Безумие, не правда ли?

За несколько ночей я перечитала все имеющиеся доклады и гипотезы. Идеи были откровенно бредовые. Больше всех меня рассмешила теория из соседнего — относительно, учитывая многокилометровый путь до него, — города: «А если злоумышленник передвигался на канатах?» Тарзан на лианах. Разумеется.

Дохнув на пальцы, чтобы немного их подогреть, я завязала с заметками и принялась за фотоаппарат. Подходить слишком близко к сосне не стала — участок не огораживали, но стоило поостеречься. Вместо того чтобы пристально изучать кору, обнимаясь с сосной, я ходила по кругу, фотографируя дерево со всех ракурсов. Удивительно, но в нем не застряло ни волоска, ни кусочка ткани — только брызги крови портят картину. Словно и не убивали здесь никого.

Спустя десять минут миссия была выполнена: лист в блокноте изуродован моим корявым почерком, часть карты памяти фотоаппарата занята. Однако радоваться рано; на очереди стояло еще два пункта назначения, таких же жутких, ведь там также умерли люди.

В среднем квест занял два часа, и домой я вернулась, когда уже стемнело. Мама, как обычно, смотрела телевизор, брат рубился в компьютерные игры, и я беспрепятственно пошла к себе, по пути захватив из холодильника остывший ужин.

Живот требовательно урчал — неудивительно, ведь я с утра и маковой росинки в рот не брала. Поэтому, устроившись возле подушки, лицом к надписи, я проглотила рис с рыбой, проигнорировав даже ненавистный лук, и принялась разгребать все, что нарыла за день.

Фотографий получилось несколько сотен, исписанных блокнотных листов — четыре. По сути, места преступлений выглядели почти одинаково. Копоть, пепел, отсутствие улик и огромное количество вопросов. С каждой секундой расследование окрашивалось в мистические цвета — исчезновение поджигателя, точнее, чувство, что его никогда не существовало, сдержанность, но мощь огня, им используемого, и непонятные цели. С рунами

все ясно; только вот верно ли то, что он хочет установить в мире тьму или хаос?..

Я отставила тарелку с вилкой, подсоединила фотоаппарат к компьютеру, включенному впервые больше чем за месяц, отобрала самые четкие и полезные кадры. Спустя десять минут изображения висели на стене. Рассеялись вокруг надписи таинственного благодетеля, как звезды на небе, перемешались с давними снимками Пака, демонстрирующими трупы погибших. Сам Пак сказал бы, что это жутко, но мне понравилось.

Посчитав, что сделала более чем достаточно, я сходила в душ и забралась под одеяло. Вставила в уши наушники, чтобы изолироваться от шороха телевизора в гостиной, поставила громкость будильника на максимум и положила под подушку, чтобы следующим утром не проспать школу.

Впервые за месяцы я лежала, не отвернувшись к стене, возле которой стояла кровать, а смело глядя в темноту, из которой выползали тени сожженных и еще одна, неясная — таинственного благодетеля. Я достоверно знала, что это он: кто еще, укутанный в черный плащ, может сидеть подле меня и гладить по голове рукой, облаченной в кожаную перчатку?

* * *

В раннем детстве родители часто отправляли меня в деревню к бабушке на месяц или два. Точные причины, по которым они избавлялись от меня подобным образом до тех пор, пока не поссорились с бабушкой, я так и не узнала, однако факт оставался фактом — значительную часть времени я проводила в изоляции среди леса. Деревня — несколько домов, пустующих из-за того, что владельцы жили в городе, захудалый магазинчик да библиотека в приземистом здании с вываливающимися кирпичами и покосившейся крышей.

К сожалению, я мало запомнила из тех лет. Только путешествия по болоту в поисках черники, голубики и грибов. Впрочем, имелось еще кое-что: звуки.

Там, на лоне природы, едва ли кто заведет двигатель; за несколько суток пролетит разве что единственный автомобиль. Тишину заполняет совершенно иное: стрекот светлячков, перешептывание листьев под порывами ветра, рычание дерущихся котов, лай собак. В городе же шум — жужжание автотрасс, вой сирен, длинные гудки, клекот самолета — искусственный. На самом деле жители находятся в вакууме, но не замечают этого, ведь он скрыт за суетой, что они сами

производят.

По возвращении в столицу я долго не могла заснуть, отвыкнув от давящей тишины. В такие моменты я открывала гигантскую пропасть, пролегающую между природой и цивилизацией: пропасть, которую уже невозможно преодолеть. Нет стрекота светлячков, не разглядеть звезд на небе…

Однако этим утром я обнаружила, что есть нечто страшнее вакуума и тишина бывает не просто всепоглощающей, но и разрывающей изнутри.

Мне довелось побывать в аду.

Комнату заполняла вязкая темнота, забивающая рот. Контроль над телом был утерян, пространство вокруг вибрировало, проникало под кожу. Меня влекло все ниже, в глубину, и с каждым сантиметром я приближалась к холоду, свинцом заливающемуся в горло и сковывающему внутренние органы.

Хотелось кричать, плакать, звать на помощь, но от голосовых связок осталась зияющая пустота, из которой фонтаном лилась вода — чистая, родниковая. Мозг вспенился и раздулся. По шее, по плечам, по спине побежало нечто маленькое, быстрое и скользкое. Тараканы.

Рвотные позывы, напряженные нервы — и никакого спасения. Я одна в той части Вселенной, откуда до ближайшей звезды или планеты — вечность. Ни единого источника света.

Было ли дно у этой ямы? Достигла ли я его, а может, вовсе пролетела насквозь? Точно одно — из ада меня вытащила кровь.

Я открыла глаза и испугалась, что ослепла, — мрак ничуть не рассеялся. Однако затем удалось различить тусклое мерцание надписи на противоположной стене, белеющие листы бумаги на столе, разбросанные в беспорядке — я ведь только недавно их собрала… — и очертания кресла. Впору утереть со лба пот, взбить влажную подушку и уткнуться в нее носом, стремясь на этот раз зайти в другой коридор царства Морфея, в тот, где гуляют более приятные сновидения, однако…

Дыхание сбилось, легкие судорожно сжимались — наверное, так себя чувствовали средневековые преступники, когда им закидывали назад голову и через рог, чтобы не могли уклониться, лили в рот воду или расплавленный свинец. Горло першило, его опалял огонь и жгла горечь. Но панику вызывало нечто бурлящее в нем. Я не сразу поняла, что это кровь; только когда схватилась за шею и осознала, что она покрыта чем-то вязким, горячим, склизким.

Простын, подушка, пижама, лицо, руки — все залила кровь, словно я окунулась в ванную, ей наполненную, как графиня

Батори. Свежая, она оставляла на губах солоноватый привкус мертвой плоти.

Позвать на помощь — тихий хрип.

Встать с кровати — полное бессилие.

Ощущение греховной грязи, наказания, вины и трепета перед чем-то неминуемым, сулящим беды. Ночь. Я одна. Вокруг шепчущая тьма, в которой скрываются хохочущие тени.

Пальцы ощупывают каждый миллиметр кожи, словно не веря в реальность происходящего. Я давлюсь кровью, она забивает дыхательные пути, льется изо рта и носа неудержимым потоком.

В детстве по невыясненным причинам я страдала постоянными кровотечениями — сильными и слабыми, длительными и кратковременными. В пять лет я серьезно боялась, что умру, не сумев остановить их привычными методами — ватными валиками, смоченными в холодной воде, и полотенцем, приложенным к переносице. Мама утешала: «Что ты, люди от такого не умирают». Я верила, даже когда дольше часа сидела на бортике ванны, меняя один валик за другим. Но всегда закрадывались сомнения: вдруг моя смерть будет настолько ничтожной? Этого я и достойна, не так ли?

Неужели конец пришел так неожиданно?

Красные пятна расползались. Тени продолжали заливаться, словно гиены, и я почти чувствовала прикосновения когтистых лап. Они словно хотели утянуть меня куда-то. Роились в комнате, подлетали к потолку, ползали по стенам, выли из-под кровати, ютились в углах и прыгали среди одеял.

Слезы бежали по щекам и солью разбавляли соль. Кровь еще текла; взгляд перескакивал с предмета на предмет в поисках хоть какого-нибудь средства защиты. И тут я заметила: тени не приближались к мерцающей надписи.

Сердце гулко стукнуло: спасение!

С трудом оторвав слабеющее тело от постели, я по полу, отгоняя монстров, поползла в противоположный конец помещения. Они выли, цеплялись за одежду, визжа, как бесы и русалки в народных преданиях. Но едва я коснулась одной из холодных шершавых букв, все стихло.

Не стало дикого шума, рассеялась густая тьма за спиной. Судорожно хватаясь за обои, чтобы не упасть, я поднялась на ноги. Нащупав ручку, ворвалась в ванную, поспешно ударив по выключателю и рывком захлопнув за собой дверь. Свет показался благословением. Прорвал ткань ночного кошмара, почти вернул в сознание и окутал сладким ощущением безопасности.

Горло вновь сжал спазм, и я, предчувствуя новый приступ, повисла на раковине, наклонившись к самому ее дну. Все внутри

скрутилось, и меня вырвало ярко-алой кровью. Та расплескалась по белоснежной поверхности, создав странные жуткие узоры. Линии переплетались между собой, капли разбухали, как смертельные опухоли…

Перед глазами задвоилось. Я зажмурилась, чтобы переждать тошноту, но та не проходила.

— Давай, Хель, посмотри на меня. Неужели тебя действительно так легко лишить равновесия?

Голос прозвучал неожиданно; и без того напряженные нервы едва не оборвались. Говорила девушка, мне определенно незнакомая.

— Ну-ну, Хель. В зеркале.

Я заглянула в блестящую гладь. В ней отражалась я: бледная, со вздувшимися венами, в крови. Словно только что вернулась из пыточной. Хотя, по сути, так и было.

Зеркало завибрировало. Спираль в центре разрасталась, щупальцами обвивала каждый отраженный в нем предмет. Они стискивали по очереди вешалку, корзину для белья, унитаз и сушку, и те рассыпались в пыль. Мое собственное лицо перекосилось, будто кто-то приложил к нему ладонь и свернул, как податливую ткань.

Передо мной была уже не я.

Хватило доли секунды, чтобы узнать эту девушку. Та самая, танцующая на школьном празднике; та самая, резвящаяся на поляне вместе с волком. Русоволосая красавица с выразительным взглядом — уверенным, жестким, насмешливым. Облаченная в цветастый пышный сарафан, расписанный цветами и рунами.

Она стояла, наклонившись вперед, подперев щеки кулачками. И почему-то не возникало сомнений, что она презирает меня; на мгновение я почувствовала, как ее каблук врезается мне в поясницу, пришпиливая к холодной влажной плитке.

— Посмотри на себя. Ничтожество. В мое время тебя бы бросили на костер — в жертву какому-нибудь богу. Медведю, например, — он любит обедать грешниками. Хотя тобой он бы подавился. Слишком много грязи… Взгляни, ты вся в ней.

Если до этого момента я была уверена, что просто испытываю галлюцинации, то теперь я перестала что-либо понимать; разве галлюцинации разговаривают?

— И что ты молчишь? — недовольно надулась девушка. — Даже не спросишь, кто я и не я ли устроила тебе это крошечное испытание? Неинтересно? Я разочарована, Хель.

После рвоты и кашля стенки глотки были разорваны в клочья, но я, повинуясь чужеродной силе, выплюнула:

— Кто ты?

Она хлопнула в ладоши:

— Так-то лучше. Я Варвара. Протянула бы тебе руку, но, увы, у меня нет тела, и я пока ограничена зеркалом, так что воздержусь. Собственно, из-за проблем с инкарнацией я и здесь. Ты дашь мне ее.

— Что?

— Смешно, что ты не знаешь о своей сущности; будь ты осведомлена, все оказалось бы куда проще. Дело в том, что я тоже Избиратель, точнее, тот, что жил до тебя, поэтому твоя оболочка — единственная, мне подходящая. Другие люди не вынесут моей силы. Ты спасение для меня, Ия. Не знаю, что бы делала, не родись ты.

О чем она? Что за странная иллюзия?

— Так ты мне не веришь, — тяжело вздохнула она. — Ладно, это не суть важно. Можно и рассказать. Избиратель — человек, предназначение которого заключается в разрешении спора между Лисом и Волком. Лис и Волк — два Изначальных бога; об Изначальных я поведала тебе в рассказе, который ты перенесла на бумагу, когда уснула. — Я с изумлением вспомнила несколько листов, исписанных мелким почерком. — К сожалению, я плохо знаю, как они поспорили; мне должны были дать понять во время церемонии, но так и не успели. Лис убил меня прямо перед этим. Грустно, ну да ладно. Я Избиратель, ты Избиратель. Я верну себе жизнь благодаря тебе, отомщу Лису и буду счастлива с Волком и Оленихой. Идеально, правда? Я бы позволила твоей душе находиться на этом свете и делить тело со мной, но, увы, ты поддерживаешь Лиса, а я — Волка, поэтому допустить подобное нельзя. Вдруг ты предашь меня, накопишь силы и повернешь решение в пользу рыжего ублюдка?

Ослабевшие ноги не выдержали, и я сползла на промокший ковер. Варвара тут же перескочила в зеркало на дверях шкафчика под раковиной.

Слишком реально все было — и боль, и удушье, и кровь, и она, ухмыляющаяся из Зазеркалья.

— Если честно, — продолжила она, — я хотела выбить тебя в царство мертвых одним ударом. Думала, ты слабая, вялая, не выдержишь; ты же такая скучная… Никакая. Сидишь, страдаешь, ноешь, ничего при этом не делаешь. А ты воспротивилась, да так стену держишь, что я даже… Уважение к тебе испытываю, что ли. Как бы то ни было, твой ментальный блок уничтожен, и тебе его не восстановить. Смирись, Хель, и отдай мне свою жизнь. Этим ты послужишь праведной цели. Подумай, сними защиту… В царстве мертвых хорошо. Тебе понравится.

Я бы расхохоталась, если бы не тянущая боль в мышцах и

бритвы, корежащие гланды.

— И чем мне там должно понравиться?

— Мир тебе под стать. Мрачный, в вечных туманах, со скитающимися серыми душами умерших да снующими по кладбищам псами. Их ты оценишь — огромные, с черной шерстью и красными глазами, горящими, что уголья в костре.

На этот раз затолкнуть смех в глубь себя не получилось. Давясь, я истерично закашляла, хватаясь за живот. Варвара вскинула брови.

— Да пошла ты, — выплюнула я, успокоившись. — Можно сколько угодно ныть и жаловаться, но жажду жить хранить.

— Дура, — констатировала Варвара. — Все равно я вдребезги разнесу твою защиту и заполучу тело.

— Удачи с этим.

Хмыкнув, она вдруг оскалилась, и лицо ее утратило человеческие черты. Челюсти выдвинулись вперед, белки налились алым, заострились зубы, и, распахнув пасть, она издала дикий рев.

Пространство и время стерлись. Варвара сотрясала стены, криком вторила ей я сама, потерявшая связь с реальностью. Она была сильна, мощь ее пронзала насквозь, разлагала клетки, подчиняла. А я кричала бесконечно долго, уверенная, что никто не услышит. Я опускала веки, рычала, выдергивала клоки волос, отчаянно звала на помощь, но…

Удар затылком о что-то твердое отрезвил, утихомирил шум и хаос. Пространство вернулось, и я осознала, что нахожусь в знакомой темной комнате — в кладовке.

Не одна.

Я стояла на коленях, и кто-то баюкал меня, обхватив руками. Моя щека соприкасалась с мягкой тканью рубашки, макушку щекотало чужое дыхание. Меня держали мягко, но крепко, не давая вырваться.

— Тише-тише… Все нормально…

— Пак? — проскулила я.

Глаза защипало, и меня накрыло страхом и холодом. В порыве чувств я сжала его рубашку, пропитывая ее кровью, и позорно разрыдалась:

— Я сумасшедшая, да?

— Абсолютно, — согласился он. — Но мы вытащим из тебя эту тварь. Будь уверена.

Солейль-II

Зима медленно, но верно убывала. Прекратились метели, сугробы начали подтаивать, в воздухе засеребрился соблазнительный аромат весны. Солнце стало чаще выглядывать из-за плотного слоя туч, одаривая еще прохладными лучами. Со двора школы соскоблили тонкий лед, и теперь на сером, покрытом трещинами асфальте красовались абсурдные в контексте скорой слякоти детские рисунки с разноцветными контурами, уже размывшимися под подошвами чужих сапог.

Я был уверен, что причина в матери. Сами по себе Изначальные редко влияют на погоду — хотя они и обладают могуществом, оно не идет ни в какое сравнение с тем, что было тысячи лет назад, во времена, когда им поклонялись и приносили жертвы. Однако порой они все же позволяют подобные капризы. Я не раз становился свидетелем того, как взбешенный Волк устраивал торнадо, бури и грозы. Олениха же искренне следовала правилам, гласящим, что злоупотреблять силой строго запрещено, да и проявления ее эмоций, редкие и яркие, не причиняли никому вреда. Рассеет облака, хотя должен идти дождик, велика беда…

События для Волка развивались выигрышно. Он жаждал вернуть Варвару и находился в шаге от цели — девка взяла быка за рога и поставила себе твердую цель завладеть телом Хель как можно скорее. Надоело, поди, во владениях Морены.

А сама виновата! Нечего было верить в жуткие сказки. Была бы атеисткой — парила бы в благодатной темноте, а то и свою Вселенную создала; Избиратель же, кто знает, на что способна. Изенгрин рассказывал, что при жизни она была совершеннее соплеменников — видела и слышала больше, манипулировала сознанием животных. Позже, когда он начал помогать ей развивать дар, она даже научилась брать под свой контроль детей. Если бы ритуал выбора отложили на несколько лет, может, смогла бы вертеть и взрослыми людьми. Но, к сожалению с точки зрения Изенгрина и к счастью с моей, Лис убил ее раньше.

Я мало знал о Варваре — Изенгрин ненавидел Лиса за ее смерть и тосковал по ней, так что впадал в неистовство при одном звуке ее имени из моих «грязных уст», а Олениха боялась его гнева, поэтому поведала лишь основы. То, что древняя стерва вновь объявилась, отнюдь не радовало.

В свое время она считалась взрослой — девушка на выданье. Ее родители, на чьих шеях помимо нее висело еще семеро отпрысков, суетились, как могли, умоляя различные семьи

принять ее, но им неизменно давали отказ: дескать, от вашей дочери проблем не оберешься. Не приживется, да и хозяйка из нее никудышная. И действительно, Варвара предпочитала лазать по деревьям, бегать в лес и охотиться, но никак не шить, прясть, вязать, коренья собирать да младенцев лелеять. Она была бойкой, грубой, назло всем распускала косы, не раз нарывалась на диких зверей и дралась с мальчишками, поэтому постоянно ходила в синяках и царапинах. Все качали головой: непутевая, так и помрет в одиночестве. Однако Варвара оказалась особенной: однажды в чаще она наткнулась на Волка. Разумеется, она не сразу поняла, что перед ней бог. Глупая девица стала его подругой, драгоценной ученицей. Для него она была как дочь — поэтому, когда ее не стало, он едва не сошел с ума.

Логично предположить, что Варвара ненавидит Лиса и жаждет отомстить. Вероятно, это будет первым, на что она пойдет, заполучив тело Хель. Хотя вопрос, удастся ли ей его отвоевать — Хель сопротивляется, и с отдачей, раз эта мумия решила пойти на такой безумный шаг, как убийство носителя и захват контроля над мертвой плотью, который, к счастью, не увенчался успехом. Благодаря мне. Опоздал бы на пару секунд — наткнулся бы на труп, а не на захлебывающуюся Хель.

Впрочем, я был готов к тому, что в этой игре придется справляться со странностями. Это не самая худшая ситуация — все просто: нужно вытащить Варвару из Хель, а потом уничтожить, ведь она отдаст победу Волку. Изенгрин не плохое божество, но когда условия спора прекратят его сдерживать… Вельва предсказывала, что мироздание поглотят воды. Сомкнутся над светом, как земля над гробом умершего. А я склонен ей верить.

Нельзя, чтобы кто-либо из них выиграл. Нельзя позволить Варваре указать на Волка, а Хель — на Лиса.

Со второй можно поговорить, убедить, но вот первая… безнадежно.

— Призадумался, Солейль? Ищешь оправдание? — донесся хриплый голос Изенгрина, одним точным броском закинувшего баскетбольный мяч в корзину.

Я недовольно махнул головой.

Если ошибусь хоть раз, распрощаюсь с головой и парочкой конечностей в придачу. Изенгрину, в сущности, плевать, что в моих жилах течет кровь его жены, Оленихи, моей приемной матери; поймет, что я предал его, — у меня нет шансов. Каждый шаг нуждается в тщательном плане… а я ненавижу планировать.

— Я тебе вчера все объяснил.

— Я тебе не верю.

Неудивительно. Ты мне никогда не верил, с того самого дня, когда Олениха принесла меня в ваш дом.

— Не мои проблемы.

— Ты от меня что-то скрываешь, — уверенно произнес Волк. — Только не пойму что.

И правильно. Узнай ты, что в Хель пробудилась Варвара, в то же мгновение помчался бы к ней. И плакала моя власть.

Я передернул плечом.

— Солейль, — угрожающе спокойно отчеканил бог, — надеюсь, ты осознаешь, что последствия твоего обмана будут… неутешительными.

— Позвоночник ты мне уже сломал. К тому же, — я с улыбкой положил руку на сердце, — в моих словах нет ни капли лжи.

— Думаешь, я поверю, что тебе вдруг внезапно понравилась Хель и ты захотел проводить с ней больше времени? — Мяч с легкостью влетел в корзину, не коснувшись ее краев, и с силой стукнулся о пол. — Ты не учишься на ошибках, Солейль, — усмехнулся Изенгрин, и я заметил, как его глаза налились ярко-синим — будто он собрался сбросить человеческую кожу. Обычно ничего хорошего это не предвещало. В прошлый раз с таким взглядом он чуть не отправил меня на больничную койку, в позапрошлый почти убил, а теперь…

В последнее время он и без того нервный — видимо, ощущал изменения в партии с Лисом, но не находил им объяснения. Скажешь что-то не тем тоном — пиши пропало. При Оленихе он себе лишнего не позволяет — как-никак она его любимая женщина, которая привязана ко мне, как к родному сыну, и он не хочет ее расстраивать, — но когда ее нет поблизости, отыгрывается за все, что вызвало его недовольство.

Впрочем, кое-кому было еще хуже — Гери. Не представляю, как волчонок отмазывался перед родичами — невинной забавой тут не открестишься, смышленые люди в таких случаях в полицию бегут. Скрывает, скорее всего.

А ведь у него даже регенерации нет. Простой человек, доставляющий богу слухи и исполняющий пустяковые распоряжения. Не несущий, по сути, никакой ценности. Никто не станет искать; не потому что не любят, не потому что не знают — просто бог сотрет память всем, кто когда-либо видел его. Страшно, если подумать. Был человек — и нет его. Никогда не было.

Я почти вжался в окно под пронзительным волчьим взглядом, когда дверь скрипнула, вынудив Изенгрина натянуть обратно свою привычную маску, а меня — расслабиться.

— Привет, — хрипло поздоровалась Хель, вплывая внутрь.

Она была болезненно, даже неестественно бледна; под глазами пролегли синяки. Будто ее ночь напролет истязали в пыточной. Хоть проверяй кожу под одеждой на предмет порезов, колюще-режущих ран и следов от плетей, наручников, клещей или бритв.

Изенгрин тоже это заметил:

— Ты в порядке? Выглядишь нездоровой.

— Все в норме, — отмахнулась она, бросая портфель и пакет со школьной формой под скамейку. — Итак, что мне делать?

Нетрудно догадаться, что причина столь агрессивного настроя и усталости заключалась в Варваре. Раз уж древнеславянская чародейка проявилась во всей красе, теперь точно не отпустит, пока не одержит победу над сознанием «носительницы». Тактика наверняка проста: не возьмет прямыми атаками и ударами — предпримет измор. Не позволит спать, устроит голодовку, так что Хель и кусок в горло не протолкнет, станет пугать, пока у нее не остановится сердце…

Ее необходимо вытащить, пока не стало слишком поздно.

— Как скажешь, — решил не спорить Изенгрин. — Сегодня посмотрим, как ты управляешься с мячом. Точнее, как крепко его держишь. М-м-м, выстави правую ногу вперед и перенеси на нее вес. Будешь проводить мяч как можно ближе к полу, но так, чтобы не ронять его. Поняла?

— Да.

— Держи.

Хель ловко поймала мяч и встала в указанную позицию. Ее пальцы дрожали, но тем не менее на бок она не валилась, не теряла контроль над мячом. Быстро и точно перекидывала его из одной руки в другую, то над коленом, то под. Я не мог не заметить, как расслабились мышцы ее лица — губы, прежде плотно сжатые, сложились в сосредоточенную полуулыбку, разгладилась морщинка на лбу, раскрылись сощуренные глаза.

— Отлично, — наконец остановил ее Изенгрин. — Теперь встань ровно. Вот так. Будешь поднимать ногу и проводить мяч под коленом.

Я хорошо помнил, как она играла — такие моменты, как оскорбления собственной персоны, не забываются. Ее стиль был ближе к волчьему, только мягче. Волки базируются на прямоте и силе, стремятся выбить как можно больше противников и совершенно забывают об обороне, а уж о том, что можно использовать хитрости, будто вовсе не подозревают. Разумеется, у них есть ребята, строящие великолепные планы действий, превосходные стратеги и тактики, но их это не спасает — они не глупые, но слишком честные, полагающие, будто, действуя по

правде, можно добиться всего и одолеть кого угодно. Неудивительно, впрочем, учитывая, что их именно такими и воспитывают — для того школа Волком и Лисом и создана, для отстаивания своих позиций и мнений. У Волка покорные, послушные подчиненные ему под стать: четкие идеалы, привитые с детства, стремление менять мир к лучшему. У Лиса же подчиненных нет — просто свора ребят, день за днем невольно доказывающих Волку, насколько смешны его убеждения, и учащих друг друга выходить из самых каверзных ситуаций.

Стиль Хель заключался в быстрых перехватах подач — нечто среднее между волками и лисами. Исходя из того, что ей удавалось удерживать мячи, брошенные мощными парнями в порыве ярости, которые и стену до трещин пробить могут, силой она обладала недюжинной. Но сама кидать не осмеливалась — передавала пас кому-нибудь, в ком была уверена. Двигалась быстро, почти молниеносно, перескакивая из одного конца зала в другой, и не боялась боли — и рыбкой прыгала, прикладываясь о пол, и в металлические решетки на окнах спиной врезалась, и мячом-то ее обо что-нибудь припечатывало… порой создавалось впечатление, будто она не имеет инстинкта самосохранения. И как не переломала кости?

Наверное, из-за того, что с мячом на «ты». Впивается ногтями, чувствует баланс, наклоняется, когда нужно, не стоит, а двигается, но при этом не он ею руководит, а она — им. Хотя, тренируйся она целенаправленно, это было бы более впечатляюще. А так неуклюжесть все равно наблюдается, пусть она и твердо стоит на ногах.

— Я хотела кое-что спросить, — нарушила тишину Хель. Я едва не бросил в нее телефон: опять вырывает из раздумий! — Изенгрин, ты ведь староста волков?

— Тебе тысячу раз уже говорили, да, — фыркнул я. — Или у тебя память — решето?

— Захлопнись, — огрызнулась она.

— Вообще рот не открывай, — приказал Изенгрин. — Да, я их староста.

— А тебя порой называют… эм… Волком? Как бы такой один самый главный, большой Волк. С заглавной буквы. Такое весомое прозвище, отражающее твою роль.

Изенгрин напрягся. Я невольно повернул голову обратно, смерив девушку удивленным взглядом. Неужели узнала, кто он? Откуда? Варвара порцию видений подкинула?

— Иногда называют, — осторожно ответил он. — Некоторые.

Только те, кто в курсе его реальной сущности. Только я, Гери, Арлекин и ему подобные.

— А у вас есть… Лис?

С меня словно тысячу шкур разом спустили.

Допустимо, что она каким-то чудом смогла добраться до правды в отношении Волка — и то не до конца, потому что не подозревает о его божественном начале. Но за столь короткое время — и до Лиса?

В каком ключе она мыслит? Не разгадать — глаза у нее ничего не выражают. Пустота. Будто смотришь не на человека, а в болотную водную гладь.

Изенгрин засунул руки в карманы. Плохой знак…

— Нет. У рыжих другие порядки.

— Понятно… спасибо, — уголком губ улыбнулась Хель и, словно чувствуя напряжение, в последний раз перебросила мяч и спросила: — Что дальше?

А я готов был перерезать себе горло здесь и сейчас, лишь бы не ощущать на себе подозрительный взгляд Волка. Я обязан за ней наблюдать, сообщать о каждом изменении в ее поведении… в последнее время для него это особенно важно, ведь в тот момент, когда она выцарапала на своей руке злополучную букву, он приготовился к развитию партии. Фигуры зашевелились, и теперь каждый участник должен был оставаться начеку. А Хель — одна из основных фигур, доступная для обеих сторон, но действующая по собственной воле и руководствующаяся собственными соображениями; а еще в ней заключена еще одна, более ценная лично для Волка — его любимая Варвара.

Ее нельзя выпускать из поля зрения ни на секунду. А теперь Хель задает вопросы, которые не должна задавать. Никто не хотел, чтобы она окунулась в реальность, узнала, что на самом деле ее окружает. Но каким-то мистическим образом она пошла по запретной тропе и теперь находится в нескольких шагах от истины.

Разумеется, меня обвинят в том, что я направил ее. Ведь никто, кроме меня, не может быть в этом заинтересован. Даже Лис.

Глупости, Морена жаждет открыть глаза Хель, как никто иной. Но никто не знает о ее возвращении, поэтому…

По виску сбежала капля пота.

Найти отмазку. Срочно найти отмазку и свалить, пока не поздно! А там разберемся…

От неожиданного стука я подпрыгнул на месте.

Между дверью и стеной протиснулась огненно-рыжая макушка, и Арлекин звонко провозгласила:

— Простите за беспокойство! Привет, Хель, рада видеть, надеюсь, с тобой все в порядке! Солейль, тебя директор к себе

требует. Прямо сейчас.

Будь благословен Змей, спасение!

* * *

Директор являлся личностью едва ли не мистической — видели его лишь учителя на советах и собраниях, а также я, Гери и Арлекин. Однако я отличался по своим функциям и силам ото всех, поэтому был приближен к нему максимально — больше, чем кто-либо. Сам Изенгрин наведывался к нему реже, что уж говорить о Лисе, не терпящем своих сородичей. Пожалуй, меня можно было считать главным инструментом директора в нашей общей партии, его союзником и учеником, но он не любил раздавать должности и ограничивать человеческие возможности ярлыками.

Он не раз говорил: будь у него прежняя власть, он бы запретил имена. Ибо «зачем людям клеймо, печать, которую они будут нести до конца своих дней, как рабы или марионетки?» Имя — набор звуков. По нему человека узнают, составляют о нем мнение, создают образ, лишают свободы, шансов показать себя с новой стороны.

Мне нравился Змей. Он отличался от других Изначальных, и не только тем, что в человеческом обличье представлял собой не молодого юношу и не цветущую девушку, а харизматичного мужчину лет шестидесяти. При беседе с ним заглядывать ему в лицо осмеливались немногие: он словно сканировал собеседника, выводил на поверхность его слабости и пороки.

Кроме того, он не стремился завершить все одним ударом, как Волк и Лис. Нет, он был терпелив и осторожен.

Я любил с ним говорить. В отличие от Волка, не ставящего меня ни во что и принимающего только из-за того, что его возлюбленная решила сделать меня своим сыном, и от Оленихи, видящей во мне лишь живую куклу для заботы, Змей обращался со мной если не как с равным, то с тем, кто играет хоть какую-то роль в происходящем. Он слушал, когда я чем-то делился, давал советы. Для него я не был пустым местом. Такое кого угодно подкупит.

Хотя, конечно, я сознавал, что это лишь часть имиджа, способ манипулировать, поэтому старался не поддаваться на уловки. Не всегда получалось. Это восхищало, и я гордился тем, что могу следить за ним — не каждому приваливает столь баснословная удача.

Арлекин вприпрыжку шла рядом. Обычно она сияла, как

солнце. Сейчас же волосы ее потускнели, лицо осунулось, а фигуру словно обточили ножом, сделав тонкой и угловатой.

— Опять Господин развлекался? — вырвалось само собой.

— Ага, — беззаботно ответила рыжая.

— Больно?

— Не-а. Устала немного, но это ничего, скоро пройдет. Спасибо, что спросил.

— Да не за что, — фыркнул я. — Гери не такой чуткий?

Она смешно насупила нос:

— Гери — враг. Так что мне плевать, какой он, чуткий или нет.

— А я не враг?

— Ты лис, а значит, просто представляешь угрозу. Но не враг.

Потрясающая логика в смеси со слепой верой в распределение по лагерям. Попал к лисам — значит, ни за что Лиса не предашь, к волкам — последнюю каплю крови во славу Волка прольешь.

— Зачем я понадобился Змею?

— Не знаю. Раз позвал, что-то важное.

У этой женщины бесполезно что-либо спрашивать. Так бы и послал к черту, да жалко девчонку, которая явно плохо кончит — все они, эти чистые души, питаемые верой, несправедливо и жестоко погибают, а потом забываются всеми, в лучшем случае — почитаются как святые или мученики… да кому нужно почтение в царстве мертвых? Там только тенью колыхаться над высохшей землей, страдая от призраков прошлого.

Кабинет директора находился на первом этаже в конце коридора, куда не долетали детские вопли и смех. Маленький уголок вечного покоя, который иначе, чем «электронным», назвать язык не поворачивался. С самого края — собственно кабинет с прилагающимся к нему залом секретаря, затем — кладовая, медиацентр, компьютерный класс и несколько помещений для бухгалтеров. Порой кто-то семенил по краю коридора и исчезал либо на лестнице, либо в проходе во вторую часть здания, а из бухгалтерской доносилось приглушенное хихиканье, еще реже в медиацентре читали радиопередачи, но в целом здесь властвовала рабочая тишина — особенная, необычная и самая приятная тишина, сопровождаемая стуком пальцев по клавиатуре, скрипом ручки по бумаге и шорохом переворачиваемых страниц.

Тут неплохо бы было построить что-то вроде садика или оазиса с парой кресел. Уютно, светло. В условиях, когда можно расслабиться, полюбоваться цветами и усладить слух пением одомашненных птиц, легче обсуждать вопросы, касающиеся

города и божественных разборок.

Арлекин на цыпочках прокралась в зал секретарши и поманила меня за собой. Предупредительно постучав, заглянула внутрь директорской:

— Директор, я привела Солейля, как вы и… Черт!

Она отскочила от прохода так проворно, что я не успел сосредоточиться и подхватить ее, из-за чего мы с треском рухнули на пол. Слава богам, потому что иначе мы сгорели бы заживо: из кабинета вырвался длинный язык пламени, который чуть не подпалил Арлекин волосы.

Мат вырвался из глотки против воли, но был беспощадно заглушен чужим и до боли знакомым голосом:

— Это произошло слишком рано! Слишком, даже учитывая твои предупреждения! Я сделал все, все, чтобы задержать Варвару, устроил Хель гребаный санаторий, напугал до смерти всех, кто мог вывести ее из равновесия, осталось только дать ей номер телефона психологической поддержки и устроиться туда диспетчером! Она не должна была пробудиться, и ты убеждал меня в этом каждый день! Твои предсказания и заверения оказались бесполезны, так почему я должен довериться тебе в этот раз?!

Арлекин сдула с лица мягкие пряди и нежно улыбнулась, покосившись в сторону распахнутой и чуть обугленной двери, так что долго думать, кто же там так распаляется, не пришлось — очевидно, ее драгоценный Господин.

Убедившись, что она ничего не сломала, я примостился у края прохода.

Змей откинулся на спинку глубокого кресла и, нахмурившись, потирал запястье — видимо, именно этой рукой он отразил огненную атаку Пака. Сам же Пак, стискивая кулаки, метался из угла в угол, и глаза его наливались ядовито-желтым. Волосы растрепались, и на их концах полыхал огонь; с ногтей стекала раскаленная лава, оставляющая на полу прожженные дыры.

Представляю, как сердится директор — он совсем недавно устроил генеральный ремонт.

— Успокойся, Лис, иначе заставлю платить компенсацию.

— Да плевать на деньги! Речь не о них, а о твоей предательской сущности.

— Уверяю, я здесь ни при чем. Люди — непредсказуемые существа, крайне редко вписывающиеся в установленные рамки, и ты осведомлен об этом. Тысячи лет жизни тебя ничему не научили? Я прогнозировал, да, но я не наделен даром точного предсказывания. Варвара очнулась, и я изложил свою позицию.

Распоряжайся ею, как хочешь. Здесь нет ничьей вины. Просто иди и подумай, что станешь делать; игра продвигается, до финала недалеко, и ты должен определиться, какую точку поставить в этой истории.

— Волк знает?

— Нет, но догадывается. Пока ты на шаг впереди, и тебе необходимо выложиться на полную, чтобы так было и впредь; он настигает. Будь осторожен.

Лис с усмешкой провел ладонями по волосам, стряхивая с них искры, ярко-алые языки и пепел. Глаза теперь были обычные, человеческие, янтарно-карие. Этого у него не отнимешь — отходит быстро.

— Буду, — сказал он тихо, словно прошептал. — В чем ты спец, так в бессмысленных советах. Я добьюсь победы, не сомневайся. Избиратель на моей стороне.

Змей хитро поднял указательный палец:

— Один из Избирателей.

— Что бы это значило? — вскинул бровь Пак.

— Еще не решено, но, как куратор спора, я вскоре разберусь с проблемой. Можешь быть спокоен; все случится, как должно. А сейчас иди; у тебя много дел, а у меня еще одна встреча. Ты не единственный, кому нужна моя помощь. Было приятно побеседовать, Лис.

Пак оскалился:

— Взаимно, Змей. Будь здоров, — он чуть поклонился, а потом вдруг гаркнул: — Арлекин!

Девушка, неотрывно следящая за ним на протяжении всего диалога, вскинулась:

— Да, Господин!

— Пойдем, — ссыпал последние угольки со своей шевелюры он. — У нас действительно есть чем заняться. Ты все подготовила?

— Да.

— Молодец.

И, не обращая внимания на директора, выудившего из ящика упаковку влажных салфеток и стирающего ими остатки обугленной плоти с ладони и запястья — все же огонь Лиса опасен даже для него, — вышел из кабинета, беззаботно закинув руку за плечо Арлекин. Рыжая просияла; от ее глупой влюбленной улыбки меня чуть не стошнило, а вот Паку было совершенно все равно. Его лицо не выражало ничего, и он невероятно напомнил мне Изенгрина — тот тоже смотрит равнодушно, свысока, устало. Словно он огромный старый пес, вокруг которого вьются щенята. Порой казалось, что он потерял

вкус к жизни — желания и эмоции проявлялись в нем, только когда речь заходила о Лисе и их войне. В остальное же время он их просто имитировал.

Лис виделся мне другим. Он постоянно улыбался, устраивал забавные розыгрыши, превосходно находил общий язык с новыми поколениями и с легкостью сливался с ними, показывал фокусы, просто… жил. Создавалось ощущение, что его разрывает от эмоций каждую секунду, и каждое мгновение они меняются; он был как Арлекин, только умел прятаться за масками. Так я думал.

Но сейчас, когда он прошел мимо, не соизволив посмотреть на меня, я узрел другое существо — такое же старое, как Волк, выцветшее, невзирая на яркость своего пламени, и истощившееся.

Там, на дне его глаз, не было ничего, кроме слабой, истеричной злости.

Эти два глупых бога извели себя. Дошли до края. Впору спросить, так ли уж нужна им победа в этом античном, как они сами, споре…

Я бы, наверное, так и стоял, прилипнув к стене и таращась в уже опустевший дверной проем, если бы мои размышления не прервал Змей:

— И долго ты будешь там торчать, Солейль? Буря стихла. Или тебе, как вампиру, требуется приглашение? Так входи.

— Ты считаешь меня вампиром? — тут же фыркнул я. — Как некрасиво.

Внутри было холодно — из открытой форточки проникал ледяной ветер, по-весеннему обманчивый и по-зимнему пробирающий. К счастью, я додумался не приходить в одной рубашке и натянул свитер.

— О, не обижайся, — директор выбросил использованные салфетки в мусорную корзину. Вот испугается уборщица… Хотя, наверное, ей не привыкать. Или, что более вероятно, Змей запрограммировал ее на серию определенных действий и заблокировал возможность размышлять о том, что здесь творится, раз в мусорке постоянно то плоть, то чешуя. — Какова ситуация с Волком? Он давно не заходил.

Я приземлился на диванчик.

— Стандартно. Правда, у меня появляется ощущение, что он сходит с ума.

Змей заинтересованно приподнял бровь:

— В чем же это выражается?

Я передернул плечами. Одному Создателю известно, за сколько тысячелетий перевалило Изенгрину, но за такой срок свихнется кто угодно. Сколь бы мудр ни был бог, как много бы ни пережил — рассудок не сохранить. Возможно, Волк спятил за

миллениум до моего рождения и просто мастерски держал себя в руках, и это вылилось в свет только сейчас — из-за эмоционального потрясения.

Даже у Змея, величественно восседающего передо мной в дорогом костюме и галстуке из змеиной кожи, вполне вероятно, давно поехала крыша.

— Как сказать… он напряжен, ведет себя так, будто ходит по острию ножа, не контролирует силу — за последнюю неделю мне трижды пришлось загораживать его лицо учебником, чтобы никто не заметил, как у него глаза сверкают, — и поразительно вспыльчив.

— Вспыльчив? — переспросил директор. — Чтобы Волк был вспыльчив… Он точно не осведомлен о пробуждении Варвары?

— Нет. Но еще немного — и просечет, в чем соль. Ты сам говорил, он не глуп. К тому же видел, как Хель на празднике выцарапала на ладони букву «В»; с его помешанностью на той девке трудно не связать это с ее именем. К счастью, пока он рассматривает это как знак ее скорого появления, а не того, что она уже здесь. Завершить игру необходимо быстро.

Змей утвердительно хмыкнул, сложив ладони домиком:

— Хель должна узнать о том, что происходит, и решить в пользу Лиса.

— Почему именно Лиса? — удивился я.

— Есть идея, как завершить вничью.

Я тут же подобрался. Всегда думал, что кто-то обязан одержать победу…

— Так можно?

— Конечно. Формально это будет ничья, но по факту — выиграю я, и это, как ты понимаешь, спасет множество жизней. Исход борьбы зависит от Избирателя. До этого предполагалось, что он будет существовать в единственном числе — и так и было. Сначала эту позицию занимала Варвара, но провести обряд, в котором конфликт исчерпал бы себя, не успели — Лис убил ее. Правильно сделал, она бы отдала лавры Изенгрину. Позже родилась Ия — тоже одна. Но механизм, при котором мы собирались посвящать ее, отличался от ее предшественницы. Тогда все было проще, теперь же… она должна была пребывать в неведении до финала, и о значении ее выбора мы бы сообщили ей после ритуала. То есть она, как новенькая, должна была определиться, в какой «лагерь» отправиться, и тем самым распределить победу и поражение между Волком и Лисом. Однако реальность свернула на иной путь. Варвара все это время находилась в царстве мертвых — из иного места она бы не смогла прорваться к живым и тем более проникнуть в чужое тело — и

избрала Хель мишенью. Скорее всего, из-за того, что только Избиратель способен вынести силу Избирателя. Вполне логично… как бы то ни было, это даже облегчает нашу задачу. Раньше я предполагал самолично уничтожить победителя, кем бы он ни был, чтобы не дать его силам пересечь границу и захлестнуть его — все-таки любой бог сорвется, верни ему вдруг всю его мощь, запертую на протяжении веков, — а теперь за меня это сделает схватка Избирателей.

— Схватка Избирателей?

— Да, — тонкие губы Змея скривились в предвкушающей улыбке. — Варвара предрасположена к Волку, Хель — к Лису. Нужно лишь окончательно убедить Хель в том, что нужно предпочесть его. А потом… потом ты получишь, что хотел.

Я мечтал, питался заверениями директора в возможности реализации моего желания, но никогда не получал ни гарантии — да и не требовал, — ни тем более шансов добраться до искомого. А теперь мне вдруг словно показали поворот, за которым оно покоится, ожидая меня.

Голос предательски дрогнул:

— Как?

— Тебе это вряд ли понравится.

— Неважно! — воскликнул я. — Что угодно!

Змей хохотнул, качая головой, но почти мгновенно вернул свою серьезность:

— Ты отрубишь рога Оленихе. И от этого она умрет.

Первичный восторг растаял, как дым.

— Зачем?

— Ее рога — мощный проводник. В них содержится вся ее сила, но помимо этой функции они ее еще и перенаправляют. Только с ними ты сможешь перетянуть мощь Лиса в себя. Но так просто их не отрубить; для этого нужен специальный кинжал, и я его выковал. Сталь метеорита, окропленная моей кровью, рукоять обвита кожей моего реального обличья и заговорена лично мной. Но ты должен быть уверен. Она будет умирать в агонии. Долго. Ты готов пойти на подобное?

Из ящика над его коленями он достал длинный изогнутый нож, угрожающе сверкающий.

Я принял его дрожащими руками, но не сомневаясь в том, что исполню должное. Смерть матери ради будущего? Хорошая цена.

* * *

Порой город казался до неприличия большим, и короткая

дистанция — от школьного крыльца до автобусной остановки — растягивалась на бесконечно долгий срок. Пока я семенил по тротуару, отшатываясь от каждой машины, прошла целая вечность.

С неба хлопьями летел снег — холодный, колючий и пушистый, забивающийся за шиворот и застилающий глаза. Приходилось смахивать его с ресниц, стирать влажные дорожки со щек, отчаянно отогревать пальцы, поднося их к губам. Самое обидное — от этого не было никакого спасения, хоть натягивай воротник до самого лба.

Возможно, раздражение было таким сильным из-за общего эмоционального фона: меня разрывало на части. Предвкушение, восторг, злость, предчувствие скорой расплаты, волнение, радость, толика сожаления… и ни капли сомнения. Змей дал мне оружие, и я намеревался им воспользоваться. Боги, особенно столь могучие, как Змей, не разбрасываются подобными сокровищами. Оружие, окропленное кровью Изначального бога, приносит удачу и уничтожает все на своем пути, ведь Их кровь закаляет, как ничто иное. Пожалуй, с ним могут сравниться лишь мечи, выкованные в драконьем огне; но они уже давно стерты с лица Земли, спрятаны в местах, о которых даже самые древние создания не помнят, а самих драконов остались единицы, и отныне они не оказывают людям услуг.

Нож покоился во внутреннем кармане куртки — оставить его в сумке я не рискнул. Сталь чувствовалась сквозь плотную вязь свитера; там, где он соприкасался с телом, по коже пробегали электрические заряды. Несколько раз до ушей доносилась призрачная песня; такие пели викинги во время набегов. Рычащая, восславляющая павших героев и тех, кому еще суждено пасть, битвы, копья и топоры, убийства и богов, что даруют победы. Нож требовал крови; он хотел пить и упиваться ею.

Автобус подъехал к остановке, едва я вышел из подземного перехода. К счастью, у его дверей образовалось небольшое столпотворение, и я без усилий успел добежать до того, как он двинулся завершать маршрут. Несмотря на час пик, забит автобус был не под завязку, и я спокойно добрался до пункта назначения.

Он миновал спортивный центр, вокруг которого наматывали круги хоккеисты в теплых куртках, затем главную площадь, уже наполовину заставленную ярмарочными палатками к Масленице, винный магазин, пиццерию и, наконец, достиг завода — конечной остановки.

Он находился на самом отшибе, в стороне от прочих зданий и сооружений — серый, длинный, с дисплеем над входом, на котором высвечивались время и дата. Из труб валил дым,

смешивающийся с тучами и разбавляющий их насыщенно-темный цвет молочной белизной. Красиво и ядовито. Век бы любоваться. Но нельзя — время не ждет.

К конечной в салоне никого не осталось; неудивительно, учитывая, что здесь одна лишь автобусная база да завод. Живые существа появляются на дорожках только после окончания рабочего дня, а сейчас, когда солнце едва-едва опустилось и направилось к горизонту, тут ни души.

Насвистывая под нос привязавшуюся мелодию, я вприпрыжку добежал до подвала — к маленькой двери, запертой на замок, с задней стороны здания. Камер наблюдения здесь не имелось — Морена взломала их сразу после перерождения, и с тех пор они показывали одну картинку; весьма умно и находчиво с ее стороны, учитывая, что она даже не знала, что это такое, когда зачаровывала их.

Впрочем, судя по всему, мимо этой двери никто не ходил. Отличный подвал, секретный и тихий — другого такого не сыскать.

Я повернул ключ, снял замок, запихнул его в щель между землей и стеной, которую сам же и проделал две недели назад, и юркнул внутрь.

В помещении, как обычно, было хоть глаз выколи.

— Соль?..

— Соль, Соль, — откликнулся я, сбрасывая портфель на пол. — Кто еще может к тебе заявиться? Где чертов выключатель? Я шею себе здесь сверну.

— Со-о-оль! — восторженно взвизгнула Морена.

Свет включился, как по волшебству. Не успел я толком сориентироваться, как она отвесила мне такую пощечину, что искры перед глазами заплясали, и зашипела:

— Кретин! Я так долго ждала! Тебя где носило?!

— Полегче! — пришлось и самому повысить голос. — Волк следит за мной, так что найти возможность тебя навестить сложно. Не размахивай руками без повода. Рано или поздно у меня от твоих оплеух мозг из ноздрей вытечет.

Морена передернула плечами:

— У тебя там и так ничего нет. Как дела у Хель?

Опять! Только переступишь порог, а она сразу заладит: «Как там Хель? Что с Хель? Она в порядке? Она еще жива? Варвара ее еще не поработила? Ох, как хорошо, я знала, что она одаренная девочка!» Словно курица-наседка; поразительно, ведь она ни разу с ней не пересекалась. Откуда она о ней узнала, зачем она ей нужна, почему такой интерес…

— Не знаю, — отмахнулся я.

— Ты же обещал сообщать мне о любых изменениях. Как ты будешь это делать, если тебе все равно?

Она, уже отошедшая в глубь подвала, резко обернулась; полы черной, как ночное небо, мантии взметнулись вверх, обнажив босые ступни и черные ногти. Глаза опасно сверкнули, спутанные черные космы зашевелились змеями, и меня окатил могильный холод.

— Ты чуть не сожгла меня, — напомнил я. — Думаю, мне можно дать поблажку в качестве искупления вины, как думаешь?

Страха я тогда натерпелся. Когда Морена в том жутком плаще с капюшоном протянула руку и сжала кулак, вызывая смертоносное пламя, я попрощался с жизнью; магия никогда мне не давалась, как бы «матушка» ни пыталась научить непутевого сына ею пользоваться. Да, Морена была обессилена и истощена, у нее не имелось источников, из которых она могла бы черпать мощь, но это не лишало ее божественной сущности. К счастью, обошлось — я выжил. Чудом. Исключительно из-за крови Оленихи, текущей в жилах. До меня дошло, что произошло, только на следующее утро, когда пришлось объяснять Морене, почему я не поджарился. Она искренне желала избавиться от свидетеля, заставшего ее за принесением очередной жертвы. Слава богам, моя связь со Змеем пришлась ей по вкусу, и она решила не убивать меня.

— Пожалуй, — фыркнула она, и холод отступил. — Но впредь не являйся без вестей. Понравилась ли ей моя надпись? Я вложила в нее много чар, потратила почти все, что получила от жертвы, той, что скончалась в больнице. Хотелось бы, чтобы ее тронуло.

О, сомневаюсь, что ее не задело. Неожиданно появившаяся ночью надпись на стене, причем не просто нанесенная чернилами, а выцарапанная, поразила бы кого угодно. Морена умела выбирать способы донесения информации — Стивен Кинг нервно курит в сторонке.

— Полагаю, она оценила. Ты что, была в больнице?

Морена беззаботно приподняла полы мешковатого мрачного одеяния и плюхнулась на пропыленный диванчик.

— Да. Те мальчики и девочки, которых я сожгла, предназначены для того, чтобы открыть доступ к запечатанному каналу силы, поэтому мне нельзя использовать то, что они мне дали, иначе придется убивать еще, а это слишком долго. Но не жить же мне без магии! Другого варианта нет, только больница — в ней умирает достаточно людей, чтобы я могла прокормиться. Еще одна жертва — и мне больше не придется туда ходить; смерти со всей планеты снова станут доступны и будут питать

меня.

Я поежился, представив, насколько возрастет ее мощь. Она и сейчас представляет угрозу — даже Змей посоветовал быть с ней начеку, — а когда ритуал завершится, в ее распоряжение поступят оборвавшиеся нити всех людей и она взойдет на престол, дабы потягаться с самими Изначальными.

Морена придирчиво рассмотрела свою ладонь, повертела кисть так и эдак и заключила:

— Мне нравится. До погребения мое тело отличалось от этого, но и так неплохо. Признаться честно, сначала, после воскрешения, я испугалась; решила, что навсегда останусь полусожженным трупом. Ты, наверное, знаешь: Лис сжег меня, когда я совсем потеряла способность колдовать после отказа людей от языческой веры. Почему он так поступил? Не понимаю… да это и не важно. Я вернулась и готова отомстить. Теперь у меня получится сделать это достойно, ведь я вернула свою красоту, а вскоре верну и мощь. Как хорошо, что человечество не избавилось от болезней и войн и не изобрело лекарство от смерти. Вот бы и Хель поддержала меня. Она на дистанции с Лисом, Соль?

— Более или менее.

Если сказать ей, что после пробуждения Варвары они стали ближе, она не перенесет. Точнее, вспылит, и тогда все, как всегда, свалят на меня.

— Хорошо, — кивнула она. — Когда я смогу с ней увидеться? Я так хочу ее поблагодарить.

— За что? — удивился я.

— Тебе Змей не объяснял цикл души?

Я отрицательно помотал головой.

Морена фыркнула что-то на древнерусском, подтянула колени к подбородку и пояснила:

— У каждого человека есть душа; она может быть старой, может быть молодой — зависит от того, сколько воплощений на Земле прошла. Души рождаются в Купели, столь высоко, что даже Изначальным туда не дотянуться. Считается, будто душа бессмертна, однако это не совсем так; она может сколь угодно являться в мир, но в один прекрасный момент она… не ломается, однако более не способна выдерживать тяготы жизни. Тогда она попадает в царство мертвых, где ее определяют в Дом — туда, где она будет вечно пребывать в покое. Некоторые по своей воле вновь вступают в цикл, но чаще наслаждаются беспечностью в Доме. Задействованные в цикле ду´ши между воплощениями парят в Чертогах — иногда этот срок растягивается, иногда совсем короток. А еще — очень редко — души становятся

Избирателями.

Я замер.

— Ты знаешь, как рождаются Избиратели? — еле выдохнул я.

Морена пожала плечами:

— Я же богиня мертвых. Все зависит не от тела, а от того, что заставляет его жить.

— И как же?

— Души не очень крепкие создания, кто бы что ни думал, и почти никогда не выдерживают перерождение за перерождением. Долго блаженствуют в Чертогах, затем заваливаются в Дом — в цикл вливается абсолютное меньшинство. Но даже и они быстро исключаются из него — временно или навсегда. А Избиратель — особенная душа, сильная, по-настоящему любящая жизнь, та, что ни разу не вылетела из цикла и почти не бывала в Чертогах, а уж Дома вовсе не видела. Человеческая жизнь закаляет всех, но этот закал истрачивается, пока они «отдыхают»; та душа, которой суждено стать Избирателем, никогда не устраивает передышки. Она воюет постоянно, преодолевает препятствия и в конце концов приближается к богам. Избиратель — маленький бог, отличающийся ото всех остальных. Как и Изначальные, он не зависит от человеческой веры — он просто есть. К сожалению, до этого им была только Варвара, а ее убил Лис, поэтому ее душа лишь скиталась по просторам царства мертвых и почти утратила мощь, так что я не могу сказать, во что эволюционирует такое божество, если и после вступления в роль Избирателя продолжит раз за разом приходить в мир. Наверное, встанет на одну ступень с Изначальными. А может, в нем и вовсе найдет свое воплощение Создатель — но это лично моя теория.

— Ты считаешь, что Избиратель — это забывший о своей сущности Создатель?

— Не совсем, но звучит захватывающе! Хотя даже мы вряд ли дотянем до той поры, когда он проснется. Он уже спал, когда Изначальные взяли под опеку эту планету, — скорее всего, он послал их сюда в качестве своей замены. С тех пор прошло почти семьсот тысяч лет, а Избирателей родилось всего двое. Так что…

И как прикажете поступить с подобным откровением? Пожалуй, сохраню при себе. С этим нужно быть аккуратнее: никому из богов доверять нельзя.

— А вообще, зачем ты пришел? О царстве мертвых расспрашивать? — взвилась вдруг Морена. — Это ты должен доставлять мне сведения, а не я — тебе. Когда мы с Хель увидимся?

Я сложил руки на груди, как делал всегда, передавая послания Змея:

— Скоро. Змей решил, что ей нужно как можно скорее узнать о богах, а тебе — завершить ритуал. Поэтому на Масленице ты должна пригласить ее к себе. Вежливо, без спецэффектов. И не просто вывалить на нее всю правду, Морена.

— А как?

— Змей все растолковал, так что слушай…

Хель-VI

С тех пор как Варвара появилась, она ни на секунду не оставляла меня в покое. Постоянно находилась внутри черепа, так что я чувствовала, как она танцует на извилинах головного мозга. Ее смех звенел в ушах, а язвительные речи вставали поперек горла. Она не умолкала. По дороге из гимназии, по переходу из кабинета в кабинет в школе, на тренировках с Изенгрином и Солейлем, на занятиях, в комнате — она *присутствовала*. Ее ладони ложились мне на плечи, порой сжимали горло, гладили по волосам; она шептала проклятья и угрозы, демонстративно задевала меня широкими юбками, и после этого я обнаруживала на коже неглубокие, но длинные царапины, кровоточащие, пахнущие солью.

Она упорно пыталась подавить мое сознание. К счастью, у нее не получалось: возможно, если бы она не осведомила меня о своих планах, и прорвала бы мою защиту, но я знала, какова ее цель, и делала все, чтобы она ее не достигла. Вспомнила прочитанные фэнтезийные книги, в которых описывался механизм защиты разума, изучила множество сайтов в Интернете; большинство источников информации предоставляли сущую чушь, но удалось откопать и нечто полезное. Долгие часы я проводила на кровати, разглядывая надпись, излучающую волны спокойствия, возводя воображаемые стены. Каменные, кирпичные, желтые, черные, синие. Рисовала металлические громады космических станций, уходящие в небеса деревянные доски, «рваную» средневековую кладку, сплошной слой земли, воющий водопад. Постепенно образы становились четче и тверже, я почти ощущала запах воды, травы или шпаклевки, но от Варвары они не избавляли; она играючи рушила их, втаптывала в грязь. Лишь что-то глубокое не позволяло ей поработить мое тело; я старалась отыскать это «что-то», подчерпнуть из него силы, но тщетно.

В школе я отвлекалась на посторонние вещи и дела, да и Арлекин заглушала голос Варвары, а вот наедине с собой становилось невыносимо — она поглощала, затягивала, и я барахталась, утопая в тине. Приходилось прилагать все больше усилий, чтобы остаться на поверхности. Прикрывая глаза на уроке, я ощущала, как она царапает своими коготками хлипкие перегородки; на тренировках, когда меня физически изводили различными заданиями, она билась особенно настойчиво. Сон свелся к минимуму — отправляясь в царство Морфея, я отдавала себя на растерзание ей почти добровольно.

Было так страшно, что била дрожь. На краю я держалась,

питаясь яростью от собственного бессилия. Жить, как прежде, стало невозможно, но как строить новую жизнь, я понятия не имела, поэтому цеплялась за прошлое и делала вид, что ничего не изменилось. Но был кое-кто, кто моей политики не одобрял, — Пак.

Он был моей отдушиной — почему-то, когда я находилась в непосредственной близости от него, Варвара уходила. Шипела, плевалась, сыпала оскорблениями — и затихала.

Никогда не думала, что может быть так хорошо, когда в теле нет посторонних.

Я старалась быть ближе к Паку: на переменах бежала к нему, дома часы напролет слушала его бессмысленные истории, вливала его образ в воображаемые барьеры и старалась не гадать, почему он имеет подобное влияние на Варвару. Умом понимала: неспроста это, должно указывать на что-то, подводить к разгадке заварушки с Инквизитором, Волком и Лисом, но искать ответы не могла и не хотела. Боялась; в первую очередь о собственной жизни. Какие тут расследования!

Пак понимал и не обзывал сумасшедшей, как поступили бы многие. Беззлобно подшучивал, но не оскорблял, помогал по мере сил; как только понял, что при нем Варвара «стирается», потребовал моего постоянного присутствия под его боком. После окончания занятий мы встречались у дверей и дружно ехали домой, заваливались в кладовку и проводили там остаток дня. Лишь тренировки я посещала в гордом одиночестве — Пак не перенес бы общества Изенгрина; я не настаивала. Главное, что он позволял спать на пыльном матраце, уткнувшись ему в плечо — удивительно удобное, словно предназначенное для роли подушки, — и не видя кошмаров.

Но ничто не длится вечно, в том числе и дрема под шорох телевизора и тихие мелодичные песни лиса; у Пака был чистый, высокий, поставленный голос.

— Держи мяч крепче и кидай в корзину, а не за нее! Если так будешь и на соревнованиях играть, нас разнесут в пух и прах!

Баскетбольный мяч, шероховатый и тяжелый, вновь пролетел мимо корзины и со стуком отскочил от пола. Я выругалась и в сердцах швырнула его в футбольные ворота:

— Если будешь орать, так ничего и не получится! Лучше заткнись и дай мне справиться самой!

Солейль оказался отвратительным тренером, как и следовало ожидать. Объяснял он вполне приемлемо и упражнения задавал полезные, но вот добиться результата не получалось — он постоянно надрывался, сыпал проклятьями и предъявлял

претензии. И это ужасно выводило из себя.

Заниматься с Изенгрином, когда это недоразумение сидело на скамейке и если возникало, то крайне редко и ненадолго, было легче. Волк терпеливо повторял и показывал то, что я не понимала, и никогда не кричал. Солейль же больше вопил, так что я начала серьезно жалеть, что Изенгрин посчитал свою задачу выполненной и перепоручил меня своему лисьему дружку. Одно хорошо: волк внимательно наблюдал за ходом тренировки, хотя не прерывал ее. Даже не одергивал блондина; хотя я предпочла бы, чтобы одергивал.

— Кроме того, не от одной меня ход игры зависит. Сам бы покидал за компанию! — добавила я.

— Ага, — фыркнул Солейль, мажорно откинув со лба отросшую челку, — буду я с тобой рядом становиться. Мерзость.

— Я тебе этой штукой сейчас по самому важному органу залеплю.

— Залепи лучше в чертову корзину, хотя бы раз за тренировку.

— Пожалуй, на месте противников мне стоит представлять твою смазливую мордашку, точно буду бить точнее.

— Лучше представь ее на месте корзины, бездарность. Хотя тебе это вряд ли поможет.

«А мальчонка-то прав, — хихикнула издали Варвара. — Бездарность ты. Что в иллюзиях, что в баскетболе».

Я сделала бросок, и мяч, крутанувшись, попал в цель.

— Молодец! — хлопнул в ладоши волк.

Ухмыльнувшись, я подняла снаряд с пола:

— Мне расценивать это как комплимент или оскорбление?

— Оскорбление, — припечатал Солейль, не дав другу рот раскрыть, и тут же выхватил мяч. — Теперь вот так. И только попробуй не справиться, тут проще некуда.

Он эфемерным движением перевел его из одной руки в другую за спиной. Быстро и неуловимо. Будь он на линии перед противниками и проверни такой фокус, они бы и моргнуть не успели, а он бы уже выбил ближайшего и в своей танцующей манере отскочил назад.

Я самоуверенна, но нельзя не понять, что у меня подобное никогда не получится, хоть века напролет тренируйся. Мой конек — ловить мяч, а не колдовать с ним.

— Это сложно.

— Если откажешься выполнять то, что тебе кажется сложным, так ничего и не достигнешь, — философски изрек лис. — И мы проиграем из-за тебя, куриная башка. Так что пошла отрабатывать. Без нытья!

— Ах ты…

Хотелось послать его, но он говорил правду, поэтому я проглотила гнев и принялась оттачивать прием. Солейль, злобно ухмыляясь и насвистывая под нос какую-то песенку, плюхнулся на скамейку рядом с Изенгрином, закинул ногу на ногу и сделал вид, что меня нет. Хотя нетрудно было заметить, что глаза у него лишь чуть прикрыты, чтобы можно было из такого положения следить за моими лажами.

Мяч постоянно выскальзывал и ударялся об пол, так что спустя несколько минут резкий полый стук начал резать слух и вызвал ощутимую головную боль. Вдобавок из-за его тяжести я не могла быстро провести его, как это сделал Солейль. Заболели запястья, заломило кости.

Варвара, нащупав новую брешь, врезалась плечом в возведенную внутри стену.

Из ушей едва не потекла кровь из-за ее вопля; он оглушил, и ее проклятья потонули в колокольном звоне. Я зажмурилась, полностью сосредоточилась на витиеватых движениях, но звук становился громче.

Солейль был в курсе, что со мной не все в порядке, но он не сможет убедить в обратном Изенгрина, которому знать об ухудшении моего состояния совсем ни к чему. Пусть его осведомленность ограничится шрамом в форме буквы «В», до сих пор красующимся на моей ладони.

Звон утих, превратившись в серебристое звяканье колокольчиков, только когда кто-то положил широкую лапу мне на плечо:

— Хель, с тобой все нормально? Очнись!

Варвара издала глубокий грудной рев.

— Да, — выдавила улыбку я, утирая пот с щек и шеи. — Просто немного устала.

Изенгрин смотрел с беспокойством, внимательно, так что я почувствовала себя преступницей. Варвара заскулила и потянулась к нему, как щенок ко взрослому псу.

На мгновение мне показалось, что волк ищет что-то внутри меня, но наваждение быстро спало; его прервал Солейль, с ноги распахнувший дверь спортзала и вошедший в него с мокрой тряпкой — видимо, Изенгрин отправил его принести ее:

— Да что с ней станется! Устала она! Тебе сколько лет? Продолжай, шевели булками!

Я бы посмотрела, гадкий ублюдок, как бы ты выдерживал атаки полувоображаемой ведьмы и ее попытки отобрать тело, а тебя заточить в царстве мертвых!

Я уже открыла рот, чтобы высказать ему все, что думаю о его

мнении и о нем самом, когда мне в лицо вмазалась тряпка. Та самая, которую держал Солейль. Мокрая ткань больно хлестнула по коже, за шиворот затекла вода.

— Солейль, — с угрозой протянул Изенгрин.

Однако в его услугах не было надобности. Скрутив тряпку в жгут, я прошипела:

— Ты с каждым разом наглее и наглее, королевишна. Корона темечко уже натирает, сбить бы ее…

— Кишка тонка.

От его сложенных бантиком губ и липкого, как расплавленная карамель, тона меня перекосило, и, поддавшись порыву души, я со всей силы метнула в него мяч. Но цели он не достиг: Солейль присел, и он пролетел над его головой, жалобно-разочарованно свистнув; я выругалась.

Солейль бы едко прокомментировал мой провал, но этот простой, очевидный план накрылся на корню с резким выдохом, похожим на кашель курильщика, и диким хохотом в дверях.

Глаза блондина округлились, Изенгрин вопросительно вскинул бровь, я выпрямилась по струнке, и мы дружно обернулись ко входу.

Там, уткнувшись лбом в косяк, стоял мужчина лет шестидесяти с уже прожженными сединой короткими волосами. Одет он был своеобразно — рваные джинсы, красные кроссовки, белая футболка с логотипом «Ягуара», ядовито-желтая куртка. Хохотал он так, что тряслись стены. Молодой человек подле него смеялся не менее громогласно. Рядом с ним издевательски подскакивал мяч, а он держался за лоб.

Сердце упало в пятки.

— П-простите, пожалуйста! — жалобно проблеяла я.

— Хватит ржать, — простонал мужчина, пихнув юношу, — какое впечатление ты производишь!

— А сами-то, — выдавил парень, но смеяться перестал.

— Какого дьявола вы тут? — холодно произнес Изенгрин, выходя вперед. Солейль за шиворот оттащил меня назад, прошептав: «Не возникай». Я покорно встала с ним рядом; нетрудно догадаться, что с этими незнакомцами отношения у волка напряженные — его глаза сверкали сталью.

— Нас пригласила Марина, — пояснил мужчина. — У стадиона небольшие задержки с реставрацией зала. Должны были закончить через неделю, как раз к соревнованиям, но не укладываются в сроки, а в нашей школе все застопорилось и не продвигается с месяц как. Вот и пришли осмотреться, так сказать, продумать расстановку сил…

— Ладно. А этого, — Изенгрин презрительно кивнул на

парня, самозабвенно вертящего сережку в ухе, — вы зачем притащили? Мы договаривались, ноги его здесь не будет без уважительной причины.

— А осмотр помещения — не стоящий предлог? — фыркнул младший. — Поражаешь меня, просто поражаешь. Чем я тебе так насолил?

— Рождением на свет.

— Как прямолинейно.

— Завались, Антон. Бесишь.

— Дядя, он загоняет меня в пучину депрессии, — пожаловался, как я поняла, Антон. Мужчина похлопал его по плечу:

— Смирись, мой друг, смирись.

Изенгрин фыркнул, скривившись, и указал большим пальцем себе за спину:

— Пришли смотреть — смотрите. Быстро, тихо и без выкрутасов, а потом ступайте прочь до самых соревнований.

— Как прикажешь, босс, — хихикнул Антон, выуживая из кармана джинсов йо-йо со жвачкой, и прогулочным шагом направился вдоль белой линии возле скамеек. Мужчина — его дядя? — прокомментировав ситуацию себе под нос, последовал в противоположную сторону.

— А Марина где? — спросил он.

— На педсовете, — ответил Изенгрин, не выпуская его из поля зрения.

— Жаль. Поболтать бы.

— Она потому и ушла, чтобы вас не видеть.

— Что есть, то есть.

Я удивленно вскинула брови, повернувшись к Солейлю. Изенгрин на данный момент забыл обо всем, кроме странных людей, обнюхивающих чуть ли не каждый угол, и спрашивать было не у кого.

— Этот джентльмен и Марина — дальние родственники, — пояснил он, верно истолковав мой жест. — Она внучка его двоюродного брата, хрен знает, как это называется, честно. Марина рассказывала, они с самого детства не ладили, потому что он над ней издевался. А потом вышло так, что она устроилась сюда, а соревнования между их школой и нашей — традиция. С тех пор, как она здесь, мы и считаемся заклятыми соперниками. Но нам еще ни разу не удалось победить. Вообще, наблюдать за ними довольно забавно; Марина, завидев его, чуть ли не огнем пышет.

— Как мы с тобой?

— Точно, да, именно так.

Антон наматывал круги, играя с йо-йо и бряцая металлическими бляшками на одежде. Солейль потихоньку закипал, и я его полностью поддерживала.

— Чувствую, как ты сверлишь во мне дыру взглядом, — ухмыльнулся вдруг шатен, резко поворачиваясь к Солейлю. — Нравлюсь?

Тот опешил:

— Что?

— Нравлюсь. Если что, я живу в седьмом районе в единственной многоэтажке, подходи к консьержке, она объяснит, куда подниматься.

У белобрысого дернулось веко, а я судорожно уткнулась носом в ладонь, дабы заглушить рвущийся наружу смех.

— Стерва! — зашипел Солейль, дергая меня за хвост. — Я ей тут приемы свои сокровенные показываю, учу ее!.. Заткнись и продолжай!

Спорить я не стала. Мяч покорно скользнул за спиной из руки в руку. Воздушно, быстро. Не точь-в-точь как у Солейля, но близко к тому.

Блондин удовлетворенно хмыкнул, выставив Антону средний палец:

— Окстись, голубчик, смотри, какая у меня ученица талантливая. Никто, кроме нее, не нужен.

— Я тебе эти слова припомню еще, — пообещала я. Чтобы Солейль выдал такое!

— Талант еще нужно доказать. Посмотрим, насколько вы выросли за прошедший год.

Антон лыбился угрожающе, мрачно; йо-йо жужжало, как реактивный двигатель; я заметила, что боковые зубы у него подпилены. Как знак того, что на соревнованиях он выкачает из нас всю кровь, но займет первое место.

Я подкинула мяч вверх и поймала его на кончики пальцев.

Тут уж поневоле поставишь себе цель спустить его с небес на землю.

* * *

Масленица пришла неожиданно. Я бы даже сказала, незаметно подкралась со спины и прыгнула на шею, застлав взор золотыми волосами, пахнущими блинами, медом и солнцем. Я не вспоминала о ней до последнего, хоть и не забывала приглашение Изенгрина.

Правда, готовиться было не к чему. По крайней мере, гостям,

которые должны просто прийти на озеро, захватив с собой кошелек. Волновались и собирались лишь те, кто принимал непосредственное участие в создании весенней, воскрешающей атмосферы Древней Руси — танцоры, продавцы, кураторы аттракционов, воспитатели, клоуны-скоморохи и прочие, и прочие. Ярмарку давно поставили, но товарами не набили, и последние несколько дней грузчики сновали туда-сюда, а руководители зычно указывали, что и куда. Проезжая на автобусе домой — на улице было слишком слякотно, чтобы ходить пешком, — я видела и то, как бабульки с кульками семенят по дорожкам и «забивают» себе места рядом с палатками. Некоторые ставили таблички с банальными надписями вроде «занято», «места нет!» или собственными именами.

От ярко-желтых и ядовито-синих палаток рябило в глазах даже издали, и, честно говоря, было тяжело представить, как выдержать среди них хотя бы полчаса, особенно учитывая, что там будет шумная толпа.

С утра я проснулась с лютой головной болью, словно череп раскрошили ритуальным камнем. Скелет ломило, перед глазами плясали пятна. Застонав, я приподнялась на локте, второй рукой сжав волосы на затылке, будто это могло мне помочь.

Ночью не снилось снов, не являлась и Варвара. Погоду вечером по телевизору обещали солнечную, безветренную. Так почему настолько сильно раскалывается голова?

В кладовке тускло горела единственная лампочка. Щурясь, я огляделась. На матраце моя тушка покоилась в одиночестве.

Странно. Обычно Пак остается до последнего.

Вздохнув, я соскользнула с новой постели, небрежно застеленной старой курткой, и заковыляла к выходу. Я уже почти дотронулась до ручки, когда дверь, ведущая в квартиру Пака, громко хлопнула.

— О, ты проснулась, — защебетал лис. — Кошмары не навещали, пока меня не было?

— Нет. Куда ты пропал?

— Костюм гладил. Я танцую же, в мятом неприлично как-то.

Пак был одним из согласившихся танцевать на празднике. Точнее, он просто проявил инициативу. За две недели до Масленицы школьников созвали в актовый зал — они забили его до основания, некоторым пришлось даже залезть на подоконник. На сцену взошла неугомонная учительница обществознания, она же замдиректора, и громко зачитала сведения о проводе зимы; стандартная информация — когда произойдет, где, во сколько, какие мероприятия организованы. А затем сообщила, что «нашей школе поручено подготовить пару номеров». Пак, король-солнце

танцевального кружка, тут же предложил поставить народные танцы наравне с ребятами из спортцентра («утрем им нос!»), и его идею поддержали. В итоге, теперь и он сам, и те, кто посещали с ним кружок, обременились обязанностью выплясывать на самодельном деревянном постаменте в традиционных нарядах. Весьма прохладных для этой поры, надо заметить.

Опершись о стену, я повернулась к нему лицом.

Он скакал по кладовке в попытках натянуть красный сапог. Причем выглядел при этом крайне странно, и я не сразу определила, что это из-за одежды и прически — волосы он зачесал назад, заправив за уши; на рукавах простой рубахи вились вышитые узоры.

— Сейчас-то ты зачем вырядился?

— Ты, Хель, как Германия, нападаешь без предупреждения. То все в порядке, то вдруг какие-то претензии. Что тебе не по душе?

— До начала еще часа три, а ты уже в… этих шмотках.

— Во-первых, дорогая, у нас репетиция. Во-вторых, полтора, а не три.

Я опешила:

— Как полтора?

Пак улыбнулся едва ли не ликующе:

— Ты спала двенадцать часов. Сейчас уже одиннадцать. Если не хочешь опоздать на встречу с благородным рыцарем Изенгрином, тебе стоит поторопиться. Я как раз собирался тебя будить. Виски, поди, крутит?

— А ты знаешь, по какой причине их может крутить?

— Конечно, — пожал плечами он, поправляя забавную приплюснутую шапочку. — У меня чайник сломался, а пить что-то надо было, пока мы с тобой фильм смотрели, поэтому я принес коньяк…

— Почему я этого не помню?

— Потому что ты его выпила.

Секунда молчания.

— Что, весь?

— Нет, разумеется. Тебя вынесло с первой стопки. Надо было выудить из бара шампанское, наверное…

К коньяку я и близко не приближалась. Как, впрочем, и к большинству иных видов спиртного. Порой наливала бокал вина по праздникам вроде Нового года, но не больше. И тут еще надо поразмыслить, что заставило меня вылакать целую стопку горючего — настолько хотела забыться или повестись на провокацию?

— Я что-то творила, пока не отрубилась?

Пак ответил четко и серьезно:

— Разврат.

— Что?

Фыркнув, он повернулся на сто восемьдесят градусов и задрал рубашку. Его спина оказалась… Разрисована йодом. Деревья, крестики-нолики, цветочки, солнышки — все, что только можно придумать, коричневыми темными линиями.

— Разврат! — возмущенно воскликнул он. — Я специально стирать не стал! Ты, извращенка, начала молоть какую-то фигню и разворотила всю кладовку в поисках «краски». Что характерно, нашла, но не совсем краски, а йод, который не пойми как тут обнаружился. Видимо, из старой аптечки. А потом потребовала, чтобы я стал твоим полотном. Ну не наглость ли! Теперь я весь в цветочках и чертиках! Кошмар!

Я расхохоталась. Пак одернул рубашку и засунул, наконец, ногу в сапог:

— Ладно, шутки шутками, а ничего, кроме шампанского, я тебе отныне не предлагаю. И вообще, я побежал. И тебе советую, Изенгрин не любит ждать. Чао-чао! Не забудь выпить аспирин или что-нибудь в этом роде, а то на гулянке откинешься.

И, послав воздушный поцелуй, он вышел из кладовки.

* * *

Ни мать, ни отец не соизволили поинтересоваться, куда я направляюсь в любимых джинсах, вынимающихся с верхней полки шкафа исключительно по великим событиям, и цветастом шарфике с птичками — Пак одолжил, точнее, всучил мне его, заверив, что нужно надеть хотя бы что-то яркое. Он хотел, чтобы я в кои-то веки почувствовала себя частью чего-то большого и светлого.

Успела я точь-в-точь; когда за мной щелкнула дверь в подъезд, часы показывали без пятнадцати двенадцать — времени хватало как раз для того, чтобы добраться до озера и застать торжественное открытие ярмарки. К тому же я не заставила ждать Изенгрина, уже расположившегося на лавочке у крыльца.

— Доброе утро, — сказала я. — Надеюсь, ты недолго тут мерз.

— Нет. Только что подошел. Ты достаточно тепло одета?

— Не стоит беспокоиться, с утеплением проблем нет. Я думала, с нами будет Солейль…

— Решил не портить тебе этот чудесный день. Он будет ошиваться поблизости, но я попросил его нас не донимать.

Я с облегчением выдохнула. Настроение в упадке и без того.

Изенгрин протянул мне руку, но я с виноватой улыбкой засунула ладони в карманы. Он пожал плечами, и мы зашагали по тропинке к остановке.

В отличие от Пака, Арлекин, Солейля и других он не болтал без умолку. Приятно чувствовать спокойствие, равное одиночеству, будучи в контакте с другим человеком.

Мы не произнесли ни слова; молча ждали автобус, так же молча достигли пункта назначения и так же дошли до озера — как раз к началу. Палатки расставили ровными рядами, чтобы люди не заплутали, тут и там распространяли пьянящий аромат лотки с едой. Люди танцевали, дети играли в догонялки — и между собой, и со взрослыми в абсурдно громоздких костюмах.

— Не нравится? — тут же напрягся Изенгрин. — Если не хочешь, никто тебя не держит.

— Нет-нет, — поспешила оправдаться я. — Просто не привыкла к шуму после домашней тишины. Пять минут, и я вольюсь.

Волк пристально вгляделся в мое лицо, но кивнул, и мы возобновили путь.

Едва линия машин, припаркованных у бордюра, была пересечена, гомон и гул поглотили нас окончательно. Человеческие силуэты толкались плечами и налетали по неосторожности, дети, играющие в снежки, несколько раз запульнули мне прямо в спину, и Изенгрин учтиво помог стряхнуть с куртки снег. Шла я, запихнув руки в карманы и придвигаясь все ближе к Изенгрину.

— Кхм, — вдруг откашлялся он, — тут рядом есть ларек, где продают варенья… Не хочешь туда? Может, найдешь что-нибудь интересное. Если не для себя, то для близких.

Да, это тот самый человек, который ставит интересы других на одну ступень со своими, а то и выше; человек, который видит во мне что-то хорошее. Изенгрин — представитель вымирающего рода добряков.

— Конечно, почему бы и нет.

Он указал направление; я последовала за ним.

Все вокруг было совершенно одинаковым. Повороты, ларьки, дети, облаченные в сарафаны де´вицы с подносами с лакомствами, счастливые взрослые. Кроме того — слепящее глаза солнце. Хоть плачь. Слишком ярко и светло, рябит.

Если бы кто-нибудь попросил меня пояснить дорогу к выходу, я бы не смогла дать вразумительный ответ.

Вареничный ларек зажимали две палатки; на одной табличка «Гадание — стопроцентная правда!», на второй — «Фигурные

блины». За прилавком стояла пожилая женщина лет шестидесяти, в синем фартуке и перчатках, приветливо улыбающаяся каждому, кто бросал взгляд на ее товар — баночки всех форм и размеров, с этикетками всех цветов радуги и таким же ярким содержимым.

Завидев Изенгрина, она махнула ему рукой.

— Привет-привет, волчок, — поздоровалась она, когда мы облокотились о прилавок в стороне от волны покупателей.

— Здравствуйте, — вежливо ответил Изенгрин. — Есть у вас клубнично-черничное?

— Отдельно или микс?

— Микс.

— Сестренке?

— Кому же еще.

Женщина отмахнулась от назойливого клиента, едва не перелезающего на ее территорию через прилавок, уже успевший принять на себя капли медовухи — видимо, при дегустации, — и вытащила из закромов огромную банку, прозрачную настолько, что варенье плавало будто бы в невесомости.

— Хель, хочешь?

— Что?

Изенгрин потряс банкой передо мной:

— Варенье. Очень вкусное. Тебе понравится, да и родственников порадуешь.

— Оно еще и недорогое, — встряла продавщица и рыночным тоном принялась рекламировать товар. — Намажешь на хлеб с утра — весь день будешь как богатырь. Сладкое, с лесным послевкусием. Сама себе парочку банок зажимаю неизменно. Жить не могу без этого варенья.

— Возьму клубничное, если есть, — вздохнула я, осознавая, что просто так от меня не отвяжутся.

Она полезла в ящики.

— Любишь клубнику? — чужое дыхание вкупе с женским голосом, мягким и тягучим, как патока, мазнуло по уху.

Вздрогнув, я отшатнулась и, похоже, испугала и девушку, так неожиданно ко мне приблизившуюся. Как и я, она отскочила, уставившись на меня широко распахнутыми карамельно-карими глазами.

У меня сердце замерло. Такой красоты я никогда прежде не видела. Высокая, одного роста с Изенгрином, тонкая и изящная, так что на ум приходили только лебеди. Как гостья из далекого Севера прошлого.

— Прости, — потупилась она. — Я не желала тебя напугать.

— Ничего, — проблеяла я, не зная, как разговаривать с такой невероятной девушкой. — Моя вина, извините.

— Не ожидал встретить тебя здесь, — вдруг обратился к незнакомке Изенгрин. — Ты же хотела остаться дома.

— Ага, — беззаботно ответила она, — но потом решила, что все-таки не могу упустить такое веселье. Люблю старые праздники. К тому же ты так много говорил о Хель, что я не могла не попробовать познакомиться с ней.

— Хель, это Оля, моя старшая сестра, — представил девушку волк. — Оля, Хель.

У меня даже не хватило сил, чтобы полюбопытствовать, почему Изенгрин ей обо мне «много говорил». Просто ответила на рукопожатие, надеясь, что пальцы не слишком дрожат.

— Я тоже заканчивала вашу школу, — сообщила Оля. — Тебе нравится? Никто не обижает?

— Это скорее она обижает, — хмыкнул волк. — Солейль от нее в восторге.

— О, правда? И как же?

— Они собачатся. Не прекращают совершенно.

— Солейль редко проявляет такую бурю эмоций. Теперь я еще больше уверена в том, что она особенная. Хель, — она перевела взгляд на меня, — что скажешь насчет соревнований? Изенгрин упоминал, они произойдут через несколько дней. Страшно?

— Нет, — пожала плечами я. — Скорее, наоборот.

— Похвально. Изенгрин, мы можем зайти кое-куда?..

Оля зацепилась за рукав его куртки длинными аккуратными ноготками; он с ласковой улыбкой провел ладонью по ее голове.

Полностью увлеклись друг другом.

Все-таки хорошо, когда есть братья или сестры. Нормальные, я имею в виду, а не как мой — бешеный веснушчатый комок с кашей вместо мозга.

Выдохнув в воздух облачко пара, я громко, чтобы слова пробили пелену наваждения, произнесла:

— Вы гуляйте вдвоем. Я сама справлюсь, исследую территорию.

— Точно? — участливо уточнил волк. — Не заблудишься?

— Спрошу дорогу, если что. Удачи вам повеселиться! Рада была познакомиться, Оля.

— Взаимно, — улыбнулась она. — Надеюсь, еще встретимся.

И, помахав на прощание, положив деньги на прилавок и взяв услужливо поданную продавщицей банку, я побрела куда глаза глядят, заранее зная, что уже заблудилась.

К счастью, температура была не такая уж низкая, а солнце начинало припекать; оно ощущалось на коже маленькими жужжащими пластинками, но еще не готово было растопить снег и лед. От ветра защищали многочисленные палатки, осадков не

предвиделось — на небе ни единого облачка.

Повороты мелькали, а я все отдалялась от выхода. Разумеется, я знала, в какой он стороне, но тем не менее никак не могла его достичь, словно расположение ярмарочных улиц беспрестанно менялось. Меня то выносило к озеру, то заталкивало к сосновому бору. Куда угодно, только не туда, куда требуется.

Секунды на электронных часах сменяли друг друга. Я то и дело смотрела на цифры на дисплее. Два часа. Три. Три с половиной. Но я по-прежнему находилась в плену палаток и ларьков, и это было ненормально.

А с кем связано все ненормальное в моей жизни?

— Это ведь ты меня кругами водишь? — прошептала я себе под нос. — Да, Варвара?

Ведьма засмеялась, но не откликнулась.

— Зачем?

— Чтобы выкинуть твою душу в царство мертвых.

— Спасибо за честность. Я выберусь отсюда.

— Тебе не сломить мою иллюзию. У тебя нет магических способностей.

— Зато упрямства и злости не занимать.

Ее иллюзии были сильны. Как живые.

Противно, когда собственные глаза врут. Словно на переносицу водрузили мутные очки. Однако тело было мне дорого, и уступать его я была не намерена.

Час. Еще два часа. Скрип снега под подошвами, густеющий пар изо рта. Холодно. Зайти бы в один из шатров и купить горячего какао с шоколадкой, чтобы унять голод, да Варвара блокировала к ним доступ. Только улица. Только мороз и всеобщее веселье.

Никто не знал, что одна из девиц попала в лабиринт.

Ноги почти отнялись, и я замерла, переводя дыхание.

— Сдаешься? — хихикнула Варвара.

— Черта с два, — фыркнула я и снова пошла вперед.

Да хоть целый день, хоть целую вечность. Я скорее умру от усталости, чем позволю этой стерве войти в мир в моей плоти.

Очередной круг. Я привалилась плечом к опустевшему деревянному столику, возле которого недавно тряслась молодая девчонка с ворохом цветных объявлений. На какой-то конкурс зазывала, что ли. Меня кольнула зависть — она ушла, а я все еще здесь, хотя могла бы быть дома, если бы не древняя тварь, засевшая у меня в разуме, словно паразит.

— Перестань брыкаться, Ия, — пропела она. — Бесполезно.

На этот раз я ничего не ответила. Просто поползла, надеясь,

что не потеряю сознание.

Все плыло, держать равновесие становилось сложнее. Умереть из-за такой мелочи печально.

Сердце пропустило удар, и я полетела вниз. Однако носом землю так и не вспахала — меня подхватили в сантиметре от сугроба и подняли на руки.

— Так и знал, что с тобой что-нибудь да случится, — буркнул Пак. Я определила, что это он, лишь по голосу. Исчезли цвета, очертания… Не было ничего, кроме жесткой ткани, к которой я прижалась лицом. — Эй, не мерзни, слышишь? Постарайся не засыпать. Только не засыпай.

Но я не могла скинуть с себя оковы дремы. Однако перед тем, как провалиться в небытие — готова поклясться на чем угодно, — четко различила лисью морду на месте человеческой головы.

* * *

Я очнулась в кладовке, на привычном уже матраце. Рядом на полу стояла кружка с какой-то цветной дрянью — судя по запаху, отдаленно напоминающему порошковый «Аспирин», — на которой была прикреплена мелкая записка на куске разлинованного листа: «Выпей, полегчает. У меня дела, извини, не могу посидеть с тобой. Встретимся с утра:-)».

Фыркнув, я выпила содержимое, смяла бумажку, засунула ее в карман и отправилась в комнату. Часы показывали восемь вечера, мое отсутствие наверняка вызывало вопросы, и растягивать напряжение было не лучшим вариантом. Поэтому я для приличия хлопнула входной дверью, заглянула в гостиную, сообщила, что вернулась, и юркнула к себе.

С утра обнаружился новый крест на обоях и гневное сообщение, начертанное кровью из моей ладони, дескать, сними внутренние барьеры, иначе пожалеешь.

«Какие внутренние барьеры? Я никаких барьеров не держала», — пожала плечами я и засобиралась в школу, игнорируя приглушенные вопли Варвары; видимо, на Масленице она потеряла много сил.

Последующие дни состояли из банального: пробуждение, сбор сумки, поездка в гимназию с Паком, череда скучных уроков, тренировка с дежурными колкостями между мной и Солейлем, возвращение, часы на кровати со взглядом в потолок и непрерывными ядовитыми выбросами Варвары, остывший ужин из холодильника, уютная кладовка и тяжелые, лихорадочные сны, связанные с дрянью, происходящей в городе. Порой в них

пробиралась Варвара, порой обходилось без нее. Факт оставался фактом: я погрязла в отчаянии, а присутствие Пака не было столь действенным, как раньше. Избирательница, как себя называла Варвара, научилась препятствовать ему.

Пелена исчезла, только когда Изенгрин по окончании одной из тренировок подошел к нам с Солейлем и серьезно — как, впрочем, и всегда — напомнил, что завтра соревнования. Сам он не участвовал, хоть и был с мячом на «ты».

Нам предстояло подойти в зал как в стандартный учебный день — к половине девятого. В это время начиналась разминка, а спустя двадцать минут — игра. На мой вопрос о том, какую стратегию и тактику разработал капитан — нельзя же просто так мячик бросать, да еще и с такими противниками, Изенгрин ответил, что капитан объяснит на месте. Этим я осталась недовольна больше всего; всегда считала, что продумывать ход игры, распределять силы нужно заранее, чтобы быть готовыми и уверенными. А если что-то не получится? Если кто-то не поймет?

Тем не менее спорить я не имела права, поэтому лишь кивнула. Волнения я не испытывала; из меня вообще словно выкачали все эмоции. Все, кроме усталости.

Мне было все равно, даже когда ночью Варвара не давала спать.

Будильник прозвенел в семь, а я так и не сомкнула глаз, отмахиваясь от иллюзорных ос и прячась под одеялом от пауков с человеческими торсами и клешнями вместо головы. Лицо насквозь пропиталось мерзкой соленой влагой, оставившей заметные дорожки, глаза покраснели и опухли, под ними пролегли глубокие, едва не черные, круги. Пошатываясь, я добралась до ванной, смыла свидетельства страданий и на кухне через силу запихнула в себя бутерброд с беконом. Мама расщедрилась, прознав про матч. Солейль сведения передал, как пить дать.

Форма висела, выглаженная, на кресле. Я скомкала ее и бросила в сумку.

В коридоре, когда я уже почти засунула ноги в ботинки, из гостиной вышли мама с вцепившимся в ее платье братом.

— Удачи, — с вызовом вздернул подбородок брат. — Сделай там всех!

— Постарайся не пострадать. Ты уже ломала руку на занятиях с мячом.

— Спасибо, — передернула плечами я. — Пока.

До школы я шла пешком.

* * *

Когда я вошла в зал, все были в сборе. На ближайшей половине разминалась моя команда — вертели мячи, делали упражнения, растягивались, некоторые ребята зачем-то выполняли элементы из боевых искусств, — на второй тем же самым занимались ученики противостоящей школы. Антона среди них разглядеть не составило труда — по желтой футболке. Как мишень.

Скамейки, подоконники и пол за линией забивали зрители — родители, учителя, другие ученики. Они буквально сидели друг на друге, гоготали и обсуждали предстоящую схватку, внимательно скользя взглядами по каждому участнику.

— Хель! — махнул рукой капитан. — Мы думали, ты не придешь.

— Я вроде вовремя.

— Присоединяйся.

Он вручил мне мяч, и я принялась выполнять упражнения, показанные Солейлем. Сам Солейль, к слову, стоял в углу и беседовал с капитаном. Насколько мне было известно, путем голосования решили, что роль лидеров выполнять они будут вдвоем, так как команда состоит в большинстве из лисов из одиннадцатого и из нескольких лисов из десятого; только двадцать процентов команды составляли волки. Подобным раскладом серые были явно недовольны, но возражать даже не пытались.

— Хель! — послышался знакомый оклик, и на меня со спины обрушился кто-то легкий, но сильный. Рыжие пряди хлестнули по векам.

— Привет, Арлекин, — прохрипела я. — Отпусти, задушишь.

Как и обычно, для игры она собрала локоны в конский хвост, чтобы не лезли в глаза. Из-за этого ее лицо стало еще более осунувшимся и тонким, проступили острые скулы. Она что, вообще не ест?

— Готова? — весело спросила она, склонив голову к плечу. — Будет сложно, эти ребята не промах.

— Я убила несколько недель на подготовку, если уж пользу не принесу, то хотя бы под ногами путаться не буду. Ты мне вот что скажи: вы сами тренировались? Разучили элементы, которые мы с Солейлем придумали, их номера запомнили? Потому что знаки придется понимать и быстро на них реагировать.

Арлекин насупилась:

— Спрашиваешь! Солейль всех в рядок посадил и мучил, пока от зубов отскакивать не начало.

— Хорошо. Компенсируем этим несработанность коллектива. Волки как, смирились?

— А у них есть выбор? В принципе, все не так уж плохо, мы уже играли смешанно несколько раз. Тяжело, конечно, но до драк или ссор не доходило. Капитан меня похвалил, кстати! Ты знала, что я занималась художественной гимнастикой? Я и не думала, что ее можно в вышибалах применять, а капитан изобрел несколько элементов, которые можно выполнить. Правда, строго-настрого запретил ими сверкать, потому что они сложные, и делать их я должна исключительно в экстренных ситуациях. Он гений!

— Не сомневаюсь.

Не прошло и десяти минут, как капитан подул в свисток. Мы дружно собрались вокруг него и Солейля. Среди ребят я узнала старую добрую Стрелок и массивного парня в черной рубашке.

— Итак, — глубоко вздохнул капитан, пригладив темные волосы, — наконец этот момент настал. Надеюсь, вы в хорошей форме, потому что придется изрядно попотеть. Да, мы тут не особо сработавшиеся, некоторые из вас вовсе друг с другом не знакомы, но, надеюсь, наши общие беседы принесли результат и вы прочувствуете индивидуальные стили друг друга, к тому же у вас был шанс сыграть, разбившись на две команды. К слову, справились вы превосходно, молодцы, постарайтесь не потерять того запала и сегодня. Мы с Солейлем долго размышляли, как же лучше построить нашу манеру игры, чтобы не только задавить соперников силой благодаря нашим прокачанным лисам и волкам, — парень с рыжим ежиком насмешливо поиграл мускулами, заставив девчонок захихикать, а капитана улыбнуться, покачав головой, дескать, эти волки неисправимы, — но и обвести вокруг пальца. Сила дополняет хитрость; привыкшие к волчьей честности, эти белоснежки очень удивятся, столкнувшись с лисьей изворотливостью.

— Как красиво подвел к моей части, — цокнул языком Солейль; команда засмеялась — они его редкостно любили. — Откровенно говоря, эти — слово «белоснежки» мне очень нравится — ожидают увидеть определенную манеру, однобокую. Мы проанализировали предыдущие игры и заметили тенденцию: команда от нашей школы всегда составлялась либо полностью из одного лагеря, либо с превалирующим числом участников с одной из сторон. Соотношение было даже не пятьдесят на пятьдесят; процентов девяносто игроков принадлежали либо лисам, либо волкам и работали, естественно, как удобно большинству. Стратегии и тактики лисов неплохи, есть своя прелесть и в волчьих, но без комбинации они малоэффективны. Поэтому на сей раз мы провернули кое-какую штуку: будем действовать без конкретной скорости. Как ураган. Как жгучая

смесь из серых и рыжих, — он сделал паузу, которую заполнило тихое, затаенное дыхание. — Теперь к сути. Нас двенадцать человек. Встанем в четыре ряда по три человека в каждом. Так как лисов все же больше, уравновесим их. Серые, вас трое, поэтому один будет в первом ряду слева от меня (я посередине), второй — во втором ряду с краю, рядом со скамейками, третий — в третьем ряду посередине, между капитаном и Арлекин. Хель — в первом ряду справа от меня. Стрелок особенно хороша в бросках на дальние расстояния, поэтому — в последнем ряду ближе к скамейкам. Элементы мы разучили, так что вы знаете, что делать. И да, волки. Не забывайте прикрывать своих рыжих друзей. Лисы быстрые, но слабые, поэтому ваши крепкие руки могут пригодиться. Давайте, со щитом или на щите.

— Есть! — дружно гаркнули игроки.

Просвистел свисток, под потолком разнесся голос Марины, вставшей возле двери в кабинет; к ней присоединился тренер противоборствующей школы:

— Занять места!

Арлекин хлопнула меня по плечу и показала большой палец, мол, все будет в шоколаде. Я кивнула, прошла дальше, к самой середине поля, и встала у линии, разделяющей зал на две равные части. Вражеская команда зашевелилась и также рассредоточилась; Антон ушел назад, к воротам, в которых вскоре должны появиться «пленные».

Он помахал нам рукой и подмигнул.

Раздражает.

— Доброй охоты, ребята! Марш!

Марина, набрав в легкие воздуха, дунула в свисток, и от громкого надрывного звука все вздрогнули. Виски заломило от раздавшегося в голове колокольного звона. Я зажмурилась от боли — Варвара вновь попыталась проломить брешь.

«Можешь хотя бы сейчас оставить меня в покое?»

Когда я открыла глаза, мяч уже летал по помещению, перескакивая из рук в руки, и несколько раз почти задел меня, но я чудом, на чистых инстинктах, умудрилась уклониться. Лица ребят искажали азарт и глухая ярость.

На задворках сознания вибрировали ментальные блоки.

Я поняла, что происходит, в момент, когда один из противников закрутил мяч на кончике пальца.

— Не спи!

Руки автоматически вскинулись вверх и зажали шершавый снаряд, который, не успей я среагировать, расплющил бы мне нос к чертям.

— Что ты таращишься на него! Дай сюда!

Солейль требовательно тянул к нему руки, сверля меня взглядом, говорящим: «Еще раз ушами захлопаешь — я тебя под ближайшей березкой закопаю». Угрозам его я не верила, зато навыкам игры доверяла больше, чем своим, поэтому передала мяч, не задумавшись над возможностью воспользоваться им самостоятельно.

Солейль был сильнее и попадал в цель куда чаще, как ни грустно это признавать.

— Ты еще поприседай здесь, — ехидно прокомментировал с задних рядов Антон. Очень зря, учитывая, что белобрысый, как и все члены нашей команды, был на взводе, а когда он на взводе — страдают все вокруг.

Ухмыльнувшись, лис изящно столкнул мяч с запястья щелчком пальцев. Противники почти рассмеялись — видимо, подумали, что он соскользнет и ударится об пол, так что им можно будет его поднять и присвоить, — но тут же заткнулись: парень напротив Солейля отшатнулся, схватившись за лоб.

Свисток возвестил о заработанном очке:

— Один — ноль в пользу гимназии!

В этот раз мы открыли счет.

Мяч следовал совершенно неопределенной траектории, то подскакивая в воздухе, то опускаясь, словно им управляли силой мысли. Борясь с желанием выругаться вслух, я рванула к нему с намерением перехватить, но он был слишком далеко и высоко — не дотянуться. У Солейля же не было ни малейшего шанса коснуться его.

— Ловите! — истошно закричал он.

Рана, волчица, единственная оставшаяся во втором ряду, выскочила вверх, но тщетно — не хватило буквально сантиметра. В груди екнуло; мы проигрывали очко, и его нельзя было уступать, потому что, если соперники забьют, матч завершится в их пользу. У них — девятнадцать, у нас — восемнадцать. Следовало набрать один, чтобы сравняться с ними, и еще один — чтобы победить. Учитывая, что они превосходили нас численно и использовали грязные фокусы — грязные даже относительно трюков лисов…

— Лева! — вскрикнула Арлекин, разгоняясь. Волк, с которым они успешно скооперировались, тут же наклонился, и рыжая прыгнула, перекрутившись в воздухе чуть ли не боковым сальто — их спины соприкоснулись, мяч ухнул вниз, и она зажала его между щиколотками, настолько крепко, что не выронила, даже с треском приземлившись на пол.

По рядам соперников прошел шокированный вздох.

Я одобрительно хмыкнула. Так вот, оказывается, какие

приемы можно внедрить в вышибалы из гимнастики!

— Спасибо, — поблагодарила Арлекин своего партнера; тот показал ей большой палец. Он был неразговорчив, зато понимал ее с полуслова, даже с полужеста; ну, или просто вбил в кору головного мозга все сигналы, выдуманные капитаном и Солейлем.

— Браво! — хлопнул в ладоши тот. — Теперь хорошо бы выбить кого-нибудь.

Арлекин улыбнулась и, забавно приподнявшись на цыпочки, метнула мяч. Почти промазала, но девушка, занимавшая позицию рядом с окном, совершила ошибку — ступила вправо, к самой стене, и он врезался ей в плечо. Она болезненно вскрикнула, схватившись за ушибленное место. Прошипев что-то, она поплелась на нашу территорию.

Я вдохнула так глубоко, как только смогла; Солейль строго запретил мне ловить, считая, что я могу случайно выпустить мяч, оказаться в «пленных» и не выполнить свою прямую задачу, поэтому приходилось скакать, как газель, уклоняясь от снаряда. Выходило вполне сносно, спасибо быстрой реакции и интуиции. Но усталость брала свое — колокольный звон набирал громкость, вибрация в затылке усиливалась; Варвара посмеивалась, расширяя дыру в барьерах. Блокировать ее было тяжело, но я не уступала — игра должна была закончиться при моем участии. А наша с ней скрытая, индивидуальная партия — моей безоговорочной победой.

— Стрелок, — перекинул девушке мяч капитан. Она уверенно приняла его, встала в угол и бросила.

Губы непроизвольно растянулись в ухмылку. Он метил прямиком в морду Антону, самодовольному ублюдку, все время нашей борьбы выплясывающему что-то ирландское в заднице зала, но… Он изловчился, с хрипом зажав его между щекой и плечом.

Мы с Солейлем чертыхнулись.

Антон, хоть и производил впечатление человека полубезумного, был все же умен, да и реагировал чрезвычайно скоро, не уступая Солейлю. Когда мяч переходил к нему, наша команда напрягалась — наученные горьким опытом, мы знали, что он не мажет, принципиально.

Сейчас счет сравнялся. Ничья, шаг до победы для каждой стороны. Мы не могли проворонить такой шанс.

Антон поцеловал мяч и послал его вверх.

Я судорожно уставилась на их часть зала: двое прямо у линии, блокируют Солейля, Антон сзади, еще кучка посередине. И эти двое — прекрасная мишень, если…

Картина неутешительная. Никто не сумел бы поймать снаряд; ему суждено было попасть к «пленным», и уж они бы вывели из строя одного из наших, тем самым бросив в копилку своих триумфов еще один.

Мой вариант стал единственным, способным обломать кайф соперникам.

— Солейль! — преисполнившись убеждением, крикнула я. — «Третий»!

Этому финту мы придумывали название дольше, чем всем остальным, вместе взятым, и цифра три была взята не просто так — как говорится, «бог любит троицу». Божественный ход — самый неожиданный и самый непредсказуемый из всего того, что мы могли бы применить в финале. С ним возникло множество трудностей, мы мучились долгие часы, прежде чем его получилось выполнить — Солейль кричал, бесился, сыпал проклятьями, я отвечала тем же, но все-таки мы его отработали. После тренировок, полностью посвященных ему, я приходила домой покрытая синяками, с разбитыми коленками и локтями — шанс на успех разве что пятьдесят на пятьдесят, но лучшей перспективой мы не располагали.

Колокольный звон и смех Варвары заглохли, словно кто-то захлопнул дверь.

Солейль не мешкал — наверняка его мысли совпали с моими за мгновение до того, как я их озвучила. Он уперся ногами в скользкий пол, сцепил руки перед собой как раз на том оптимальном уровне, который мы выбирали добрых полчаса, и кивнул. В знаках не было надобности — стремясь успеть за бешено вертящимся мячом, я уже оторвалась от твердой поверхности.

И, слава всем существующим и забытым богам, не промахнулась — стопы прочно оперлись о руки Солейля, и он, сдавленно выдохнув, выбросил меня вверх.

Мяч уже почти ушел с линии, на которой я могла его достать. Чудом я наклонилась назад прямо в полете, вцепилась в него ногтями, так, чтобы не выскользнул, и направила вперед, так, словно собиралась метнуть его сверху в парня у линии. Он попался на удочку — отбежал, открылся…

Я резко опустила руки. Солейль не подвел — перехватил снаряд и упруго впечатал его в живот парню мягким, почти нежным движением.

А в следующий момент я свалилась на него, да так, что мы оба рухнули, как подкошенные, с воем и криками.

— Дура!

— Ты должен был меня поймать!

— Могла бы не въезжать мне коленкой в солнечное сплетение!

Мы бы препирались еще целую вечность, если б не свисток — и задорный, полный превосходства голос Марины:

— Со счетом двадцать — девятнадцать победила гимназия!

Буквально момент в зале царила кристальная тишина. А потом ее взорвали бурные аплодисменты.

Солейль расхохотался и сжал меня в объятиях; я не могла не обнять его в ответ — финал безраздельно принадлежал мне! В этом усматривалось особое символическое значение, заверение высших сил в том, что я сумею нанести Варваре такое же сокрушительное поражение, как и чужой школе сейчас.

Смежив веки, я уткнулась лису в шею, раздраженно сдув с носа его прядь, и ясно представила, как сокрушу древнюю стерву.

Всенепременно. В самое ближайшее время.

* * *

Игра промелькнула, словно миг, и вопреки ожиданиям не оставила в душе осадка. Возможно, из-за того, что у меня не было длительной обиды на противостоящую команду, или из-за низменности поставленной цели — всего-то втоптать в грязь самодовольного Антона, который ныне (как масло на душу) метался из угла в угол. Казалось бы, она должна была стать чем-то значимым, ведь, как ни крути, именно на нее направлялось все мое школьное существование до этого момента.

Нескончаемые тренировки, разговоры, хрупкие надежды, трепетные взгляды и жажда победы — все это пропитывало мою жизнь долгие недели. Вышибалы обратили на меня внимание, развеяли скуку — я должна была испытывать как минимум ностальгию и беспокоиться по поводу того, что же будет дальше, но вместо этого внутри полным цветом распустилась всепоглощающая пустота; как парус раскрывается и принимает в себя ветер.

Марина ликовала и ничуть не скрывала гордости — сразу после того, как до всех дошло, что мы выиграли, она с хохотом треснула ошарашенного родственника-тренера по плечу.

Публика, как и участники, пребывала в шоке. Все настолько привыкли, что гимназия плетется в хвосте, что прорыв казался нереальным. Наверняка у десятков привыкших срубать деньги на прежде очевидных сделках сегодня порядочно поредел капитал, а немногие преданные нашей школе впервые не попали в дураки.

Наблюдая за едва не праздничной суетой взмыленных

игроков, хотелось улыбаться. Они приглаживали вспотевшие волосы, бросались друг другу на шеи, напрочь забывая о недовольствах. Волки без презрения хлопали по спинам лисов; лисы без шуток и сарказма висли на них, восторженно пища. Солейль, пританцовывая, переходил от одного к другому и со смехом пожимал протянутые ему ладони.

Меня не переполняла радость, я не чувствовала превосходства или чего-либо подобного возвышению. Да, я нанесла последний удар. Да, во многом я послужила вдохновением команде, появившись здесь после зимних каникул и случайно поймав мяч, а потом выбив им одного из учеников. Но это ничего не значило. Передо мной стояли куда более опасные проблемы.

И одна из них делала все более громким мерзкий колокольный звон.

Окруженная всеобщим духовным подъемом, я едва установила равновесие и выдержала эмоциональные порывы товарищей, каждый из которых считал обязательным прижать меня к себе. Из их реплик я услышала малую толику, и та звучала как нескладный набор звуков; Варвара мастерски использовала бреши, прорезанные усталостью, и отвоевывала новые позиции. Казалось, я вот-вот потерплю поражение — когда не могу бороться и нахожусь у всех на виду.

Прощание длилось мучительно медленно; толпа расступалась неохотно. Каждый брал за обязанность обмолвиться словечком со всеми, и меня затягивало в водоворот. Кто-то подходил, улыбался, говорил, я автоматически отвечала, при этом не переставая мучиться от оглушительного звона.

Марина что-то втолковывала тренеру соперников, плюющемуся ядом; Солейль и капитан остервенело совершали одно рукопожатие за другим; Антон сверкал глазами и явно порывался подойти и высказать все, что думает, но почему-то сдерживался. Наверное, из-за того, что до него никому не было дела: с нашей стороны еще не схлынула волна бурных эмоций, а их придавило разочарованием и злобой.

Антон с удовольствием разбил бы нос Солейлю; Стрелок поведала, что у них с Изенгрином треугольник взаимной ненависти, и каждый использует любую возможность подраться или унизить неприятеля. Теперь в этот треугольник наверняка включилась и я — недаром же враг окатывал меня примерно таким же количеством ярости.

Я бы продемонстрировала полную солидарность с его чувствами, но не располагала силами даже на собственную физиологию. Меня вело то туда, то сюда: закрывай глаза, не

закрывай, дыши правильно, не дыши. Нутром я ощущала, как Варвара царапает края дыры в барьере и раздвигает ее ткань.

Я сидела на скамейке, уткнувшись в собственные запястья. Ничего не существовало; была только Варвара и наше с ней ожесточенное противостояние.

— Хель, что ты там сидишь, как неродная? — окликнула Марина. — Айда сюда!

Я подняла веки, едва не поддевая их ногтями, и сфокусировала взгляд: Марина, капитан и Солейль стояли на белой линии в середине зала — единственные люди в помещении, не считая меня. И зрители, и вражеская команда уже ушли, оставив после себя запах пота.

Странно. Антон наверняка должен был подойти и выдать что-нибудь обидное. Хотя, возможно, он так и сделал, а я невольно проигнорировала его оскорбительные изыски.

— Что ты плетешься? — недовольно фыркнул белобрысый.

— Догадайся, — буркнула я, почесав висок указательным пальцем, дескать, припомни приступ моего безумия, когда я чуть не утопилась — как ныне выяснилось, под воздействием Варвары. Солейль нахмурился.

— Ты молодец, — улыбнулся капитан, протягивая мне широкую ладонь. — Никто и предположить не мог, что вы сделаете конец таким изящным. Все будут долго отходить.

— Спасибо, — ответила на рукопожатие я, надеясь, что оно не разоблачит мою слабость. — Мы долго репетировали. Получилось не так гладко, как планировалось — мы упали, — но не думаю, что это играет решающую роль.

— Не играет совершенно никакой, — заверила Марина. — Откровенно говоря, я готова петь вам дифирамбы и водружать на головы лавровые венки. Как насчет чаепития? Как-нибудь через пару дней, когда все будут в состоянии адекватно соображать. А?

— Прекрасная идея, — подмазался Солейль. — С удовольствием приду.

— Я за, — согласился капитан. — Только если присутствовать будут все члены команды. Солейль и Хель избавили нас от горечи поражения, но остальные тоже показали себя достойно и вполне заслуживают небольшой награды.

— Мое отсутствие оскорбительно, — решила я, — поэтому нанесу вам визит. Только сообщите время и место.

— Сделаю рассылку, главное, не пропусти. Ладно, — женщина хлопнула в ладоши. — Матч получился великолепный, любо-дорого смотреть. Скоро на школьном сайте опубликуют видеозапись, можете насладиться. А сейчас мне пора, нужно заполнить кучу бланков, так что идите и отдохните хорошенько.

Горжусь вами.

И она приняла нас троих в свои объятия. Как длины рук хватило на мускулистого широкоплечего капитана, отнюдь не миниатюрную меня и длинного, как хлыст, Солейля — загадка.

— Спасибо вам, — дружно поблагодарили ее мы и направились к выходу. Марина скрылась в кабинете.

— Вы превосходно сработались, — произнес капитан, захлопывая за собой дверь. — Признаться, не ожидал от вас такой слаженности. Первая победа за столько лет!..

Солейль махнул рукой, тем не менее польщенно прищурившись:

— Брось, кэп. Я, конечно, неотразим, но лучше говори милости ей, — он грубо указал на меня, — вот ей самооценку повышать необходимо. Она такая ущербная, что даже страшно, как она справляется с осознанием бытия.

— Ублюдок, — почти уважительно прищурилась я.

— Ну полно, полно, — прервал нас капитан. — Мы все устали, сейчас не время для скандалов. Вы измотаны и на пределе. О здоровье надо заботиться, не игнорируй это. Тебя проводить до дома?

Пожалуй, мне стоило бы давно смириться с тем, что люди в гимназии поразительно заботливы и чутки. Исключения вроде Солейля не в счет. Прошло уже столько месяцев с тех пор, как я завела знакомства, но проявления широты человеческой души по-прежнему поражали. Воспоминания о прежнем месте учебы так просто из головы не выветрились; чаще они уходили на задворки памяти, но порой, при таких обстоятельствах, как сейчас, всплывали на поверхность. Ударяли по затылку, нашептывая, что доброта — дешевый обман, ловушка, заставляли удивляться тому, что в мире существует школа, где ученики сами развивают в себе положительные качества, учатся ответственности. Ни разу я не столкнулась с тем, чтобы учителя кричали, ругались или оскорбляли подопечных, обвиняли их в том, что они не способны выдержать жестокость реальности, сдержать ее удар, достичь чего-то, как каждый день поступали учителя в бывшей школе. В массе ученический коллектив и преподавательский состав включали гордых, умных, адекватных людей.

— Нет, спасибо, — тронуто отказалась я, лелея надежду, что не обижу капитана, встревоженного моим состоянием. — Чувствую себя абсолютно нормально, доберусь до дома и тут же лягу спать. Спасибо.

Перед глазами скакали разноцветные круги, кончики пальцев занемели и не подчинялись. Я с ужасом поняла: Варвара берет под контроль тоненькие нити, обматывая меня ими, как

марионетку, которой ей предстоит управлять.

— Я сам тогда пойду домой, еще сестре с уроками помогать… Удачи вам. Спасибо за сегодня. Я у вас в долгу.

И, чуть поклонившись, он сбежал по лестнице. Вскоре его шаги стихли в конце коридора.

— Постарайся никого не убить по пути, — посоветовал Солейль и последовал за ним.

Я дождалась, когда он свернет в раздевалку, и бросилась в туалет.

Пальцы постепенно отнимались и дергались, словно кто-то проверял действенность ниточек. Мир переворачивался вверх тормашками и обратно, так что приходилось цепляться за стены и двери, чтобы не упасть, и приказывать ногам шевелиться. Из классов, мимо которых я проползала, доносились монотонные голоса учителей; охранник смерил меня подозрительным взглядом, но не остановил.

Справиться с ручкой едва ли удалось. Поняв, что все ниже локтя меня не слушается, я взяла ее зубами и таким образом прорвалась внутрь. Дверь автоматически захлопнулась, я нырнула в ближайшую кабинку и поспешно опустила пластмассовую перегородку; к счастью, здесь не ставили задвижки — с ними я бы точно не сладила.

Как только я упала на сидушку, свет померк.

— Ну что, Хель, — вздохнула Варвара. — Тебе осталось совсем недолго. Последнее слово?

Тьма была всепоглощающей, как в тех, самых первых снах, и, как и в одном из них, я тонула в ней, захлебывалась. Только больше не было хрупкой опоры под ногами, рухнули блоки и барьеры — я осталась наедине со своими грехами, страхами, опасениями и гневом. Тьма бурлила, и где-то в глубине ее раскрывал пасть исполинский монстр.

«Нет-нет-нет! — кричала я, но вместо вопля из горла вырывался жалкий хрип. — Нет!»

— Тебя никто не спасет, а ты слишком слаба для того, чтобы защитить себя самостоятельно. Давай же, Хель, уступи и увидишь, как прекрасно вне этого мира.

«Раз вне его так прекрасно, что же ты рвешься в него, будто за тобой гонятся демоны?»

Варвара лишь хмыкнула, и тьма уплотнилась — больно до безумия, до алых вспышек, до огня в легких. Я судорожно открывала рот, пытаясь вытолкнуть крик, но получала лишь тишину, разрезаемую хохотом древней ведьмы.

— Я предложила тебе избавление, а ты выбрала мучительную смерть.

Сплошной куб, стремящийся сплющить меня, раздавить. Накатила паника — накрыла мощной волной, так что засбоили провода нервов. Я превратилась в червяка. И очнулась, только ощутив лаву, текущую по щеке.

В тот же миг рыдания отпустили грудную клетку, а куб завибрировал, в испуге расширяя свободное пространство. Дыхание перехватило; я непонимающе коснулась кончиком пальца влажной дорожки, и соленая капелька прокатилась по ногтю до костяшки, щекотно и отрезвляюще.

Я ошарашенно моргнула.

Слезы. Опять. Позорно, ничтожно. Неудивительно, что Варвара так надо мной потешается — невозможно не смеяться над червяком.

Панику сменила ярость — на саму себя, на инфернальных тварей и вещие сны, на нее, вырвавшуюся из царства мертвых вместо того, чтобы прозябать там до скончания веков.

— Что ты… — ахнула Варвара, а в следующее мгновение я закричала так, что у меня самой заложило уши.

Куб с воем растворился в воздухе, сметенный мощью вопля, и я очнулась в узкой кабинке, упершись ногами в ее края, запутавшись в волосах и истекая холодным потом. Серая реальность показалась яркой и соблазнительной.

— Ты поплатишься за это! — завизжала Варвара. — Поплатишься! Будь ты хоть самим Создателем, я займу твое тело! Сумела перехватить контроль — и повод гордиться?! Ты!..

— Заткнись уже, — устало прошептала я.

И она замолчала.

Проторчать в туалете пришлось добрых десять минут — чтобы пройти до спортзала за вещами, надо было привести себя в порядок. Смиренно, чудом успев до звонка, я смыла пот, разгладила складки на одежде, скрыла лихорадочный блеск в глазах.

Конечности еще тряслись, но в целом подчинялись без проблем, и я преодолела препятствие в виде охранника, вяло таращившегося в экраны, на которых высвечивались школьные коридоры и столовая. Без особых проблем вскарабкалась по лестнице, цепляясь за перила, и на площадке перед спортзалом с облегченным кряхтением разогнулась. Несколько секунд я решила передохнуть, прислонилась к стенду и вдруг услышала мерзкую вонь гари.

Логично было предположить, что это в столовой что-то подгорело, но запах был настолько сильным и тошнотворным, что этот вариант отпал сразу. К тому же исходил он не снизу — я бы заметила, проходя мимо, — а веял рядом. Я собралась сделать

новый виток и добраться по крутым ступенькам до женской раздевалки, но поняла, что дверь в зал чуть приоткрыта. Призывно и… опасно.

Нехорошее предчувствие лизнуло ребра. Капитан точно захлопнул ее, а Марина никогда не пользовалась ею, предпочитая заходить через свой кабинет. На лавочках не сидели ярко разодетые девчонки и рубящиеся в PSP или планшеты ребята, тут вообще было слишком тихо — и это навевало страшные подозрения.

Едва дыша, я на цыпочках подкралась к двери, заглянула внутрь… И отпрянула, прижав руки ко рту, сдерживая рвущуюся наружу желчь.

Под потолком болталась, привязанная к канату, Марина. Все ее тело до самой шеи представляло собой скелет с отслаивающейся горелой плотью, от которой еще шел пар. В истлевших волосах сверкали искры, уже безвредные, фальшивые. Только лицо было не тронуто, и при виде его брала истерика — искореженное, искривленное адской болью, оно стало жуткой маской.

Я почти закричала, когда кто-то тяжелый прижал меня к себе спиной и заткнул рот. Губы запылали при контакте с кожаными перчатками. В нос дыхнуло землей, сладковатым запахом разложения и могильным холодом.

Щеки коснулась жесткая шерстяная ткань.

— Здравствуй, Хель, — скрипнул над ухом острый женский голос. — Давно мечтала встретиться с тобой лично. Как тебе моя надпись на стене?

Она отняла перчатку от моего рта. В горле застрял ком. Там, впереди — труп учительницы, сзади — ее убийца. И если я ничего не скажу…

— Мне… — выдавила я, — понравилось. Она… Красивая.

— Я рада, — сказала неведомая женщина. — Впрочем, прости, но сейчас у нас совершенно нет времени. Труп твоей преподавательницы — кстати, прости за это, — скоро найдут. Сейчас ты соберешь свои вещи и отправишься домой, а я сотру следы твоего пребывания в этом месте. Ты выспишься и отдохнешь; моя надпись успокоит тебя, чары в ней еще сильны. А завтра явишься ко мне в гости. Черная ворона подождет тебя у подъезда и проводит. Не волнуйся, у меня нет и мысли тебя убивать или причинять вред твоим близким. Спокойно приходи, я заварю чай с ромашкой и достану где-нибудь пирожные, и мы спокойно поговорим. Я расскажу тебе все, что мучает тебя, осознанно или нет.

И, хихикнув, она словно растворилась в воздухе. Когда я

обернулась, ее уже не было.

Я бросилась в раздевалку за вещами и как одержимая вылетела из школы, не зная, тем не менее, как войду в свою комнату, будучи в курсе, что надпись, которая стала мне столь родной, создана самим Инквизитором.

* * *

В комнату я все-таки зашла. Трясясь, как осиновый лист, но переступила порог, судорожно стискивая лямку сумки, затаив дыхание, словно в углу мог затаиться посланный Инквизитором монстр.

Входная дверь была заперта, и пришлось колотить по звонку, чтобы меня впустили. Мама шаркала тапками по полу и терла заплывшие глаза с паутинками лопнувших капилляров; я уже приготовилась огрызаться на вопросы «почему ты плачешь?», «что случилось?» и тому подобные, но Фортуна оказалась на моей стороне — в коридоре не горели лампы, и его заполняла вязкая полутьма. Мама осведомилась, как прошла игра, но подробностей не потребовала — удовлетворилась кратким «нормально» и нырнула обратно в кокон из пледа на диване.

А я, борясь с щекоткой в носу, на цыпочках подкралась к кровати. Спину до сих пор морозило от прикосновений таинственной женщины, пахнущей покойниками и смертью.

В том, что она была Инквизитором, сомнений не возникало. Она сама призналась, извинилась за убийство Марины…

Я опустилась на кровать, чувствуя, как из живота поднимается сожаление на грани с печалью. Мне было жаль эту веселую энергичную учительницу. Не сказать, что я восторгалась ею или любила ее, как, уверена, любили некоторые, но она была приятна и симпатична. Мы не сблизились — не успели, — но я ощущала исходящее от нее тепло. Марина была хорошим, добрым человеком, и меня тянуло рыдать при мысли, что больше никто не увидит ее светлой улыбки.

Впрочем, именно это я и делала — рыдала.

В одну секунду что-то внутри оборвалось, и из горла вылетел полухрип-полустон.

Ледяные прикосновения пробирали до костей; я скинула пиджак с рубашкой и завернулась в одеяло. Оно не могло спасти меня, оградить, но я, как ребенок, уповала на его силу и собственную неприкосновенность, пока оно не сползет с моих плеч.

В воображении встали фотографии мест преступлений. Зола,

скелеты, жуткие метки, белеющие зубы, скрюченные пальцы. Грязь. Смерть. И снова грязь.

Не удержав себя в руках, я схватила подушку и запустила ее в проклятую надпись. Та колыхнулась, обиженно и оскорбленно, но тут же утихла. От нее по-прежнему исходили ровные волны заботы, словно передо мной сидела мама и гладила по щекам. От этого становилось только хуже. Хотелось смахнуть с себя это издевательство, редкостно изощренное, спрятаться за каменными стенами, в неприступном замке на краю утеса.

Я завалилась на бок и зажмурилась, не желая ничего видеть.

А спустя несколько минут заснула, надеясь, что завтра сумею проснуться, и думая, что лучше бы нам остаться в столице.

* * *

Наутро я подняла веки; я, не Варвара в моем теле. Я было обрадовалась, но в памяти всплыли события вчерашнего дня.

Преодолевая головную боль, молотом стучащую по затылку, я доковыляла до окна, выглянула наружу и почти сразу отпрянула в удивлении: только вчера весна пробивалась сквозь покров зимы — разбухали почки на крючковатых деревьях, тянулась кверху нежно-зеленая слабая трава, — а теперь предвестья пробуждения сошли на нет. По щеке хлестнули мелкие льдинки, смешавшиеся со снегом, вьюга взметнула волосы; белая пелена застлала обзор, так что было не разглядеть даже огромной многоэтажки напротив.

Я поспешно поставила оконную ручку в вертикальное положение, дернула ее, чтобы убедиться в полной изоляции от улицы, и вновь упала в постель.

Будильник еще не подал голос; часы показывали половину седьмого. В ванной журчала вода.

Меня бил озноб, по вискам тек пот, в горле першило — все симптомы простуды. Вкупе с нервным напряжением и страхом — то еще удовольствие.

Градусник лежал на тумбочке. Результат он выдал неутешительный: тридцать семь и восемь. Впрочем, я сделала вывод, что не так уж это и плохо: болею — не пойду в школу, в которой наверняка творится сущий хаос. Марину любили; но если бы и не любили, это все равно стало бы сенсацией. Не стоило сомневаться, в каждом углу обсуждали зверское убийство, а учеников максимально ограничили в действиях, чтобы не попались в лапы Инквизитора, неуловимого и вечно ускользающего от правосудия.

Я бы отдала все, лишь бы избежать этих разговоров. Ее лицо мне никогда не забыть.

«Ты такая неуравновешенная, — фыркнула Варвара, впервые за столько часов, устало и едва не безразлично. — Такая мелочь, а ты в истерике».

«Во-первых, я не в истерике, — возразила я. — Во-вторых, откуда ты знаешь? Тебя не было».

«Если ты меня не слышишь, это не значит, что меня нет. Боги, ты даже не въезжаешь в то, как выставляешь свои блоки, и сваливаешь все на меня. Разберись, при каких обстоятельствах они возникают, раз уж не контролируешь их… Тебя не было… Это ты мне пути перегородила. Чтобы разбить их, у меня ушла вся ночь. И вот ты заболела, казалось бы, какой шанс, ведь при болезни сознание и тело всегда ослаблены, и отвоевать их проще, но нет, я выдохлась. Безумие!»

«Хватит возмущаться. Мешаешь».

Я отмахнулась от нее, как от назойливой мухи, и притворилась, что не слышу ее гневных восклицаний. Почти получилось — они отдалились.

Как и ожидалось, мама сидела на коленях, поставив маленькое зеркало на бортик ванны, и усердно раскрашивала лицо. Судя по всему, она увидела меня в отражении, так как тут же сказала:

— Доброе утро! Как спалось?

— Плохо, — ответила я и показала ей градусник. — В школу не пойду.

— Хорошо, — тут же согласилась она. — Иди в комнату, я приготовлю тебе горячий чай с лимоном.

— Я сама за ним приду. Позови.

— Как хочешь. Давай-давай. Мне еще второй глаз нужно ровно сделать и помаду подобрать. Минут через двадцать крикну, твоему брату все равно вставать.

Кивнув, я зашаркала обратно к себе. Сил нормально поднимать ноги не было; будто какой-то паразит присосался к лопаткам и остервенело выкачивал энергию. Неудивительно, учитывая, что я столкнулась с трупом своей учительницы, перебросилась парой слов со знаменитым городским убийцей и была приглашена в его уголок. Да как изящно — адреса я тебе не скажу, тебя птичка проводит.

Отчаянно кутаясь в одеяло, я забилась в угол постели, свернулась калачиком и закрыла глаза, опустив голову на плечо.

Мысли разбегались в стороны, как испуганные кролики, и ни одну из них не удавалось ухватить за хвост. Углы надписи словно приподнялись в насмешке.

«Весь день так проваляешься?» — хмыкнула Варвара.

«К чему ты клонишь?» — вяло поинтересовалась я.

«Инквизиторша позвала тебя к себе, и ты должна принять ее приглашение».

При звуке проклятого прозвища ноги свело судорогой, вновь резанули сознание оскаленные белоснежные зубы в обрамлении черной плоти.

«Она убьет меня».

«Брось, если бы она этого хотела, давно бы провернула. Она пробралась в твою комнату и выцарапала надпись на стене, а ты и бровью не повела. С таким же успехом она могла коготками перерезать тебе глотку. Так что тебе нечего бояться».

«Вы знакомы, не так ли? Ты бы не посылала меня к ней, зная, что она может отправить меня на тот свет, ведь мое тело приятнее в живом виде. У вас сговор?»

«О, будь у нас сговор, я была бы счастлива. Но увы, нет. Я лишь предполагаю, что она расскажет много любопытного. Если сделаешь правильный выбор, возможно, я изменю планы и дарую тебе жизнь. Мы с ней на одной стороне, а ты противостоишь нам, но смени ты позицию — все повернулось бы иначе…»

Никогда не считала себя человеком, легко ведущимся на провокации. Мне нравилось считать себя неподкупной… Но я никогда не оказывалась в ситуации, когда гордость препятствовала жизни. Никогда не размышляла, что делать ради спасения своей драгоценной шкуры.

Сейчас же все сложилось таким образом, что я была не вправе отвернуться. Нужно было действовать, несмотря на то что верить Варваре крайне рискованно.

«Я пойду», — сказала я, чувствуя себя предателем.

«Мудрое решение. Может, мы еще подружимся».

* * *

Ближе к обеду я сумела подняться и размять мышцы. Голова кружилась, но в целом полегчало; возможно, из-за того, что Варвара перестала давить своей силой и безобидно вилась рядом.

Стрелки часов неумолимо двигались вперед. Я металась из угла в угол, хрустя костяшками, вслушивалась в четкий ритм отмеряемых секунд и старалась не погружаться в размышления, опасаясь, что никуда не пойду, поддавшись страху.

Не было смысла скрывать испуг. Ужас сковывал вены. Неудивительно: не каждый день встречаешься с безумным маньяком-поджигателем, который желает с тобой потолковать. Да

еще и когда единственная, кто располагает о нем какими-либо сведениями, упорно отказывается их раскрывать или дать хоть малейшее представление о грядущем. Навязчиво билась в черепную коробку мысль, что меня заманивают в ловушку.

Варвара убеждала: я в полной безопасности; если бы это было не так, она бы меня туда не посылала, ведь ей мое тело дорого, как ее собственное, и она не хочет его портить.

Верить ей — все равно что прыгать в омут с головой, но и это лучше, чем прозябать в пещере, изводя себя. Я не хочу прослыть трусом. Нет. Лучше совершить этот безумный шаг; кто знает, вдруг я получу огромную награду — жизнь? Или даже не просто жизнь, а еще и сведения, благодаря которым разберусь в том, что происходит в городе, со своими снами, окончательно проясню появление Варвары, любящей загадывать загадки и никогда не дающей на них ответа?

Во время обеда я сидела на кухне; больше не могла находиться в своей «обители». Мама хлопотала у плиты, а я растягивала тарелку супа. Варвара смеялась: «Ее что-то потрясло — а она уже убегает, и куда — в кухню!» Я скрипела зубами, но терпела — она была права.

Мама то и дело касалась холодным запястьем моего лба, спрашивала, как мое самочувствие. Я неизменно отвечала «как есть», а сама рычала от невозможности сказать: «Черт побери, я никогда еще не тонула в такой пучине отчаяния! Вытащи меня оттуда!»

Но я молчала. Упорно, кусая губы и сжимая зубами ложку, сквозь тошноту глотая остывший суп и кривясь от шакальего смеха Варвары.

Я хотела жить, и обещание Варвары, что при верном выборе она позволит мне остаться, пусть и в ее компании, в некоторой степени вдохновляло. Мне не улыбалось проводить все время с ней, но лучше так, чем в царстве мертвых.

Когда часы пробили три, Варвара радостно воскликнула: «Пора навстречу испытаниям!» Спорить с ней не хотелось, поэтому я натянула куртку, обмоталась шарфом, нахлобучила большую шапку с помпоном — самую теплую из обнаруженных в огромном пакете на последней полке шкафа, — и зашнуровала ботинки, которые заранее умыкнула из коридора.

Использовать входную дверь было глупо — мама бы не поняла, зачем я собралась на улицу с простудой после того, как пропустила уроки, — поэтому я полезла через окно.

Рядом проходила пожарная лестница. Я перевалилась через подоконник, зацепилась за нее и, с трудом подтянувшись, установила равновесие.

Лучше бы эту лестницу присобачили к обратной стороне дома, выходящей окнами не во двор, а к роще. Там никогда никто не бродит. К счастью, местные бабули уже разошлись со скамеек.

Между концом лестницы и асфальтом, заметенным снегом, было несколько метров, поэтому, спрыгнув, я почувствовала прокатившуюся по ногам боль. Меня повело, но посторонняя сила дернула за шиворот, не позволяя рухнуть в снег. «Аккуратнее, — буркнула Варвара. — Клуша. Нос себе размозжить хочешь?»

«Что ты цепляешься ко всяким мелочам? Сейчас надо волноваться о другом. Инквизитор сказала, что меня проводит… ворона, — зубы свело от абсурда фразы. — И где она, эта ворона?»

Вокруг лишь завывал ветер да пушились снежинки; никаких птиц.

«Вон она, на ветке, — подсказала Варвара. — Не там! На кустах, а не на деревьях».

Будто в доказательство рядом раздалось хриплое карканье, и на ступеньку рухнула крупная отощавшая ворона. Она уставилась на меня глазами-бусинками, еще раз каркнула и мотнула головой в направлении дороги. Хлопнула крыльями, зацепила меня за рукав и полетела вперед — медленно, чтобы я не отставала.

«Ну и что ты застыла? — рявкнула Варвара, и меня толкнуло в спину, заставляя ступить в бушующий на асфальте, как вода в реке, снег. — Вперед!»

Поежившись и поражаясь собственному безумию — какой нормальный человек последует за помятой птицей, — я засеменила в отдалении от тротуара; подле него снежные массы сбивались в кучи.

«Интересно, далеко до ее убежища?» — задала я риторический вопрос, стараясь не упускать из виду ворону, постепенно отдаляющуюся — похоже, ей было трудно равняться со мной.

Неудивительно: будь у меня крылья, я бы тоже желала нестись, не оглядываясь.

«Не дольше, чем до края города, — ответила Варвара. — Да и какая разница? Тебя примут со всеми удобствами, прячься она хоть в сырой норе».

Нора представилась мне вырытой могилой, кишащей опарышами. Я поежилась и почти пожалела, что решилась на столь рискованный поступок, но не остановилась. Причиной продолжения пути я сделала ворону, которая наверняка впала бы в истерику, поверни я вспять в двух шагах от цели.

* * *

На этот раз без приключений обойтись не получилось. Чтобы достичь места назначения, понадобился автобус. Ничего такого, если не учитывать, что птица не владела человеческой речью и не могла указать, на какой именно номер садиться и на какой остановке выходить.

Большая удача, что погода выдалась столь ненастной — улицы пустовали, и люди не сопровождали меня шокированно-презрительными взглядами. Девушка с клокочущей вороной на плече — где это видано.

Когда наконец подрулил автобус, я замялась: протаскивать с собой птицу или оставить на улице? Она наверняка поспеет, будет порхать у окна и как-нибудь подаст знак, когда выходить, — не зря же такая умная. Однако поразмыслить хорошенько она мне не дала — яростно каркнув, клюнула в затылок и погнала к открывшимся дверям, беспардонно юркнув в капюшон. Острые коготки прошлись по спине, заставив зашипеть. Успокоилась она, цепко прикрепившись к ткани.

Водитель, вымотанный мужчина с густыми седыми усами, молча принял монеты и выдал проездной.

Ехали мы недолго. От размеренных подпрыгиваний колес на ухабах и теплоты салона меня разморило, и я уже хотела прикорнуть, устроив голову на окне, как ворона заскреблась и прохрипела, приказывая выползать наружу. Выругавшись, я скрепя сердце встала и нажала на красную кнопку. Автобус тут же пристал к незнакомой остановке и выпустил из своего блаженно-нагретого нутра.

Проводница, едва нас облизал ледяной воздух, вырвалась из плена куртки и, встряхнувшись, понеслась вперед. После ее толчка на ткани остались царапины. Коротко цокнув языком, я потрусила — шагом за ней не поспеть.

Она завела меня на край города, к заводу, о котором раньше я только слышала — учительница обществознания постоянно сетовала на то, что они выбрасывают из труб слишком много химикатов. Серые стены огромного длинного здания сливались с тучами и облаками, уже перемешавшимися друг с другом и приобретшими цвет строительной краски.

Устрашающе. Пожалуй, даже в расцвете весны здесь жутковато, несмотря на обилие зелени: деревья кривили ветви тут и там, а парочка елей шуршала иголками, часть из которых покоилась у их корней. На определенных участках земли пар из люков истапливал снег, и подле них проклевывалась свежая травка.

Начальный этап жизни в море смерти. Руку даю на отсечение, тут обитают призраки.

«Живописно», — резюмировала Варвара.

«Не могу не согласиться».

Ворона свернула на узкую дорожку и скрылась за углом. Когда я повторила ее маршрут, ее нигде не оказалось — словно растворилась.

«И что это значит?» — опешила я.

«Наверное, ее миссия завершена. Тут дверка, смотри».

Я перевела взгляд с возвышающегося рядом дерева на стену. Действительно, дверь — массивная, с отпертым, тяжелым даже на вид замком. На ней красовалась лаконичная красная метка — крест, как на картах сокровищ в фильмах про пиратов. Она была чуть приоткрыта — будто пригласительный жест. Глубоко вздохнув, я толкнула ее; в ноздри ударил запах пыли и искусственное тепло обогревателя.

Свет ограничивался мелкой старой лампочкой под потолком, безбожно мигающей. В центре стоял стол — круглый, рассчитанный максимум на двоих. Его заставили пирожными и чашками, на подставке со свечой грелся чайник, весело серебрился изящный цветочный узор на скатерти. И не скажешь, что здесь принимает меня сама Инквизитор, грозная убийца, обладающая непостижимыми… талантами.

Я переступила порог, и дверь с грохотом захлопнулась.

— Здравствуй, Хель. Я тебя заждалась. Моя птичка завела не туда? Заплутали?

Я в отчаянии заозиралась, пытаясь определить, откуда доносится голос, но в помещении словно никто не присутствовал. Ни шороха. Голос — ровно с потолка.

«Не молчи, — посоветовала Варвара. — Она вспыльчивая».

— Нет, — выдавила я. Варвара явно знает ее лучше меня, так что стоит прислушаться. — Моя оплошность, я вышла из дома слишком поздно. Похоже, ваша птица была раздосадована моим опозданием, поэтому не стоит ее винить. Извините.

Щеки тут же коснулась грубая ткань, и передо мной возник высокий худощавый силуэт в черном плаще. Я столкнулась лицом к лицу с самим Инквизитором, за которым с остервенением гонялись Пак и Арлекин, за которым якобы охотилась и я. Инстинкты вопили бежать туда, где меня не найдут сами боги, но я усилием воли прикрепила подошвы ботинок к полу и даже не зажмурилась.

Эта женщина была мрачно красива. Бледная кожа, спутанные, но пышные темные волосы, выступающие из-под ворота плаща ключицы. Она улыбалась тонкими губами-ломаными-линиями, и длинные ресницы отбрасывали тени на впалые щеки.

— Не бойся, — произнесла она, изящно указав рукой на

стулья. — Не стой на пороге, присаживайся. Чай горячий. Нам о многом нужно потолковать, и я не хочу, чтобы ты проголодалась. Сожалею, приличных стульев здесь не нашлось. Ты ничего не имеешь против табуреток?

— Нет, — простое короткое слово выпало из глотки, как выкашлянный шип.

— Ты боишься, — сказала вдруг женщина. Меня затошнило. — Поверь, я не причиню тебе вреда. Однако если ты не пойдешь мне навстречу, я не смогу тебе это доказать. Пожалуйста, сядь. Еда и вода не отравлены.

«Она не лжет», — прошептала Варвара.

Кивнув, я медленно, едва не на цыпочках, приблизилась к столу, отодвинула табуретку и чинно села, не сводя глаз с убийцы. Та устроилась напротив:

— Так-то гораздо лучше, не правда ли? Для начала представлюсь. Меня зовут Морена. В нынешнее время я известна как языческая богиня смерти и зимы.

Она замолчала, давая мне осмыслить услышанное.

В принципе, среди идей, кто же такой Инквизитор, не оставляющий после преступлений следов и чудом не позволяющий огню перекидываться на окружающие предметы, крутилось нечто подобное. Возвышенно-сверхъестественное. Но все же не настолько.

Тянуло уткнуться носом в ладонь, дать себе хорошую пощечину и проснуться. Навязчивое ощущение, что меня закинуло в какой-то триллер, смешавший все существующие жанры и направления.

Богиня? В двадцать первом веке? В такой дыре, как этот город?

— Абсурд, — выдохнула я.

— Как и предполагалось, — хмыкнула Морена. — Вы, люди нового тысячелетия, поразительно скептичны и не принимаете ничего, что нарушает безмятежность вашей реальности. Век неверия! Отвратительно. Мы, боги, всегда понимали, что однажды вы отдалитесь от нас и отвернетесь от истины, но ни у кого не промелькнуло и мысли, что это произойдет так скоро. Двадцать первый век, как быстро… Хотя не для этого я тебя звала. Как твое самочувствие, Хель?

— Прекрасно.

— Нам предстоит очень серьезный разговор, который может нарушить твою гармонию.

Похоже, она принимает меня за кисейную барышню…

— У меня крепкие нервы.

— Хорошо, — кивнула Морена. — Я хотела поблагодарить

тебя. Ты вряд ли помнишь об услуге, которую мне оказала — невольно, — но я о ней не забуду. Я твоя должница — можешь просить у меня что угодно.

Я прокрутила все воспоминания, в которых могли быть высокие темноволосые женщины, но таковых не обнаружилось. Она определенно никогда не присутствовала в моей жизни, так какую услугу я ей оказала?

— Не совсем поняла… — проблеяла я. — Мы с вами не встречались. Как я могла вам помочь?

— Это было еще до твоего рождения. Сейчас не буду вдаваться в подробности — время, время! — но вкратце поясню. Есть душа, и она перерождается. Между жизнями она отдыхает, а затем вновь возвращается на Землю, но если у нее нет больше сил терпеть тяготы жизни, она отказывается получать новое тело и остается в высшем мире. Обычно души сдаются и недотягивают до приобретения… скажем так, привилегий, которые получают самые стойкие души, невероятно редкие. Их называют Избирателями. Варвара была первой такой душой, и из-за истории с богами ее окрестили Избирательницей, с тех пор так и повелось. Ты — одна из них.

— Иными словами, до этой жизни у меня еще было множество иных судеб?

— Именно.

— Сколько?

Любопытно узнать, кем ты был и когда, как ни крути.

— Не менее полусотни. Учитывая, что ты второй Избиратель, появившийся спустя несколько тысяч лет после Варвары, твоя душа должна быть значительно младше ее. У нее за плечами на момент смерти было семьдесят шесть жизней — это катастрофически много, учитывая, что душа перед тем, как уйти на покой, меняет около десяти-пятнадцати тел.

— И при чем тут моя помощь вам?

— Видишь ли, когда душа приобретает статус Избирателя, небеса сотрясаются. Когда ты стала Избирателем и отправилась на Землю, ты задела сферу, где покоилась я. Жизнь богов полностью зависит от людей и их веры. Когда люди нас забывают, мы засыпаем и исчезаем до тех пор, пока не произойдет что-то из ряда вон выходящее — например, нас не вспомнят. В моем случае из ряда вон выходящее — ты. Ты вытащила меня и подарила новый шанс, которым я воспользовалась — все те, кого я убила, были жертвами, частями Ритуала, призванного вернуть мне утраченную мощь. И я ее вернула. Теперь мне вновь подвластны все смерти на свете, я питаюсь от них. Подождать немного — и я дам бой Лису.

— Марина тоже была использована ради этого Ритуала?

— Да. Она тесно общалась со Змеем, одним из Изначальных богов, и на ней остался его след. Это делало ее не совсем обычным человеком; она была… Вратами. Если бог убьет такого, откроет для себя канал силы. Она была завершающей точкой.

Изначальный бог. Рассказ, написанный Варварой моими руками.

— Первоначальные — это те, что появились без содействия людей?

— Да, — подтвердила Морена. — Точнее, они были созданы *для* людей. Бытует заблуждение, будто они родились вместе с Землей и являются ее ровесниками. Это не так — достоверно знаю, мне Медведь, один из них, рассказывал — они открыли глаза ровно за несколько лет до того, как предвестники человечества взяли камень и палку. Словно кто-то послал их заботиться о них и сопровождать. И они не сразу приняли облик животных и уж тем более не сразу — людей, изначально они были чистыми силами с ничтожными зачатками сознания. Например, Лис — проклятый ублюдок! — был разрушительным пламенем, Волк — громом и молниями, Олениха — солнечным светом и жаром земли, Змей — водой и тучами. Только когда их подопечные развили интеллект, они стали *полноправно* живыми — сознание людей облекло их в форму. Потом они научились принимать облик самих подопечных, а еще — забыли свою первостепенную задачу. Теперь они совсем отдалились и думать не думают о заботе, играют в свои игры… Наверное, это правильно. Если бы смертные не нафантазировали себе невесть что, не придумали религию, все не было бы так печально — силы творили бы, что положено, и не размышляли об этом, не искали целей. Силы способны существовать миллионы лет, боги же под гнетом годов сходят с ума. Изначальные — самые безумные из тех, кому когда-либо поклонялись, — самые старые, самые запутавшиеся. Пожалуй, я бы их пожалела, если бы не ненавидела. Им самим было бы лучше, останься они в лоне природы.

«Надо же, — хмыкнула Варвара, увлекшаяся повестью Морены. — Я ошиблась. Надо было спрашивать Волка, а не самой факты сопоставлять. Что ж, все хорошо, что хорошо кончается. Морена поведала правду, и теперь я знаю чуть больше».

Услышанное не укладывалось в голове, но я интуитивно чувствовала, что это не ложь, и мне даже не требовалось доказательств.

— Почему вы ненавидите их?

Морена скрипнула зубами:

— Самоуверенные. Хотя до большинства мне нет дела. Один из них мне даже нравится — Медведь. Добродушный толстяк, попивающий мед в своей глуши и играющий на балалайке, а еще чаще бродящий в животном обличье. Однако не все такие; он скорее исключение, сумевшее сохранить присущее богу милосердие, а еще — рассудок. Остальные опасны, кровожадны, не знают, чего хотят. Однако их можно простить… Всех, кроме Лиса.

Интонации презрения в ее голосе были мне знакомы — так же говорил о Паке Изенгрин.

— Лиса? — переспросила я.

— Да. Он из Изначальных, как нетрудно догадаться. Именно он был разрушительным огнем, пожирал леса и пугал первых людей. Именно он требовал поклоняться ему, и можно сказать, религии появились при его содействии, ведь именно он показал смертным, что есть силы выше их и что их можно задобрить жертвами и склонить к себе обещаниями. Коварный, жестокий деспот, возведший себя на пьедестал. Они хорошо общались с Волком — громом и молниями — и даже считались друзьями. Волк постоянно его защищал, а Лис пользовался этим. Не знаю, по какой причине между ними прокатилось яблоко раздора, но уже много тысяч лет они люто ненавидят друг друга и ведут войну. А миссия Избирателя — их рассудить. Я ненавижу Лиса — он сжег меня после того, как я потеряла свою божественную суть.

— Рассудить?

— Они заключили спор. Его условия мне не известны, но я знаю, что тот, кого Избиратель назовет победителем, получит силу соперника и право уничтожить его.

— Вы позвали меня сюда, чтобы убедить выбрать Волка?

Морена удивленно хлопнула ресницами и вновь сложила губы в жутковатую улыбку:

— Ты радуешь меня, Хель. Мы связаны, и я горжусь тобой. Да, именно ради этого ты здесь. Лис недостоин победы; если он выиграет, мир будет истреблен, ведь его распечатанные силы превзойдут всех иных богов, вместе взятых, — и Изначальных, и тех редких «человеческих» божеств вроде меня, которые еще не ушли в небытие. Волк не менее безумен, чем Лис, но он сумеет распорядиться силой правильно. Ради блага Земли, Хель, откажи Лису в победе. Всем его проигрыш будет на руку: мир не разрушится, а я сумею отомстить, ведь моя сила сейчас примерно равна его…

«А вот и твой выбор, — вклинилась Варвара. — Отдашь победу Волку — я позволю тебе жить и делить со мной тело. Лису — я выброшу тебя в царство мертвых и сделаю все, чтобы ты из

него никогда не выбралась».

Я поджала губы. Контекст был предельно ясен. Два варианта: один обрекает на мучения, второй — дарит шанс. Не лучший, но все же.

В любой другой ситуации я бы заявила, что решать буду по совести, как сущий судья — обреку на проигрыш недостойного, не основываясь на личных интересах. Принципы суда над богами должны быть теми же, что и над людьми. Однако в голове ютилась древняя ведьма, способная заморить иллюзиями, а напротив сидела могущественная богиня смерти, и они обе желали отомстить Лису. У меня не оставалось выбора по простой причине — я была слишком эгоистична.

Я уже приготовилась сообщить: да, я отдам победу Волку, — как в углу кто-то захлопал в ладоши. Морена вскочила, скривив длинные пальцы на манер когтей; Варвара зашипела.

— Забытье тебя ни капли не изменило, Морена, — хохотнул знакомый голос. — Это печально: я надеялся, смерть тебя чему-нибудь да научит.

Что происходит?

«Лис», — лаконично процедила Варвара.

— Выходи, — приказала Морена.

— О, как скажешь, дорогая.

Пара коробок отодвинулась, и на свет ступил Пак. Весь в каплях растаявшего снега, ухмыляющийся и по-детски сцепивший руки в замок за спиной.

«Так вот почему ты уходила, когда он был рядом», — прохрипела я и получила подтверждение своей правоты — Варвара по-звериному зарычала. Так пес на привязи рычит на чужака.

— Привет, Хель, — поприветствовал меня Лис. — Надеюсь, они тебя не утомили своей болтовней. Эти две девицы всегда излишне любили чесать языком.

— Как ты сюда пробрался? — сделала вид, что не услышала обращения ко мне Морена.

— Защищаю своего Избирателя, конечно же. Ну и исполняю давние планы. Ты хотя бы замаскировалась, принося себе жертвы, Морена. По первой же руне стало ясно, что это ты.

— Так что же ты меня сразу не достал?

— М-м-м, у меня нет причин тебе все растолковывать… Но ты умрешь через минуту, почему бы и нет. Видишь ли, Хель принадлежит к тому разряду людей, которые ни за что не поверят во что-то, выбивающееся из привычной реальности, если не дойдут до осознания самостоятельно. Потому-то я и затеял всю эту игру с расследованием и погоней за грозным Инквизитором.

Она завершилась успешно; посмотри, Хель приняла все как должное, и никому не пришлось ее убеждать и что-то доказывать.

— Ты всегда был мастером манипуляций.

— И прекрасно разбирался в смертных, — поддержал ее Пак. — А еще — в богах. Таких, как ты. Как предсказуемо, Морена! Ты привела к себе Избирателя и попыталась сделать его своим так грубо…

Он шагнул вперед; Морена отступила назад, упершись копчиком в стол. Я отодвинула табуретку подальше.

— Никакой утонченности, — добавил Пак.

— Я уничтожу тебя, — решила богиня смерти. — Прямо сейчас.

Я не успела моргнуть, как она вздернула запястье и метнула в бога черный шар. Я подумала, будет как в фантастических боевиках — они столкнутся, и их разорвет на кровавые кусочки, однако Пак пошевелил пальцами, и тысячи искр поглотили комок тьмы.

— Не обнадеживай себя. Ты мне в подметки не годишься.

Спустя мгновение он уже был возле нее — разъяренный, сверкающий янтарными глазами, и ладонь его объяло пламя. Морена хотела оттолкнуть его, но ей не дали возможности — он с силой ударил ее в грудь, и я поняла, что она висит на его руке, раскрыв рот в безмолвном вопле. Кончики его пальцев, окровавленные, выглядывали из ее спины, как наросты на камнях.

— Я был глуп, когда просто сжег тебя, — прошептал он, прижавшись губами к ее уху и гладя ее по спутанным волосам. — Стоило совсем стереть тебя. Впрочем, сейчас я исправлю эту ошибку. Уверяю, твоя сила не пропадет. Прощай.

От визга Варвары едва не лопнули барабанные перепонки; находись мы в церкви и будь она живой, от него вылетели бы все витражи. Однако я четко расслышала хруст и треск лопающихся сосудов — Пак вытащил из груди Морены сердце и сжал его, впившись в пульсирующую плоть.

Человеческие сердца не бьются после того, как их извлекли. Ее — билось. А еще оно мерцало темно-синим.

«Беги! Беги!» — кричала Варвара, и я чувствовала, как она колотит меня, хлещет воображаемыми кнутами, но не могла сдвинуться с места.

Пак перевел на меня сияющий взгляд.

— Напугал?

Я покачала головой, не сводя с него глаз — все внутри вопило об опасности. Страх перед Мореной, чье бездыханное тело валялось у него в ногах, не шел ни в какое сравнение с этим.

Он поднял руки в успокоительном жесте, но это не

подействовало — он так и держал ее мертвое-немертвое сердце.

— Я не причиню тебе вреда, — заверил он. — Позволь подойти к тебе.

«Нет! Нет! Нет!» — надрывалась Варвара. Пак, внимательно следя за мной, принялся медленно приближаться, а голос древней Избирательницы — стихать. Она трясла меня из последних сил, остервенело билась в барьеры, но Лис перекрывал ее влияние.

— Ты ведь понимаешь, что так надо? — спросил он, дотрагиваясь до моей щеки костяшками пальцев. Я вздрогнула, зажмурилась, но не отстранилась. — Не воспринимай их всерьез. Ты мой Избиратель, не Волка. Так?

Я тяжело кивнула.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Ты меня не разочаровала, поэтому, как и планировал, я дарую тебе божественную суть.

Следовало забеспокоиться и кинуться прочь, едва он произнес эти слова. Однако ужас настолько сковал меня, что я не пошевелилась, даже когда он прижал меня к себе за талию и прошептал:

— Придется немного потерпеть.

Я инстинктивно рванулась, но поздно — его рука проникла в мою грудную клетку, прорвав кожу и сухожилия, смяв сосуды. Я сумела издать лишь сдавленный стон и вцепиться в его плечи, да так, что его рубашку пропитала кровь.

— Тише-тише… Все хорошо.

Но все было совсем не хорошо. Хотя бы из-за того, что на стене выросла огромная тень с волчьими очертаниями.

* * *

Я проваливалась в неясное пространство между реальностью и странным, неведомым миром — возможно, царством мертвых, которым мне угрожала Варвара. Не было меня. Не было времени. Не было пространства. Лишь хаос, в котором растворялось сознание.

Когда то «мое», что называется сущностью, выплыло на поверхность из пучин тьмы, я не помнила ничего после того, как Пак пробил мою грудную клетку. Забыла все, кроме огромной волчьей тени на стене, ощерившей пасть.

Распластанное тело Морены, потерявшее человеческие очертания. Тесная каморка, заставленная ящиками; смешной, выбивающийся из контекста столик со старомодными чашками, тарелочками и чайником. Холод. Вымокший, в чересчур легкой

для возродившейся зимы одежде Пак…

С резким выдохом я вынырнула из пелены, осознав, что дрожу, в ладони и спину упирается твердая поверхность, обтянутая мягкой тканью, а по вискам течет пот.

Меня пронзила боль — призрачная, но яркая. Будто кто-то вновь вскрыл меня, стремясь вырвать внутренности. Всхлипнув и едва не захлебнувшись в панике — может, я уже умерла, может, вместо нормального тела у меня теперь выпотрошенное уродство? — я судорожно принялась расстегивать куртку. «Собачка» не поддавалась, но вскоре молния разошлась; ворот футболки я едва не разорвала. Но едва взглянула вниз, туда, где трепыхается у людей сердце, облегченно застонала — никаких рубцов, швов, дыр, лишь привычная ровная кожа.

Обман или галлюцинация?..

Сморгнув с ресниц прозрачные капли, я осмотрелась.

Это определенно была не моя квартира. Уютная и светлая, как святая простота: комната не хвастала большими размерами, но за счет отсутствия излишеств казалась просторной. Окна — от карниза до середины стены, обклеенной темно-персиковыми обоями, напротив них — огромная, почти во всю стену картина маслом, изображающая переливающуюся под светом заходящего солнца реку. Я сидела в глубоком кресле с массивными круглыми подлокотниками; кто-то заботливый подоткнул мне под спину подушки и одну подложил под шею, на плечи накинул шерстяную кофту и шотландскую шаль — на колени. Рядом располагался угловой диван; над ним висел старый ковер; его брат-близнец застилал паркет. Сквозь запертые стеклянные двери не просачивалось ни звука.

Пальцы нервно подрагивали; я запустила их в волосы, и в тот же момент двери распахнулись; на пороге появилась… Оля.

Наверно, мое лицо вытянулось от удивления.

Девушка сочувствующе поджала губы и, порывисто подбежав ко мне, заключила в объятия, обдав ароматами молока и свежей выпечки:

— Мне так жаль, Хель! Я сделала все, что смогла, чтобы залечить твои раны. Как ты себя чувствуешь? Здесь все волновались, ждали, пока ты проснешься. Они были бы рады увидеть тебя, но если слабость не позволяет или просто не хочешь, оставайся тут.

Она нежно погладила меня по голове, поцеловала в щеку и внимательно вгляделась в мои глаза; увиденным она осталась явно недовольна. Только тогда я заметила, что одета она в не по-современному длинную и пышную юбку и грубую рубаху с вышивкой по краям рукавов. Почти как в экранизациях народных

сказок.

Вены в области сердца пульсировали, но я выдавила улыбку и заверила:

— Ничего не болит, спасибо. Это вы мне помогли?

— Да. Однако рану нанес Лис, и я не в силах…

— Вы ведь тоже не человек, верно?

Оля грустно улыбнулась:

— Верно.

— Богиня?

— Да. Потом об этом потолкуем, сейчас тебе нужно подкрепиться. Порой я теряла надежду и начинала верить, что ты умрешь, не справившись с обрушившейся силой… Но ты выкарабкалась. Ни Морена, ни Лис, как ни горько это признавать, в тебе не ошиблись. Можешь встать?

Я кивнула и, опершись о подлокотники, приняла вертикальное положение. Голова закружилась, я покачнулась и не упала только благодаря Оле.

Что-то было не так. Едва я коснулась стопами ковра, меня словно гром поразил. По венам потекло что-то ледяное, настолько, что обжигало, вдали раздался бессвязный шепот. Словно кто-то обнял сзади когтистыми снежными лапами и принялся вдыхать в душу зло. Впору было охладеть от страха, но отчего-то я знала, что это не предупреждение, не предостережение и не угроза — все внутри говорило: это приветствие. Тихое и смиренное, как шорох листвы под дуновениями ветерка.

— Что это? — прохрипела я, зажмуриваясь — это должно было отогнать вновь наступившую пелену.

— Сила, — ответила Оля.

— Спасибо, что не проигнорировали, конечно, но я ничего не поняла.

— Неудивительно, ведь тебе ничего не объясняли. Аккуратно, тут порог высокий… Вот так.

Квартира оказалась огромной. Выйдя из комнаты, я оказалась в длинном коридоре, в котором стоял грубо сколоченный шкаф. Коридор заканчивался «перекрестком» с помещениями во всех концах. Одно из них было заперто — из скважины торчал ключ с забавной подвеской в форме тигра; игра синего и золотого на крошечном искусственном тельце.

С его стороны, справа от входа, оказалась кухня. Оля провозгласила:

— А вот и мы!

Кухня по размерам не составляла и половины комнаты, где я очнулась. Посередине — обычный белый стол, под ножки

которого просунули тряпки, чтобы он не скользил на голом кафеле, сбоку — шкафчик с посудой, мойка, старинная газовая плита с дымящейся кастрюлей на конфорке, ваза с фруктами и пара пакетов с конфетами. Окна выходили во двор — узкая дорога, по которой изредка пролетали автомобили, да два повернувшихся друг к другу балконами пятиэтажных дома.

На стульях расположились трое — Изенгрин, Гери и Солейль. Первый тут же вскочил, так что уши резанул жуткий скрежет ножек, второй последовал его примеру, а третий равнодушно потушил сигарету.

Изенгрин, за неимением достаточно широкого пространства, перелез через опешившего Солейля и заключил мое лицо в свои ладони.

— Боли нет?

— Н-нет, — пробормотала я.

Он облегченно выдохнул:

— Значит, получилось! Присаживайся, тебе нельзя сейчас напрягаться. Олениха, будь добра, налей ей супа, — повернулся он к Оле. Так она не просто божество, а тоже из Изначальных, что ли?! — Он восполнит твои силы.

Господи Боже, что тут вообще творится?..

— У меня был бред?

— Да. Ты пролежала два дня в беспамятстве, — пояснил Гери, сочувственно осклабившись. — Не ожидал от тебя такой стойкости. Я бы не выдержал.

Изенгрин бережно отодвинул стул и помог мне сесть. Аккурат напротив Солейля, пододвинувшего мне тарелку с хлебом.

Я от души чертыхнулась.

— Что такое? — заволновался Изенгрин.

— Родители, — прошипела сквозь зубы я. — Наверняка по всему городу рыщут.

— Нет, — провела по моим волосам Оля. — Мы обо всем позаботились. К счастью, создать иллюзию — дело нехитрое. Я притворилась, что увожу тебя в больницу. Никто ничего не заподозрил, и сейчас раз в сутки в разуме твоих родителей и брата вырабатываются ложные воспоминания о том, как они посещали тебя в палате.

Я хмыкнула:

— Божественные способности весьма полезны в быту. Но у меня по-прежнему есть вопросы.

— Как всегда, — хмыкнул Солейль, играя зажигалкой. Струйка пламени лизала его пальцы, но он даже не морщился. — Своим умом ни до чего не доходишь.

— Достал уже со своими глупыми придирками!

— Неженка.

Я открыла рот, но Оля прервала, рассмеявшись:

— Теперь понимаю, о чем ты говорил, Волк! Они действительно друг к другу неравнодушны.

— Хватит говорить так, будто меня тут нет! — хором воскликнули мы с Солейлем, и все присутствующие расплылись в многозначительных улыбках.

— Так почему я провалялась здесь два дня? — остановила их веселье я.

Они тут же помрачнели.

Обязанность разъяснить мне все взял на себя Изенгрин:

— В этом вина Лиса, впрочем, как и всегда. Мы создали город давно, очень давно, чтобы наши силы не переходили за его границы и наше противостояние не задевало внешний мир. Как выяснилось, он растерял благородство и забыл, как слабы и хрупки люди. Ему плевать на них… — глаза его налились кровью.

Оля положила руку ему на плечо:

— Волк.

Он тут же сник, устало дотронувшись до ее пальцев.

— Простите, до сих пор не могу смириться с его падением… Я появился там слишком поздно. Морена успела поведать тебе о богах?

— Так это была твоя тень? Волчья?

— Да. Я Волк.

— Я до последнего не подозревала, что Лис — это Пак.

Гери презрительно вздернул губу:

— На то он и плут, чтобы обводить всех вокруг пальца. Если мучает совесть, отгони ее — ты тут ни при чем, это все его паршивые интрижки…

Договорить ему не дал Солейль — отвесил ему мощный подзатыльник. Поразительно, но Гери покорно замолчал, лишь грозно зыркнув в его сторону. Видимо, сболтнул лишнего или, по меньшей мере, собирался сболтнуть.

Я сосредоточила взгляд на своих ногтях, срезанных под корень. Сердце пропустило удар, в носу предательски защипало. Человек, к которому я почти привязалась, оказался одним древнейшим существом, обладающим разрушительной силой и хладнокровно убившим более слабую богиню. Я не могла докопаться до сути смятения на душе — он не сделал мне ничего плохого, помогал держать Варвару в узде, но…

А может, и сделал?

Длинные изящные пальцы, увязшие в плоти; кровь, текущая по запястьям; крепкая хватка, не дающая продохнуть; успокаивающий шепот на самое ухо и всепоглощающая боль.

Где Варвара?

Прежде этот вопрос вызвал бы во мне бурю восторга. Я бы вскочила и запрыгала на кровати с визгами: «Ее нет!» — но сейчас это показалось неправильным, сверхъестественным, ненормальным. Уже много недель ее присутствие неизменно ощущалось, а теперь кто-то словно стер ее. Я могла найти этому только одно объяснение: то, что со мной сделал Лис после того, как убил Морену.

— Что за чертовщина? — пробубнила себе под нос я. — Лис ведь… Сделал со мной что-то, да? Поэтому я так долго валялась в беспамятстве? Это вы называете силой, с которой я справлялась?

— Да, — кивнула Оля.

— И в чем она заключается?

— Это сила богини смерти, Хель.

Она поставила передо мной тарелку с супом.

— Что?

— Позволь мне объяснить, — вклинился Солейль; улыбочка его мне не понравилась. — Видишь ли, мы не особо понимаем мотивов Лиса, а он нам их не выдает. Точнее, фундамент-то ясен: желание отомстить Волку, но остальное он вытворяет, основываясь на своих странных логических цепочках. Все подводит к одному, да не прямой дорогой, а окольными путями. Ты его главный инструмент; увы, он опередил нас и привязал тебя к себе. Знаешь, дружба — сильные узы. Он видит людей насквозь, определяет их «ахиллесовы пяты» и хладнокровно использует в своих целях; он сразу понял, что ты одинока и нуждаешься в друге — не том, за которого и убьешь, ежели понадобится, а одновременно и близком, и далеком. Он убедил тебя в том, что хочет быть именно им — уже есть. Волк же, — он стрельнул глазами на Изенгрина, — не проявлял подобной прыти, вот и проиграл битву за твою симпатию. Во многом из-за того, что выбрал неподходящий облик…

— Почему? — вскинул бровь Изенгрин.

— Потому что Хель замкнута в себе и не привыкла к человеческому обществу. Она наверняка боялась тебя в первое время. Я прав?

— Прав, — призналась я, надеясь, что Волк не обидится.

— Ну вот, — развел руками Солейль. — Морена, насколько нам известно, успела пояснить тебе цикл душ, так что ты имеешь представление о том, как появляются Избиратели. Однако Избиратели в данном деле второстепенны; что ты знаешь об Изначальных?

Я передернула плечами; будет неловко, если я выдам что-то неверное или смешное при представителях этого… вида, что ли:

— Только базовое. Первые боги на свете, самые древние создания. Изначально — силы природы, приобретшие сознание после того, как люди вообразили, будто у них есть воля. Все остальные боги — плод человеческой фантазии, и они не могут существовать без их веры, поэтому постепенно их затягивает пустота, где они пребывают до тех пор, пока им снова не начнут поклоняться.

— Так и есть, — подтвердил Изенгрин. — Морена была одной из них, тех божеств, что черпали силу из людей. Мы другие — нам не нужна вера, чтобы действовать, хотя, конечно, она нас поддерживает. Ты поняла, почему она вернулась, хотя по-прежнему была забыта?

— Да.

— Прекрасно, — хлопнул в ладоши Солейль и вновь повел рассказ: — Ее целью было уничтожить Лиса; она желала мести — сжечь его, как он ее когда-то. Для этого ей требовалось создать новое пламя, которым он бы не обладал. Она почти изобрела его — завершить не успела, зато совершила все приготовления и открыла канал для получения силы. А «человеческие» боги устроены так, что он завязан на их сердце; можно сказать, оно — ядро. Если вырвать его, перехватишь весь канал.

От нетерпения зудели ладони.

— Ну? — прошипела я. Слишком много воды!

— Он вырвал сердце Морены, — сказал Изенгрин. — Я предполагал, что он это сделает, но и подумать не мог, что ему придет в голову распорядиться полученной властью так. Он всегда был охоч до добычи, в том числе и неосязаемой, той, что возвысила бы его — а сила Морены возвысила бы, — поэтому я был уверен, что он погрузит ее сердце в свою грудь. Но он отдал его тебе.

Суп был окончательно отодвинут на задний план. Пар от него уже почти не шел, и Оля тоскливо наблюдала за тем, как он стынет. Тем не менее я не могла заставить себя проглотить и пару ложек.

— Минуточку, — не поняла я. — Что значит мне? Понимаю, вы боги, у вас регенерация и прочие прелести, бессмертие, и раскоряченная грудная клетка для вас — ерунда, но я-то к вашему виду не принадлежу. Я же… Просто человек. Если он пересадил мне ее сердце — вырвал мое собственное и засунул другое, — я должна быть мертва. Но я двигаюсь, слышу и разум не потеряла на манер зомби. Это невозможно.

Гери вновь оскалился:

— Ты не «просто человек», Хель, а Избиратель — ваша физиология несколько отличается.

— Разве «привилегии» касаются не только души?

— Тело — составляющая души. Оно влияет на мировоззрение, отношение к окружающему миру, самосознание, — произнес Солейль. — Думаешь, почему ты без подготовки способна на уровне играть в вышибалы? Талант? Если бы. Он, конечно, имеет место быть, но у других людей. Всем, что есть в тебе, ты обязана исключительно стойкости своей души. Твое тело крепкое, оно выдерживает удары божественной силы и даже может ею пользоваться. Морена открыла широкий канал и не растратила его, поэтому тебе он перешел целиком. Фактически ты богиня смерти.

Как обычно люди реагируют на такие известия? Я не знала, что делать, что говорить и как воспринимать. Всю жизнь я была заурядностью, считающей себя особенной, проводила время тихо, без особого удовольствия, давно смирилась с тем, что меня не ждет ничего яркого и необычного; я мечтала о волшебстве, ирреальности в жизни, но…

Богиня смерти. Красивое словосочетание, если встретить его на страницах книги. Зыбкое и неоднозначное, когда его говорят в лицо, сообщая, что теперь это — твоя сущность.

— Эй, дыши, — впечатал в прозрачное дно выкуренную сигарету Солейль.

— Ты так рано или поздно сдохнешь, — скривился Гери, отмахиваясь от дыма.

— Знаешь же, что нет, — беспечно отозвался белобрысый.

— Почему? — ухватилась за шанс перевести тему я. От потребности прийти к выводам и решить, как принять факт приобретенной божественности, меня это не избавило, зато позволило не искать выход на глазах у посторонних.

— Он приемный сын Оленихи; на него не действуют ни наркотики, ни табак, ни яды, — пояснил Гери.

— Но мне это все равно не нравится, — заявила Оля, вынимая «гадость» изо рта парня. — Представляешь, — ее внимание обратилось на меня, — я его мать, а он меня совершенно не слушает!

— Я уже вышел из того возраста, когда обязан тебя слушать.

Девушка заворчала, но не возразила.

— Приемный сын? — переспросила я.

— Ага. Я лежал в больнице, и в городе по стечению обстоятельств остановилась Олениха, — он кивнул на Олю, ласково перебирающую его волосы. — Она сжалилась и спасла меня, заменила мою больную кровь своей. Так что я теперь вроде как божество, а вроде и нет.

Мысли вскипели от наплыва шокирующей информации и, не

подозревая, что делать, я взялась за ложку и впихнула в себя холодную суповую массу. В горле свернулся горький комок, и суп обмывал его, вызывая рвотные позывы.

— А что… как мне ладить с этой силой? Я теперь богиня, но… Меня же никто не знает. Как я могу…

— Хватит блеять, — приструнил Солейль. — Завоевывай уважение и почитание. Возможно, рано или поздно сядешь на трон в царстве мертвых.

Я бы задала множество вопросов: «Кто станет меня уважать?», «Зачем мне использовать силу?», «Как она работает?», «Я не растворюсь в воздухе, если все-таки решусь забиться в уголок и не править целым царством мертвых?» и еще кучу тому подобного, — но раздался дверной звонок.

— О! — воскликнула Оля. — Вот и они!

— Кто?

— Змей и Арлекин. Нужно обсудить кое-что важное касательно спора Лиса и Волка. Ты проснулась как Избиратель, значит, настало время его разрешить. И мы сделаем это как можно скорее.

* * *

Пока Олениха моталась в коридор, чтобы открыть дверь, Изенгрин успел объяснить, что Змей — Изначальный, как и он сам. Один из могущественнейших, владеющий водами и подземными путями. Олениха, без сомнений, сказал Изенгрин, его даже не оцарапает, если захочет, несмотря на то что относится к тому же поколению. В голосе его сквозило безмерное уважение. Когда рядом с кухней зашуршал ковер и заскрипели половицы, я уже представляла Змея как человека, от которого веет твердостью и властью.

Впечатление, которое произвел он, появившись на пороге, мало чем отличалось от того, что я ожидала испытать после беглого описания Изенгрина. Это действительно был мужчина, при встрече с которым начинаешь ощущать себя атомом в необъятной Вселенной; он смотрел прямо, внимательно, сканируя комнату. Я успела заметить, что зрачки у него вертикальные, а сами глаза нечеловеческие, испещренные прожилками. Он был облачен в дорогой темно-синий костюм, на белоснежной рубашке — ни единой складки. В руках — изящная трость с ручкой в форме змеиной головы. От него веяло неприступностью, опасностью, величием.

Единственное, что не совпало со сложившимся у меня образом, — возраст его человеческой оболочки. Все боги, с которыми я так или иначе контактировала, были молоды внешне; этому же можно было дать около шестидесяти. Он сдержанно улыбался, и кожу от уголков глаз чуть не до самых висков прорезали морщинки.

За его спиной маячила Арлекин. Гери весь расцвел, завидев ее, и помахал ей рукой; она его проигнорировала.

— Здравствуй, Змей, — поприветствовал его Изенгрин, почтительно поклонившись.

Мужчина поклонился в ответ, но не так низко:

— И тебе здравия, Волк. Давненько ты меня не навещал. Я тысячи лет не приходил первым; полагаю, у тебя есть достойное оправдание.

Олениха напряглась.

— Есть, Змей. Я выслеживал Инквизитора.

— И как, выследил? — очевидная насмешка.

— Да. К сожалению, я не успел ее спасти; Лис расправился с ней раньше и передал ее силу Хель.

Змей вскинул бровь и перевел взгляд на меня. От него волосы

вздыбились на затылке. Его тонкие губы растянулись в улыбке, от которой так и несло фальшью, хоть и надета она была с редкостным мастерством:

— Здравствуй, Хель. Давно не виделись.

Я выдавила:

— Мы не встречались.

Он тихо рассмеялся, и в его глотке что-то заклокотало:

— О, нет. Мы с тобой жили вместе. Не припоминаешь?

Змей широкой ладонью провел по лицу, а когда убрал ее, оно полностью изменилось. Я едва не задохнулась от неожиданности: прямой нос, соломенные волосы, как у матери, чуткие пальцы, лживая улыбка. Я автоматически опустила взгляд — лакированные туфли. Дорогие, точь-в-точь те, в которых дядя заявился в нашу квартиру за несколько месяцев до того, как выгнать нас.

— Дядя? — прошелестела я.

Его кожа смялась в морщины, и на месте дяди снова возник Змей — незнакомый и пугающий.

— Не совсем. Видишь ли, твой дядя — никчемное существо. Затаил обиду на своего отца и желал получить его квартиру. Я предложил свои услуги, и он мгновенно согласился; я принял его облик и сделал так, чтобы вы уехали. К счастью, ты бежала от реальности и была слишком слаба, чтобы выстоять против меня. Сейчас все иначе, но тогда… Ты была такой же никчемной, как твой дядя.

Меня вжало в стул. Я не почувствовала даже, как Олениха сжала мои плечи, поддерживая.

— Зачем ты так прямо раскрываешь ей все? — выкрикнула она. — Она не готова. На нее и так слишком много навалилось.

— Хель Избиратель, — отрезал Змей. — Она должна понимать, что на все наша воля. Я показываю ей, как сплел ее судьбу, — она обязана подчиняться и делать, что до́лжно.

Слабость миновала. Что-то мрачное и сильное наполнило меня до краев, и, вскочив со стула, я случайно отбросила его к стене, чуть не сбив опешившую Олениху. Он с треском развалился на части, обои прочертила рваная царапина. Я не видела себя со стороны, но подозревала, что похожа на животное — пальцы искривились, как птичьи когти, ногти зудели, вытягиваясь. Предметы на столе затряслись, двигаясь к его краям; Гери поспешно перехватил почти соскользнувший чайник.

— Я никому ничем не обязана! — проревела я. — Будь вы хоть самим Создателем, да хоть самой Землей, я все равно жила бы сама по себе, никак с вами не считаясь! Вы сплели мою судьбу? Вы лишь провернули паршивую интрижку! Вы лжец, и я

не позволю такому, как вы, диктовать мне, что делать. Пусть вы подстроили мой переезд и поспособствовали вовлечению в ваши божественные игры, я сама перережу свою нить — в месте, в котором мне угодно, тогда, когда захочу, чем захочу или не перережу вовсе.

Змей хмыкнул:

— Ты получила силу всего несколько дней назад и даже не умеешь ею пользоваться. Ты не можешь ничего решать. Ты даже не защитишь себя.

Ярость вспыхнула кроваво-красным пятном. Арлекин юркнула за стену.

— Хель, пожалуйста, успокойся, — попросил Изенгрин, но я сделала вид, что не услышала.

Сила сидела в теле прочно, и я чувствовала, как мы сливаемся. Я помнила: она принадлежала Морене и досталась мне только с ее смертью, и заслуги моей в этом не было, но она принимала меня, а я принимала ее. Она вилась неосязаемой тенью, обволакивающей тело и сознание.

Она покорялась беспрекословно; Лис не ошибся, вручив ее мне — я была предназначена для обладания ею.

Змей вопросительно склонил голову к плечу.

— Хель, не вздумай! — выпалил Гери, видимо, догадавшись, что я хочу сделать, но опоздал — я уже очертила ладонью круг и выставила вперед сжатую в кулак руку.

Кафельные плиты оторвались от пола и воссоединились в воздухе, образовав стену вокруг Змея. Медлить было нельзя — он не человек, он быстрее и сильнее, в схватке с ним роль играет каждый миг. Едва-едва последние плитки щелкнули, плотно прижавшись друг к другу, я рванула вперед, схватив нож с полки рядом с конфоркой.

— Глупая, — резюмировал Змей, и плитки разлетелись на сотни мелких частиц, дождем осыпавшихся на голую шпаклевку. Сзади кто-то вскрикнул, но я не обратила внимания и выкинула вперед нож, уведя его от столкновения с острыми кусками своего обманного маневра. Лезвие мягко пронзило дорогую ткань и вошло в плоть, как в масло. На руки брызнула алая кровь со странным синеватым отливом, холодная и жгучая.

Щеку прочертила тонкая красная полоска — не успела уклониться от осколка. Почти одновременно с этим все предметы замерли.

— Похвально, — произнес Змей, — однако я бог.

Он приложил ладонь к моему животу прежде, чем я успела бы моргнуть. Сверкнуло что-то зеленое, и сокрушительный удар отбросил меня через стол к стене, в которую я с треском

врезалась, чудом не переломав кости. Дыхание застряло то ли в легких, то ли в горле. Змей возник подле меня и занес руку для нового удара, однако ему помешала Арлекин:

— Господин Змей! Пощадите ее, умоляю! Если вы ее покалечите, конфликт так и не разрешится!

Он смерил ее презрительным взглядом, но руку опустил. Впрочем, расслабляться было рано — он поднял меня за горло, прошипев:

— Знай свое место.

— Змей! — гаркнул Изенгрин. — Ты переходишь границы. Отпусти ее.

Он иронично посмотрел на Волка, но пальцы разжал, и я закашлялась воздухом.

— Тебе вряд ли обо мне рассказывали, Хель, — одернул полы пиджака Змей. — Как бы то ни было, я рад, что мы отныне знаем друг друга в лицо. Волк наверняка упомянул, что я один из Изначальных. К слову, Олениха, — он благосклонно кивнул ей, — спасибо за уют, что ты создаешь. Прошло много тысяч лет, а ты все так же даришь тепло. Если тебе еще не известно, Хель, я выполняю роль директора в школе; впрочем, моя партия в споре Лиса и Волка куда весомее. Я куратор. Когда между ними случился конфликт, они обратились ко мне, чтобы я хранил относительную гармонию до рождения следующего Избирателя. Система разделения учеников на два лагеря — моя идея: чтобы Лис и Волк не забывали о споре и своих счетах — все не так просто, как ты понимаешь. Видишь ли, твои ровесники и детишки верят в превосходство своего лагеря, поддерживают его идеалы и приобретают отношение к жизни, присущее Волку или Лису, в зависимости от того, к какой «команде» принадлежат, и этим питают их силы. Поэтому они являются одними из самых могущественных Изначальных.

— А вы тогда почему не слабее, раз вас никто не поддерживает?

— По условиям нашего договора. Как куратор я обязан участвовать в споре до конца, и именно я провожу ритуал выбора. Все было бы куда проще, будь ты единственным Избирателем, но у нас есть Варвара, у которой есть право решать, такое же законное, как у тебя. Посему сначала мы извлечем ее.

— Извлечем?

— Да. У вас противоположные позиции: Варвара поддерживает Волка, ты — Лиса, поэтому, чтобы сделать выбор, вы сразитесь. Однако за ходом борьбы, происходящей на стыке ваших сознаний, мы наблюдать не сможем, поэтому необходимо подарить ей другое тело. Вы будете бороться на наших глазах, в

реальности.

— Погоди, как так? — встрял вдруг Гери. — Душу Избирателя не выдержит никакое тело, кроме того, что дано Избирателю при рождении.

Змей хитро ухмыльнулся:

— Нет, молодой человек, вы ошибаетесь. Тот, кто долго взаимодействовал с существами божественного происхождения, становится способен вынести бремя души Избирателя. И у нас есть подходящий кандидат на роль нового сосуда. Арлекин, хватит прятаться, присоединяйся к нам.

В глазах Гери отразилась такая боль, что даже у меня екнуло сердце.

— Думаю, нам пора навестить нашего рыжего друга. Его не стоит оставлять в стороне, не так ли?

* * *

Пак находился в комнате в конце коридора, той, что справа. Она была совсем крошечной, как чулан, и пустой — белые стены, небольшое окно напротив входа. Посередине стояло офисное кресло, где сидел сам Лис — россыпь синяков на лице, серебряная нить, скручивающая запястья, из-за которой от кожи шел еле заметный дымок (видимо, серебро было ядовито для бога), а из-под ребра выглядывала рукоять ножа. На рубашке тут и там расплывались пятна крови. Впрочем, он не выглядел измотанным — даже наоборот, смотрел издевательски, будто выжидая.

Арлекин растолкала всех присутствующих и ураганом влетела в комнату с воплем:

— Господин!

Она рухнула перед ним на колени, пытаясь разорвать серебряную цепочку.

— Воткнули в меня нож из змеиной чешуи, — фыркнул Лис, пронзая директора раскаленным от ярости янтарем.

— Исцеляться тебе никто не запрещал, — выплюнула Олениха. — Ломаешь комедию, опять. Тебе ведь совсем не больно.

Пак прищурился и склонил голову к плечу, посмотрев на нее так, что она невольно отступила на шаг назад:

— Откуда тебе знать, милая сестрица, больно мне или нет? Может, у меня душа болит. За то, что вы сделали с моей Избирательницей, например. Бедная девочка сорвалась из-за вашей грубости; а если бы она не контролировала себя так

удивительно хорошо и не справилась с силой Морены? Что вы бы делали? Вытаскивали город из царства мертвых?

— Убери синяки, плут, — приказал Змей.

— О, как прикажешь, куратор.

Пак опустил веки, и синяки растаяли — растянулись, потеряли очертания, поблекли и впитались в кожу. Арлекин выдохнула.

Впервые я распознала его любовь к похвалам. Ему нравилось быть в центре внимания, нравилось чувствовать чужую любовь и восхищение. Я и до сегодняшнего дня знала, что он самовлюблен, но почему-то никогда не акцентировалась на этом…

— Добрый вечер, Хель, — обратился он ко мне. — Боль прошла?

— Да. Спасибо, — кивнула я, сцепив пальцы на животе.

— Мне жаль, что тебе пришлось пережить подобное, но это необходимо. Зато теперь ты вполне можешь накостылять Змею! Только нужно потренироваться.

— Хватит трепать языком, — зарычал Гери.

— Ты прав, — стукнул тростью по полу Змей. — Пока ты… Кхм… Отдыхал, я разъяснил Хель наши дальнейшие действия. Мы собираемся вытащить Варвару, чтобы провести поединок здесь, в мире смертных. Это будет честно, по традициям того времени, в котором она жила. Та, кто победит, примет решение.

— Прекрасно, я одобряю. Что еще ты ожидаешь от меня услышать?

— Услышать — ничего. Ты участник спора, одна из главных сторон, и твое участие обязательно. Поэтому мы освободим тебя, и ты будешь свидетелем на ритуале извлечения. Только попробуй что-то выкинуть, и я снова одарю тебя ножом, на сей раз — не под ребра.

Пак расхохотался, откинув голову на спинку кресла:

— Охотно верю. Давай, сними с меня оковы. Обещаю, до самого вынесения приговора — ни шагу влево. Однако, надеюсь, ты осознаешь — Хель победит, и я выиграю. Тогда не обессудь. Я отдеру каждую чешуйку с твоего скользкого тела и выпью твою сморщенную душонку до остатка.

— Пожалуйста.

Радужка Змея тускло сверкнула зеленым, и цепочка расстегнулась. Арлекин порывисто обняла освобожденного Пака, вырвав нож из его плоти, а внутренние голоса, засевшие в моей черепной коробке, обеспокоенно зашептались. Если бы я напряглась, разобрала в этом невнятном гуле сожаления об огненных волосах одноклассницы и ее короткой жизни, которую Варвара забрала бы окончательно и бесповоротно. Потому что

Арлекин, хоть и провела с богами куда больше времени, была в тысячи раз слабее меня.

Что-то защекотало кожу, и я недоуменно потянулась к щеке; по ногтю скатилась прозрачная капля — символ скорой скорби.

* * *

Ритуал решили провести немедленно, в той самой комнате, где был «пленником» Пак. Изенгрин объяснил это желанием поскорее разделаться с тысячелетней историей, которая всех уже изрядно утомила. Ритуал, по его словам, был сложным, поэтому провести его мог только умелый маг. Поэтому на роль колдуна выбрали именно Змея — из всех «игроков» только он мог заключить выброшенную энергию и увести ее в землю. Даже Лис и Волк на такое не были способны — большей частью из-за того, что не пользовались магией. У них было то, что они называли потоком, — составляющая их существа, принимающая определенную форму; никаких заклинаний, заговоров, проклятий и прочих видов волшебства.

Едва Пак отошел от кресла, к которому был привязан, все встало вверх тормашками. Арлекин увела его в соседнюю комнату, чтобы обработать раны; Гери вертелся вокруг нее, шутил, спрашивал, но словно оставался невидимым для нее — а может, она действительно не слышала; это злило его, но он ничего не мог поделать, поэтому скрылся в зале и сел на диван, ожидая начала ритуала. Он был простым человеком, мальчиком на побегушках для бессмертного создания, и сегодня не существовало такого дела, в котором он помог бы. Признаться честно, поведение Арлекин задело и меня — она всегда была чутка и внимательна, и я уже привыкла к тому, что при встрече она обвивала мою шею и душила в объятиях; ныне же в ее представлении я слилась с Гери и стала столь же безмолвной.

Олениха и Змей носились по квартире, шаря по ящикам и полкам в поисках ингредиентов, переговариваясь на незнакомом языке. Наблюдая за ними, я успела вызнать у Оли, что она немного умеет колдовать. Специализируется на целительстве и прочих мелочах, возможно, не столь величественных, как умение поднимать торнадо или сотрясать морское дно, но все же полезных. Она вкратце пояснила, что для ритуала необходим эликсир; слава Создателю, все тысячелетия после смерти Варвары она хранила нужные ингредиенты, в современном мире истребленные.

Солейль и Изенгрин застряли на балконе и не собирались

оттуда выбираться. Они курили сигарету за сигаретой; причем первый от нечего делать, ведь он, как и Гери, не имел возможности чем-либо услужить господам, второй — на нервной почве. Когда он ставил локоть на подлокотник, я видела, как дрожит сигарета, роняя пепел на пол.

Спустя примерно час составные эликсира были найдены, и Змей с Оленихой заперлись на кухне; периодически оттуда доносился их яростный шепот. Видимо, Варвара жила настолько давно, что они позабыли рецепт.

По прогнозам Оли, завершить они должны были к десяти вечера, то есть больше чем через три часа. Поэтому я решила отдохнуть; точнее, помедитировать — достичь покоя, просветления или чего-то подобного, обнаружить Варвару, отсутствие которой изрядно беспокоило.

Я не воспылала к ней родственными чувствами или жалостью и уж тем более не искала в ней опору. Да, нас связывала миссия: определить, кто достоин победы — Лис или Волк, даже не зная истории и сути их спора. Мы были в одной лодке, да в разных ее концах. Вероятно, я привыкла к ее комментариям и неясному ощущению чужого присутствия; мне страстно хотелось найти ее и рассказать, что скоро все закончится, а она наконец получит тело, которое так желала. Не мое, не Избирателя, но — живое.

Арлекин стоило оплакивать; Варвара не оставила бы от ее сознания камня на камне.

Я лежала на кровати в единственной свободной комнате. Почему-то в ней было темнее, чем во всех остальных помещениях; в углу ворчал обогреватель, так что было тепло и без пледа, и я раскинула ноги и руки в стороны, наслаждаясь уютом и тщетно шаря по просторам разума в поисках сгинувшей Варвары.

Наверняка ее так сильно подавила сила Морены, заполнившая мое тело. Как бы то ни было, ее следовало выудить из небытия. Время текло сквозь пальцы; я блуждала в темноте, выкрикивая имя древней стервы, будто бы всего минуту, а меня уже тормошили, шипя: «Вставай! Давай!»

Неохотно я подняла веки:

— Я не сплю.

— Конечно, — фыркнул Солейль, стаскивая меня с нагретого местечка. — Олениха и Змей уже обставили комнату. Теперь твоя очередь. Надеюсь, ты хорошенько отдохнула, потому что испытание тебе предстоит еще то…

* * *

Солейль сопровождал меня, придерживая за воротник водолазки, словно я могла сорваться. Изенгрин с Оленихой прислонились к стене справа от двери, Лис и Змей — слева. Первые были мрачны, как тучи, вторые изнывали в предвкушении.

Гери коротко кивнул и, сорвав куртку с вешалки, удалился.

Я ощущала себя героиней то ли дешевой американской мистики, то ли не менее дешевого хоррора. Все обставлено чересчур кинематографично: на пороге рассыпана соль, на обоях — пентаграммы, на полу — пухлые свечи, истекающие воском. В середине круга покоился графин с чем-то фиолетовым, возле него — две кружки с рунами и два расшитых коврика.

На одном из них на коленях устроилась Арлекин. При виде ее внутренности свернулись в калачик: она улыбалась, счастливо и безумно, содрогаясь от нетерпения. Словно желала как можно скорее отдать свое тело.

Невольно возникло перед глазами выражение ее лица перед тем, как она упала перед скованным обездвиженным Паком, — одержимое, ненормальное.

Он ее одурманил.

— Присаживайся напротив нее, — указал Змей. Я покорно опустилась на жесткую ткань. — У вас есть минута, чтобы попрощаться. Больше вы никогда не встретитесь.

Арлекин улыбнулась еще шире:

— Я знала, что этот час наступит. Для меня честь послужить вашей с Господином победе.

Как наяву я увидела влагу, стекающую по щекам Гери, когда он слился с диваном в гостиной и думал, что никто не заметит его горя; чужое сердце в груди облилось кровью при воспоминании о том, как он крутился вокруг нее до последнего, а она отмахивалась…

— Гери будет скучать, — только и выдавила я.

— Знаю.

— Он любит тебя.

— Это неважно. Мы помощники богов. Я не хочу делить с ним свое время, зная, что он не верит в то, во что верю я. Вся моя любовь, сама моя душа принадлежат исключительно Господину. И тебе. Пожертвовать свое тело — самое незначительное, что я могу сделать. Только не осуждай себя; ты не посылаешь меня на смерть. Я не умру; буду жить вечно в чертогах царства мертвых и созерцать вашу благодать.

От ее речи к горлу подкатила тошнота.

— Пак это тебе сулил? Вечную жизнь?

Арлекин кивнула.

— Пожалей хотя бы Гери.

Она покачала головой.

— Пожалуйста, Хель, не упрямься. Ты хочешь меня переубедить, и я чувствую, что ты поворачиваешь меня против Господина. Он спас меня, укрыл, показал свет; ты тоже свет, другой, но все же, однако, я не променяю его на тебя. Соединись с ним после ухода; это будет высшей наградой для меня.

— Гери…

— Плевать на Гери!

Голос ее преломился. Змей прервал нас, будто почуяв накалившееся напряжение:

— Дамы, ваш срок истек.

Он легко прикрыл за собой дверь. Это означало, что пути назад нет. За секунду до щелчка замка я выглянула в коридор; увиденное удивило — Солейль мягко взял Олениху за запястье, склонившись к ее уху и что-то горячо шепча.

Бог медленно, растягивая удовольствие, шел к нам; казалось, до того, как он наконец опустился на колени, минула целая вечность. Он излучал мрачное удовлетворение, и это настораживало.

Может ли он повлиять на результат?..

— Хель, — произнес он, — невзирая на участие Арлекин, все зависит от тебя: изгонишь ли ты Варвару из своего тела или нет. Я буду лишь следить за ходом вашего сражения. Это сложно, ведь Варвара лучше контролирует свою силу. Ты держала оборону неделями, но здесь одна стойкость не поможет — необходимо нападение. Поэтому — внимательность, осторожность, упорство и целеустремленность.

У меня нервно дернулось веко. Я не раз видела силу Варвары — когда она насылала кошмары. А ведь она даже не владела моим сознанием полностью. Какой же хаос ждет при погружении туда, где она нашла равновесие и покорила территории моего разума? Там она полноправная хозяйка, а я…

— Арлекин, — обернулся к девушке Змей, — от тебя не требуется ничего особенного. Когда почувствуешь, что враждебная сущность исторгается, вцепись в нее и тащи в себя. Она быстро освоится, и ты отойдешь в царство мертвых.

Она просияла и показала большой палец, дескать, я справлюсь; от этого свело зубы.

— Отлично. Приступим.

Бог бережно взял графин за шейку и, бормоча что-то себе под нос, разлил жидкость по кружкам. Она дымилась и отвратительно воняла. Мне хватило упорства вытерпеть и не шевельнуться, а вот Арлекин не сдержалась и уткнулась в плечо.

— Этот эликсир введет вас в транс. Перед вами предстанет нечто, по чему можно спуститься. Хель, там, внизу, ты найдешь Варвару; заставь ее уйти. Арлекин, ты устроишься на дне, пока Хель не исполнит миссию, — оттуда ты быстрее и четче ощутишь дух Варвары. Мы поставили ограничения по всей комнате, поэтому она не вырвется. Ты затянешь ее к себе. Пейте.

Меня вдруг одолела безумная тяга разбить чашку. Разорвать контракты, забыть обязанности, не мною выбранные. Но Арлекин решительно, залпом закинула в себя жидкость, без сомнений, не оставив выбора. Сглотнув, она тут же «поплыла» — чашка выпала из ее ослабевших рук и покатилась по полу, глаза закатились. Вяло подмигнув мне, она завалилась на спину.

— Не медли, — поторопил меня Змей.

Глубоко выдохнув для храбрости, я выпила отвар. На вкус тот был не менее мерзким, чем его запах.

* * *

С небес спускались завесы, колыхающиеся под порывами бриза. Воздух отдавал солью и жаждой оседал на языке. Под стопами расстилалась бездна — дыра, наводненная вязким и шевелящимся, умоляющим об освобождении. Где-то в вышине блестели звезды, столь крошечные, что еле разглядишь.

Я устремила взгляд вниз. По какой-то причине я была босой; до пят струилась черная юбка, расшитая зелеными нитями. Волосы оказались убраны в высокую прическу, в которой я нащупала косы и заколки.

Мрак в бездне забурлил; из него вытянулись человеческие лица и шеи. Я уставилась вперед и пошла, не глядя — вокруг все было одинаковым, без ориентиров, а «нечто, по чему можно спуститься» было необходимо найти.

Нетерпение и волнение щекотали нервы, поэтому я едва не бежала. Плутала между завесами, озираясь. Поддаваясь эмоциям, я сдернула ближайший покров с неба — послышался треск, и шелк волнами стек по воздуху.

За ним обнаружилась лестница: витиеватые перила, опутанные засохшими лианами, крутые каменные ступени. Нерешительно я дотронулась до перил; они обожгли металлическим холодом, но тут же вобрали мое тепло. Одна из лиан ласково скользнула листом по пальцам и игриво шелохнулась, дескать — давай, что же ты замерла. Тогда я налегла на опору, чтобы не поскользнуться, и направилась к зловещему дну, из которого клубами валил темно-серый дым;

иллюзорный, не имеющий вкуса.

«Дно» было чертовски глубоко. Я насчитала три с лишним сотни ступенек, прежде чем попала в круглый зал, заполненный опостылевшим флером. Чистого неба с золотистыми точками больше не было: теперь в овальное отверстие в потолке заглядывал лик полной луны. В центре стоял диванчик, на котором развалилась Варвара, неестественно согнув конечности. Глаза слепо таращились в одну точку; на лице и пальцах кожа ее осыпалась, обнажив древесную кору.

Ее голос скрипел, как старый дуб:

— Привет, Хель. Так соскучилась по мне, что сама пришла?

Она не двигала губами.

— Я искала тебя.

— Не стоило. Я бы не вышла еще долго. Сила Морены необузданная. Впрочем, если надеешься уничтожить меня, воспользовавшись этим, ничего не выйдет.

Подойти к ней?

— Я вовсе не планировала тебя уничтожать. Пока ты восстанавливалась, сложилась иная ситуация. Мы приверженки разных богов, однако я не могу выбрать без тебя, а ты — без меня. Участие в ритуале предусматривает наличие физического тела. Ты не можешь оставаться в моем.

— С чего бы?

— Змей требует, чтобы мы сразились так, чтобы за нами можно было наблюдать. Биться у всех на глазах можно только в реальном мире. Не закалывать же мне себя от твоего имени, верно? Тогда ты в любом случае победишь, а с тобой и Волк. Да и оболочка пострадает. Мы подобрали другое тело, которое тебя выдержит.

В глазах Варвары блеснул интерес, но она так и не подала признаков жизни — лежала, как сломанная игрушка.

— Чье?

— Арлекин.

— Помощницы Лиса? — Древняя ведьма расхохоталась. — Лиса! Думаешь, я приму что-то, связанное с ним? Это подвох. Как всегда, подстроит какую-нибудь пакость. Он ничего не делает без выгоды. С этой девицей что-то не так, вот он и хочет, чтобы я влезла в ее тушу и увязла в дерьме. Нет-нет-нет. Если надо сражаться и отстаивать права своих богов, сделаем это здесь. Да хоть сейчас, в этом зале!

Ее локоны взвились змеями, кожа посыпалась на пол, как соль из опрокинутой банки, а рот распахнулся в беззвучном вопле. Ветер наверху взвыл, шелковые завесы захлопали, словно крылья пытающейся вырваться из ловушки птицы.

Что-то кольнуло меня меж лопаток, и я инстинктивно отшатнулась; очень вовремя — у самого виска свистнула объятая пламенем стрела. Пол загорелся, лизнул стопы, и я закричала так громко, что у самой заложило уши.

— Гори! Гори! Гори! — надрывалась Варвара; ее метало, будто одержимую, но лицо оставалось маской с черной дырой вместо рта, а конечности, покрывшиеся коркой, висели безвольными плетьми. — Гори! Гори! Гори!

Кровь стынет в жилах.

Огонь пожирал основание юбки и плясал на ногтях Варвары, подбираясь к ее локтям. О, я бы с удовольствием позволила ему поглотить ее — и моей вины в том бы не было, ведь она сама устроила пожар, и выбор был бы сделан без лишних церемоний…

…Но увы, справедливость в этот день имела слишком сильное влияние на меня. Наверное, из-за того, что я поддалась чувствам при прощании с Арлекин, так что теперь из меня можно было лепить что угодно. Поэтому я ринулась к Варваре сквозь смертоносные ярко-рыжие столпы.

— Дура! — орала я, сбивая искры. — Хочешь, превращайся в пепел, а меня с собой не тяни! Не хочешь уходить — я сама тебя вытолкну!

Я рывком подняла Варвару за воротник, чтобы вместе подняться по лестнице, как она резко вскинула руки и обхватила мою голову пальцами, ставшими такими же длинными, так ветки, и столь же тонкими. Я онемела от боли.

— Смотри, — нечеловечески завизжала Варвара, поднося рот-пропасть к моим глазам. — Смотри!

И меня затянуло в водоворот тьмы.

Стопы по-прежнему оставались босыми, но теперь не обугливались и не таяли, как воск под пламенем, а наслаждались прохладой и щекоткой — подошвами служила трава с венчающими ту бутонами. Я пребывала в полной растерянности: только что я горела заживо, а теперь дышу свежим воздухом, сладким от цветочной пыльцы, и вместо кинжалов в плоть ощущаю поглаживание ветерка.

Долго гадать, куда меня занесло, не пришлось — я уже посещала эту поляну в снах, навеянных то ли врожденными способностями Избирателя, то ли Варварой. Березки в отдалении, опушка, так и приглашающая порезвиться, — то самое место, где они веселились с Волком.

Все бы хорошо — расслабиться после костра никогда

не помешает, — но один вопрос: я так и горю в том мрачном зале, сцепившись с Варварой? Скорее всего, да, ведь если бы она отпустила меня, я бы наверняка очнулась в квартире Оленихи.

Если мое сознание мертво, тело наверняка живо, но какое это имеет значение, если некому в нем обитать? Сознание Варвары наверняка уже представляет груду головешек, а мое — копию жертв Морены, а раз так, то мое тело так никогда и не будет полноценно жить.

Я бы окончательно увязла в ненависти к себе, не раздайся вдалеке мольба о прощении. Женский голос, Варваре не принадлежащий; подобравшись, я направилась к его источнику. На цыпочках, тихо дыша — осторожность превыше всего. Так я достигла холма и залегла в высокой траве.

Под сенью берез, накренившись, стояла изба, грубо сколоченная из досок и бревен. Даже по сравнению с тонкими древесными стенами она казалась шаткой. Возле распахнутой настежь двери, слетающей с петель, крутились люди: женщина лет тридцати, пятеро детей и мужчина в рубахе, расходящейся по швам на его мускулах.

Одна девочка отличалась от остальных — брюки и кафтан у нее были мужскими. Именно она надрывалась, отползая по пыли к вялой калитке. Наверное, это была семья времен Варвары, и она показывала мне их через свои пальцы-прутья. Только зачем?

Я прищурилась. Никого из тех, чьи лица были повернуты ко мне, я не знала. Вдруг девчонка поднялась на ноги и кинулась прочь, и я распознала в ней Варвару. Только она была младше той, с которой я враждовала. Хрупкая, с синяками по скулам…

— Куда пошла, зараза! — взревел мужчина, сгребая ее за кафтан и толкая так, что она упала перед ним, да так сильно, что наверняка разодрала колени. — Сколько раз тебе повторять, чтобы ты, шалава, не смела надевать братские тряпки! Ты баба, леший тебя дери, позоришь всю семью своими выходками! Возвращайся в дом немедленно, тридцать ударов ремнем! Может, хоть это покажет тебе твое место, дрянь!

— Господин мой, отпусти Варю! — причитала женщина. Мужчина с размаху дал ей пощечину; к счастью, ее поймал мальчик, на вид старший.

Младшая Варвара вцепилась зубами в отца, и когда

он с ревом отпустил ее, кинулась прочь.

Подгоняемая любопытством, я последовала за ней.

Спустя какое-то время она остановилась, задыхаясь, и прислонилась к мощному стволу. Она плакала навзрыд; слезы текли ручьем. Она вытирала их рукавами, стряхивала пыль, ворчала что-то себе под нос, поправляла кожаные сапожки, но потом шлепнулась на корни и, уткнувшись в них, завыла, не сдерживаясь.

Глупая, фыркнула я. Будь это дремучий лес, она созвала бы на ужин всех волков.

В какой-то степени это оказалось верным. Не прошло и получаса, как из-за огромной коряги вышел волк-великан. Волк, тень которого возникла в убежище Морены; тот самый, которого я рисовала незадолго после приезда в город. Божественный. Изенгрин.

Меня мог понять только человек, познавший ужас смыкающейся над затылком водной глади. Мои щиколотки будто опутали водоросли. Я ничего не слышала, околела и расплавилась одновременно. С трудом я восприняла потолок комнаты, где Змей проводил ритуал, и поняла, что сзади меня держат мощные руки и стискивают до хруста в костях, помогая мне извергнуть жидкость из легких.

— Давай, детка, — медовые интонации. Пак. — Ну же, еще чуть-чуть…

Меня вырвало как по команде — водой и рыбешками.

— Молодец!

Поглаживание по голове. Пак собрал мои растрепавшиеся волосы и закинул за плечи, чтобы не лезли в лицо и не прилипали к шее. Кожа была липкой, но его это не смущало.

С трудом я сфокусировала взгляд на теле Арлекин. Рыжая не двигалась, а потом ее словно подняли на ниточках — как марионетка, неловко, вывернув конечности, она приняла вертикальное положение. Глаза у нее были не ее — не задорно-зеленые, а деревянно-карие, безжизненные.

Варвара заняла место лисы.

— Приветствую, Избирательница, — поклонился ей Змей. — Надеюсь, тебе приглянется новое тело. Вам обеим нужно отдохнуть, вы боролись целые сутки. Пак, забери Хель и позаботься о ней.

Я с облегчением опустила веки и провалилась в пустоту.

* * *

У меня никогда не было бреда. Даже с вторжением Варвары я осознавала, что она творит иллюзии, насылает кошмары — магия, с которой я пыталась справляться.

Однако сегодня бред пришел. Я то погружалась в сон, то выныривала на поверхность; моему телу казалось, что оно горит, и я слышала собственные крики о помощи; волосы слиплись, я задыхалась, и кто-то с промежутками вдыхал мне воздух в легкие; ноги то теряли чувствительность, то бились в судорогах; призраки ломали кости, тянули за язык. Перед глазами вспыхивали языки пламени, шелковые завесы душили, змеями проникая в глотку, голоса вокруг выли и дьявольски хохотали. Изредка их перебивало мрачное заунывное пение, отгоняя во тьму, но ненадолго.

Обезумев, я звала Варвару, но она не приходила; в сознании, где она раньше обосновалась, зияла пустота. Как космические черные дыры, она затягивала в себя все, что могла, и в голове моей царил хаос.

Наверное, я боролась. Отмахивалась от завес, стряхивала с себя огонь, пела хором с теми, кто старался спасти меня, подавив чужой злобный смех.

Пришла в себя я в глубокой ночи. Открывать глаза не спешила; слишком устала и мечтала только о том, чтобы погрузиться в нормальный сон. Но он не шел, и в конце концов я, кряхтя, приподнялась на локтях, схватившись за стену. Электронные часы на подоконнике с ядовито-зелеными цифрами показывали 3:05.

— Ты очнулась! — восторженно прошептали под кроватью, и я вскочила, готовая обороняться. — Воу-воу, полегче! Это всего лишь я.

Гость вытянул руку с кучей фенечек на запястье.

— Пак! — выдохнула я. — Разве можно так пугать! Что ты забыл под кроватью?

Лис выполз, ухватившись за край постели:

— Наблюдал, чтобы ничего не случилось. Ты же мой Избиратель, я должен о тебе заботиться. Варвара поступила жестоко — подожгла твой разум, стремясь не просто выселить тебя из тела, но уничтожить. Даже я не сделал бы такого; стереть душу, не дать ей переродиться… Ужасно. Конечно, ты пострадала, но фундамент не разрушился, так что память, чувства, эмоции и прочее — все при тебе. Я, признаться, немного удивлен: не думал, что ты выкинешь ее с таким… звоном. О, как она металась, рвалась, хотела залезть обратно в тебя, но Арлекин и Змей ее поймали.

Марионетка с огненно-рыжими волосами и чужими глазами,

теперь не такими веселыми и сияющими, а до краев заполненными ненавистью. Арлекин больше нет.

— Как там… тело Арлекин? — выдавила я. От мерзких слов во рту загорчило.

— В норме, — абсолютное безразличие. — Лучше, чем ты. Пока ты глотку рвала, она со своим Волчиком светские беседы в гостиной вела и о тебе задумывалась, только когда речь заходила о дальнейшем развитии событий. Конечно, ей-то мозг никто не поджигал, а новая оболочка, считай, сама пригласила. Она сейчас спит; все спят. Поздно.

Я хотела что-то ответить, но живот свело, так что я, застонав сквозь зубы, согнулась пополам. Голод. Сколько я не ела? Трое суток, не меньше. Пара ложек супа — ерунда.

— Кушать? — тут же спохватился Пак. — Погоди, сейчас притащу. Не вставай, отдыхай.

И, насвистывая какую-то песенку, он на цыпочках выскользнул из комнаты. В коридоре, где стоял холодильник, послышался шорох, тихий хлопок, и он вернулся с горкой баночек и пакетиков. Они тут же оказались на одеяле, а Пак, довольный собой, по-турецки уселся напротив и деловито открыл творожный рожок.

— Порой мне кажется, — не прожевав, сказал Лис, — что холодильник Оленихи — скатерть-самобранка новой модели. Что хочешь, то найдешь, и это притом что в магазин она почти не ходит. Да и нет ее уже день с лишним, а продуктов не поубавилось.

Почему-то вспомнилось, как Солейль держал Олю за запястье и шептал ей что-то. Если потом он увел ее куда-то… Нет. Вряд ли. Солейль не бог — всего лишь человек, в котором течет кровь Изначальных. Он не причинит ей вреда.

— Ты же не просто так тут, да?

— Ага, — беззаботно согласился Пак. — Всегда любил твою сообразительность. — Я жадно впилась в сырную булочку. — По уговору мы с Волком должны поведать Избирателю историю нашего спора. Изначально мы собирались посадить вас с Варварой друг напротив друга и совместно поведать быль от начала до конца, но когда ты вернулась и Варвара трижды пыталась пробраться к тебе в комнату, чтобы убить, мы посчитали, что лучше вам не пересекаться до самой битвы — перегрызетесь раньше должного. Желаешь посмотреть или воспримешь на слух?

— Хватит с меня видений. Лучше послушаю.

Пак пожал плечами:

— Твоя воля. Итак… О нашем рождении ты осведомлена, но

я, пожалуй, повторю: появились одновременно с людьми и в те благодатные века не имели определенного обличья. Мы были стихиями — без чувств, желаний, стремлений. Мы делали, что полагалось — дождем проливались на землю, ветрами пролетали над древесными кронами, вырастали вместе с цветами, громыхали молниями, танцевали пламенем… То было спокойствие и благодать, все шло своим чередом. Наверное, не будь у людей столь неуемной фантазии, мир был бы другим. Но, увы, они узрели в беспристрастной природе существ с собственной волей и даровали нам обличья. Тогда мы узнали друг друга. Я, огонь, стал Лисом, а гром — Волком. Наши сути сплетались в единое целое; я рождался из его молний. Мы держались друг друга, когда обрели сознание, и не понимали, в чем наша роль, чего от нас хотят люди и почему они восхваляют наши способности. О нас слагали песни и легенды — о том, как Лис и Волк победили гигантского дракона, побороли демона-медведя, спасли долину от затопления… Как Лис и Волк играли в загадки и дрались из-за проигрышей, но потом мирились и шли на новые подвиги, как Лис и Волк справлялись с бедами и вели за собой могущественнейшие племена. Наши образы деформировались, и некоторые даже считали, что у нас одно тело на двоих, что мы сращены спинами и смотрим в разные стороны света, прикрывая друг друга. К счастью, в тот момент мы были независимы ровно настолько, чтобы не срастись на самом деле…

— С твоей стороны дружба была искренней? — не выдержала я.

— Да. Я считал его старшим братом, учителем и защитником; тогда я был слабее, да и остальные Изначальные меня недолюбливали. Считали слишком легкомысленным и ветреным, не приносящим пользы — назло им я и творил беспредел. А он верил в меня и видел во мне равного себе. Конечно, это меня подкупало. Мы жили душа в душу тысячи лет; я был свидетелем их встречи с Оленихой, их счастья, его многочисленных побед над богами, людьми, сказками… А потом нам стало скучно. — Звучит как начало эпоса. — Мы задумались, можем ли продвинуться дальше. Тогда мы пожали руки и решили посоревноваться: кто из нас сделает скачок быстрее, тот и выиграл. Волк был жесток и бессердечен, не гнушался пускать в расход человеческие жизни и души, и мы выбрали самый простой и приятный путь — войны, конфликты, раздоры. Мы сталкивали племена с племенами, питались их почитанием, позже, когда наше место заняли «их» боги, — памятью и доверием. Часто мы принимали людские обличья и играли со смертными по их правилам. Голыми руками и камнями, потом мечами, щитами и стрелами люди бились и

питали нас. Ради забавы мы становились в их ряды и участвовали в сражениях, а порой лишь руководили ими. И это работало. Мы были непревзойденными богами, непобедимыми, но ни на мгновение не забывали о споре. Постоянно сравнивали друг друга, изучали, но так и не достигали удовлетворения. Я уже начал думать, что так будет вечно. Мы разыгрывали пьесу за пьесой, но однажды Волк все испортил. Подозреваю, в этом есть вина Оленихи. Он тогда был каким-то землевладельцем, и я пошел на него с очередной войной. После он отдалился, замкнулся, не подпускал к себе. Я посчитал, что обидел его, и явился с подарками, побеседовать и завершить дело миром, а он толкнул меня в Неразрываемый Круг.

— Неразрываемый Круг?

— Что-то вроде пентаграммы; ее изобрел Змей, чтобы наказывать изменников. Люди одарили нас не только волей, но и личностными качествами, а вместе с тем и необходимостью строить иерархию, чтобы контролировать восстающих и отбивающихся. Волк, ублюдок, тайком договорился со Змеем «сдержать» меня. Серый обвинил меня в том, что я сошел с ума от крови и битв, как щенок, пополз к чешуйчатому и нажаловался, вымолил помощь. Уж кто безумец, так это он! Не сделав ни малейшей попытки переубедить меня — я бы послушал его, расторг спор, попроси он об этом, — он пошел на столь крайний шаг, как союз со Змеем. Его не пугало даже то, что вместе с моей силой будет ограничена и его: Змей завязал заклинание не на себе, а на нем. Как одержимый, он доказывал, что я погряз в убийствах и смертях и развращен ими, спрашивал, не вижу ли я первозданного ужаса в глазах погибших, не испытываю ли отвращение при виде крови и ран, корежащих плоть? В итоге ритуал провели против моей воли; вняв мне, Волк в качестве «знака любви» сковал нас спором: если он ошибается, я побеждаю; если он прав и Создатель осуждает нас, я проигрываю. Победителю отходят все силы проигравшего, и он имеет право убить его. Однако, даже если потерпевший неудачу будет ходить по земле, он никогда не станет богом вновь.

Можно представить, как страшно каждому из них оказаться слабым звеном. Жить тысячи лет, владеть всем миром…

— Прошло не так много веков, прежде чем он встретил Варвару. Он сразу почувствовал в ней нечто особенное. Объявил ее дочерью и сестрой, представил мне и сообщил, что она разрешит наш спор. Разумеется, она бы выбрала его, даже не обратив взора на меня. Поэтому я убил ее — ради справедливости.

— Ты слывешь великим плутом, Пак, и не думаю, что это

пустая молва, — заявила я. — Слухи не распространяются без причины.

Лис рассмеялся и сжег обертку — не до пепла, а полностью:

— Теперь ты хочешь решить в пользу Волка, раз считаешь, что я лгу?

— Вовсе нет. Если выиграю, отдам победу тебе. Мне все равно кому, я узнала достаточно и о тебе, и о Волке и могу без сомнений сказать, что вы друг друга стоите. Ты ослеплен обидой и ненавистью, которая уже выжгла тебя изнутри, а он помешан на идее, и собственное эго застилает его разум. Я хотела бы умыть руки, но Змей меня убьет, если уйду от «предназначения», а так — мир пострадает, прими хоть какое решение.

Пак неожиданно взъерошил мне волосы на затылке; я оттолкнула бы его, но слишком ослабла.

— Как приятно иметь дело с человеком, руководствующимся здравым смыслом! Не зря я подарил тебе сердце Морены. Ты распорядишься им правильно. Кстати, у меня для тебя есть кое-что еще. Считай это подарком в честь выздоровления и знаком моего уважения. Только не кидайся на него, он нервный. Замри.

Я покорно застыла, а Пак распахнул дверь на балкон и призывно свистнул.

Реальность сгустилась, обретая очертания чего-то крупного. Пак поднял палец, дескать, не волнуйся, все в порядке. Однако я не ощущала себя в безопасности: что-то щекотало под ложечкой, намекая, что неплохо бы спрятаться или слиться со стеной. Из тьмы формировалось *тело*.

— Привет, дружок, — ласково пропел Лис. — Проходи внутрь, там наша новая подружка.

«Что за новая подружка?!» — едва не возмутилась я, но посчитала, что лучше не возникать. По нервным окончаниям проходил сигнал об угрозе, и я не собиралась его игнорировать. Паку, в конце концов, лучше знать, что делать.

Сгусток пододвинулся к порогу, и из него на ковер ступила лапа, похожая на собачью, — длинная, мускулистая, с острыми когтями. К ней добавилась узкая морда с загнутыми клыками, влажным носом и горящими глазами-углями. Собака вдохнула воздух и окончательно выскользнула из тени, замявшись в центре комнаты.

Я плохо разбиралась в породах, но она походила на гончую — поджарая, худая, бесспорно, сильная и яростная; у спокойных собак глаза так не горят.

— Красавец, правда? — коснулся ушей неожиданного гостя Пак. — Он из самой Призрачной Охоты. Превосходный представитель рода. Бесконечно предан, не колеблется и доводит

дело до конца. Понимает с полумысли. Достать такого — все равно что из царства Аида вернуться — почти невозможно.

Пес заурчал, принимая похвалу, нежно клацнул зубами у ладони Пака, заставив того переливчато засмеяться, и внимательно уставился на меня. От его взгляда по спине пробежали мурашки — обычные псы так не смотрят. У них в зрачках доверие. Этот же глядел как человек — изучающе, оценивающе. Вдруг он издевательски фыркнул.

— Какое неуважение! — шуточно пригрозил ему Лис. — Дай ей шанс, она впервые сталкивается с призрачным псом.

Животное тяжело кивнуло и рывком запрыгнуло на кровать; та прогнулась — пожалуй, в холке он был выше полутора метров и весил изрядно. Я могла бы забраться на него, как на пони.

Он склонил изящную шею, и его глаза встали на одну линию с моими. И не поймешь, то ли страшно, то ли любопытно. Что он сделает? Вцепится в меня или не тронет?

Пес сканировал меня мучительно долго; локти не выдерживали вес отклонившегося назад тела, и я почти молилась, как бы не упасть, вызвав вспышку гнева и следующие за этим неутешительные последствия. К счастью, испытывать пса на терпение не пришлось — он сам, хмыкнув, отстранился, усевшись на задние лапы, и протянул мне переднюю.

— Пожми, — подсказал Пак, и я обхватила тонкую кость, обтянутую плотью, поразившись мимолетом, какая же мягкая у него шерсть.

— Поздравляю, теперь у тебя есть личный призрачный пес! Знаешь, таким партнером даже в древности немногие могли похвастать. И да, запомни раз и навсегда: призрачные псы — не домашние зверьки и уж тем более не слуги. Они друзья, товарищи, партнеры, но не подчиненные или обязанные — вы равны. Так что находите общий язык; он будет с тобой до последнего. Защита, поддержка, обучение — от него ты можешь получить все, что угодно. Дай ему имя, это будет печатью вашего союза.

— Как ты там сказал? «Достать такого — тяжелее, чем выбраться из царства Аида»?

— Ага.

— Аид, — удовлетворилась идеей я. — Нравится?

В качестве ответа призрачный завалился мне на колени, придавив к матрацу тяжестью, и заурчал.

* * *

На этот раз, внезапно попав в незнакомое место, я сразу поняла, что снова погрузилась в видение, и отставила панику. Оно исходило не от Варвары и глубинами моего изрядно покалеченного разума не являлось — вокруг не клубилась тьма. Почти каждую ночь сражаясь с ведьмой, начинаешь отмечать детали, помогающие распознать природу сна — одной из главных была темнота. Часть моей сущности и любимое оружие Варвары.

Сегодня ее заменил лес; и не просто лес, а самая чаща. Крючковатые изогнутые деревья переплетались друг с другом, сцеплялись ветвями, накрывали землю плотным пологом, не пропуская лучи восходящего солнца. Тут и там валялись упавшие стволы — то ли из-за грозы, то ли из-за старости — уже покрывшиеся мхом и плесенью. Траву усеивали гнилые листья и опавшая хвоя со снующими жучками, под деревом неизвестной породы уютно устроились муравьи.

— Зачем ты меня сюда привел?

Дернувшись от неожиданности, я поспешно юркнула за поваленный дуб и спряталась за торчащими сучьями. Умом я понимала, что меня никто не увидит, ведь фактически меня здесь нет, но решила не рисковать. Разумеется, я уже сталкивалась со способностями Избирателя, но меня куда чаще утаскивала в свои иллюзии Варвара, поэтому я не совсем в них разбиралась.

Затрещали кусты. Из них выкарабкались люди. Белесая шевелюра, размашистая походка — Солейль; пышная юбка, платок и вышивка на краях рубашки — Олениха.

Теперь я не сомневалась, что выполняю прямую функцию Избирателя — вижу то, что видеть не должна. Скорее всего, то, что уже произошло.

Олениха была напряжена и взволнованна, словно чувствовала что-то неладное. Солейль непринужденно ответил на ее вопрос:

— Сделать кое-что.

— Дорогой, мое общество обязательно? Сейчас Хель нуждается в помощи, у нас нет времени…

— Волк сегодня вогнал мне серебряную вилку под ребра, рана не заживает. Я бы хотел, чтобы ты ее залечила.

Богиня всплеснула руками:

— Просила же его не распускаться, а он… Иди скорее сюда, вдруг подхватишь заразу.

От последующего ее поступка я едва не потеряла дар речи. Оля соединила запястья на затылке, и воздух вокруг нее заискрился. Золотые мотыльки, снежные хлопья, бабочки, пятна и фейерверки захватили ее тело в вихрь, и сквозь радужные дорожки-следы от их мельтешения я разглядела, как пальцы Оли удлиняются и расходятся древесными сучьями, а тело

покрывается солнечной шерстью и разрастается. Когда свет погас, траву встоптали оленьи копыта.

Животное было огромным; я никогда не видела живого оленя и даже примерно не представляла, какого они размера, но превосходство этого было очевидным. Он лучился изнутри, и под его копытами распускались цветы.

Долго любоваться прекрасным существом возможности не представилось: Солейль шагнул к богине, она склонила голову, упершись лбом в его грудь… и он вонзил ей под челюсть нож. Я зажала рот, чтобы не закричать. Горячая кровь брызнула ему на руки, прожигая кожу; Олениха взвыла, отшатнулась, но он притянул ее к себе и нанес удар в череп. Несчастная богиня свалилась и задергалась, отчаянно мыча.

— Прости, мама, — вздохнул Солейль, — надеюсь, ты достигнешь чертогов.

И принялся спиливать правый рог, не обращая внимания на дикие вопли и судороги жертвы, охваченной агонией.

Я завизжала.

Разбудил меня грудной рык. Пес ревел мне прямо в лицо, разъявив пасть с алым языком.

Он убил ее? Он по-настоящему ее убил?

Аид клацнул зубами, захлопнув пасть.

— Ну вы расшумелись, — с ноги открыл дверь Пак. — Проснулась? Отлично! Собирайся.

— Куда? — удивилась я.

— На тренировку, конечно же. У тебя поединок с Варварой, а ты об элементарных приемах ни сном ни духом. Варвара, между прочим, превосходно управляется с кинжалами и луком, а вкупе с ее избирательским талантом в иллюзиях… Так что давай, золотце, поедем в мою уютную норку. Я из тебя викинга слеплю. Шустрее, шустрее, время не ждет, до конца один лишь только шаг!

* * *

«Уютной норкой», в которую нас с Аидом завез Пак, оказалась кладовая. Та самая, служащая мне убежищем от Варвары и домашним кинотеатром с самого переселения, заставленная старыми коробками и коврами. Когда машина подкатила к знакомому подъезду, я не сразу вникла, в чем дело, а Лис на все вопросы напевал песенку на каком-то странном — предположительно древнем — языке.

Вопреки опасениям направились мы не в мою квартиру.

Возвращаться не хотелось. Сердце Морены постепенно срасталось с телом, а вместе с ним и ее сила. Напряжения в костях и мышцах как не бывало, дышать стало легче, а в отражении я заметила, как выровнялась осанка.

Пак открыл соседнюю дверь, в свои хоромы, и впустил нас внутрь. Аид вошел позади меня.

Все здесь было так же, как у нас, — тот же коридор, такие же повороты, только наоборот.

— В кладовку, — указал Лис пальцем на дверку возле ванной. — Я укрепил стены, так что круши-ломай, визжи-ори, никто ничего не заподозрит.

Словно в доказательство он щелкнул пальцами, и одну из картонных коробок с грохотом разорвало на части; кусочки с вязким хлюпаньем сталкивались со стенами и, едва касаясь ковра, сгорали дотла. Он дунул на искры, и пламя разрослось, с воем бури пожрав все имеющееся, оставив угольки да пепел. Жар опалил кожу и едва не задел волосы, так что я невольно прижалась к двери; Аид пригнулся к полу и, зашипев, присоединился ко мне; Пак расхохотался и утешил:

— Не волнуйтесь, это мой огонь, он вас не тронет.

Один хлопок в ладоши — и рыжий вихрь сузился до размеров хрустального шарика в сувенирных магазинах, а затем развеялся, словно дым. Все, что напоминало о нем, — сладковатый запах, оседающий на деснах.

За считаные секунды он уничтожил все, что имелось в помещении, из-за чего оно прибавило в просторности и посветлело — теперь темные горы мусора не нагнетали атмосферу, обнажились нежно-персиковые стены. Лампочка под потолком мужественно выдавливала электричество и упорно держалась, хоть и мигала. Аид щерился на нее. Я сдержанно потрепала его за остроконечными ушами, надеясь, что он не оттяпает мне руку, — впечатление собачки, охочей до ласки, он не производил.

Пес даже не продемонстрировал клыки — просто недовольно заворчал.

— Он хорошо тебя принимает, — заверил Пак. — Хотя придется потрудиться, чтобы завоевать его полное доверие. Как и ему, впрочем. Вы оба не особо допускаете чужаков.

Я нахмурилась: зачем Лис мне его подарил сейчас, когда совсем скоро схватка с Варварой и я не успею наладить контакт с Аидом до такой степени, чтобы быть уверенной в его преданности и показать, что готова платить ему той же монетой? Гораздо логичнее было бы познакомить нас раньше — намного раньше, — чтобы мы привыкли друг к другу. Однако…

Я перевела взгляд на Аида. Под короткой черной шерстью перекатывались мускулы, гибкий длинный хвост змеей вился у задних лап, звякая металлической насадкой, а алые глаза следили за Паком.

Аид — призрачный пес, наверняка обитал в царстве мертвых после того, как распалась Дикая Охота, о которой рассказывал Пак. Человеческие боги ушли в небытие, а вместе с ними и их колесницы, так что лошадям и собакам стало некому подчиняться. Они стеклись во владения исчезнувшей царицы почивших и скитались там, одинокие. Наверняка они застали ее, ведь смерти в мире никогда не прекращались, и она могла питаться ими. Может ли Аид ненавидеть Пака за то, что лишил их повелительницы и покровительницы, даровавшей им укрытие, за века превратившееся в дом?

— В этом ты прав, — согласилась я. — Глуп тот, кто бросается в омут с головой. Как бы то ни было, зачем мы здесь? Мне не нравится находиться в такой непосредственной близости от родителей.

— Расслабься, Хель, я же сказал, никто ничего не услышит. Эта кладовка вырезана из материального мира, она везде и в то же время нигде. Иными словами, даже если кто-то кроме нас и захочет сюда пробраться, не сможет — не откроет дверь. Чудо, если он ее вообще увидит. Касательно «зачем» — объяснял уже, тренироваться. Проходите. Уж от тебя, Аид, я не ожидал… Какой же ты огромный! Тут слишком тесно. Что ж, это дело поправимое. — Он глубоко вдохнул и выкрикнул: — Паф!

В то же мгновение стены разъехались в стороны, а пол ушел вниз, так что у меня перехватило дыхание в невесомости, и я со сдавленным стоном шлепнулась на колени, посадив на джинсы белую полосу содранной краски. Аид восстановил баланс еще в воздухе и приземлился на все четыре лапы; Пак приклеился к появившемуся из ниоткуда паркету и спикировал вниз, как на скейтборде с перил в центре города.

— О, прости, что не предупредил, — извинился Лис на мое злобное шипение. — Ты в порядке?

— Да, — ответила я, с благодарностью принимая помощь Аида, подсунувшего морду мне под локоть.

— Поменьше мрака? — склонил голову к плечу Пак, и как по мановению волшебной палочки на потолке выросли, словно грибы в лесу, мини-люстры. Стеклянные, они переливались цветами радуги, отражая свет друг друга. — Теперь отлично! Можно приступить к занятиям, ибо устраивать пикники нет времени, хоть и хочется. Так, Аид, располагайся где-нибудь, а с тобой, Хель, у нас много дел насущных, на отдых не рассчитывай.

Для начала определимся с оружием.

Я огляделась. Пусть обстановка и кардинально изменилась, ничего принципиально нового я не обнаружила — стерильно, точь-в-точь операционная или спортивный зал в секретной организации. И абсолютно голо.

— С чем? — вскинула бровь я. — Здесь ничего нет.

— Пока, — усмехнулся Пак. А затем кивнул, и по периметру «кладовки» рассредоточились железные полки и стойки, столики и скамейки, усыпанные холодным оружием — секиры, мечи всех мастей, сабли, шпаги, катаны, щиты различных форм — круглые, прямоугольные, с острыми углами, кинжалы, стилеты, «бабочки», метательные топорики, булавы, сюрикэны, луки, арбалеты, копья, косы, пики и многое другое. Однако холодным тут не ограничивалось — имелись пистолеты (даже с ударно-кремневым замком!), гранаты, колбочки (предположительно с ядами), целые ряды пуль, револьверы, электрошокеры, газовые баллончики и маленькие металлические штучки, похожие на наперстки, только заостренные на манер когтей — таким хорошо протыкать артерии.

— Обалдеть! — даже не попыталась сдержать восторг я.

Пак польщенно подобрался:

— Я коллекционер в душе, знаешь ли.

Дрожа от возбуждения, я на трясущихся ногах подошла к стойке с копьями, пиками и косами. Никогда я еще не видела такой красоты! А ведь до этого еще можно дотрагиваться! Помнится, когда-то в детстве мама отправила меня на экскурсию в старинный замок; там проводили лекцию о культуре людей того времени, рассказывали о сменах караулов, тактике и стратегии, кузнечном ремесле… А еще — показывали вооружение и даже разыгрывали сценку сражения. Мужчины двигались быстро и точно, я тогда долго грезила мечтами о том, как стану великим воином, ровно до тех пор, пока в школе не разъяснили, что времена таких походов, когда все передвигались на лошадях и останавливались на привалы у рек, давно минули. Но любовь к холодному оружию не угасла, и на кончиках пальцев так и танцевало ледяное пламя ограненной стали.

— Шикарно! Роскошно! — восклицала я. Аид подозрительно чихнул; наверное, засмеялся.

— Вижу, тебе нравится, — улыбка Пака растягивалась шире и шире. — Все это в твоем распоряжении. Однако перед тем, как выберешь, позволь поведать тебе о Варваре как о сопернике. После того как выиграешь, могу научить тебя пользоваться всем этим арсеналом, но пока нужно взять самое оптимальное и за двое суток отточить умения до идеала. Так что рассматривай,

знакомься, но слушай.

Я огладила роспись на древке копья ногтем мизинца.

— Ее отец был воином, участвовал в походах и набегах, но в один прекрасный день был тяжело ранен и более не мог заниматься любимым мастерством — убивать невинных и насиловать женщин, попадающихся ему на пути. Он был настоящим зверем, князь весьма жалел его отпускать. Он спился, и старшие сыновья поспешили сами уйти воевать, а дочери выскочить замуж. Его жена достойна уважения — она провела с ним всю жизнь и не сдалась. Он даже не убил ее, хотя они не любили друг друга. Варвара дружила с Яром, своим братом, — он был старше ее на пять лет. Единственный из всех его сыновей, он не ушел служить, не желая оставлять младших на произвол судьбы, и чуть не поплатился, так как папочка счел его трусом и слабаком. На самом деле он был силен и умел, с мечом обращался как с продолжением руки. Зная о непредсказуемости отца, он стал учить Варвару — с таким чутким и любящим наставником она быстро овладела мечом, кинжалами и рукопашной, а еще переквалифицировала простенькую косу в смертоносную молнию. Плюс она стреляла из лука, чтобы охотиться. Да, с такими ребятами разбойники их дому были не страшны. Варваре не нравились женские наряды, необходимость вязать, шить и вышивать, а еще она как от огня шарахалась от идеи о замужестве. Ее наказывали, но она все равно не соблюдала приличия, продолжая таскать братские костюмы и часами тренируясь в лесу. Яр натаскал ее до такой степени, что в схватке с соседним племенем, совершающим набеги на их поселение, она вышла бы живой. А потом она еще и с Волком пересеклась, а уж тот сделал из нее бойца настолько профессионального, что, выйди она один на один против, скажем, монгольского воина, бесспорно, выиграла бы.

Чем дальше Пак продвигался в своем рассказе, тем быстрее восторг сменялся тревогой. Игнорировать угрожающую историю Лиса не получалось, да и нельзя. Оружие — не залог победы, важны умения и опыт того, кто им владеет. Раз Варвара так сильна, как он описывает, мне, девице без базовых навыков, не стоит и помышлять о выигрыше — проще сразу положить голову к ее ногам.

— И что мне делать с таким раскладом? У нее тысячелетие опыта, а я меч трогала только раз, в шесть лет, просто так. Я не уклонюсь от первого же удара, раз ее годами натаскивали этот Яр и сам Волк.

Пак оскорбился:

— Думаешь, я бы посылал тебя на смерть? От твоей победы

зависит мое будущее. Чтобы ты знала, у тебя уже есть и умения, и опыт, только ты их еще не раскопала.

— Уже есть? — хохотнула я. — Да я не знаю, как эту штуку, — палец указал на саблю, — держать! Или, может, это одна из способностей Избирателя — мастером во всем оружии быть?

— Я тебе просто так сердце Морены отдал? — припечатал Лис. — Когда бог передает — добровольно или под давлением — свою силу, вместе с ней он делится всем основным, чем располагал, — и опытом, и знаниями, и навыками. Чтобы не затмевать личность нового носителя сердца, все это хранится в отдельном… ящичке, если угодно, и этот ящичек можно открыть по мере необходимости. А потом закрыть. И снова открыть. И опять закрыть. И так по кругу — он твой. Так что ты, дорогая, обладаешь ровно таким же багажом, как Варвара, и у тебя есть все шансы ее одолеть. Только найти ящичек и открыть.

— Ты имеешь в виду, что помимо божественных способностей я получила еще и тысячелетний запас опыта в сражениях?

— Да. По задумке, за эти два дня ты должна полностью овладеть искусством заимствования талантов Морены. Доля старательности, капелька целеустремленности, пара щепоток воли к победе — и вуаля, тебе нет равных. Все зависит только от твоего желания. Поняла?

— Да.

— Тогда выбирай, и приступим.

Я нервно выдохнула и пошла вдоль стеллажей, придирчиво исследуя коллекцию.

Привыкнуть к сердцу Морены было несложно; у меня даже получалось играть с темнотой — рассеивать ее или сгущать. Ее сила была прохладной и влажной, но уютной и родной, так что ее можно было перекатывать между пальцами и запускать в легкие, чтобы дышать, как обычным воздухом. Заслуги моей в этом было мало — наверное, мы так хорошо срослись лишь из-за того, что сама Морена меня не презирала. Мне доставлял удовольствие тот факт, что я ее получила, но порой одолевали мысли: «Это не я. Это чужое. Мне должно быть стыдно». Ведь я всегда была простым подростком. А тут на меня обрушилась власть, которая к тому же без особых сложностей давалась в руки; да, «сращение» с ней было тяжелым — двое суток агонии, о которой не осталось воспоминаний, — но результаты превосходили себя. И ладно бы только власть. Теперь мне сообщили, что я еще и физически более совершенна; как тут не опешить?

— Есть идеи? — нетерпеливо осведомился Пак. — Я бы посоветовал пошевеливаться, потому что не умею растягивать

время на бесконечность. Такой фокус проворачивается исключительно с пространством.

— Коса — красиво, но банально… Я же не мрачный жнец. Варвара владеет мечом, кинжалами и косой, плюс рукопашная, значит, мне необходимо что-то в противовес. Наверное, секира. Вот эта, — я сняла с подставки скандинавское оружие. — Раз она метает кинжалы, потребуется защита, но не слишком тяжелая и большая, чтобы не замедляла движение и не загораживала обзор. Наручи. Есть?

Пак молча бросил мне пару серебряных наручей.

— Не факт, что мы будем постоянно вести ближний бой. Нужно что-то, позволяющее поражать противника на дальней дистанции. У нее это кинжалы, которые она может метнуть, а я возьму себе стилеты.

На одной из скамеек как раз покоились прекраснейшие костяные стилеты, которые я с благоговением взяла, почувствовав исходящее от них тепло.

— Четырнадцатый век, — похвастался Пак. — Превосходный выбор. Позволь добавить кое-что от себя. Маленький сувенир на память.

— Не думаю, что стоит. Ты мне и так уже достаточно надарил. Я никогда не смогу тебе в полной мере за все это заплатить. Какие еще могут быть «сувениры»?

— Маленькие. На.

Лис достал из кармана что-то действительно крошечное, поблескивающее в свете люстр. Подгоняемая любопытством, я приблизилась к нему, и он с улыбкой раскрыл ладонь, на которой оказались те самые наперстки, привлекшие меня недавно. Три штуки, один — короткий, загнутый внутрь, на большой палец, из чистого серебра, со скромной росписью по краю. Второй — также серебряный, но более длинный, волной, третий — прямой, как нож.

Я бережно взяла их по одному и положила в карман, застегнув его на пуговицу.

— Они окажут большую услугу, — заверил Пак. — Улучишь момент — нападешь со спины и проткнешь ей артерию к чертовой матери. А сейчас приступим.

* * *

Тренировки с Паком не походили на тренировки с Изенгрином и Солейлем. Большей частью из-за того, что Волк и его сподручный, по сути, играли, а Лис ставил целью научить

меня убивать и при этом выживать. Нагрузки были куда серьезнее, а перерывы — реже и короче. Работали мы на износ — за двое суток проспали только несчастных три часа и, будь это возможно, выдавили бы из организма весь пот. Только перед днем схватки он разрешил мне лечь пораньше, но и тогда я почти не спала — не позволили возбуждение и нервный мандраж.

Первые несколько часов были самыми сложными и напряженными. Тогда он делал акцент на «духовном» — пытался помочь открыть «ящик» и настаивал на том, что необходимо правильно дышать и не концентрироваться на «излишках». «Не беги, а лети», — говорил он, растягивая гласные, и махал руками на птичий манер, а потом, танцуя, уклонялся от моих неловких выпадов. Элементарные базовые движения не желали исполняться правильно, как бы усердно я ни копировала стойки и движения — локти были то слишком высоко, то слишком низко, ноги — то врозь, то вместе, и это медленно, но верно выводило из себя. Я старалась, но это не приносило никакого результата.

Выбранное оружие, трепетно сложенное, стояло в стороне — «до тех пор, пока не овладеешь рукопашной». И с каждой минутой меня все настырнее одолевала мысль, что до него так и не дойдет.

Я кидалась на Пака и так, как он показывал, и «от себя» — с выпяченными когтями и открытым для атаки животом. В итоге он откидывал меня на несколько метров — то хватая за шиворот, то давая импульс силы в незащищенное место, то ловко делая подсечку, а то и вовсе перебрасывая через плечо. Пинки и удары локтями не имели никакого эффекта, и он чистосердечно признавал, что я Варваре ими даже дух не выбью, не говоря уже о нанесении урона.

Спустя два часа спина покрылась синяками, легкие ныли, отбитые падениями, локти, колени и ладони были содраны в кровь. В висках пульсировала глухая ярость, нарастающая с каждой секундой, с каждой насмешкой Лиса; он издевался все грубее и изощреннее, так что постепенно шуточки приобрели оттенок оскорблений.

Ярость достигла пика, когда Пак бросил: «Нюня, — и покачал головой. — Варвара тебя разнесет и ни единой клетки не оставит. Превратишься в космическую пыль». Алая пелена застлала глаза, и я, стиснув зубы едва не до треска, в два шага настигла Лиса. Кулак объяла дымчатая тьма, и он просвистел в нескольких сантиметрах от его щеки. Вторая рука направилась прямиком к его боку, стремясь вспороть плоть подаренным им же когтем-наперстком, но он ушел с нечеловеческой скоростью. Я не растерялась и рухнула на пол, сделала подсечку, но он

подпрыгнул и налетел на меня сверху, припечатав за горло к твердой поверхности. Я царапнула его по глазу и оттолкнула, упершись подошвой ботинка в его грудь.

— Так-то, — удовлетворенно заурчал он. — Ты открыла «ящик»!

И с тех пор началась сущая Спарта.

Пак перестал сдерживаться и теперь при неудаче лупил меня, как девочку для битья. Упражнения на блокировку атаки неизменно заканчивались полетом от самого потолка и смачным ударом об пол, сопровождающимся хрустом смятых костей, которые Лис вправлял в ту же минуту и не давал времени на восстановление.

Удивительно, но рукопашный бой понравился мне куда больше. Секира была чертовски тяжелой, и все тело нещадно ныло после простейших заданий; а ведь мы занимались без перерыва! Рукопашная неоспоримо предпочтительнее; сдавленные стоны куда приятнее, нежели вопль от лезвия, впивающегося в плоть.

Однако с одними кулаками на Варвару не пойдешь, поэтому я смиренно терпела.

Позже к нам подключился Аид. Пока мы с ним тренировались, я начала серьезно думать, что либо убью его, либо убьюсь сама. Пес оказался с черным юмором; когда я училась с разбега запрыгивать на него, он специально приседал, так что я перелетала через его спину. Когда Лис заставлял держаться на нем во время бега, он трясся с таким удовольствием, что у меня зубы стучали друг о друга, да еще и подскакивал, вертелся вокруг своей оси, даже катался, чуть не размазывая меня в лужу своим весом, а я в отместку дергала его шерсть, пинала пятками в бока и тянула за уши. Так мы и носились, рыча друг на друга, шипя и хрипло хохоча, то ли нервно, то ли злобно, то ли искренне. Хотя от смеха Аида становилось жутковато — он напоминал клекот стервятника или бульканье крови в глотке.

— Вы определенно быстро подружитесь, — хохотал Лис.

На третий день, ранним утром, когда все проснулись и принялись заниматься вновь, на этот раз со стилетами, с которыми, к счастью, не возникло никаких проблем, раздался телефонный звонок. Трубку поднял Пак и, помрачнев, произнес:

— Пора.

* * *

Изенгрин метался из угла в угол, как раненый зверь. Глаза горели инфернальным светом, от которого конечности покрывались гусиной кожей.

Дверь в гостиную была заперта снаружи, из чего я сделала вывод, что там находится Варвара, от которой меня ограждали. И правильно делали, по сути. Я сильно сомневалась в том, что мы не выцарапаем друг другу глаза при малейшей возможности.

Олениха, Солейль и Гери отсутствовали, и от этого я испытала некоторый дискомфорт, так как понятия не имела, совершил ли Солейль свое злодеяние или только собирается; предотвратить вряд ли бы получилось, зато было бы спокойнее, располагай я большим количеством информации; Змей чинно пил чай на кухне, и никто не обращал внимания на Аида. Кажется, это его оскорбляло.

Будь я на его месте, тоже бы обиделась. Призрачный пес, великая редкость во все времена, красавец, каких поискать! За таким в лесок на прогулку не сходишь и на поводке не приведешь. Однако Волк невозмутимо поставил перед Аидом миску с какой-то жидкой гадостью, потрепал его по загривку и принялся дальше размышлять о своих бедах. Аид посидел перед миской с минуту, а потом, закатив глаза, зубами поднял ее за край, аккуратно, чтобы она не перевернулась, и вылил содержимое в раковину.

Нервозность и волнение достигли пика; сражение не за порогом, но упорно не желало пропадать ощущение, будто нас пригласили в гости дальние родственники. Змей читал газеты и журналы, стопочкой сложенные на подоконнике, пил кружку за кружкой, чередуя чай с кофе и лимонадом, коим были забиты все ящики.

Что ж, зато я узнала, какое любимое лакомство у одного из сильнейших богов.

Лис, отвлекшийся приставкой, не выдержал первым. Отбросил пульт управления, чудом не переломив его пополам, размашистым шагом направился в кухню и, глухо зарычав, ударил ладонями по столу аккурат перед Змеем:

— Ты вызвал нас в качестве шутки?

— Даже если так, — протянул бог, с наслаждением потягивая кофе, — ты трикстер, не тебе возмущаться. Но нет, я вызвал вас не ради этого. Мы отправляемся через двадцать минут. Если Солейль и Олениха к этому моменту не вернутся, мы не будем их ждать. Благо их присутствие на поединке необязательно. Хель, ты знаешь, где они?

Взгляд у него был пронзительный; на секунду я подумала, что он знает о моем видении, в котором Солейль отрубает рога

Оленихе, но потом одернула себя — даже боги мысли не читают — и твердо ответила:

— Нет.

— Хорошо. Пак, вы отправитесь первыми, мы последуем за вами.

— Абсурд, — выплюнул Лис, но в спор не ввязался.

* * *

Машина катилась по дороге ровно, как ветер по облакам, лишь изредка подскакивая на ухабах. Мы пересекли черту города, направляясь к чаще. Серые здания остались позади, и нас поглотила ослепительная снежная белизна с коричневыми проблесками бьющейся за свободу весны. Крючковатые ветви царапали стекла, и это навевало неутешительные мысли — словно руки мертвецов пытаются вытащить из теплого салона и увлечь в их царство…

Интересно, лес поможет Варваре одолеть меня или наоборот? И умеет ли он кого-либо поддерживать? Скорее всего, да, ведь не зря боги выбрали местом сражения именно его. Они олицетворение природы и, возможно, надеются, что она их рассудит, поспособствует верному принятию решения, подаст руку одному из Избирателей. Раз огонь, гром и молнии живы, почему бы и самой матери сырой земле не обладать сознанием?

Пак продирался сквозь бурелом, и периодически создавалось ощущение, что мы не в легковушке, а на самом настоящем тракторе — автомобиль переезжал стволы и пни, если их нельзя было объехать, ломал ветки и не тормозил перед препятствиями. Это навевало мысли о том, что тут не обошлось без магического вмешательства — даже самый умелый водитель не провернет фокусы, какие проворачивал Пак. Наверняка он помогал себе силой или успел попросить Змея или Олениху зачаровать машину.

Аид на заднем сиденье стукался головой о потолок, скрючившись в три погибели — для салона он был чересчур крупным. Лис предложил ему сменить обличье на человеческое, чтобы было удобнее, но он так громко и яростно зарычал, что Пак более голоса не подавал — вел молча, не спуская глаз с дороги.

Я предпочитала думать, что он не Аида испугался, а переживает насчет грядущего.

Он затормозил у раскидистого дуба, повернул ключ, заглушил двигатель и сообщил:

— Прибыли.

Я глубоко вдохнула; это усмирило дрожь лишь на секунду, но этого хватило, чтобы вполне уверенно выбраться наружу и оглядеться.

Поляна походила на начерченный кем-то круг. Деревья, возвышающиеся по ее краям, нависали с неясной угрозой; я всмотрелась в их стволы, стремясь найти глаза, но затея не увенчалась успехом. Видимо, за сотни лет существования они научились как следует маскироваться. Красивое место, овеянное древностью; так и ожидаешь, что деревья раздвинутся и откроют проход в мрачную страну, населенную чудовищами.

По поверьям, в лесах живут феи, эльфы, спригганы, гигантские пауки и прочие монстры, только они не каждому показываются. Любопытно, здесь они водятся? Сыграют ли партию в нашей игре?

Аид толкнулся в дверь, требуя выпустить его — сам он зубами ручку поддеть не сумел.

— Эй, полегче! — тут же возмутился Пак. — Ты мне так все расцарапаешь, а за ремонт платить кто будет! Вон, уже полоски на обивке…

Пес украдкой показал язык и, с удовольствием встряхнувшись, прижался ко мне боком, требовательно склонив голову, дескать, почеши за ухом. Я покорно зарылась пальцами в густую шерсть.

— Нравится? — осведомился Пак.

— Симпатично, — откликнулась я. — Здесь мы будем драться?

— Точно не знаю, но нет, скорее всего. Более вероятно, тут Змей откроет поединок, проведет ритуал, по которому слово Избирателя станет законным и единственно верным лишь из уст выжившего, и потом отправит вас в чащу. Рассчитывай на то, что это будет типичная охота.

— Наверное, стоило взять лук…

— Лук — не единственное, чем можно завалить зверя на охоте. У тебя есть стилеты четырнадцатого века, детка.

— Спасибо, — ухмыльнулась я.

Не успел отзвук моего голоса растаять среди дубов, как вдали послышался рев и треск стволов. На поляну выехал джип с высокой посадкой и мощными шипастыми колесами. За рулем сидел Змей. Происходящее явно доставляло ему неизъяснимое наслаждение. Переднее место также занимал Изенгрин, чья кожа пожелтела, будто газетная бумага, а сзади развалилась Варвара — ее ноги в кожаных сапогах торчали из окна. Как только джип смолк, окончательно замерев, она ловко выскользнула из него и отряхнула чуть помявшееся толстое пальто с мехом по воротнику,

доходящее ей до колен. К ее ремню был пристегнут меч в ножнах, за спиной висели лук и колчан, и, без сомнений, в рукавах ее одежды нашло пристанище множество козырей, обещающих стать причиной моей кончины.

Богине смерти нельзя умирать.

Тело Арлекин с чужой личностью в нем выглядело абсолютно иначе. Та Арлекин была рыжей бестией — глаза сверкали задором, весельем и служили маяками потерянным душам, она излучала свет; ее волосы путались, и если она расчесывала их, ничего не менялось; она улыбалась широко, обнажая зубы, и бурно жестикулировала. Вольный ветер, пропитанный солнцем, в человеческом обличье.

Спутать Варвару в нем с той Арлекин было невозможно. Передо мной стоял другой человек: со спокойными, с едва тлеющей в зрачках ненавистью глазами. Губы Варвары в теле Арлекин не растягивались в чистосердечной улыбке — лишь скалились в ядовитой ухмылке; вокруг нее клубилась ярость, и держалась она куда тверже, упрямее. Каждый шаг сопровождался звяканьем оружия, и она упивалась мелодией грядущей расправы.

— Распрямлять челку было лишним, — прокомментировала я, когда она приблизилась ко мне на расстояние нескольких шагов.

— О, действительно? — хихикнула она, и смена мимики резанула по сознанию. Что-то гадкое осело в области желудка. — А мне нравится. Эта девица не заботилась о своем теле, а я привела его в порядок. Поразительно, но она оказалась по-настоящему выносливой; ее плоть протянет по меньшей мере лет двадцать, а там я разберусь с новым сосудом. Может, я не стану калечить тебя и использую твою тушу. Ты же не против пару десятков лет полежать в холодильной камере? Ох, о чем это я, тебе же будет все равно!

— Не дели шкуру неубитого медведя.

— Что?

— Кто знает, вдруг это твоя шкура окажется в моем распоряжении?

— Ты меч правильно держать не умеешь, у тебя нет шансов.

Я только пожала плечами. Почему-то волнение прошло, как только Варвара захваталась своими способностями.

Двери джипа хлопнули. На Изенгрина было горько смотреть: он едва передвигался и так и норовил свалиться в грязь. Лис нарочито громко поинтересовался:

— А чего это ты такой смурной нынче, Волчик?

Изенгрин перевел на него пустой взгляд, сглотнул и вновь отвел, ничего не сказав. Похоже, от такого поворота событий

опешил даже Лис. Волк зажмурился и отвернулся, трясясь то ли от ярости, то ли от безысходности.

— Олениха умерла, — пояснил вместо него Змей, доставая из багажника свечи и спички.

— Как вы об этом узнали?

— Когда вы уехали, на клумбах обнаружили олений труп; это вызвало панику среди жителей и привлекло наше внимание. Труп принадлежал Оленихе, и у него были спилены рога. Очевидно, кому-то понадобилась ее сила, и он украл ее без остатка.

Изенгрин прошелестел:

— Это Солейль. Только он способен на подобное.

— Да, — согласился Змей. — Однако он находчив, без промедления применил добытую силу, чтобы скрыть свое местоположение. Как только ваш спор решится, мы отомстим. Однако сейчас у нас есть незавершенное дело. Варвара, Хель, Волк, Лис, будьте добры, встаньте друг напротив друга.

Мы подчинились, и Изначальный вручил нам по свече. Все они были одинаково черными, и я задалась вопросом, значат ли цвета что-либо в подобном деле. Это все же не чистая сила, смешавшаяся с генами, а колдовство; по слухам, в нем символика и мелочи — главное, что необходимо учитывать.

Чиркнули спички, затанцевало голубое пламя. Змей склонился к своему огоньку и зашептал — длинные, витиеватые слова. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем свечи вдруг резко вспыхнули, так что жар лизнул лицо, и за считаные секунды принялись растворяться; раскаленный воск капал на землю и норовил задеть руки, поэтому пришлось выронить безобидную вещицу в снег. То же самое сделала Варвара; Лис, Змей и Волк невозмутимо дождались, когда свечи испарятся до конца, и только потом затоптали их, принявшись отдирать с кожи воск.

— Вот и все, — улыбнулся Змей. — Теперь, дамы, пожалуйте в лес; он в вашем распоряжении, время не ограничено. Играйте сколько угодно.

— И все? — удивилась Варвара, поглаживая слабый, но явно чувствительный ожог. — Не будет высокопарных фраз и грома в небе?

— Мы умеем устраивать шоу, — вставил Волк, — но здесь это лишнее. Вы и так на взводе. Делайте, что должны, без церемоний. Мы будем ждать победителя здесь. Не возвращайтесь, пока у одной из вас взгляд не остекленеет.

Я покосилась на Варвару. Она не порывалась идти в лес и прямо, не мигая, смотрела на богов; с каждой секундой выражение ее лица становилось все мрачнее, а затем она взвыла в небо, так что с кустов вспорхнули стайки пугливых пташек, и

выпалила:

— Ладно, так и быть! Как же меня все достало! Эй, ты, — она грубо ткнула в меня пальцем, и я еле проглотила порыв отрубить ей его, — пошевеливайся! Найдем какой-нибудь укромный уголок и там разберемся.

Я бы засунула язык ей в глотку, но было слишком рано, поэтому не стала спорить и зашагала за ней:

— Что, даже по лесу не хочешь меня погонять, валькирия?

— Много мороки, — фыркнула Варвара, откидывая за плечо огненно-рыжую — чужую — прядь.

Я следовала за ней, а она не беспокоилась о том, что я могу всадить ей секиру в спину — не оборачивалась и даже постукивала по стволам, выводя простенькую мелодию. Совершенно не сомневалась в своей победе и не воспринимала меня как противника.

Я вытащила секиру из заплечного мешка еще до того, как мы углубились в чащу. С кем древняя ведьма, по ее мнению, сражается? Я не та, что прежде, с тех пор как она явила мне свой лик. Можно сказать, именно благодаря ей я изменилась. Мне нужен был герой, чтобы победить ее, и я им стала, так что теперь я держу секиру, которая раскроит ей череп, бросаю ей вызов и верю в победу. Не кто-то другой. Будь я прежней, плакала бы и умоляла пощадить, отдала победу Волку, лишь бы меня не трогали, но нет — я готова к схватке не на жизнь, а на смерть. К моей схватке, потому что богиня смерти здесь я, пусть еще не совсем овладевшая искусством тьмы и даже не видевшая собственного царства.

— Можно вопрос? — спросила я, чувствуя, как секира наливается приятной тяжестью.

— О, раз ты так вежливо поинтересовалась, то конечно.

— Зачем ты тогда мне показала сцену своего знакомства с Волком?

Ее плечи напряглись.

— Надеялась перетянуть тебя на нашу сторону. Дать понять, что Волк совершает поступки из добрых побуждений или, по меньшей мере, руководствуясь совестью. Тебе стоило догадаться, что Лис приведет к погибели; даже если ты победишь — в чем лично я очень сомневаюсь, — он избавится от тебя. Он руководствуется личной выгодой и не приемлет «мертвый груз», который не приносит пользы. Ты таким грузом станешь, мало того, со временем начнешь представлять угрозу, если решишь копить силу и делать из себя идола, которому люди бы поклонялись. Тогда он тут же отправит тебя к праотцам, и не факт, что дорога в царство мертвых не будет перекрыта. Он может

устроить незабываемую вечную прогулку между мирами в кромешной темноте. Ты не представляешь, как это долго — вечность. Самое страшное — себя не убить и не уснуть… жаль, что ты до этого так и не додумалась. Теперь уже поздно что-либо менять.

— Пожалуй.

Лис есть лис: недаром в сказках представители этой породы либо трусы, либо трикстеры. Пак — плут, хитрец. Я не идиотка, понимаю, что придется с ним столкнуться, и битва эта будет серьезнее, чем с Варварой…

Если я выиграю сейчас, конечно. Может статься, я действительно обрету дом в царстве мертвых, позорно проиграв.

«Богиня смерти не должна умирать».

Варвара отклонилась от секиры так, словно знала, что я ударю — за мгновение до того, как лезвие вспороло воздух ровно там, где она стояла. Полы ее пальто хлопнули, как вороньи крылья, меч прошел в сантиметре от моего уха — не успей я отшатнуться, лишилась бы глаза и, вероятно, жизни.

— Типично лисьи уловки, — выплюнула Варвара. — Честно биться ты не способна?

— Зачем мне честно биться со стервой, изводящей меня видениями и пытающейся мною манипулировать?

— Туше.

Без промедления она подняла меч над головой и со всей силы опустила, стремясь раскроить мне череп; я мысленно от чистого сердца поблагодарила Лиса за то, что он настоял на тренировках и двое суток доводил меня до изнеможения. Он был прав — без них я бы не выстояла и минуты, пав от первого же удара. А сейчас могла дать отпор.

Я отскочила за мгновение до того, как лезвие подняло в воздух кучу грязи и снега, врезавшись в землю. Кувырком, не сумев удержать равновесие, откатилась в сторону и замахнулась — план был вонзить лезвие аккурат в позвоночник древней, но та ловко извернулась и поставила блок. Сталь со звоном столкнулась со сталью.

Слава богам, древко моей секиры было металлическим, а не деревянным. Варвара не жалела сил и полностью вкладывалась в сражение; дерево разлетелось бы на щепки в самый неподходящий момент, металл же был более устойчивым.

Я не заметила, как она уперлась мне в живот и оттолкнула, так что я врезалась спиной в ствол. Кора больно кольнула, но под кожу не проникла — помешал кожаный доспех под толстовкой.

— Признаю, — хохотнула Варвара, поднимаясь, — в тебе скрыто много сюрпризов. Но я быстро с тобой расправлюсь, так

что не зазнавайся.

И, издав боевой клич, она выставила меч вперед с намерением проткнуть меня насквозь и пригвоздить к дереву, но ее затея успехом не увенчалась — я вновь отскочила.

— Парируй, лисица! — взревела она. — Сражайся, а не беги!

— Не качай права, волчица, — в тон отозвалась я. — Не ты здесь устанавливаешь правила.

И металл зазвенел, поднимаясь к небесам птичьими трелями. Сплошная череда атак, ударов, выпадов, так что в ушах не стояло ничего, кроме надрывного смеха Варвары и мелодичной вибрации от требующей крови стали. Ведьма двигалась точно, гармонично, и все чаще я начинала думать, что рано или поздно не выдержу. Она была куда выносливее и испытывала неподдельные эмоции — каждый раз, пересекаясь с ней взглядами, я видела, как в ее зрачках пляшет пламя ненависти и презрения. Она всей душой желала уничтожить меня, стереть, отомстить за то, что я так позорно вытолкнула ее из своего тела. Она видела во мне слабую безвольную девочку, которая только рада будет умереть, но ошиблась.

Я сама себя такой считала. Какое счастье, что это оказалось неправдой.

Мышцы отяжелели, ноги дрожали, дыхание сбивалось, из множественных ран сочилась кровь, и меня спасало лишь то, что и Варвара порядочно вымоталась. Ее клинок покрылся царапинами, от моей секиры почти отвалилось лезвие, по вискам тек пот. Деревья в радиусе километра испещрили борозды, из которых жалобно текла смола.

— Ты бы поуважительнее относилась к природе, — попросила я, балансируя на шатающемся бревне. — Деревьям больно.

— Лучше бы о своей шкуре заботилась, а не об их коре! — раздраженно сплюнула древняя, откидывая меч в кусты. — Надоело!

Я смачно выругалась и рыбкой нырнула к земле; как раз вовремя — стрела вонзилась в березу над головой, срезав прядь не успевших спастись волос.

Варвара извлекала стрелы из колчана с космической скоростью, и от них приходилось носиться, как от пуль. Секира оказалась бесполезна; я оставила ее под корнями дуба, чтобы не мешалась, и выудила из рукавов стилеты. Кости, не единожды хлебавшие крови и изголодавшиеся по ней за время, что находились в коллекции Пака, требовали нового глотка, и я не заставила их ждать.

Один почти попал в цель, но Варвара ушла с траектории, и тот исчез в листве.

Однако это не являлось проблемой насущной. Гораздо страшнее было то, что древняя натянула тетиву, и ее стрела уже почти достигла меня. Я не могла успеть уклониться и уж тем более перехватить ее; она неизбежно должна была ранить меня.

Лучше бы она плела иллюзии, а не «билась по чести, как положено волку»!

Допускать проигрыш было нельзя. Категорически запрещено. В сущности, мне не было дела ни до Лиса, ни до Волка. Итог один. Меня волновала собственная жизнь, которую я совершенно не хотела терять. И ради себя я и ввязалась в эту схватку. И что, теперь отправляться в царство мертвых из-за несчастной стрелы? Плевать, что она попадет в живот. Велика вероятность умереть от потери крови, может быть пронзен желудок. Но ничего, вряд ли это будет иметь последствия, как у всех людей; я же богиня, у меня есть регенерация! Значит, отставить сопли и использовать это. Варвара хоть и провела на этом свете тысячи лет, так и не отделалась от привычки выпендриваться; это и было ее самое слабое место.

Стрела вспорола плоть у солнечного сплетения, и я скорчилась от боли. Стилет театрально выпал из рук, по пальцам потекла обжигающая алая жидкость, и я, шокированно уставившись на нее, осела сначала на колени, а потом откинулась назад. Холод снегом укутал плечи и затылок. Боль пульсировала, внутри что-то шевелилось. Сознание поплыло, но я мощной ментальной пощечиной вернула его куда положено. Сначала нужно убить Варвару и доползти до поляны, где ждут боги.

Я не погибну.

Древняя расхохоталась и медленно, мучительно медленно, хрустя ветками, приблизилась ко мне. Она по-прежнему держала лук, но явно не собиралась его применять — поверила, что я умерла. Благо у меня всегда хорошо получалось строить остекленевшие глаза; в детстве в деревне, когда я еще контактировала с тамошними сверстниками, меня часто принимали за мертвую во время игр.

Варвара села на корточки и провела по моей щеке:

— Глупая. Говорила же, что о победе тебе лучше и не помышлять. Хотя, признаться, мне даже немного жаль; ты была хорошим противником. Вряд ли я тебя забуду.

Тяжело вздохнув, она отложила лук и наклонилась, чтобы поцеловать меня в лоб. Тогда я схватила стилет и без промедления вонзила его ей под подбородок. Она всхлипнула, дернулась, потянулась к ране; в ее глазах отразилось такое удивление, что я чуть не рассмеялась. Кровь залила рукава до локтя; древняя, в последний раз втянув воздух в легкие, рухнула,

бездыханная.

Однако терять бдительность было рано. Как ни крути, она являлась Избирательницей. Поэтому я, упорно не позволяя сознанию погрузиться во тьму, вынула стилет из ее челюсти и выколола ей оба глаза, так, чтобы задело мозг, и, превозмогая жуткую боль, отрубила ей голову секирой. Все ее тело я бы на себе точно не дотащила, а голова могла послужить весомым доказательством. Намотав рыжие волосы на кулак, опираясь о стволы, я поползла к поляне, надеясь, что не рухну на полпути.

Смерть была близко как никогда. Однако не терять надежду — один из величайших человеческих талантов.

Финал

В лесу тропинки спутаны; следуя одной, не факт, что окажешься там, где ожидал. Лешие меняют их местами, завязывают в узлы, из-за которых путники петляют и зачастую либо умирают, либо дичают и превращаются в чудовищ. Здешний лес не был дремучим, в нем не водились опасные животные, но деревья росли беспорядочно, а лешие сводили счеты с людьми. Подозреваю, из-за того, что я так или иначе принадлежала к человеческому виду, пусть и отдалилась от него, они и подстроили мне ловушку — хорошенько поводили за нос, прежде чем выпустить. Все бы ничего, я была бы не прочь погулять и подышать свежим воздухом, пропитанным запахом опавшей хвои, снега и промерзлой земли, ощутить живительное покалывание во внутренних органах, но у меня из живота торчала стрела, я едва держалась на ногах и мечтала только о том, как бы закрыть глаза и уснуть.

Умирать не хотелось отчаянно.

Я ковыляла вперед, не сводя взгляда с острых мысков ботинок и прилипшей к краям тропинки травы, выглянувшей из-под слоя осевших сугробов. Мы совершенно точно шли по ней с Варварой, но теперь она казалась куда более узкой и мрачной; почему-то я не сомневалась, что она приведет меня не на поляну к Изначальным, а в воронку тьмы. Меня начинал бить озноб; дурное предчувствие гвоздем вбивалось меж лопаток, и от боли слезы струились по щекам, щекотными каплями собирались в уголках губ.

Я боялась вытаскивать стрелу. Регенерация, пусть и набирала обороты с каждыми сутками, еще не достигла пика — работала со сбоями и зачастую протекала весьма болезненно. Будь я уверена в том, что рана затянется, выдернула бы ее еще там, рядом с мертвым телом Арлекин, в котором теперь никто не обитал; однако уверенности не было, и раз за разом вставала картина — древко и наконечник выходят из плоти, кровь хлещет, насквозь пропитывает толстовку. Возможно, мне было суждено отправиться на тот свет и так, но лучше отсрочить этот момент и хотя бы чем-то оказаться полезной в этом мире — дотерпеть до встречи с богами — возможно, финальной — и рассудить их. Ведь это и есть моя обязанность. Предназначение.

Во рту стоял металлический привкус крови, и это не могло быть хорошим знаком. Голова Арлекин — Варвары — оттягивала руку.

Привалиться бы к березе и уснуть… Туман затянул обзор и

укутал во влажный промозглый кокон.

Когда-то в деревне бабушка поясняла, как уговорить лешего выпустить заблудившегося из леса. Нужно было снять одежду, надеть ее задом наперед и произнести заклинание. Я этого сделать, увы, не могла — толстовку через стрелу не снимешь. Поэтому в полубреду я что-то прошептала, точнее, проскулила. Чудо, но помогло — через вечность чуть короче, чем та, что вилась за спиной, впереди показался просвет с мелькавшими в нем фигурами. Я даже различила голоса, настолько далекие, что походили на шелест ветра.

Увы, второе дыхание это мне не открыло.

Голова Варвары стукалась о ноги, но я донесла ее до поляны — оперлась о ель в первом ряду, чтобы не упасть, и метнула на землю по направлению к богам, так и стоящим в кругу над остатками уничтоженных свеч. При этом я произвела слишком много усилий; если бы Аид, тенью возникший рядом словно из ниоткуда, не подставил спину, за которую я схватилась, я упала бы и больше не поднялась.

Грудное урчание призрачного пса слилось в сплошной гул, и я не различала его эмоции, поэтому предпочитала думать, что он так высказывает радость от моего возвращения. Сколько мы были знакомы? Кажется, чуть больше или чуть меньше трех дней. Такие псы недоверчивы, говорил Пак, но хотелось думать, что мы стали друзьями — ведь он так похож на меня.

Изо рта почти вырвался вопрос: «Ты меня не бросишь, Аид?» — но я затолкала его в горло. Не факт, что я вообще выкарабкаюсь — может, умру от потери крови. Будет печально; Арлекин не похоронила, силы не развила, Морене не доказала, что ее сердце перешло ко мне не зря…

Изначальные разом обернулись и внимательно рассмотрели отрубленную голову. Я опустила Варваре веки, но рот ее был открыт в предсмертном беззвучном вопле, а подбородок и оставшуюся часть шеи толстым слоем покрывала кровяная корка.

Аид медленно лег, чтобы я села на колени и, скуля, уткнулся носом мне в затылок, с волнением глядя на стрелу, из-под которой не переставая, пусть и не ручьем, вытекала алая жидкость.

Волк пошатнулся; не будь он уже бледен, как простыня, побелел бы еще сильнее. Зрачки его расширились, пальцы задрожали. Наверное, он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Лис, наблюдающий за ним, широко, торжествующе улыбнулся, однако не засмеялся.

— Что ж, — хлопнул в ладоши он с чутким выражением лица домохозяйки, встречающей гостей, — пора и ритуал провести,

пока наша Хель еще жива.

— Пожалуй, — согласился Змей и из внутреннего кармана достал нож, а из багажника — крупный кубок. Дунув на него, якобы чтобы стряхнуть пыль, он сел напротив меня и проворковал: — Придется потерпеть. Дай руку.

— Резать будете? — вяло усмехнулась я. — Можете набрать из живота, вылилось вполне достаточно.

— Небольшой надрез на ладони погоды уже не сделает. Давай.

Я покорно протянула ему левую руку:

— Вы же вылечите меня? Я не планировала умирать. Слишком много дел.

— Конечно, — похлопал меня по плечу Змей. Осознание вдарило по затылку не хуже обуха: никто меня не вылечит. Я выполнила свою задачу и теперь подлежу устранению. У них будет качественное, годное оправдание: нужно было закончить обряд, мы просто не успели.

Ледяное лезвие с зазубринами вспороло кожу. Изначальный подставил кубок под струю крови, и тот быстро наполнился до краев. На холоде от содержимого шел пар; ноздри защекотал запах соли. И как я могла надеяться на то, что для меня все закончится благополучно? Смерть — естественный исход, к которому нужно было готовиться. Из двоих Избирателей выжить мог только один — Варвара, потому что ее считал сестрой Изенгрин и не позволил бы от нее избавиться. Я для них никто, лишняя морока и существо, в необозримом будущем способное доставить лишь проблемы, — Лис крутил мной в своих интересах, он не встанет на мою защиту.

Возможно, даже сам поспособствует скорейшему выведению меня из строя.

— Постарайся пока не отключаться, продержись еще буквально минуту, — попросил Змей; я кивнула.

Рот пересох, язык распух, и я мало представляла, как буду произносить то, что потребуется. Такой момент ведь — его тысячелетиями ждали.

Он по очереди подошел к Лису и Волку, дав испить из кубка. Тот был осушен до дна; тогда Змей поставил его в центр поляны, а сам занял позицию между противоборствующими сторонами.

— Итак, — пропел он, — вот и настал день, о котором мы грезили со времен, уже забытых человечеством. Избиратель исполнил свою миссию, и отныне мы разрываем паутину конфликтов. Избиратель, наша юная Хель, право выбора принадлежит тебе; кого ты нарекаешь победителем?

Если я внезапно назову Волка, мне сохранят жизнь? Волк

великодушнее Лиса, которому сейчас до меня нет дела — пыжится, едва не светится и не думает о том, что я погибаю. Так и хочется обломать… однако не зря же я сражалась с Варварой.

— Я нарекаю победителем, — кашель надрывный и тупой, предвещающий кончину, — Лиса.

— Выбираешь ли ты от сердца или по чужой воле?

— От сердца.

— Волк, принимаешь ли ты решение Избирателя?

Изенгрин прошептал:

— Принимаю.

Лис склонил голову к плечу и насмешливо поинтересовался:

— Даже сопротивляться не будешь? Все своей честностью кичишься?

— Я не предатель и не безумец, в отличие от тебя. Мы установили правила, они были соблюдены; у меня нет права юлить. К тому же теперь нет смысла обладать силой — защищать больше некого. Варвара и Олениха мертвы; зачем мне гром и молнии?

— Ах, как горестно, — хихикнул Пак.

— Лис, — прервал его Змей. — Принимаешь ли ты решение Избирателя?

Пак долго и пристально смотрел на Волка, а потом с нескрываемым удовольствием протянул:

— Во имя собственного тщеславия и падения злейшего врага принимаю.

Земля содрогнулась, в ее глубинах что-то треснуло. Аид зарычал и резко затащил меня себе на спину, сомкнув смертоносные клыки на капюшоне толстовки, подскочил и, зацепившись когтями за кору ближайшего дуба, забрался на самую высокую и прочную ветвь. Меня затошнило от высоты; стоило бы уткнуться лицом в его шерсть, но я не в силах была оторвать взгляд от происходящего внизу, на поляне, с которой он так молниеносно сбежал. Спрашивать почему я не собиралась — во-первых, доверяла его чутью и не позволяла и капле сомнений затаиться в душе, верила, что так надо, во-вторых, он бы не ответил.

Волк, хватаясь за сердце, катался по снегу, истошно вопя. Вены отчетливо проступали через истончающуюся кожу и стремительно чернели, глаза впадали в череп, от одежды валил дым. Во все направления от него почва шла глубокими трещинами, которых будто рвало то водой, то лавой. Лис оглушительно хохотал, а Змей стоял, поджав губы, — они были неприкосновенны. А там, где мы с Аидом находились меньше минуты назад, зияла огненная дыра.

— Спасибо, — прохрипела я, проводя по его ушам. Аид что-то одобрительно прогудел.

Лис смеялся так громко, что его голос казался вездесущим.

— Безумно приятно смотреть, как ты теряешь все, что у тебя было, Волк! Любимую, сестру, могущество — и еще более приятно, что это произошло моими стараниями! Что ты собираешься делать дальше, дорогой мой друг? Смотри, ты состарился. Предлагаю облачиться в лохмотья и просить подаяния у церквей. Ты же был богом, так покажись людям. Лучше бы ты поборолся, Волк, — изменения неотвратимы, у нас договор с Матерью-Землей; она не вернет тебе то, что ты добровольно отдал. Честность, Волк, все беды от честности! Что она тебе дала в конечном итоге? Ты еще пожалеешь и сполна отплатишь за то, что сделал со мной. Это послужит тебе достойным уроком. Если вдруг захочешь покончить с жизнью, не обращайся ко мне — я не дам тебе такую поблажку.

Едва он окончил, Волк выдохнул, а земля перестала трястись.

На красивого когда-то бога было больно смотреть — не больнее, впрочем, чем терпеть стрелу в животе. Его волосы поседели, кожа собралась гармошкой глубоких морщин, мускулы обвисли и одрябли.

— Картина маслом, — прокомментировал вдруг кто-то.

Все тут же устремили взор на край поляны. Там стоял, облокотившись о куст, Солейль.

— Знал, что ты победишь, Лис, — поклонился он Паку. — Можно я пну этого ублюдка? — Он кивнул на едва дышащего Изенгрина.

— Пожалуйста. — Пак сделал пригласительный жест, и Солейль подскочил к другу, который другом никогда не был, и со всей силы ударил его ногой под ребра. Волк закашлялся, но даже не воспротивился и не попытался защититься. Из-за его покорности стало горько — он же бог, пусть и бывший, у него должно быть хоть какое-то чувство собственного достоинства!

— Красота, — облегченно выдохнул Солейль. — С детства об этом мечтал. Спасибо. Что же, Лис, — он обернулся к Паку, настороженно контролирующему каждое его движение; похоже, это его позабавило, но язвить он не стал, — считаю, я обязан предложить свои услуги и поклясться в преданности. Для меня будет честью служить столь великому богу.

Лис прищурился:

— Какой мне от тебя прок? Ты предал Волка, что помешает тебе предать и меня?

— Ты сам предатель по натуре. Предают, желая переметнуться на сторону сильнейшего. Никого сильнее тебя нет,

значит, я тебя не покину. В любом случае, если я провинюсь, можешь делать со мной что заблагорассудится. Не веришь?

— Нет.

— Тогда позволь показать.

Солейль поднял руки вверх ладонями, дескать, никакого оружия, никакой угрозы, закатал рукава и продемонстрировал внутренние карманы куртки. Лис колебался, но все-таки кивнул, позволяя к себе прикоснуться, — видимо, решил, что Солейль ему серьезного вреда не причинит. Я ожидала, что Солейль дотронется до его плеча или запястья, но вместо этого он порывисто прижался к нему, заключив в объятия.

У Лиса заняло несколько секунд понять, что что-то не так; он почувствовал капкан, но слишком поздно. Это была непростительная глупость, грубая ошибка; легкая уловка — и он, тысячелетний бог, попался, как дитя! Он обязан был просчитать все ходы, оградить себя, но повелся на безобидный вид мальчишки — какая глупость, как непохоже на древнее существо! — зная при этом, что он далеко не тот, кем предстает при первой встрече.

— Черт! — Пак рванулся, но Солейль, хотя и с трудом, удержал его.

— Это тебе за Арлекин, урод! — проревел Гери, вывалившийся из чащи с оленьими рогами наперевес.

Рога переливались и блестели, и даже кровь проткнутых насквозь Солейля и Пака не затмила их сияния. Напротив, оказавшись в плоти бога и сына богини, они разгорелись еще ярче — точь-в-точь звезда, мерцающая в ночном небе.

— Нет! — истерично завопил Пак. — Нет! Змей, помоги! Змей!

— Прости, — Изначальный, опершись на трость, присел на валун, — не хочу нарушать план. Солейль так трепетно его разрабатывал.

— Ублюдок! Предатель!

— Да, дорогой, все так и есть, — хмыкнул Солейль. — Не ломайся, отдай силу мне.

Ослепительный свет, поглотивший богов, резанул по сетчатке. Я поспешно зажмурилась, не желая терять зрение, и, едва веки сомкнулись, провалилась в небытие.

* * *

Вливалась обратно в реальность я размеренно, постепенно. Сначала пришли запахи — медицинских принадлежностей и

лекарств, — потом звуки (шепот и тихое поскуливание), следом тактильные ощущения (мокрый нос, тычущийся в пальцы, жесткая ткань одеяла и высокая подушка, упирающаяся в ямку между черепной коробкой и шеей) и только в конце — зрение.

Свинцовые веки открылись сами, но тут же сомкнулись вновь — лампы горели слишком ярко. Однако я успела заметить, что потолок не белоснежный — значит, я не в больнице. Странно, учитывая, что мне совершенно точно делали операцию — я чувствовала, как извлекали наконечник, прикладывали бинты, вкалывали обезболивающее.

Когда глаза попривыкли к свету, я заворочалась, пытаясь определить, где оказалась. Кости ныли, в затылке билась пульсирующая боль, да и живот мерзко тянуло, но по сравнению с пережитым это были мелочи. Персиковые стены, почти полное отсутствие мебели — по углам было расставлено исключительно то, без чего нельзя было обойтись, — фигурки на невысокой полке; уютно и тепло.

Правда, то, что кровать, на которой я лежала, широкая, с кучей толстых пледов и покрывал подо мной и на мне, — располагалась напротив двери, несколько насмешило и напугало одновременно; ногами вперед меня готовились выносить, что ли?

— Э-э-эй? — просипела я. — Есть кто?

Не прошло и полминуты, как дверь жалобно треснула — Аид толкнул ее передними лапами и ураганом влетел в комнату. Я выругалась не менее тоскливо, чем дверь, прежде чем огромный пес плюхнулся на кровать и принялся с остервенением вылизывать мое лицо.

До сегодняшнего дня на меня так реагировала только одна собака — в деревне, соседская дворняжка, которой я по какой-то причине очень нравилась. Я шла домой из магазина, куда меня послала бабушка, чтобы купить хлеба и яиц, когда она выскочила из-за забора, повалила меня наземь и стала проходиться своим шершавым языком по щекам. С тех пор я ее подкармливала, а она взамен приносила мне дохлых птиц. Не знаю, жива ли она еще — много лет прошло…

— Сколько эмоций, — пробубнила я, тщетно пытаясь оттащить Аида за уши. Он потуги ехидно игнорировал. — А ну отстань! Отстань, говорю! Ты рад, конечно, но это не повод меня пачкать! Лучше скажи, где мы.

— Вряд ли он ответит. Как выяснилось, он молчалив до абсурда; только попросил тебя вылечить, и больше ни слова. А так, вы в квартире Оленихи. Точнее, уже моей.

Аид напрягся и загородил меня своей тушей, так что из-за его шеи я разглядела только белые кудри.

— Солейль. Что ты сделал с Паком?

— Забрал его силу, так что теперь можешь звать меня Лисом. Вряд ли тебе любопытно, каким образом я занял место Изначального бога и как выдержал, но в качестве ознакомления поясню, что мне помогли рога Оленихи, послужившие проводником, и ее кровь в моих жилах, которая закалила мое тело и подготовила к принятию силы. Мстить будешь?

— Нет, — без запинки ответила я, нажимая на спину Аида, чтобы он пригнулся и дал мне нормально поговорить с Солейлем. Пес подчинился. — Он использовал меня, я получила от него все, что хотела, так что не за кого мстить. В некоторой степени я даже благодарна. Если бы он остался в живых, умерла бы я.

— О, да. Я могу сесть рядом?

— Конечно. Это ты меня вылечил?

Солейль пристроился на краю кровати, опасливо косясь на Аида, обнажившего клыки.

— Да. Полагаю, если бы я этого не сделал, твой друг загрыз бы меня. К счастью, наконечник засел неглубоко и не задел внутренних органов — тебе чертовски повезло.

— И как ты его вытащил? Ты же не хирург.

— Не хирург, но в больнице провел половину жизни и кое-чему успел научиться. Так что ты счастливчик, Хель. Отдохнешь пару дней и сможешь вновь вернуться к обычной жизни. Для тебя все закончилось, ты вольна делать что хочешь.

— И ты не будешь применять меня как средство достижения цели? Ты же теперь что-то вроде Изначального, не захочешь подчинить себе более слабую богиню?

Солейль хмыкнул:

— Ты параноик. Я не Изначальный, слава всему сущему, и не собираюсь им становиться. Я новый бог, котенок. Змей обучит меня всему, так что я достигну ступени, на которой сейчас стоят Изначальные, или даже заберусь выше и займусь реформами.

— Наполеоновские планы, если прикинуть масштаб власти тех, против кого ты планируешь сражаться.

— Поэтому у меня к тебе есть предложение. Присоединяйся, ты будешь полезна. Змей и тебя может поднатаскать в управлении способностями, так что ты быстро проникнешь в царство мертвых, наведешь там порядок и соберешь целую армию. Нагльфар освободится.

Он с ожиданием уставился на меня; я отрицательно покачала головой. Усталость наваливалась камнями с древнеегипетских пирамид, и единственное, к чему стремилась душа, — к одеялу и солнцу из окна. Холод пронзал все тело до кончиков нервов, и я нуждалась в тепле. Не в том жаре, что охватывает в битве, а в

покое. Когда сидишь у камина с книгой, кошкой на коленях и горячим чаем на подносе.

Я могла допустить, что рано или поздно мне потребуется срочно взять меч и пуститься разить врагов, но это должно было случиться очень не скоро. Пусть я и вошла в ранг богини смерти, по-прежнему являлась семнадцатилетним подростком, для которого спор Лиса и Волка обернулся сокрушительным ударом. Этот подросток должен был еще пожить — сдать экзамены, поступить в университет. Человеческий срок короток, всего-то семь десятков лет; у меня после него будут тысячелетия. Почему бы не отложить сражения и боль?

— Я утомилась, — призналась я. — Ты жил с ними с детства, меня же словно утопили в ледяном пруду и воскресили. Дай мне посмотреть, что такое обычная человеческая жизнь, и потом, не знаю когда, я помогу, чем смогу. Я не забуду о том, что у меня божественное сердце. Ради Морены — не забуду. Начну тренировки, рано или поздно проберусь в свои владения и сяду там на трон. Но не сейчас. Не сразу после… этого.

Удивительно, но Солейль не стал уговаривать или смеяться. Сочувственно улыбнулся и мягко произнес:

— Понимаю. Я не имею права затягивать тебя в это. Мы со Змеем уходим на век или чуть дольше. Квартира в твоем распоряжении, документально оформлена на тебя; можешь даже не возвращаться к родителям — если ты не переступишь порог своего дома в течение еще десяти дней, память о тебе сотрется у всех, кто когда-либо тебя видел. Когда-нибудь я тебя найду и еще раз предложу присоединиться, будь к этому готова. А пока — счастливой жизни. Надеюсь, она тебе понравится. Договорились?

Он протянул руку, и я, хохотнув, пожала ее:

— Никогда бы не подумала, что буду заключать сделки с тобой в столь оптимистичном тоне, белобрысый.

— Взаимно, — вторил Солейль. — Что ж, мне пора, Змей ждет. Еще свидимся.

Лучи заплясали на его коже, и он вспыхнул, как свечи, которые мы держали во время ритуала на поляне. Человеческие очертания смазались; его место заняла огромная лисица.

Истинное обличье Солейля отличалось от первичной ипостаси Пака — Пак был рыжим, с красными всполохами, Солейль же напоминал солнце, такой же золотой, с серебряными искрами. Махнув пушистым хвостом на прощанье, он выскользнул на балкон и оттуда устремился в небо, слившись с его весенней голубизной и облаками. Где-то на горизонте свернулась в кольцо гигантская змея. Вскоре исчезла и она.

Тогда я крепко обняла Аида и от души расплакалась, как не

плакала еще никогда.

Даже не выглядывая наружу, можно было сказать, что снег полностью растаял, уступив дорогу весне.